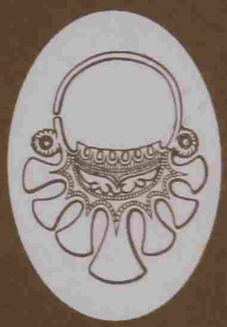
ISSN 0869-6063

Номер 2

Апрель - Май - Июнь
2004

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



http://www.maik.ru

"НАУКА"

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 2004

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор
Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.А. Макаров, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин,
М.Г. Мошкова, Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин,
В.В. Седов, А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке,
А.В. Чернецов, Е.Н. Черных (зам. главного редактора),
Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Издательство "Наука"
Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"

© Российская академия наук, 2004 г.
© Редколлегия журнала "Российская археология" (составитель), 2004 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2, 2004

Ранний неолит Европейского Северо-Востока
Волокитин А. В., Карманов В. Н. 5

Радиоуглеродная хронология катакомбной культурно-исторической общности (средний бронзовый век)
Черных Е. Н., Орловская Л. Б. 15

Состязания на древнегреческих праздниках в Северном Причерноморье
Скржинская М. В. 30

О защите Херсонесского государства союзным римским военным контингентом
Сарновски Т., Ковалевская Л. А. 40

О ранних кулайских памятниках Верхнего Приобья
Ширин Ю. В. 51

Большой Ипатовский курган глазами почвоведа
Александровский А. Л., Хохлова О. С., Седов С. Н. 61

Дискуссии

Смешение традиций или традиция смешения? (Часть вторая)
Сорокин А. Н. 71

Возникновение древнейшей керамики в Восточной Азии (геоархеологический аспект)
Кузьмин Я. В. 79

Предметная изобразительная деятельность древнего человека: ее природа и содержание
Цетлин Ю. Б. 87

Фактологическая основа археологического исследования (на примере верхневолжской ранненеолитической культуры)
Смирнов А. С. 96

Найдено на аукционе "Christie". Роль эксперта в торговле древностями
Флёров В. С. 115

Публикации

Ранние кубковидные сосуды эпохи бронзы в Поволжье и на Урале
Мочалов О. Д. 123

Из истории фибул Северо-Восточного Кавказа (Чечня и Дагестан)
Багаев М. Х. 136

Парадное конское оголовье из средневекового курганного погребения в Северо-Восточном Причерноморье
Армарчук Е. А., Дмитриев А. В., Конькова Л. В. 148

Два предмета-украшения конского убора XI–XIII вв. из Северо-Восточного Причерноморья (особенности декора)
Король Г. Г. 157

Заметки

Мамонт в мифах, этнографии и археологии Северной Евразии
Сериков Ю. Б., Серикова А. Ю. 168

История науки

Роль Н.Н. Воронина в защите памятников культуры России
Формозов А. А. 173

Критика и библиография

А.Ф. Горелик. "Памятники Рогаликско-Передельского района. Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины". Киев–Луганск, 2001
Григорьев Г. П. 181

Хроника

Международная научная конференция "Степи Евразии в древности и средневековье"
Боковенко Н. А., Пшеницына М. Н. 183

Пятый Международный конгресс "Archaeological Prospection" (Краков, 2003)
Коробов Д. С. 188

7-е Европейское совещание по древней керамике (Лиссабон, 2003)
Цетлин Ю. Б. 191

Сдано в набор 12.01.2004 г. Подписано к печати 12.03.2004 г. Формат бумаги 60 × 88 1/8
Офсетная печать Усл. печ. л. 24.0 Усл. кр.-отт. 24.5 тыс. Уч.-изд. л. 25.5 Бум. л. 12.0
Тираж 1001 экз. Зак. 8201

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Адрес издателя: 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 2, 2004

The Early Neolithic of the North-Eastern Europe
Volokitin A. V., Karmanov V. N. 5

The Radiocarbon chronology of the Catacomb community
Chernykh E. N., Orlovskaya L. B. 15

Competitions at the ancient Greek festivities in the North Pontic area
Skrzhinskaya M. V. 30

On the defence of Tauric Chersonesos by the Roman allies
Sarnovski T., Kovalevskaya L. A. 40

On early Kulay sites in the Upper Ob' basin
Shirin Yu. V. 51

Bolshoy Ipatovsky kurgan as considered by the specialists in soil science
Aleksandrovsky A. L., Khokhlova O. S., Sedov S. N. 61

Discussions

Mixture of traditions on the tradition of mixing? (Part II)
Sorokin A. N. 71

The emergence of pottery in East Asia (Geoarchaeological aspect)
Kuz'min Ya. V. 79

Object figurative activity of early man: Nature and matter
Tsetlin Yu. B. 87

Factological reliability of archaeological investigation
(The example of the Upper Volga Neolithic culture)
Smirnov A. S. 96

Found at the "Christie's" auction. The role of expert in antiquities market
Flerov V. S. 115

Publications

The Early beaker-shaped Bronze Age vessels in the Volga and the Urals region
Mochalov O. D. 123

On the history of brooches in North-Eastern Caucasus (Chechnya and Daghestan)
Bagaev M. Kh. 136

Ceremonial horse chamfrein from medieval kurgan burial in North-Eastern Pontic zone
Armarchuk E. A., Dmitriev A. V., Kon'kova L. V. 148

Two objects from the North-Eastern Pontic zone – the details of horse harness dated to the 11th – 13th cc.
(specific features of decoration)
Korol' G. G. 157

Notes

Mammoth in myths, ethnography, and archaeology of North Eurasia
Serikov Yu. B., Serikova A. Yu. 168

History of science

The role of N. N. Voronin in protection of cultural heritage in Rissia
Formozov A. A. 173

Critics and bibliography

A.F. Gorelik. The sites of Rogalik-Peredelskoe region. The problems of the final Palaeolithic of South-Eastern Ukraine. Kiev–Lugansk, 2001
Grigor'ev G. P. 181

Chronicle

The International scientifie conference "The steppes of Eurasia in antiquity and Middle Ages"
Bokovenko N. A., Pshenitsyna M. N. 183

The Fifth International Congress "Archaeological Prospection". Kraków, 2003
Korobov D. S. 188

VII European Meeting on ancient pottery. Lissabon, 2003
Tsetlin Yu. B. 191

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 2, с. 5–14

РАННИЙ НЕОЛИТ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА

© 2004 г. А. В. Волокитин, В. Н. Карманов

Институт языка литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

Европейский Северо-Восток в административном отношении включает территорию Республики Коми, восточную часть Архангельской области и Ненецкий автономный округ. История исследования раннего неолита этого региона начинается с открытия В.Е. Лузгиным стоянки Черноборская Ш на р. Ижме (бассейн р. Печоры) и определения своеобразия этого памятника (Лузгин, 1972. С. 27–40). Большое значение имело также открытие Э.С. Логиновой стоянки Эньты I (ранний комплекс) на средней Вычегде (Логинова, 1978). Всего же к настоящему времени известно 37 памятников этого периода (рис. 1). Следует отметить, что на части из них ранненеолитические комплексы выделяются из нестратифицированной массы более позднего материала, некоторые, как, например, стоянка Прилукская, имеют находки раннего неолита, принадлежащие двум и более культурным типам или культурам. Это связано с тем, что большинство археологических памятников региона расположено на песчаных останцах флювиогляциальных отложений (зандров).

В настоящее время в раннем неолите Европейского Северо-Востока отчетливо выделяются различные культурные традиции. Представления об их генезисе существенно скорректированы на основе новейших исследований, проведенных в регионе, а также изменившихся в последнее время взглядов на неолит лесной зоны.

На Европейском Северо-Востоке самым ранним памятником эпохи неолита является стоянка **Дутово I** на средней Печоре. Ее инвентарь, вероятно в силу сезонной приуроченности памятника (холодное время года), весьма своеобразен. Процесс первичного расщепления и изготовления орудий не представлен, а кремнеобработка на памятнике сводилась к переоформлению орудий и их подправке. В силу этого возможности реконструкции технологии расщепления камня ограничены. Тем не менее определенные выводы удается сделать, благодаря изучению сколов, модифицированных в орудия. Данную индустрию, специализирующуюся на получении пластинчатых сколов-заготовок, можно охарактеризовать следующим образом: 1. Реконструируется одноплощадочный нуклеус с одним (?) широким уплощенным фронтом скалывания. 2. Техника скола – отжимная. Изучение проксимальных сегментов пластин позволяет говорить о некрупных, ретушированных площадках, линзовидных в плане. Обращает на себя внимание незначительное количество сколов с редуцированием. Вероятно, это связано с тем, что "перебор" карниза осуществлялся одновременно с ретушированием площадки будущего скола. 3. Последовательность расщепления стадиальная, серийная с высокой степенью упорядоченности.

Приемы вторичной обработки представлены различными типами ретуши: мелкой краевой, полукрутой, плоской; техникой резцового скола; а также подтеской концов некоторых орудий. Особенностью кремнеобработки является применение приема намеренной фрагментации и переоформления утилизированных (?) орудий.

Орудийный набор Дутово I (рис. 2, *1–8*) включает бесчерешковые колющие наконечники стрел листовидной формы, которые ранее именовались оленеостровскими (Буров, 1978. С.110), изделия с подтесанными концами, двулезвийные ножи, резцы и изделия с резцовыми сколами, пластины с ретушью. Трасологический анализ, выполненный Н.А. Алексашенко (ИИиА УрО РАН, г. Екатеринбург), показал, что выделенные типологически концевые скребки являются скобелями. Среди остальных орудий выделены функциональные группы режущих, скоблящих, строгальных и их различные комбинации, что в целом совпадает с типолого-морфологическими группами (Волокитин и др., 1999. С. 13).

Керамика представлена фрагментами одного-двух неорнаментированных сосудов открытой формы, со скошенным внутрь венчиком, и примесью шамота и органики к глиняному тесту[1] (рис. 2, *9*).

На основании технико-типологических показателей каменного инвентаря стоянки Дутово I, на наш взгляд, аналогии ему следует искать в раннем неолите Волго-Окского междуречья. Отметим, что керамика Дутово I находит наибольшее соответствие в посуде первого этапа верхневолжской культуры (Костылева, 1987; 1994. С 53–55) или волго-окской ранненеолитической культуры, выделенной в последнее время Ю.Б. Цетлиным (Цетлин, 1996. С. 163).

[1] Здесь и далее определения состава формовочной массы керамики выполнены Н.Р. Тихоновой (НПЦ по охране и использованию памятников культуры Свердловской области, г. Екатеринбург).

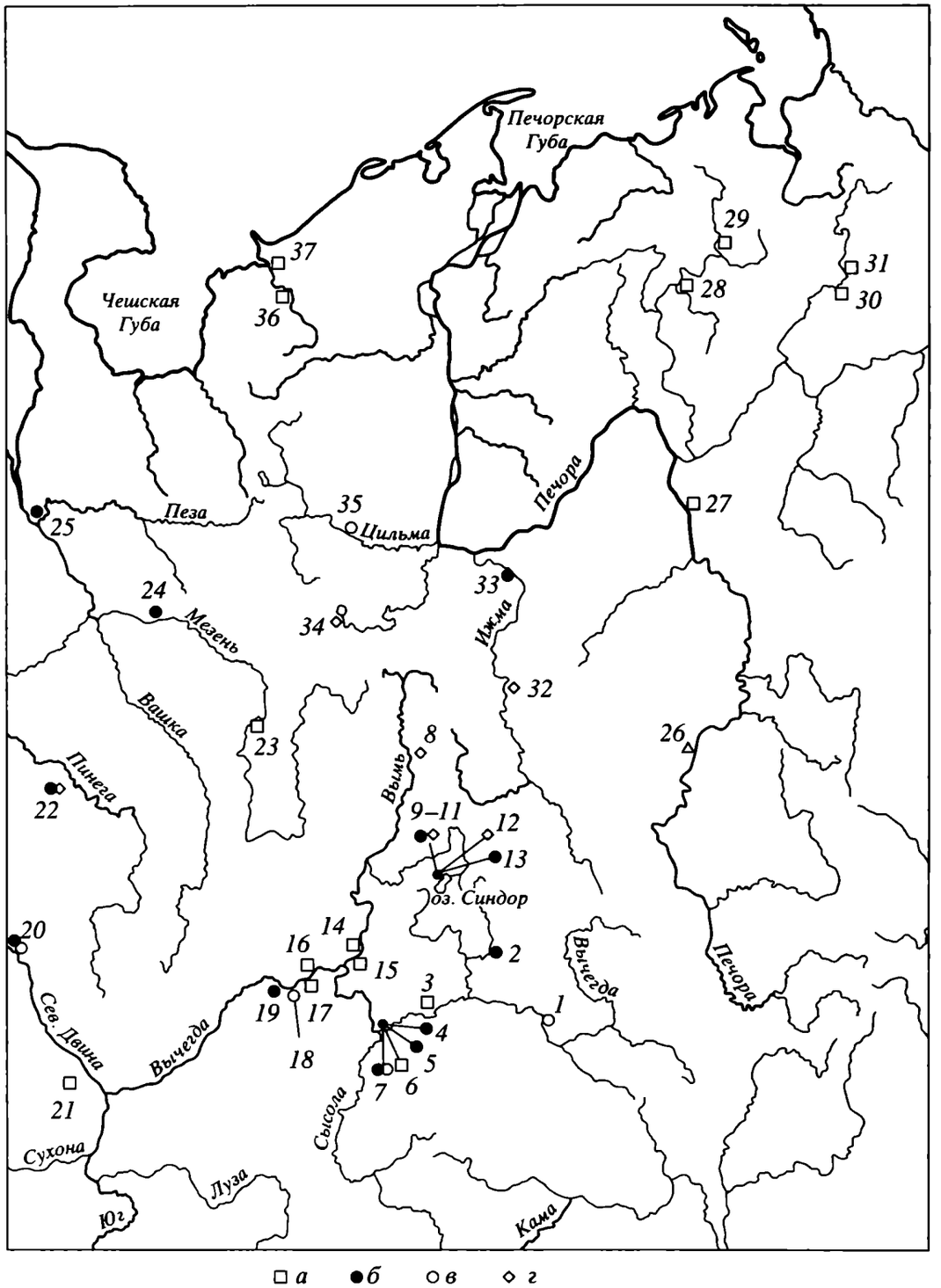


Рис. 1. Ранненеолитические памятники Европейского Северо-Востока. Бассейн р. Вычегда: *1* – Усть-Кулом I; *2* – Юванаяг; *3* – Пезмогты 1; *4* – Чудгудоръяг; *5* – Озельская; *6* – Эньты IV; *7* – Эньты I; *8* – Усть-Комыс; *9* – Вис I; *10* – Вис II; *11* – Вис III; *12* – Симва II; *13* – Синдоское озеро II; *14* – Ниремка III; *15* – Ероздино II; *16* – Арабач; *17* – Кочмас А; *18* – Ревью I; *19* – Черная Вадья; р. Северная Двина: *20* – Прилукская; *21* – Вонгода I; *22* – Явроньга I; бассейн р. Мезень: *23* – Кыстыръю; *24* – Конещелье; *25* – Усть-Пеза I; бассейн р. Печора: *26* – Дутово I; *27* – Сирпач-шор; *28* – Сандибей-ю VI; *29* – Колва 10; *30* – Адзьва 29; *31* – Адзьва 41; *32* – Картаель, уч. 3; *33* – Черноборская III; *34* – Нонбург 10; *35* – Пижма II; р. Индига: *36* – Поповка; *37* – Индига; *а* – бескерамические памятники; *б* – черноборская группа; *в* – памятники эньтыйской группы и с трапециями эньтыйского типа; г – памятники с керамикой "каргопольского" типа.

Памятники черноборской группы (Черноборская III, Юванаяг, Вис I, II, III, Синдорское озеро II, Чудгудоръяг, Озельская, Черная Вадья, Прилукская, Явроньга I, Конещелье, Усть-Пеза I) расположены на обширной территории: в бассейнах Северной Двины, Печоры и Мезени. Основные показатели в технологии расщепления инвентарей следующие. 1. Предмет расщепления

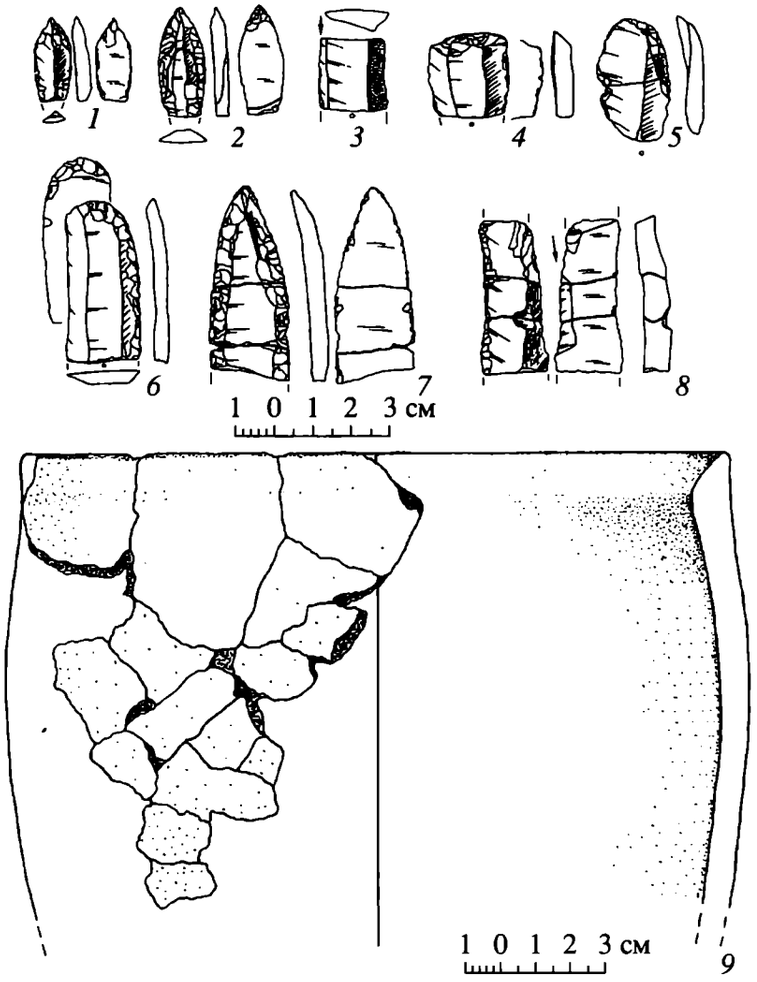


Рис. 2. Дутово 1. *1–8* – кремневые изделия; *9* – керамика.

(нуклеус) представлен прямо- и одноплощадочным ядрищем с одним узким выпуклым фронтом. 2. Реконструируется ударная техника скола, направленная на получение относительно крупных пластинчатых сколов-заготовок; приемы подготовки поверхности скалывания ограничены редуцированием, площадки сколов крупные с гладкой или естественной поверхностью. 3. Последовательность расщепления стадиальная; для оформления заготовки нуклеуса, исправления ошибок и оформления некоторых типов орудий применялось конкретно-ситуационное расщепление; для снятия самих сколов-заготовок характерно серийное неупорядоченное расщепление.

Морфология пластинчатых снятий-заготовок повлияла на характер вторичной обработки. Наблюдается широкое применение приемов утоньшения массивных участков и исправления изгиба заготовок путем подтески вентрального фаса, вплоть до оформления бифасиального ребра (лезвия) на одном из краев, а также развитое ретуширование дорсального фаса. Кроме того, применялись различные типы ретуши: мелкая краевая, плоская, заходящая на грани изделия, полукрутая; оббивка; техника резцового скола; возможно, намеренная фрагментация.

Своеобразие орудийного набора Черноборской III стоянки определяют, в первую очередь бесчерешковые колющие наконечники стрел листовидной формы, так называемого черноборского типа (Буров, 1978. С. 110), концевые скребки на пластинах и отщепах средних и крупных размеров, а также небольшая серия двулезвийных ножей на пластинах с подтеской участков вентрального фаса (рис. 3). Другие категории орудий: скобели, перфораторы, изделия с ретушью, менее представительны. Резцовый скол зафиксирован лишь в трех случаях, а выразительный резец присутствует лишь в коллекции стоянки Черноборская III.

Немногочисленная керамика черноборской группы памятников все-таки дает возможность для реконструкции профилированных, баночных и округлодонных сосудов. Общими признаками ее являются обработка внешней поверхности лощением, простой рецепт формовочной массы (глина + органика) и разреженный орнамент, состоящий из тычково-накольчатых вдавлений, нанесенных горизонтальными и наклонными оди-

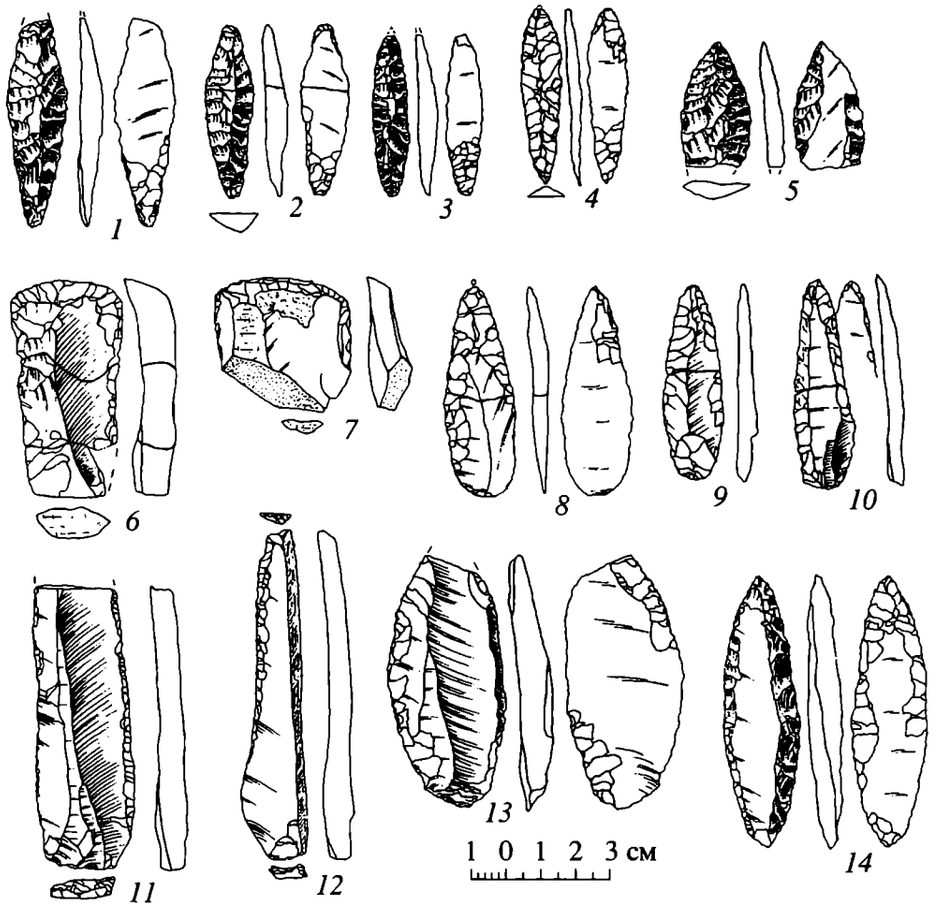


Рис. 3. Черноборская III. Кремневые изделия.

нарными или двойными рядами. Особенностью посуды некоторых памятников является наличие одного-двух валиков по внешней поверхности сосуда (рис. 4).

Малочисленность и фрагментарность керамики на каждом из памятников обусловили дискуссионный характер проблемы культурно-хронологической принадлежности черноборской группы (Буров, 1967; 1986; Стоколос, 1988; 1997; Верещагина, 1989; Косинская, 1992; 1994; 1997). Однако у большинства исследователей не вызывает сомнения ее ранненеолитический возраст. На Европейском Северо-Востоке это, возможно, подтверждается и радиоуглеродными датировками стоянки Прилукская (Тимофеев, Зайцева, 1996. С. 52) – 6680 ± 70, 6350 ± 60 л.н. (ЛЕ-4813, ЛЕ-4814).

Источники происхождения черноборского населения могут находиться на обширной территории лесной зоны от Прикамья до Верхней Волги. Такие показатели, как морфология сосудов (слабая профилировка, наличие плоских и округлых днищ), простые рецепты формовочной массы (глина + органика), разреженная тычково-накольчатая орнаментация, позволяют обратиться к материалам раннего этапа верхневолжской культуры (Костылева, 1994. С. 53–55) или волго-окской ранненеолитической культуры (Цетлин, 1996. С. 163). Определенным указанием на юго-западное направление служат материалы стоянки Березовая Слободка VI на р. Сухоне, исследованная А.И. и М.В. Иванищевыми[2]. Обращает на себя внимание близкое сходство каменного инвентаря и керамики этого памятника с инвентарем Черноборской III. Однако такой элемент как валик, на сосудах ряда памятников (Прилукская, Вис I, II, Конещелье) позволяет искать источник происхождения черноборской группы населения в Среднем Приуралье и даже Западной Сибири (Косинская, 2000. С. 181–185).

На наш взгляд, периодизация памятников черноборской группы, предложенная Л.Л. Косинской (Косинская, 1997. С. 161–165), пока не находит подтверждения. Участие их в сложении печоро-двинской культуры гребенчато-ямочной керамики позднего неолита также проблематично, равно как и их существование в течение всей неолитической эпохи. В вопросе таксономии рассматриваемой группы памятников авторы присоединяются к

[2] Авторы выражают благодарность А.И. и М.В. Иванищевым за возможность ознакомления с неопубликованными материалами.

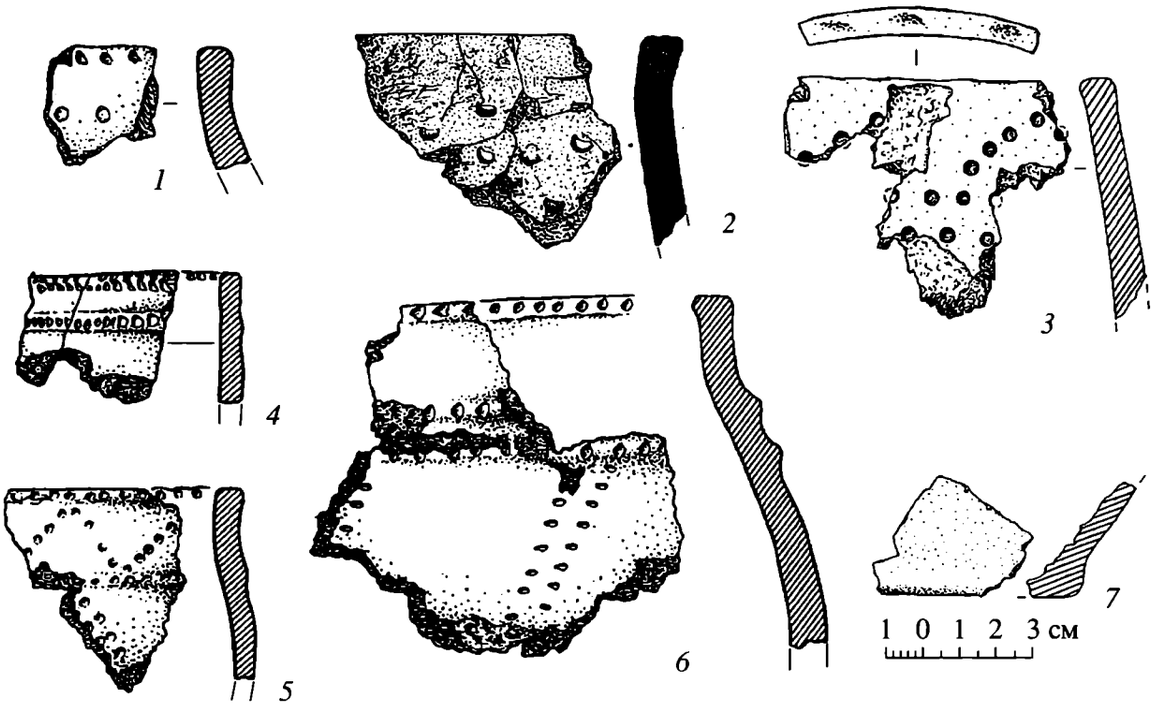


Рис. 4. Керамика черноборской группы памятников. *1*, *4–6* – Конещелье; *2* – Прилукская; *3*, *7* – Чудгудоръяг.

мнению И.В. Верещагиной о преждевременности их объединения в археологическую культуру (Верещагина, 1989).

Памятники эньтыйского типа – Эньты I (ранний комплекс) и Ревью I расположены в среднем течении р. Вычегды. Для изготовления орудий использовался кремень двух разновидностей: красно-коричневого цвета и пестроцветный с аморфными пятнами (разводами) серых и красных оттенков. Необходимо отметить, что кроме памятников эньтыйского типа эти разновидности минерального сырья не встречаются ни на одном другом известном нам памятнике мезолита–неолита Европейского Северо-Востока.

В технологии расщепления выделено два направления: производство пластинчатых сколов-заготовок и производство рубящих двусторонне обработанных орудий. Первое характеризуется одноплощадочными нуклеусами с узкой поверхностью скалывания. Техника скола реконструируется как ударная посредством мягкого (?) отбойника. Обращают на себя внимание относительно некрупные параметры площадок сколов, часть из которых обломана еще в процессе расщепления, небольшая длина снятий, сильный изгиб их профиля и нерегулярность огранки. Последовательность расщепления в рамках этой технологической "линии" – стадиальная: конкретно-ситуационная и серийная низкой степени упорядоченности.

Изделия второго технологического ряда представлены двусторонне обработанными орудиями и сопутствующими им продуктами расщепления. Большая часть отщепов в коллекциях связана именно с этим направлением в обработке камня. Форма предмета расщепления – массивный средний или крупный отщеп, техника скола ударная, последовательность расщепления – избирательная (конкретно-ситуационная). Необходимо отметить, что в данном случае описывается не "вторичное" бифасиальное утоньшение (Аникович и др., 1997. С. 154), а производство "толстых" бифасов.

Помимо намеренной фрагментации сколов индустрию характеризуют различные типы ретуши и оббивка, использовавшаяся для изготовления рубящих орудий. Отвесная ретушь применялась для изготовления поперечно-лезвийных наконечников стрел в форме трапеций и затупливания краев некоторых изделий. Для оформления рабочего края скребков применялась отвесная ретушь, относительно длинные фасетки которой располагаются строго параллельно друг другу. Полукрутая ретушь зафиксирована в случаях изготовления сверл и некоторых ножей. Плоская ретушь служила для оформления ножей и орудий с приостренными концами.

Орудийный набор памятников эньтыйского типа разнообразен (рис. 5), но устойчивые формы представлены всего тремя категориями орудий: 1. Поперечно-лезвийными наконечниками стрел в форме трапеций, асимметричными, высоких пропорций. 2. Концевыми, реже двойными и тройными скребками на отщепах и пластинах. 3. Остриями (проколками), асимметричными, без плечиков. Менее представлены ножи на пластинах, рубящие двусторонне обработанные орудия, скобели, пластины и отщепы с усеченным или приостренным

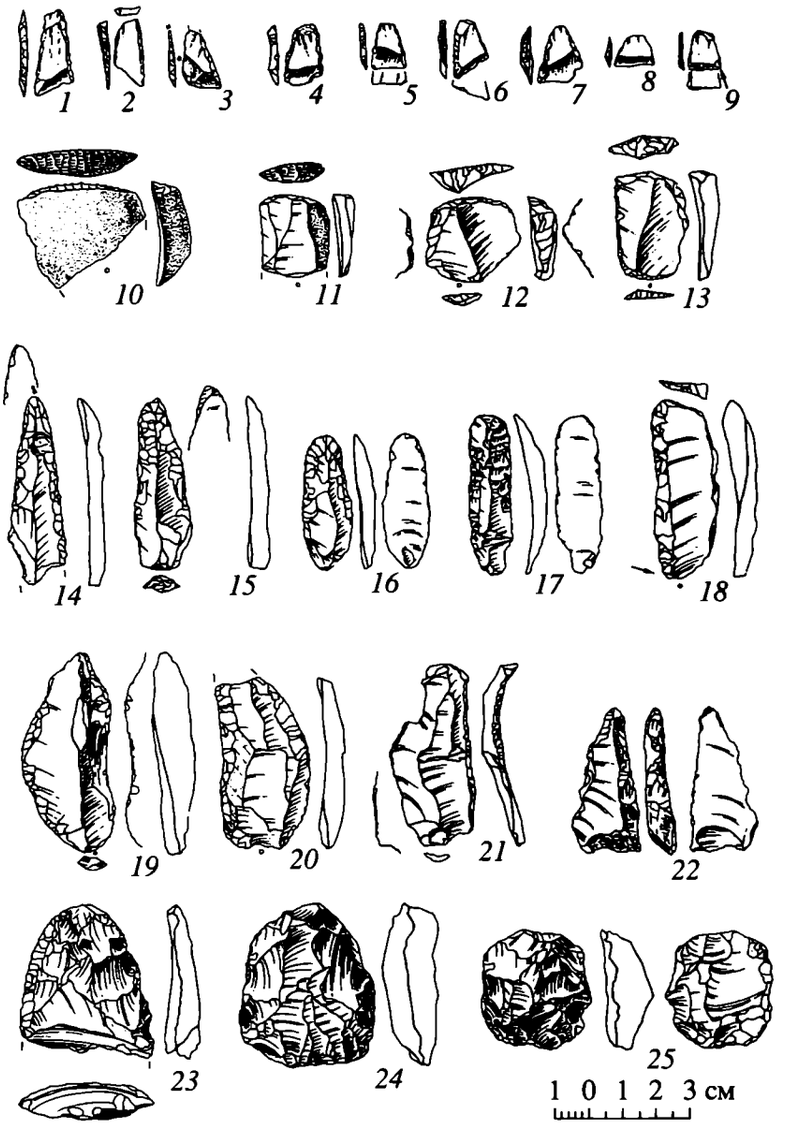


Рис. 5. Эньты I (ранний комплекс). Кремневые изделия.

ретушью концом. Следует отметить отсутствие резцов. Для изготовления орудий использовался в равной мере кремень двух вышеупомянутых разновидностей.

Возможно, что к памятникам эньтыйского типа относятся также и пункты с находками асимметричных трапеций высоких пропорций: Усть-Кулом 1 (3 экз.) на р. Вычегде (Семенов, 1978. С. 36; Липин, 1992. С. 20–22), Прилукская (3 экз.) на р. Северной Двине (Верещагина, 1977. С. 16), Нонбург 10 (1 экз.) на р. Цильме (Волокитин, 1993).

Керамика обнаружена только на стоянке Эньты I и представлена сосудами закрытых форм с плосковогнутым или приостренным дном, простыми венчиками. Выделено две группы сосудов. Первая с примесью дресвы и органики к глиняному тесту и гребенчатым орнаментом, вторая более многочисленная с примесью дресвы, шамота и органики и гребенчато-накольчатой орнаментацией (рис. 6). Трудно сказать, является ли появление посуды второй группы результатом контактов с населением черноборской группы. Но сама возможность этого не исключается. За пределами Европейского Северо-Востока единственной аналогией памятникам типа Эньты I (ранний комплекс) служит комплекс с трапециями и гребенчатой керамикой поселения Вёкса-Н на р. Вологда (Недомолкина, 2000. С. 283).

Кроме того, эньтыйская керамика находит типологическое соответствие с керамикой второго и третьего этапов верхневолжской ранненеолитической культуры (Костылева, 1994. С. 55, 56). Это позволяет если не напрямую связать население обоих регионов то, по крайней мере, синхронизировать их памятники в рамках середины V – рубежа V–IV тыс. до н.э. (Энговатова, 2000. С. 94). Своеобразие же каменного инвентаря, вслед за Г.М. Буровым и Л.Л. Косинской (Буров, 1986; Косинская, 1997. С. 167, 168), объяснить участием в

генезисе населения эньтыйского типа памятников носителей иеневских традиций.

Тем не менее обстоятельство совместного нахождения трапеций – черты, характерной для ряда финальнопалеолитических и мезолитических культур лесной зоны Восточной Европы, и керамики вызывает сомнение у исследователей по поводу монокультурности комплекса (Сорокин, 2002. С. 129). Это в настоящее время вполне оправдано, поскольку поселение Эньты I (ранний комплекс) и Векса-Н пока единственные памятники такого рода в лесной зоне Восточной Европы. На стоянке Ревью I, к сожалению, керамика не найдена (Косинская, 1989. С. 19). Поэтому не стоит исключать существование на Европейском Северо-Востоке мезолитических памятников не отмечавшегося ранее здесь типа с иеневскими или аренсбургскими традициями в каменном инвентаре. Этому отчасти противоречит бесспорное сходство эньтыйской посуды с гребенчатой и гребенчато-накольчатой керамикой ранненеолитических памятников Средней и Верхней Волги, предшествующих формированию ямочно-гребенчатой культурной общности.

В силу отсутствия "чистых" комплексов и стратиграфии неопределенной остается позиция "каргопольского" типа керамики. Данный тип характеризуется тонкостенными сосудами открытой формы с простыми венчиками, с примесью дресвы и органики в глиняном тесте, лощенной поверхностью. Характерны ряд проколов по бордюру и насечки по углам торца венчика. Встречается как неорнаментированная керамика, так и сосуды со сплошной орнаментацией тонкозубым гребенчатым штампом (рис. 7). По некоторым показателям она схожа с эньтыйской керамикой, но чем обусловлено это сходство, сказать трудно.

К сожалению, отсутствуют данные о каменном инвентаре, сопровождающем этот тип посуды. В большинстве случаев она найдена в нестратифицированных отложениях и в одних условиях с сосудами ямочно-гребенчатого неолита. Аналогичная ситуация прослежена и на территории Карелии, что послужило основанием для вывода о несамостоятельном существовании "каргопольской" керамики (Брюсов, 1952; Лобанова, 1996. С. 93, 94). Единственным памятником Европейского Северо-Востока, где обнаружен комплекс этого типа без "примеси" ямочно-гребенчатой керамики – многослойная стоянка Усть-Комыс на р. Вымь. Вероятно, это указывает на самостоятельное бытование этого типа посуды в рассматриваемом регионе. К сожалению, соотнести выделенную группу сосудов с определенным каменным инвентарем исследователям, по их признанию, не удалось (Семенов, Несанелене, 1997. С. 109).

В последнее время ряд исследователей каменного века Прикамья предполагают возможность

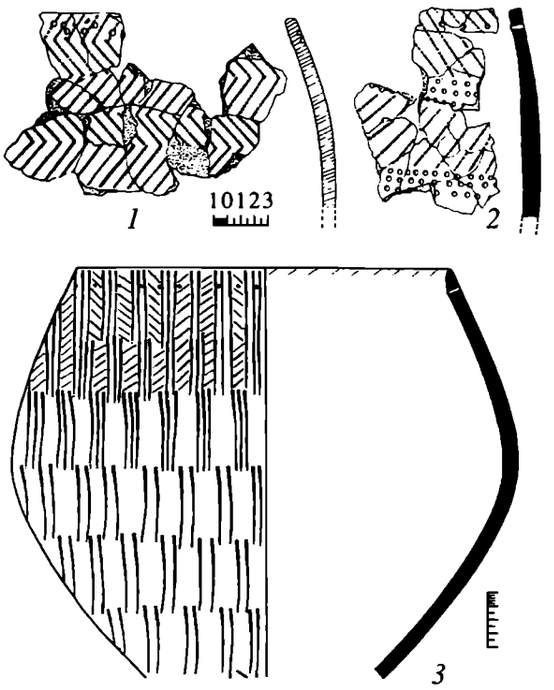


Рис. 6. Эньты I (ранний комплекс). Керамика.

существования ранненеолитического пласта камской неолитической культуры гребенчатой керамики (Мельничук, 2001. С. 51, 52; Мельничук и др., 2001. С. 159, 160). Материалы с местонахождения Пезмог IV (Волокитин и др., 1998) на Европейском Северо-Востоке, возможно, подтверждают эту точку зрения. Нагар обнаруженного здесь сосуда был датирован по ^{14}C 6820 ± 70 л.н. (ГИН-11915), т.е. первой половиной V тыс. до н.э. Однако следует учитывать, что это пока единственная радиоуглеродная дата для данного типа керамики в Приуралье, поэтому говорить о раннем возрасте памятников камского гребенчатого неолита на р. Вычегде следует с некоторой осторожностью.

Также неопределенной до конца выглядит хронологическая позиция памятников на Печоре, материалы которых В.И. Канивец еще в 1965 г. отнес к позднему мезолиту – раннему неолиту. При этом он основывался на морфологии пластин, которые имели более крупные размеры по сравнению с пластинами известных в то время мезолитических индустрий (Канивец, 1965). В дальнейшем подобные памятники были выявлены на р. Индиге (Лузгин, 1977), Северной Двине, Большеземельской тундре (Верещагина, 1977) и в бассейне Вычегды (Косинская, 1991; 1997), а исследователи стали более уверенно говорить об их ранненеолитическом возрасте. Помимо этого исследователями был выделен еще ряд комплексов как среди материалов известных памятников (таких как, Эньты IV, Кыстырью), так и исследованных в последнее время (Пезмогты 1). Таким образом, к настоящему времени известно 15 таких стоянок.

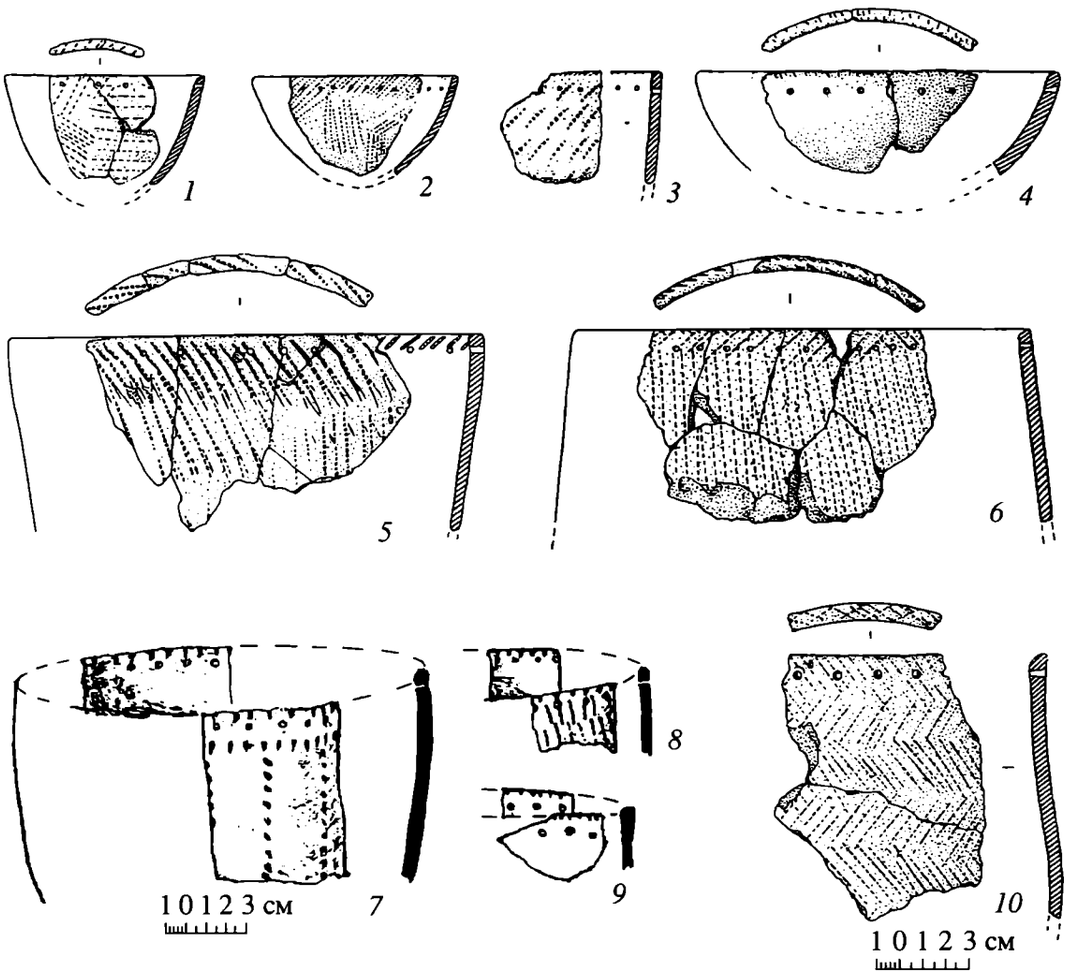


Рис. 7. Керамика "каргопольского" типа. *1*, *4–6* – Вис I; *2* – Вис II; *3* – Вис III.

Однако большая часть коллекций этих памятников представлена сборами подъемного материала, а другая содержит невыразительный и малочисленный инвентарь, поэтому нет достаточных оснований безоговорочно относить их к раннему неолиту.

В настоящее время можно с достаточной определенностью выявить территории, с которыми связан генезис тех или иных ранненеолитических традиций региона. Происхождение обитателей Дутово I связано с ранненеолитическим населением Волго-Окского междуречья, потомками носителей бутовских традиций. В последнее время появляются новые данные (в том числе материалы Березовой Слободки VI) о генезисе черноборского населения из юго-западных областей. Однако не исключено, что в нем принимало участие и население Среднего Приуралья и Зауралья (носители накольчатых традиций). Вполне вероятно, что эта группа неедина в культурном отношении. Истоки населения эньтыйского типа памятников следует искать в Верхнем и Среднем Поволжье, но в отличие от предыдущих культурных групп Европейского Северо-Востока в их сложении участвуют носители иеневских традиций.

Какие-либо связи между выделенными группами памятников в пределах региона не выявляются. Построение же типологических рядов наконечников стрел от дутовских к черноборским и далее к бифасам среднего и позднего неолита (Косинская, 1997. С. 164) необязательно должно отражать генетическую преемственность между соответствующими группами памятников. Контакты групп населения, оставившего в регионе памятники эньтыйского типа и населения черноборской группы, в настоящее время однозначно не выявляются. Их участие в сложении позднеолитических культурных образований Европейского Северо-Востока проблематично: в первой половине IV тыс. до н.э. в регионе появляются памятники ямочно-гребенчатого неолита с совершенно иными технико-типологическими показателями каменной индустрии и керамическим производством.

С.В. Ошибкиной была высказана точка зрения, согласно которой на Северо-Востоке Европы в раннем неолите существовали мало связанные между собой группы охотников и рыболовов, продолжавшие традиции местного мезолитического населения (Ошибкина, 1995. С. 68). Но, поскольку

связь ранненеолитических памятников региона с позднемезолитическими в настоящее время определенно не устанавливается, речь должна идти о культурных традициях, корни которых скорее всего находятся за пределами рассматриваемой территории. Изученные памятники в основном относятся к типу охотничьих лагерей. По всей видимости, в раннем неолите мы наблюдаем единичные проникновения небольших подвижных групп населения на территорию Европейского Северо-Востока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникович М.В., Бредли Б.А., Гиря Е.Ю. Технологический анализ стрелецких наконечников // Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро- и макроанализа древних орудий труда // Археологические изыскания. Вып. 44. СПб., 1997.

Брюсов А.Я. Очерки истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

Буров Г.М. Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э.). М., 1967.

Буров Г.М. Категории и типы каменных изделий у племен крайнего Европейского Северо-Востока // Орудия каменного века. Киев, 1978.

Буров Г.М. Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла. Автореф. дис... д-ра. ист. наук. Новосибирск, 1986.

Верещагина И.В. Ранний неолит на Северной Двине // Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени (МАЕСВ. Вып. 6). Сыктывкар, 1977.

Верещагина И.В. Мезолит и неолит крайнего Европейского Северо-Востока: Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1989.

Волокитин А.В. Культурные процессы в бассейне Печоры в эпоху камня. Обзор // Проблемы культурогенеза и культурного наследия. Ч. II. СПб., 1993.

Волокитин А.В., Карманов В.Н., Марченко Т.И., Дурягина Д.А. Пезмог IV – новый памятник гребенчатого неолита на Вычегде // Северное Приуралье в эпоху камня и металла (МАЕСВ. Вып. 15). Сыктывкар, 1998.

Волокитин А.В., Карманов В.Н., Косинская Л.Л., Сажин И.В. Дутово I – памятник раннего неолита на средней Печоре // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке (источники и исследования) (МАЕСВ. Вып. 16). Сыктывкар, 1999.

Канивец В.И. Древние поселения Южно-Печорской равнины // Древние поселения на Печоре и Вычегде. Отчеты о работах 1963 г. в зоне затопления Усть-Войского и Усть-Куломского водохранилищ (МАЕСВ. Вып. III). Сыктывкар, 1965.

Косинская Л.Л. Исследования Коми республиканского историко-краеведческого музея в бассейне Вычегды // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.

Косинская Л.Л. Неолитическая стоянка Кочмас на нижней Вычегде // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.

Косинская Л.Л. О соотношении памятников с накольчатой керамикой и памятников эньтыйского типа Европейского Северо-Востока // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992.

Косинская Л.Л. К проблеме генезиса памятников с накольчатой и гребенчато-накольчатой керамикой Европейского Северо-Востока // Европейский Север: Взаимодействие культур в древности и средневековье (МАЕСВ. Вып. 14). Сыктывкар, 1994.

Косинская Л.Л. Неолит // Археология Республики Коми. М., 1997.

Косинская Л.Л. Связи в неолите Европейского Северо-Востока и Западной Сибири // Коренные этносы Европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы. Сыктывкар, 2000.

Костылева Е.Л. Хронология, периодизация и локальные варианты верхневолжской ранненеолитической культуры: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1987.

Костылева Е.Л. Ранненеолитическая керамика Верхнего Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.

Липин В.Б. Комплекс археологических памятников у с. Усть-Кулом // Духовная культура: история и тенденция развития. Ч. 2. Сыктывкар, 1992.

Лобанова Н.В. Культура ямочно-гребенчатой керамики // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.

Логинова Э.С. Поселение Эньты I // Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье (МАЕСВ. Вып. 7). Сыктывкар, 1978.

Лузгин В.Е. Древние культуры Ижмы. М., 1972.

Лузгин В.Е. Неолитические стоянки в бассейне р. Индиги // Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени (МАЕСВ. Вып. 6). Сыктывкар, 1977.

Мельничук А.Ф. Поздний мезолит и проблема происхождения камской неолитической культуры // XV Уральское археологическое совещание. Оренбург, 2001.

Мельничук А.Ф., Бординских Г.А., Мокрушин В.П. и др. Новые позднемезолитические и ранненеолитические памятники в верхнем и среднем Прикамье // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1. Березники, 2001.

Недомолкина Н.Г. Многослойное поселение Вёкса // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Тверь, 2000.

Ошибкина С.В. Неолит лесной зоны и севера Восточной Европы (к проблемам финно-угристики) // ПАВ. СПб., 1995.

Семенов В.А. Разведки в Усть-Куломском и Сысольском районах Коми АССР // АО-1977. 1978.

Семенов В.А., Несанелене В.Н. Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы (по материалам раскопок Сыктывкарского университета): Учебное пособие. Сыктывкар, 1997.

Сорокин А.Н. Мезолит Жиздринского Полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М., 2002.

Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М., 1988.

Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век // Археология Республики Коми. М., 1997.

Тимофеев В.И., Зайцева Г.И. Некоторые аспекты радиоуглеродной хронологии неолитических культур лесной зоны Европейской России // Археология и радиоуглерод. СПб., 1996.

Цетлин Ю.Б. Периодизация истории населения Верхнего Поволжья в эпоху раннего неолита (по данным изучения керамики) // Тверской археологический сборник. Вып. 2. 1996.

Энговатова А.В. Хронология эпохи неолита Волго-Окского Междуречья // Хронология неолита Восточной Европы: Тез. докл. междунар. конф., посвященной памяти Н.Н. Гуриной. СПб., 2000.

The Early Neolithic of the North-Eastern Europe

A. V. Volokitin, V. N. Karmanov

Summary

The theme of the paper is the Early Neolithic in the European North-East. The authors single out three cultural traditions of different origin: the sites of Dutovo I type, those of En'tyj type, and Cherny Bor group. The first two cultural units are related by their genesis with the Volga and Oka interfluve. The origin of Cherny Bor group may be associated with the cultures spread over the large territory from the Kama basin to the Upper Volga. Probably, small groups of hunters penetrated into the region in question in the Early Neolithic and remained isolated there from one another. Evidently, their appearance in the territory correlated with seasonal economic activity. Therefore they did not participate in formation of the cultural units of the Middle and Late Neolithic in the North-East of Europe.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 2, с. 15–29

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ
(средний бронзовый век)

© 2004 г. Е. Н. Черных, Л. Б. Орловская
Институт археологии РАН, Москва

Согласно относительной хронологии знаменитой триады культур, около ста лет назад намеченной в хорошо известной специалистам серии работ еще В.А. Городцовым (Городцов, 1905; 1907), позиция катакомбных древностей между древнеямной и срубной культурно-историческими общностями никогда сколько-нибудь серьезных возражений не вызывала. Правда, подобная картина с течением времени заметно видоизменялась. Многие исследователи приходили к выводам, что структура катакомбной общности гораздо сложнее, нежели полагал их первооткрыватель. В нее включали даже полтавкинскую культуру Поволжья (Братченко, Шапошникова, 1985. С. 403). Или же, скажем, предлагали на территории Северного Причерноморья между катакомбной и срубной общностями помещать так называемую культуру многоваликовой керамики, в которой ранее некоторые исследователи видели лишь финальный вариант катакомбной общности (Братченко, 1985. С. 451–458).

Как и в случае с древнеямной общностью – равно и для катакомбной – наблюдается разноголосица в ее позиции на полотне генеральной периодизации эпохи раннего металла. Соответствует ли она периоду ранней бронзы (Братченко, Шапошникова, 1985; Субботин, 2000), или же катакомбные древности связаны со средним бронзовым веком, как считают, например, авторы настоящей статьи (Černych, 1976; Chernykh, 1992. P. 124–132; Chernykh et al., 2002; Черных, 1978; Черных и др., 2002. С. 8)? Однако, может быть наиболее острая, дискуссия возникала вокруг происхождения катакомбных древностей. Служила ли важнейшей базой для этой культуры или же культурной общности местная "ямная" основа (Кривцова-Гракова, 1938; Попова, 1955; Häusler, 1974; Братченко, Шапошникова, 1985. С. 418–420; и др. авторы)? Или же то были пришельцы с Кавказа или Анатолии, либо, к примеру, даже из Ютландии (Клейн 1962; 1968)? Рассмотрев подробно абсолютную радиоуглеродную хронологию ямной культурно-исторической общности (Черных, Орловская, 2004), авторы рассчитывают, во-первых, выполнить предлагаемое ниже исследование в том же принципиальном ключе и сходном порядке поставленных вопросов. Во-вторых, без сомнения, будет весьма показательным сопоставление между собой совокупных данных радиокарбоновых анализов, полученных для древнеямной и катакомбной общностей.

В сформированной авторами базе данных содержатся ныне сведения о 126 определениях абсолютного возраста для 35 погребальных памятников (табл. 1), разбросанных по достаточно широкой территории: от Калмыкии и Правобережья Нижнего Поволжья на востоке вплоть до Северо-Западного Причерноморья на западе (рис. 1). Ни одного образца из селищных материалов данной общности изучено не было. Количество датировок для катакомбных материалов в полтора раза уступает древнеямной (в последней было учтено 191)[1]. Однако и территория расселения катакомбных племен охватывала территорию более чем в 2 раза меньшую, нежели ямная: примерно 600–700 тысяч км^2 против 1.5 млн. км^2.

Из 126 включенных в настоящую базу датировок – шесть принадлежат комплексам культуры многоваликовой керамики, которую авторы считают очень близкой, даже родственной катакомбной общности. Во всяком случае металлические изделия, фиксируемые в известных нам относительно ранних комплексах многоваликовой культуры, несомненно, принадлежат позднему варианту "циркумпонтийского" стереотипа металлообработки, весьма типичному для катакомбного производства медных и бронзовых изделий. Датированные комплексы многоваликовой культуры относятся к двум некрополям – Аккембетскому и Мироновским курганам, занимающим в географическом отношении самую западную позицию среди всей изученной массы материалов (рис. 1; табл. 1). Кроме того, в совокупности приводимых здесь радиоуглеродных определений они входят в число позднейших, о чем подробнее речь пойдет ниже. Однако их включение в общую катакомбную базу генеральную картину хронологического положения этой общности сколько-нибудь заметно не исказило.

[1] В сравнении с предыдущей статьей (Черных, Орловская, 2004) эта цифра датировок несколько возросла за счет включения новых материалов по Волго-Уральскому региону.

Таблица 1. Катакомбная культурно-историческая общность: памятники с радиоуглеродными датами

Номер памятника	Координаты		Памятник	Количество дат	Литература
	Широта	Долгота			
1	46.15	30.52	Аккембетский курган*	4	Szmyt, Chernyakov, 1999. P. 198. Tab. 1
2	46.43	33.17	Брилевка	3	**
3	47.75	34.75	Верхнетарасовка	1	**
4	47.63	34.2	Гурская Могила	1	Nikolova, 1999. P. 124. Tab. 3; Kaiser, 1999. P. 129
5	47.48	34.37	Каменка Днепровская	4	Kaiser, 1999. P. 143; Николова, 2001. С. 106
6	47.58	34.08	Круглая Могила	12	Nikolova, 1999. P. 124. Tab. 3; Kaiser, 1999. P. 129
7	47.68	34.98	Марьевка	1	Kaiser, 1999. P. 143
8	49.68	30.95	Мироновка*	2	Klochko, 1999. P. 179, 185
9	46.33	33.5	Первоконстантиновка	2	**
10	47.12	35.47	Старобогдановка	1	**
11	47.6	34.22	Черная Могила	4	Nikolova, 1999. P. 124. Tab. 3; Kaiser, 1999. P. 129
12	47.67	34.32	Чкалово	6	Nikolova, 1999. P. 119, 120. Tab. 1
13	47.68	34.27	Чкалово 1	1	Nikolova, 1999. P. 124. Tab. 3; Kaiser, 1999. P. 129
14	47.72	34.28	Чкалово 2	1	Nikolova, 1999. P. 124. Tab. 3; Kaiser, 1999. P. 129
15	47.85	39.58	Астахово IV	4	**
16	47.25	39.92	Гиреева Могила	1	**
17	47.38	40.58	Кудинов	1	**
18	48.57	39.5	Николаевка	1	**
19	50.45	40.1	Павловск	1	**
20	45.28	39.23	Пластуновский I	1	***
21	51.03	38.73	Репная Балка	1	***
22	47.25	39.75	Ростов-на-Дону	5	**
23	49.38	38.12	Сватово	11	**
24	45.42	44.42	Восточный Маныч-66-I	1	Shishlina et al., 2000, P. 797, Tab. 3; Шишлина и др., 2002. С. 260
25	45.17	44.67	Восточный Маныч-66-III	2	Shishlina et al., 2000, P. 797, Tab. 3; Шишлина и др., 2002. С. 260
26	47.13	44.48	Ергени	11	**
27	45.6	44.22	Зунда-Толга	22	**; Shishlina et al., 2000, 795.797, Tab. 1, 3
28	46	43.75	КВЧ-56-88	5	**
29	45.67	44.7	Манджикины-1	3	**; Шишлина и др., 2003. С. 81. Табл. 3
30	45.68	44.62	Му-Шарет	2	Shishlina et al., 2000, P. 795. Tab. 1; Шишлина и др., 2001. С. 106
31	45.73	44.1	Островной	1	Шишлина и др., 2002. С. 260
32	45.78	44.38	Улан-Зуха-I	1	**
33	46.1	44.1	Хар-Зуха	4	**
34	47.37	45.17	Цаган-Нур	3	**
35	46.33	44.17	Элиста	2	**
			Всего	126	

* Даты многоваликовой к-ры, все прочие – катакомбные.
** Даты опубликованы (см: Черных и др., 2000. Табл. 6-А, 6-В).
*** Авторы выражают признательность А.Н. Гею и О.А. Чичаговой за предоставленные, но еще неопубликованные результаты датировок; 1–14 – группа I ("Днепр–Буг"), 15–23 – группа II ("Дон–Донец"); 24–35 – группа III (Калмыкия).

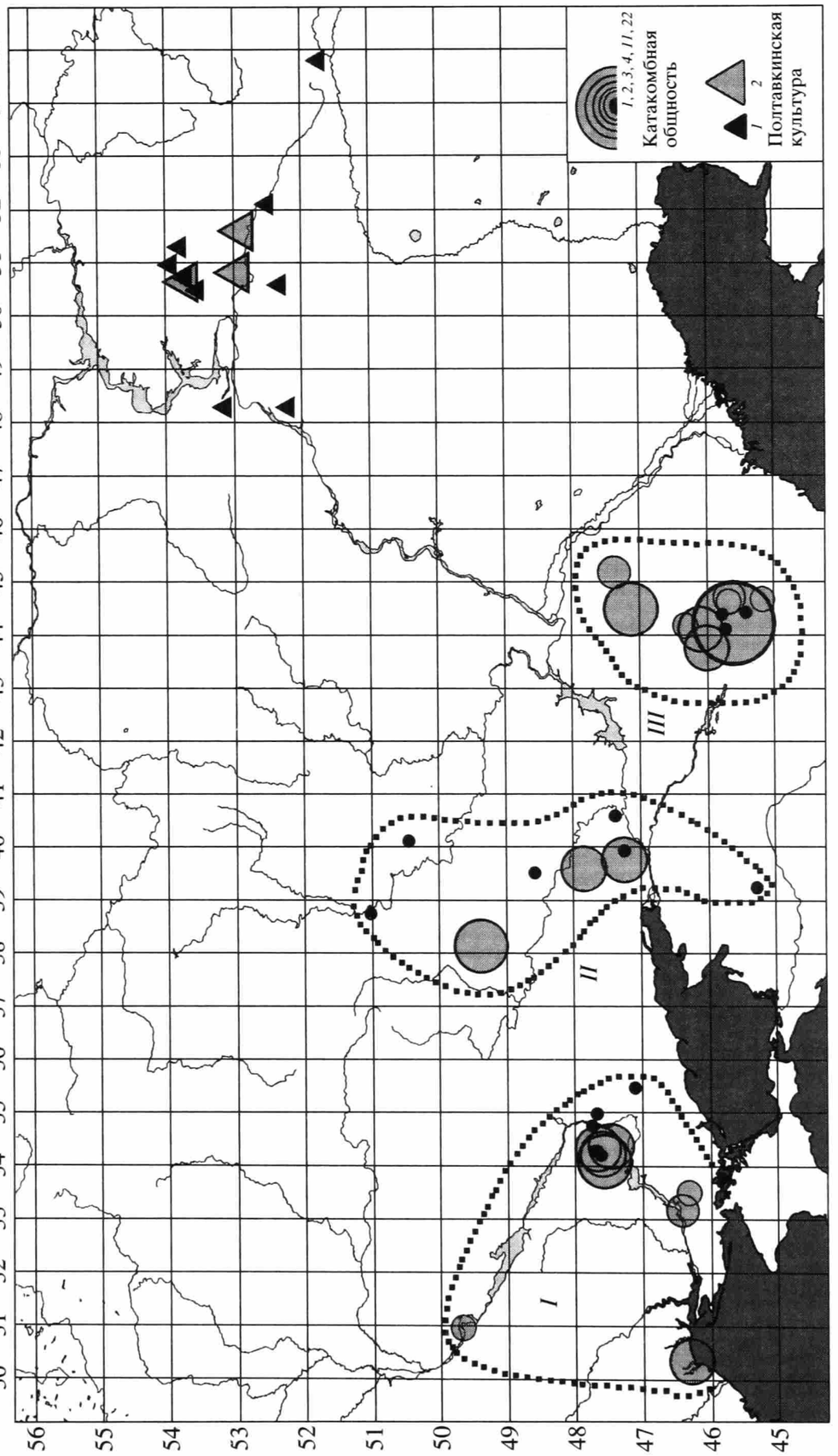


Рис. 1. Карта распространения датированных по ^{14}C памятников катакомбной общности и полтавкинской культуры. Цифры в легенде обозначают то или иное число датировок в памятнике согласно диаметру кружка (для катакомбной общности) или размеру треугольника (для полтавкинской культуры).

Из 126 определений авторами ранее были опубликованы 73 калиброванные и статистически обработанные даты (Черных и др., 2000. С. 82–84). В самое последнее время нам удалось учесть еще 53 датировки, сведения о которых приведены ниже (табл. 2). Все ранее опубликованные в книге о радиоуглеродной хронологии металлургических провинций анализы калибровались по версии OxCal 2.18. В настоящей статье вся совокупность представленных материалов, как индивидуально, так и по суммам вероятностей, обработана по новейшей версии Оксфордской лаборатории OxCal 3.8 (Ramsey, 2001; Ramsey et al., 2002). Однако, равно как и для ямной культуры, не существует тех заметных разногласий между упомянутыми двумя компьютерными калибровочными версиями, которые смогли бы исказить основное полотно картины хронологических периодов.

Кроме дат, связанных с катакомбными комплексами, мы сочли возможным привлечь к данному обсуждению хронологической системы также радиоуглеродные определения из памятников полтавкинской культуры. Однако рассматриваем мы их отдельно от первых. Пока что полтавкинских датировок мало – всего 15, и это учитывая, что территория, занятая памятниками данной культуры достаточно обширна: до 350–400 тыс. км^2. Две полтавкинских даты были опубликованы в нашей книге (Черных и др., 2000. С. 82–84), однако сведения о всех 15 датах мы приводим в табл. 3 и 4.

Фигура распределения суммы вероятностей для 126 датировок катакомбной общности весьма симметрична и не вызывает сомнений в ее однородности (рис. 2). Вероятность в одну сигму определяет период существования культуры как 2600–1950 гг. до н.э.; две сигмы указывают, естественно, на более широкий отрезок времени: 2900–1500 гг. до н.э.

Пожалуй, наиболее любопытным в этой связи является сопоставление сумм вероятностей катакомбной общности и смежных ей в территориальном и релятивно-хронологическом отношениях образований – полтавкинской культуры и древнеямной общности (рис. 2). Древнеямные комплексы, согласно сумме вероятностей в одну сигму, как и ожидалось, относятся в целом к более раннему периоду (2950–2200 гг. до н.э.). Однако взаимное и широкое наложение хронологических рамок в 400 лет (с 2600 по 2200 гг. до н.э.) сигнализирует нам о весьма непростом временно́м соотношении этих двух общностей. Впрочем, здесь отразилась и принципиально повторилась та картина, которую мы отмечали ранее почти для всех регионов, культур и общностей, втянутых в систему Циркумпонтийской металлургической провинции (Черных и др. 2000. С. 18, 19).

Весьма примечательной также предстала картина датировок по сумме вероятностей в полтавкинской культуре: 2950–2350 гг. до н.э. для одной сигмы и 3100–1900 для двух сигм (рис. 2). В таком виде полтавкинская абсолютная хронология соответствует общим хронологическим рамкам древнеямной общности, но не катакомбной. Это противоречит традиционным взглядам: ведь последняя считалась синхронной полтавкинским поволжским памятникам. Повторим, однако, еще раз: датировок на сегодняшний день мало; и хотя их увеличение в будущем может видоизменить полученный ныне результат, тенденция большей древности полтавкинских комплексов высвечивается ныне вполне определенно. Кроме того, не лишним будет напомнить, что немногочисленные датировки волго-уральских комплексов ямного типа также демонстрировали заметно выраженную бóльшую древность в системе данной общности (Черных, Орловская, 2004).

Теперь обратимся к тем региональным группам катакомбной общности, могильные памятники которых подверглись радиоуглеродному анализу. Картографический анализ (рис. 1) показывает, что таковых можно наметить три: I. Днепровская (или же для краткости "Днепр–Буг" при учете датировок комплексов, локализованных западнее днепровского бассейна); II. Доно-Донецкая (или же "Дон–Донец"); III. Калмыцкая. Они неравнозначны по количеству датированных памятников и комплексов. Наиболее богата датами Калмыцкая группа – 57 определений (более 45% от всей совокупности). Самая бедная образцами группа "Дон–Донец" представлена всего 26 аналитическими данными. Среднее положение занимает Буго-Днепровская с 43 датировками; однако мы уже говорили, что из них шесть образцов связаны с комплексами культуры многоваликовой керамики.

Сопоставление этих групп между собой (рис. 3) должно привести к заключению, что наиболее ранние даты связаны с памятниками и комплексами самой малопредставительной группы, а именно Доно-Донецкой. Фигура распределения суммы вероятностей ее датировок тем не менее двухвершинна. Вполне очевидно, что их ранний пик приходится на время древнеямной общности (2900–2550 гг. до н.э.), а пик поздний укладывается уже в рамки катакомбных дат (2500–2200 гг. до н.э.).

Наиболее типичным для катакомбной общности является полигон сумм вероятностей калмыцкой группы (рис. 3, сравните совокупную фигуру для всей общности и калмыцкой группы). Впрочем, это кажется вполне естественным, поскольку в данной группе сосредоточена едва ли не половина всех известных катакомбных датировок. Известное удивление, пожалуй, может вызывать отсутствие в ней образцов с ранними датами. Ведь именно в Калмыкии обнаружены погребения в катакомбах с майкопской керамикой; дати-

Таблица 2. Конвенционные и калиброванные даты комплексов катакомбной общности

Номер памятника	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Конвенционная дата	Калиброванная дата до н.э. (вероятность)	
					68.20%	95.40%
1	п.11	Ки-6823	Кость чел.	3795 ± 60	2340–2320 (3.2%) 2310–2130 (64.2%) 2080–2070 (0.8%)	2460–2110 (86.0%) 2100–2030 (9.4%)
1	п.15	Ки-6824	Кость чел.	3745 ± 50	2280–2250 (4.5%) 2210–2120 (39.8%) 2100–2030 (23.9%)	2300–2010 (93.2%) 2000–1970 (2.2%)
1	п. 16	Ки-6825	Кость чел.	3780 ± 60	2300–2130 (60.3%) 2080–2040 (7.9%)	2460–2420 (1.5%) 2410–2020 (93.9%)
1	п. 20	Ки-6826	Кость чел.	3685 ± 45	2140–2020 (60.4%) 2000–1970 (7.8%)	2200–1930
4	к. 2, п. 30	Ки-6556		3720 ± 55	2200–2030	2290–1940
5	к. 11, п. 9	Ки-7098	Дерево	4015 ± 60	2630–2460	2900–2800 (5.2%) 2750–2300 (90.2%)
5	к. 11, п. 9	Ки-3368		3900 ± 50***	2470–2300	2560–2540 (1.0%) 2500–2200 (94.4%)
5	к. 11, п. 9	Ки-3592		4370 ± 50***	3090–3060 (5.4%) 3030–2910 (62.8%)	3310–3230 (3.7%) 3110–2880 (91.7%)
5	к. 11, п. 9	UB-3135		4062 ± 19***	2630–2570 (45.4%) 2520–2490 (22.8%)	2840–2810 (2.9%) 2670–2640 (4.4%) 2630–2550 (59.1%) 2540–2490 (29.0%)
6	к. 1, п. 7	Ки-6560	Кость чел.	3680 ± 45	2140–2010 (59.6%) 2000–1970 (8.6%)	2200–1920
6	к. 1, п. 14	Ки-6561	Кость чел.	3710 ± 40	2200–2170 (6.9%) 2150–2030 (61.3%)	2280–2250 (1.1%) 2210–1960 (94.3%)
6	к. 1, п. 15	Ки-6562	Кость чел.	3750 ± 45	2280–2250 (6.6%) 2230–2220 (1.7%) 2210–2120 (41.7%) 2090–2040 (18.2%)	2300–2020
6	к. 1, п. 18	Ки-6563	Кость чел.	3775 ± 50	2290–2130 (65.1%) 2080–2060 (3.1%)	2400–2380 (1.7%) 2350–2030 (93.7%)
6	к. 8, п. 5	Ки-6564	Кость чел.	3560 ± 55	2010–2000 (2.5%) 1980–1870 (45.1%) 1850–1810 (12.2%) 1800–1770 (8.4%)	2040–1740
6	к. 8, п. 5	Ки-6564а	Кость чел.	3620 ± 55	2110–2100 (1.9%) 2040–1880 (66.3%)	2140–1870 (90.2%) 1850–1810 (3.3%) 1800–1770 (1.8%)
6	к. 8, п. 12	Ки-6565	Кость чел.	3690 ± 45	2140–2020 (61.3%) 2000–1970 (6.9%)	2200–1940
6	к. 8, п. 13	Ки-6566	Кость чел.	3720 ± 50	2200–2160 (16.0%) 2150–2030 (52.2%)	2290–1950
6	к. 8, п. 13	Ки-6566а	Кость чел.	3760 ± 50	2290–2250 (11.9%) 2240–2130 (42.7%) 2090–2040 (13.7%)	2340–2020

Таблица 2. Продолжение

Номер памятника	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Конвенционная дата	Калиброванная дата до н.э. (вероятность)	
					68.20%	95.40%
6	к. 11, п. 7	Ки-6567	Кость чел.	3680 ± 50	2140–2010 (59.3%) 2000–1970 (8.9%)	2200–1910
6	к. 11, п. 12	Ки-6568	Кость чел.	3810 ± 50	2400–2380 (0.8%) 2340–2320 (4.1%) 2310–2190 (52.5%) 2180–2140 (10.8%)	2460–2130 (93.2%) 2080–2050 (2.2%)
6	к. 11, п. 17	Ки-6569	Кость чел.	3730 ± 45	2200–2110 (37.4%) 2100–2030 (30.8%)	2290–2010 (92.3%) 2000–1970 (3.1%)
7	к. 11, п. 27	Ки-?		3908 ± 120***	2570–2510 (7.5%) 2500–2200 (60.7%)	2900–2800 (2.2%) 2750–2000 (93.2%)
8	к. 7, п. 1	Ки-5827	Кость чел.	3610 ± 30	2030–1990 (20.1%) 1980–1910 (48.1%)	2040–1880
8	к. 8, п. 5	Ки-5829	Кость чел.	3325 ± 50	1690–1520	1740–1490
11	к. 3, п. 17	Ки-6553a	Кость чел.	3710 ± 60	2200–2020 (64.3%) 2000–1980 (3.9%)	2290–1920
11	к. 3, п. 17	Ки-6553b	Кость чел.	3745 ± 50	2280–2250 (4.5%) 2210–2120 (39.8%) 2100–2030 (23.9%)	2300–2010 (93.2%) 2000–1970 (2.2%)
11	к. 3, п. 27	Ки-6554	Кость чел.	3805 ± 45	2310–2190 (55.2%) 2180–2140 (13.0%)	2460–2420 (1.8%) 2410–2130 (90.7%) 2080–2040 (2.9%)
11	к. 3, п. 28	Ки-6555	Кость чел.	3825 ± 45	2400–2380 (4.0%) 2350–2190 (64.2%)	2460–2140
12	к. 11, п. 6	Ки-6608	Кость чел.?	3815 ± 45	2400–2380 (1.5%) 2340–2190 (59.6%) 2170–2140 (7.1%)	2460–2130
12	к. 11, п. 6	Ки-6608a	Кость чел.?	3770 ± 50	2290–2130 (62.3%) 2080–2060 (5.9%)	2400–2380 (1.2%) 2350–2030 (94.2%)
12	к. 11, п. 7	Ки-6610	Кость чел.?	3765 ± 45	2290–2130 (60.9%) 2080–2050 (7.3%)	2310–2030
12	к. 11, п. 7	Ки-6610a	Кость чел.?	3750 ± 45	2280–2250 (6.6%) 2230–2220 (1.7%) 2210–2120 (41.7%) 2090–2040 (18.2%)	2300–2020
12	к. 11, п. 12	Ки-6609	Кость чел.?	3870 ± 40	2460–2280	2470–2270 (82.6%) 2260–2200 (12.8%)
12	к. 11, п.12	Ки-6609a		3800 ± 50	2310–2140	2460–2120 (90.3%) 2090–2040 (5.1%)
13	к. 7, п. 8	Ки-6558	Кость чел.	3835 ± 40	2400–2380 (5.3%) 2350–2200 (62.9%)	2460–2190 (91.4%) 2170–2140 (4.0%)
14	к. 1, п. 20	Ки-6559	Кость чел.	3740 ± 45	2210–2120 (41.7%) 2100–2030 (26.5%)	2290–2020 (93.6%) 2000–1980 (1.8%)
20	к. 1, п. 22	ИГАН-2256	Дерево	3850 ± 50	2460–2440 (1.1%) 2430–2420 (2.1%) 2410–2370 (11.4%) 2360–2270 (34.0%) 2260–2200 (19.6%)	2470–2190 (92.4%) 2170–2140 (3.0%)

Таблица 2. Окончание

Номер памятника	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Конвенционная дата	Калиброванная дата до н.э. (вероятность)	
					68.20%	95.40%
21	к. 1, п. 5	ИГАН-2449	Дерево	4030 ± 70	2840–2810 (4.1%) 2670–2460 (64.1%)	2900–2300
24	к. 29, п. 10	GrA-10679	Растит. Подстилка	4170 ± 80	2880–2830 (13.4%) 2820–2660 (49.7%) 2650–2620 (5.1%)	2920–2560 (93.0%) 2530–2490 (2.4%)
25	к. 12, п. 13	GrA-10683	Растит. Подстилка	3520 ± 80	1950–1730	2130–2080 (1.5%) 2040–1620 (93.9%)
25	к. 16, п. 3	GrA-10696	Растит. Подстилка	3880 ± 80	2470–2270 (59.3%) 2260–2230 (5.6%) 2220–2200 (3.2%)	2600–2050
27	к. 3, п. 1	GrA-10050	Уголь	4020 ± 40	2580–2470	2840–2810 (1.2%) 2670–2640 (1.5%) 2630–2460 (92.7%)
27	к. 4, п. 1	ИГАН-1723	Уголь	4060 ± 60	2840–2810 (6.6%) 2670–2470 (61.6%)	2870–2800 (13.3%) 2790–2460 (82.1%)
27	к. 5, п. 1	Ки-6090	Уголь	3810 ± 50	2400–2380 (0.8%) 2340–2320 (4.1%) 2310–2190 (52.5%) 2180–2140 (10.8%)	2460–2130 (93.2%) 2080–2050 (2.2%)
27	к. 5, п. 1	GrA-10694	Уголь	3700 ± 80	2200–1960	2400–1800
27	к. 7, п. 1	Ки-6089	Уголь	3750 ± 60	2280–2250 (8.5%) 2230–2110 (38.9%) 2100–2030 (20.9%)	2400–2380 (1.1%) 2350–1960 (94.3%)
27	к. 7, п. 1	GrA-10051	Дерево	3880 ± 40	2460–2290	2470–2270 (86.6%) 2260–2200 (8.8%)
27	к. 8, п. 1	GrA-10046	Циновка	3870 ± 40	2460–2280	2470–2270 (82.6%) 2260–2200 (12.8%)
29	к. 14, п. 6	ИГАН-2403	Кость	4040 ± 70	2840–2810 (4.8%) 2670–2460 (63.4%)	2900–2350
29	к. 14, п. 1	ИГАН-2493	Кость	3890 ± 70	2470–2280 (65.2%) 2250–2230 (3.0%)	2570–2510 (4.5%) 2500–2190 (88.5%) 2180–2140 (2.5%)
30	к. 8, п. 3*	ИГАН-2055		3790 ± 30	2290–2190 (49.5%) 2170–2140 (18.7%)	2310–2130 (94.3%) 2080–2060 (1.1%)
30	к. 1, п. 2**	ИГАН-1890		3720 ± 90	2290–2250 (6.0%) 2240–1970 (62.2%)	2500–1800
31	к. 3, п. 10	ИГАН-2130	Кость	3860 ± 60	2460–2280 (57.4%) 2260–2230 (6.9%) 2220–2200 (3.9%)	2480–2140

* Могильник № 1.
** Раскопки 1998 года.
*** Приведенные здесь даты были ошибочно опубликованы E. Keiser как даты ВС (см. ссылку в табл. 1).

Таблица 3. Полтавкинская культура: памятники с радиоуглеродными датировками

Номер памятника	Координаты		Памятник	Количество дат	Литература
	Широта	Долгота			
1	52.97	51.58	Гвардейцы II	2	Кузнецов, 2001. С. 179
2	53.7	50.7	Грачевка II	1	***
3	52.32	50.57	Журавлиха I	1	Кузнецов, 2001. С. 179
4	52.2	48.27	Калач*	1	Кузнецов, 2001. С. 181
5	53.78	51.28	Калиновка I	1	***
6	53.03	50.8	Красносамарский IV	2	Кузнецов, 2003. С. 48
7	52.5	52.08	Курманаевский III	1	***
8	53.57	50.47	Лопатино I	1	**
9	53.92	50.95	Нижне-Орлянка I	1	**
10	51.73	54.78	Нижнепавловка V	1	Кузнецов, 2000. С. 98
11	53.78	50.63	Потаповка	2	***
12	53.13	48.27	Уваровка 2	1	Кузьмина, Михайлова, Фадеев, 2003. С. 238
			Всего	15	

* Грунтовой могильник, остальные курганные.
** Даты опубликованы: (см.: Черных и др., 2000. Табл. 13-А, 13-В).
*** Авторы выражают признательность П.Ф. Кузнецову за предоставленные, но еще неопубликованные результаты датировок.

ровки по ^{14}C данных комплексов указывали на их большую древность (Яковлев, Самойленко, 2003. С. 74–83; Черных, Орловская, 2004).

Наконец, группа "Днепр–Буг" являет самую позднюю совокупность датировок (рис. 3). Последнее особенно заметно на фоне ее восточного соседа – группировки "Дон–Донец". Правда, такое впечатление усиливается за счет включения в нее радиокарбоновых дат шести комплексов многоваликовой культуры. Однако, как мы покажем несколько ниже, влияние этих определений возраста по ^{14}C не было сколько-нибудь существенным не только для целостной катакомбной совокупности, но даже для материалов группы "Днепр-Буг".

Теперь имеет смысл сопоставить рамки хронологических периодов отдельных групп катакомбной общности с теми совокупностями древнеямной общности, которые занимали те же территории, что и первые. Поскольку для древнеямных датированных памятников выделялась совокупная группа "Дон–Донец–Калмыкия", мы приравняли к ней и соответствующие катакомбные комплексы – группы II и III, объединяя их в одну. В то же время совокупности датировок буго-днепровского регионов для обеих общностей будут сопоставлены между собой без каких-либо изменений (рис. 4, 5).

К сожалению, сравниваемые группы количественно неравнозначны. В восточной группировке резко преобладают материалы катакомбной общности (рис. 4), а в западной – древнеямной (рис. 5). График четко показывает, что при 68%-ном уровне вероятности ареал взаимного перекрытия периодов в группах "Дон–Донец–Калмыкия" чрезвычайно велик (рис. 4) и равен 550 годам (2650–2100 гг. до н.э.). Иная картина наблюдается в группировках "Днепр–Буг" (рис. 5). Даже при изъятии из катакомбной совокупности шести дат многоваликовых комплексов зона взаимного наложения хронологических ареалов едва достигает 200 лет – с 2400 по 2200 гг. до н.э.

Основной целью наших обеих статей о радиоуглеродной хронологии восточноевропейских курганных степных и лесостепных культур и общностей раннего и среднего бронзовых веков служило установление хотя бы предварительных хронологических рамок не только для каждого из этих образований, но и для их основных региональных вариантов культурно-исторических общностей. Базой для этого послужили 374 калиброванных и статистически обработанных радиокарбоновых анализа[2], представленные в данной и

[2] В это число не включены шесть датировок из комплексов культуры многоваликовой керамики.

Таблица 4. Конвенционные и калиброванные даты комплексов полтавкинской культуры

Номер памятника	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Конвенционная дата	Калиброванная дата до н.э. (вероятность)	
					68.20%	95.40%
1	к. 1, п. 2	ГИН-10611	Кость чел.	3960 ± 90	2580–2300	2900–2800 (3.0%)
						2750–2100 (92.4%)
1	к.1, п. 6	ГИН-10613	Кость чел.	3960 ± 40	2570–2520 (22.6%)	2580–2330 (94.3%)
					2500–2400 (42.1%)	2320–2300 (1.1%)
					2370–2350 (3.5%)	
2	к. 10, п. 2	Ле-6544	Кость чел.	3820 ± 70	2410–2370 (6.7%)	2470–2120 (89.8%)
					2360–2190 (51.5%)	2100–2030 (5.6%)
					2180–2140 (10.0%)	
3	к. 1, п. 16	ГИН-10614	Кость чел.	3990 ± 40	2570–2510 (40.3%)	2620–2400 (93.2%)
					2500–2460 (27.9%)	2380–2350 (2.2%)
4	раскоп 2, п. 5?	Ки-7662	Кость	3620 ± 80	2140–2080 (13.3%)	2200–1740
					2050–1880 (53.7%)	
					1840–1830 (1.3%)	
5	к. 1, п. 4	ГИН-11289	Кость чел.	4050 ± 40	2660–2650 (1.1%)	2860–2810 (7.3%)
					2630–2490 (67.1%)	2680–2460 (88.1%)
6	к. 1, п. 3	АА-37031		4241 ± 70	2920–2850 (25.7%)	3020–2620
					2820–2680 (42.5%)	
6	к. 1, п. 1	АА-37033		4284 ± 79	3030–2860 (51.7%)	3100–2550
					2810–2750 (12.7%)	
					2720–2700 (3.8%)	
7	к. 3, п. 1	АА-47805		4234 ± 60	2920–2850 (26.1%)	3010–2980 (1.1%)
					2820–2740 (31.4%)	2930–2620 (94.3%)
					2730–2690 (10.7%)	
8	к. 33, п. 1	ОхА-4307	Кость	4075 ± 70	2860–2810 (12.5%)	2880–2800 (16.6%)
					2700–2550 (42.7%)	2790–2460 (78.8%)
					2540–2490 (13.0%)	
9	к. 1, п. 4	ОхА-4255	Кость	4230 ± 80	2920–2840 (22.9%)	3020–2570
					2820–2670 (45.3%)	
10	к. 2, п. 3	Ки-7766	Кость чел.	4010 ± 90	2840–2810 (3.2%)	2900–2200
					2670–2400 (61.1%)	
					2380–2350 (3.9%)	
11	к. 5, п. 6	АА-12569	Кость чел.	4180 ± 85	2890–2830 (13.9%)	2920–2550 (92.2%)
					2820–2660 (49.1%)	2540–2490 (3.2%)
					2650–2620 (5.2%)	
11	к. 5, п. 6	ГИН-11453	Кость чел.	3930 ± 40	2490–2340	2560–2520 (5.5%)
						2500–2290 (89.9%)
12	к. 2, п. 2	Ле-6550	Дерево	4195 ± 20	2880–2860 (15.4%)	2890–2850 (19.9%)
					2810–2750 (40.8%)	2820–2690 (75.5%)
					2720–2700 (12.0%)	

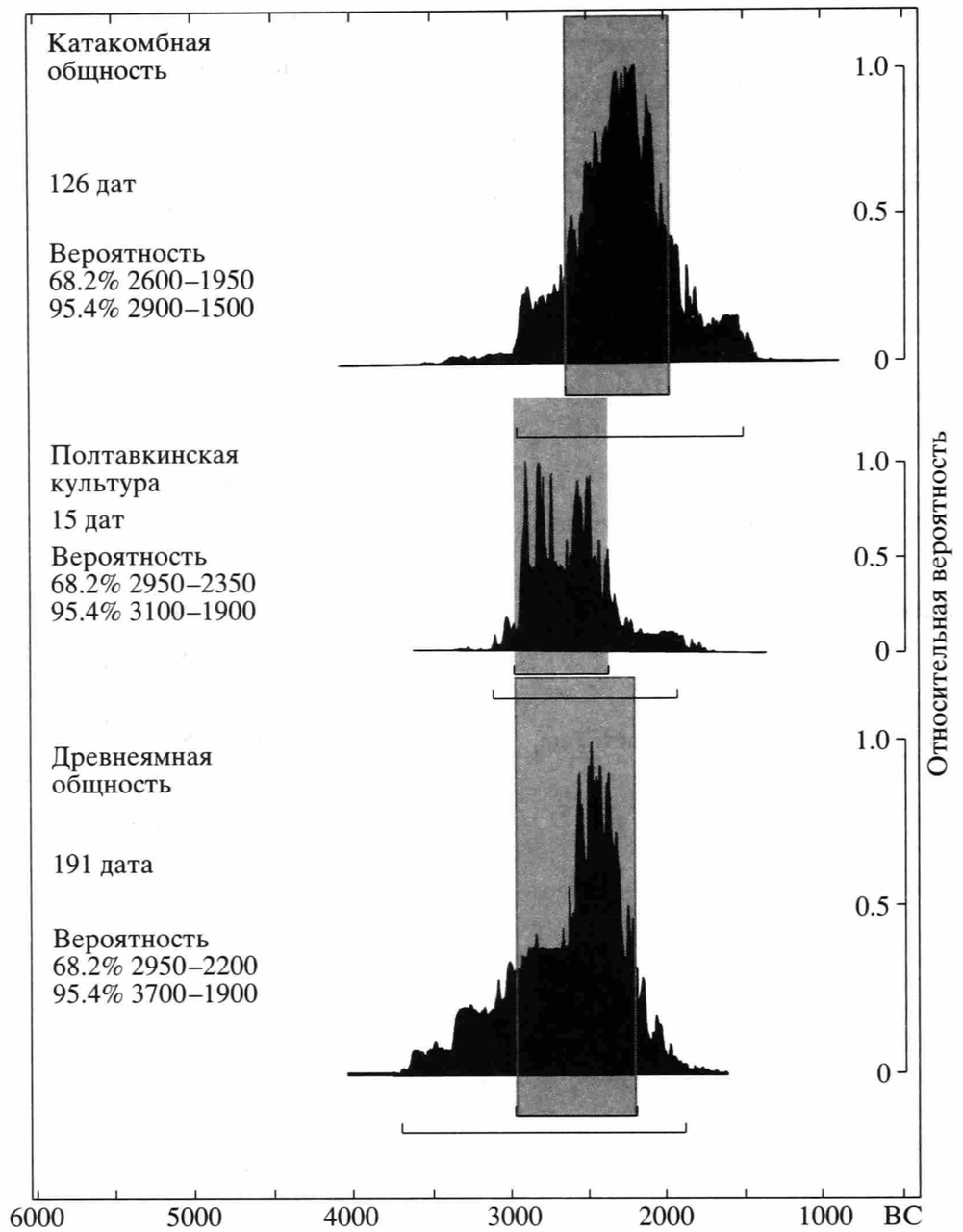


Рис. 2. Сопоставление сумм вероятностей калиброванных датировок катакомбной и древнеямной общностей, а также полтавкинской культуры.

предшествующих работах (Черных и др., 2000; Черных, Орловская 2004). Линейный график выявленных границ (рис. 6) представляет нам общую картину хронологии всех основных культур, общностей, а также региональных групп последних, что устанавливается на базе статистической обработки всех указанных определений при уровне вероятности в одну сигму (68.2%).

Прежде всего бросается в глаза отчетливо выраженный хронологический отрыв майкопской культуры от всех иных образований РБВ. Лишь только отдельные даты группировок "Днестр–Дунай", "Дон–Донец–Калмыкия" и "Волга–Урал" древнеямной общности могут претендовать на хронологическую близость с этой чрезвычайно яркой курганной культурой Северного Кавказа. Основная же масса датированных комплексов указанной общности относится к существенно более позднему времени.

Далее. Примечательный сюрприз преподнесли даты культур, относимых к среднему бронзовому веку. Выяснилось, что взаимное наложение хронологических периодов ямной и катакомбной общностей было исключительно велико. Особенно ярко это проявилось у полтавкинской культуры. Последняя вообще несравненно более явно соотносилась по времени с совокупными хронологическими рамками древнеямной общности, нежели с традиционно сопоставляемой с ней общностью катакомбной. Наметилась также существен-

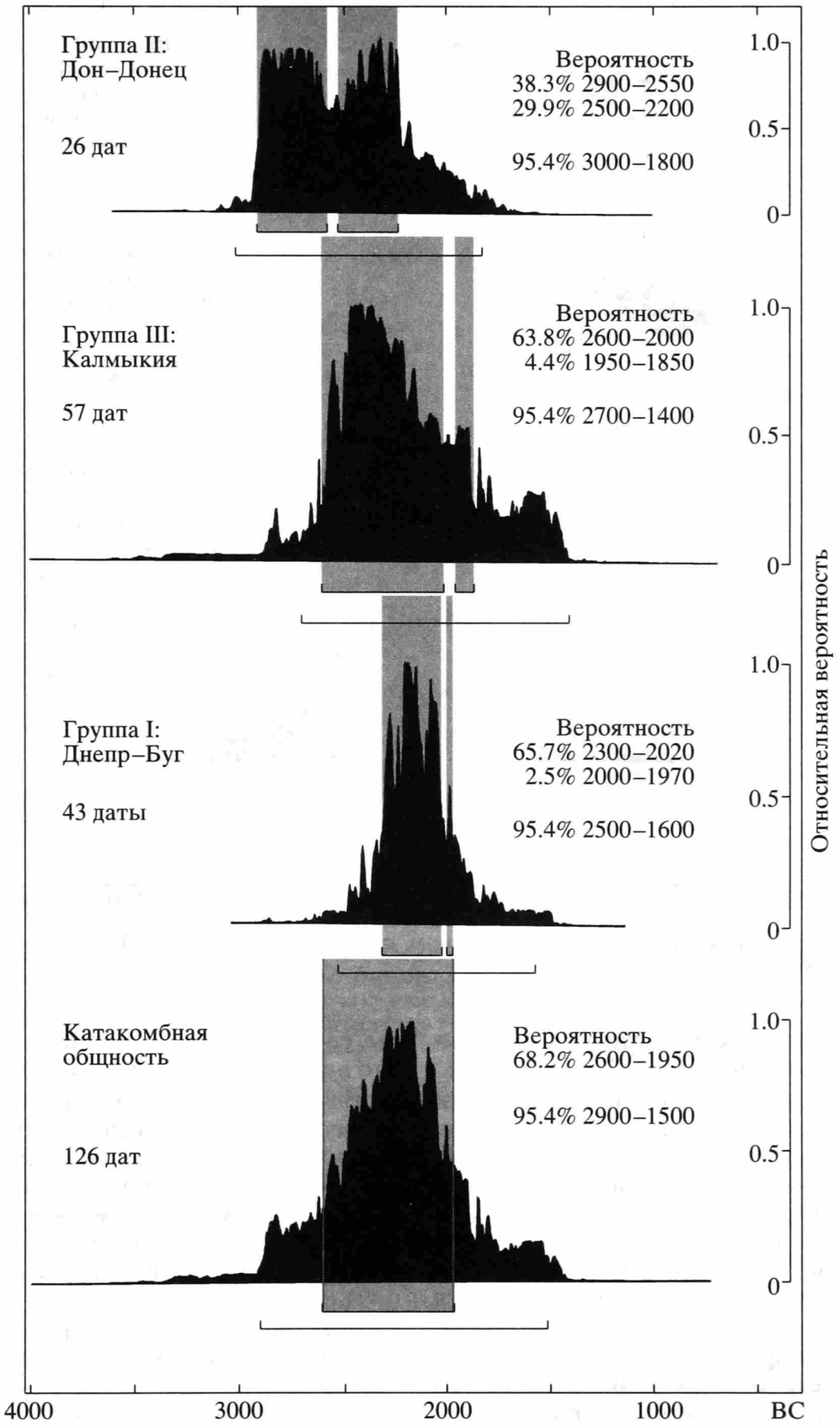


Рис. 3. Сопоставление сумм вероятностей калиброванных датировок катакомбной общности и ее основных региональных групп.

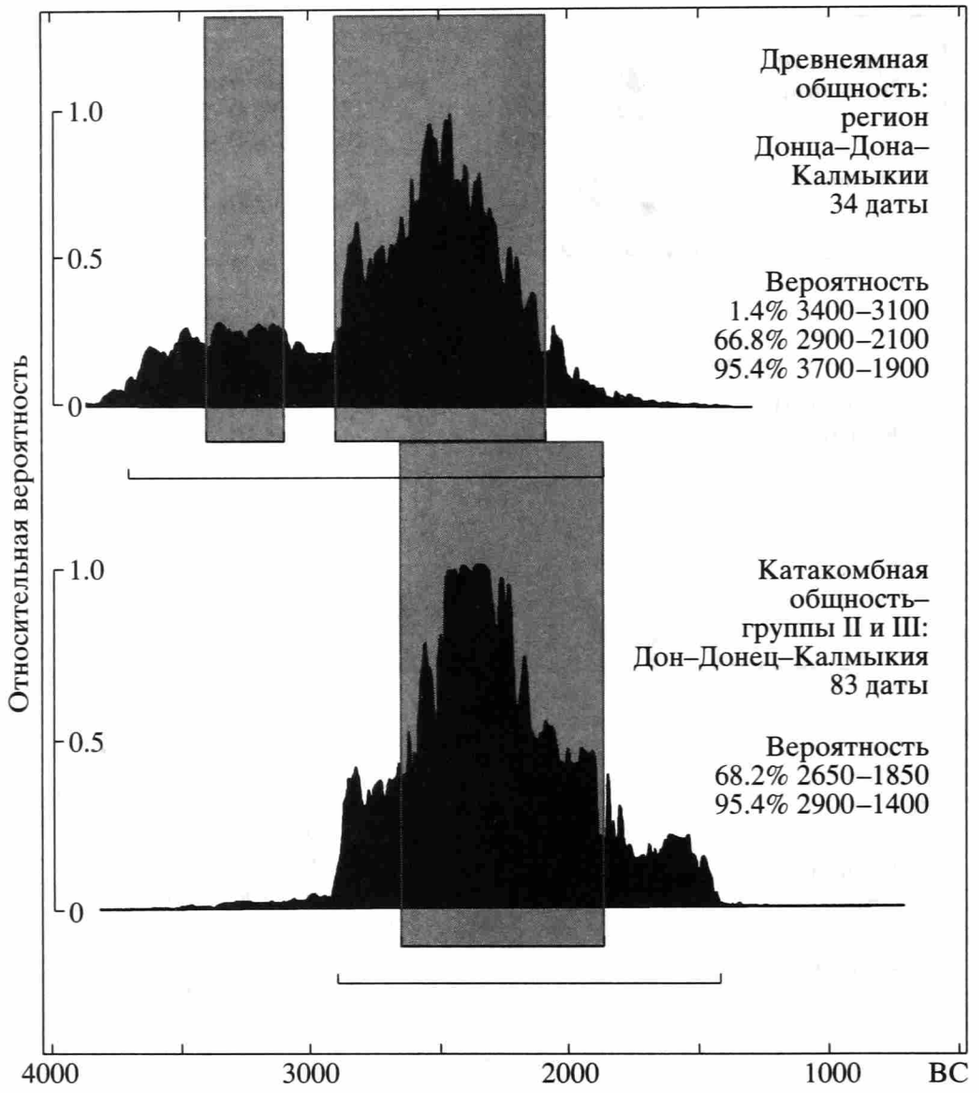


Рис. 4. Сопоставление сумм вероятностей калиброванных дат региональных групп "Дон–Донец–Калмыкия" катакомбной и древнеямной общностей.

но бóльшая древность катакомбных курганных могильников группы "Дон–Донец".

При этом необходимо повторить вновь, что изложенные здесь наблюдения нередко подкрепляются пока еще малочисленным материалом. По этой причине ряд наших заключений должен считаться лишь предварительным. Да и коснулись мы лишь некоторых – прямых результатов анализа всего массива датировок восточноевропейских степных и лесостепных культур эпох ранней и средней бронзы.

Безусловно, что представленные здесь соображения, исходящие из анализа значительных серий радиоуглеродных датировок, входят в известные, порой существенные противоречия с традиционно устоявшимися взглядами на полотно развития и взаимодействия социальных объединений IV и III тыс. до н.э., т.е. древнеямную и катакомбную общности, а также майкопскую, усатовскую и полтавкинскую культуры. Мы сможем лишь кратко сформулировать здесь возникшие вопросы, ни в коей мере не претендуя на их разрешение: это не может быть целью настоящей статьи.

Во-первых, отныне мы должны резко и решительно изменить взгляды на абсолютную хронологию всего блока этих культур. Ведь до сих пор и совсем нередко можно натолкнуться в специальной литературе на утверждения о датировке эпохи бронзы Восточной Европы, скажем "в пределах от начала II тыс. до н.э. до начала I тыс. до н.э."[3].

Во-вторых, датировки по ^{14}C резко укрепляют аргументацию в пользу весьма длительного сосуществования обеих основных степных общностей –

[3] Эти слова принадлежат, например, Л.В. Субботину в работе 2000 г., где он также пишет: "...для Северо-Западного Причерноморья эти хронологические рамки оказались шире. С учетом общепринятого деления рассматриваемой эпохи на три периода, этот феномен выглядит примерно так: ранний период бронзы – XXV–XVII вв. до н.э., средний – XVII–XIV вв. до н.э., поздний – XIV–IX вв. до н.э." (Субботин, 2000. С. 351). Интересно, что автор при этом не чурается радиоуглеродных дат. Впрочем, примеры такого рода хронологических "обоснований" можно легко умножить.

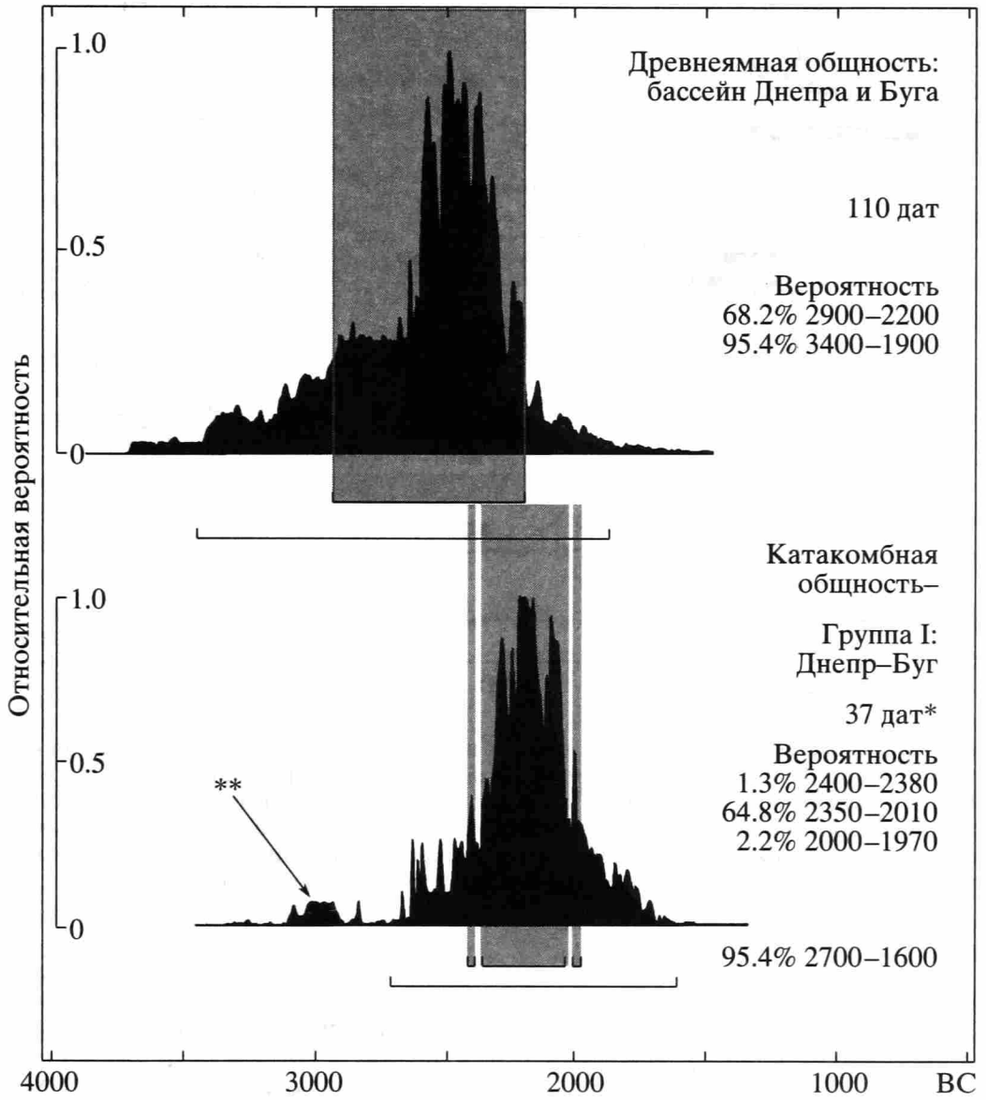


Рис. 5. Сопоставление сумм вероятностей калиброванных дат региональных групп "Буг–Днепр" катакомбной и древнеямной общностей.* В группе "Днепр–Буг" не учитывались шесть датировок из комплексов культуры многоваликовой керамики. ** Для деревянных деталей повозки из кургана в Каменке Днепровской проведены четыре определения (табл. 1 и 2, № 5); однако среди последних своей древностью заметно отделяется от прочих (равно как и от всех иных анализов данной группы) датировка одной из деревянных деталей этой повозки (Ки-3592); авторы не исключают лабораторной ошибки в анализе образца.

древнеямной и катакомбной. Особенно рельефно это проявляется в бассейне Дона и Донца, а также в Калмыкии. Намного слабее это выражено в западных, поднепровских памятниках обеих культур. По названной причине возможна и желательна широкая дискуссия по проблеме параллельного сосуществования двух моделей скотоводческих культур и определения характера этого сосуществования. Последнее, например, могло протекать без активного воздействия этих общностей друг на друга, при сохранении верности исходным стереотипам.

В-третьих, датировки заставляют внимательно рассмотреть схему развития морфологии и технологии металлообработки от века ранней бронзы к среднебронзовому периоду в пределах северной зоны Циркумпонтийской металлургической провинции. Был ли переход от раннебронзовых стереотипов производства металла к типам среднебронзового века столь четко выражен, как это предполагалось ранее? Или же переход от одного крупного этапа к другому следует представлять в виде картины, на которой сам процесс перехода отличался весьма размытыми гранями? По всей вероятности, здесь необходимо более внимательно и критически проанализировать связь типов металлических изделий (прежде всего, орудий и оружия) с теми комплексами, чье относительное положение на хронологической шкале в той или иной общности или культуре определяется сравнительно надежно. Впрочем, для курганных культур решение такого рода задачи вряд ли может сулить особые успехи.

Наконец, в-четвертых, возможно ли, кроме дат по ^{14}C, подтвердить какими-либо иными архе-

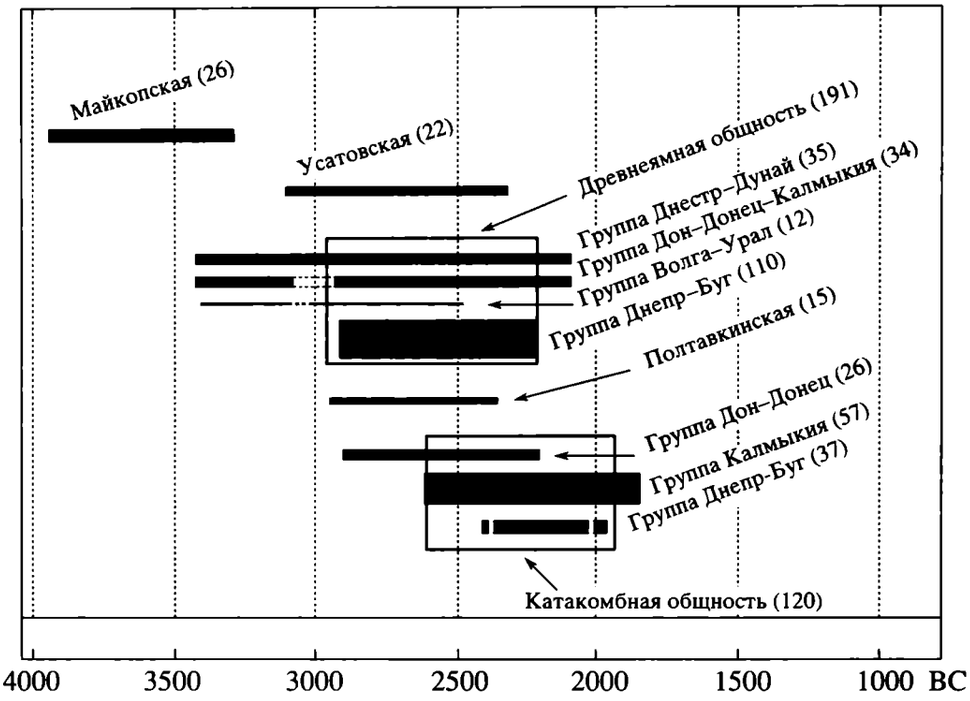


Рис. 6. Линейный график протяженности хронологических периодов основных культур времени РБВ и СБВ степной и лесостепной зон Восточной Европы. График построен на базе 374 калиброванных радиоуглеродных датировок при 68% уровне вероятности; большие незалитые прямоугольники обозначают хронологический диапазон бытования катакомбной и древнеямной общностей на базе всей совокупности их анализов; залитые удлиненные прямоугольники или линии отражают диапазоны региональных групп внутри общностей; число в скобках говорит о количестве датировок; толщина линий и залитых прямоугольников отражает примерное число датировок в каждой культуре или группе.

ологическими материалами более ранние хронологические позиции полтавкинской культуры по отношению к катакомбной, а майкопской – по отношению к древнеямной общностям. Ведь хронологические различия здесь весьма существенны, особенно в случае майкопских древностей.

Нам кажется, что перечень неясных и требующих широкого обсуждения вопросов можно было бы продолжить, но мы ограничимся в настоящей статье лишь намеченным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Братченко С.Н. Культура многоваликовой керамики // Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1985.

Братченко С.Н., Шапошникова О.Г. Катакомбная культурно-историческая общность // Археология Укр. ССР. Т. 1. Киев, 1985.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 году // Тр. XII Археологического съезда. Т. 1. СПб., 1905.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 году // Тр. XIII Археологического съезда. Т. 1. СПб., 1907.

Клейн Л.С. Краткое обоснование миграционной гипотезы о происхождении катакомбной культуры // Вестн. Ленинград. ун-та. 1962. № 2.

Клейн Л.С. Происхождение донецкой катакомбной культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1968.

Кривцова-Гракова О.А. Генетическая связь ямной и катакомбной культур // Тр. ГИМ. М., Вып. VIII. 1938.

Кузнецов П.Ф. О хронологической позиции погребений с заплечиками Южного Урала // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2000.

Кузнецов П.Ф. Территориальные особенности и временные рамки переходного периода к эпохе поздней бронзы Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Матер. междунар. науч. конф. "К 100-летию периодизации В.А. Городцова бронзового века Восточной Европы". Самара, 2001.

Кузнецов П.Ф. Особенности курганных обрядов населения Самарской долины в первой половине бронзового века // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. Самара, 2003.

Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Фадеев В.Г. Новые раскопки Уваровского курганного могильника // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Матер. междунар. науч. конф. Чебоксары, 2003.

Николова А.В. Хронология ямной и катакомбной культур Степной Украины: некоторые вопросы датировки методом ^{14}C // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Матер. междунар. науч. конф. "К 100-летию периодизации В.А. Городцова бронзового века Восточной Европы". Самара, 2001.

Попова Т.Б. Племена катакомбной культуры. М., 1955.

Субботин Л.В. Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы // Stratum plus. 2000. № 2.

Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М., 2000.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., Кузьминых С.В. Металлургия в Циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // РА. 2002. № 1.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур // РА. 2004. № 1.

Шишлина Н.И., Чичагова О.А., Александровский А.Л. Радиуглеродное датирование погребений могильников Му-Шарет–1 и Му-Шарет–4 // Могильники Му-Шарет в Калмыкии: Комплексное исследование. Москва; Элиста, 2001.

Шишлина Н.И., Чичагова О.А., Александровский А.Л., Сулержицкий Л.Д. Радиуглеродное датирование погребений эпохи бронзы – раннего железного века могильника Островной в Калмыкии // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. Москва; Элиста, 2002.

Шишлина Н.И., Чичагова О.А., Зазовская Э.П., ван дер Плихт Й. Радиоуглеродная хронология майкопских памятников Южных Ергеней // Чтения, посвященные 100-летию творческой деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее: Тез. конф. Ч. I. М., 2003.

Яковлев А.В., Самойленко В.Г. Новые погребения с майкопской керамикой на северо-востоке Ставрополья // КСИА. 2003. Вып. 214.

Černych E.N. Metallurgische Bereiche des 4–2 Jahrt. in der UdSSR // UISPP – IXe congrès. Colloque. XXIII. Nice, 1976.

Chernykh E.N. Ancient Metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. Cambridge University Press, 1992.

Chernykh E.N., Avilova L.I., Orlovskaya L.B. Metallurgy of the Circumpontic Area: From Unity to Disintegration // Der Anschnitt. Beiheft 15. Anatolian Metal II. / Ed. Ü. Yalçin. Bochum. 2002.

Häusler A. Die Gräber der älteren Ockergrabcultur zwischen Ural und Dnepr. Berlin, 1974.

Kaiser E. Radiocarbon Dates From Catacomb Graves // Baltic-Pontic Studies. V. 7. The foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. Poznan, 1999.

Klochko, V.I. Radiocarbon Chronology of the Early and Middle Bronze Age in the Middle Dnieper Region. The Myronivka Barrows // Baltic-Pontic Studies. V. 7. The foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. Poznan, 1999.

Nikolova A.V. Radiocarbon Dating of Graves of the Yamnaya and Catacomb Cultures on the Dnieper Right Bank // Baltic-Pontic Studies. V. 7. The foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. Poznan, 1999.

Ramsey B.C. Development of the Radiocarbon calibration program OxCal // Radiocarbon. 2001. 43, (2A). Proceedings of the 17th International ^{14}C Conference.

Ramsey B.C., Higham T.F.G., Owen D.C. et al. Radiocarbon dates from the Oxford AMS System: Archaeometry Datelist 31 // Archaeometry. 2002. № 44, 3 (1).

Shishlina N.I., Aleksandrovsky A.L., Chichagova O.A., van der Plicht J. Radiocarbon Chronology of the Kalmykia Catacomb culture of the west Eurasian Steppe // Antiquity. 2000. № 74.

Szmyt M., Chernyakov I.T. Radiocarbon Chronology of "Akkiembetskiy Kurgan". A Preliminary Report // Baltic-Pontic Studies. V. 7. The foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. Poznan, 1999.

The Radiocarbon Chronology of the Catacomb community

E. N. Chernykh, L. B. Orlovskaya

Presently 126 calibrated radiocarbon dates are available for the many burial complexes of the Catacomb community (Tab. 1, 2). These mortuary remains are distributed over a very vast region of the Eurasian steppes stretching from the Kalmykia and the Lower Volga steppe in the east to the Bug, Dniester and Lower Danube in the west and encompassing an area up to 0.6–0.7 million square kilometers. The geographical distribution of the dated complexes is not uniform, and only three territorial groups have enough dates for correct chronological conclusions: I – the Dnepr–Bug steppe; II – the Don–Donets basins and III – the Lower Danube and Dniester basins (Fig. 1). The several Poltavka culture' complexes – only 15 radiocarbon dates – were included in our study (Fig. 1; Tab. 3 and 4). On the basis of the available dates, the chronological range of the Catacomb community extends from 2600–1950 BC as a whole (68.2% sum probability; Fig. 2). It is quite striking that the majority of the earliest dates come from the Don-Donets geographical group, and the Poltavka culture few dates aggregate demonstrates very early and synchronous with Pit-grave community position (Fig.2 and 6). Next remarkable feature is impressive overlapping of the chronological areas Pit-grave and Catacomb communities (Fig. 1 and 6) especially in the Don-Donets and Kalmykia regions (Fig. 4). The statistics of total aggregate radiocarbon dates (374 analyses) of EBA and MBA East-European steppe communities and cultures affords to propose the general picture of their radiocarbon chronology (Fig. 6).

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 2, с. 30–39

СОСТЯЗАНИЯ НА ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ПРАЗДНИКАХ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

© 2004 г. М. В. Скржинская

Институт археологии НАН Украины, Киев

Почти каждый более или менее значительный греческий праздник сопровождался соревнованиями поэтов, музыкантов и атлетов, а также конными бегами. Эта часть праздника, называемая агоном, служила у эллинов особой формой почитания богов и героев (Андреев, 1998. С. 189). Даже такой специфический праздник, как Элевсинские мистерии, заключался разнообразными состязаниями (Pind. Ol. IX, 98, 99; Латышев, 1997. С. 208). Недаром Платон, предлагая законы для идеального государства, писал, что там следует организовать надлежащие празднества с определенными жертвоприношениями и агонами; кроме того, философ считал необходимым посылать как можно больше граждан участвовать в играх на четырех главных панэллинских праздниках в Олимпии, Дельфах, Немее и на Истме (Plat. Leg. VII, 835b; XII, 950e–951a).

Самые знаменитые праздники славились своими агонами. О соперничестве трагических и комических поэтов на Великих Дионисиях в Афинах знали во всех греческих государствах; эти состязания положили начало театральному искусству, завоевавшему в эллинистический период весь эллинский мир. Высшей наградой для музыканта был приз на Пифийских играх в Дельфах, а каждый атлет мечтал о победе на празднике Зевса в Олимпии.

Одна из характерных особенностей религии и культуры греков состояла в проведении празднеств, называвшихся панэгириями, т.е. всенародными собраниями (Нильссон, 1998. С. 133–138). Они играли важнейшую роль в жизни эллинов; именно здесь греки ощущали свое этническое единство. Активными участниками шествий и жертвоприношений были не только устроители праздника, но и некоторые гости, а на большинстве мусических, атлетических и конных состязаний выступали представители многих городов.

Главными среди панэгирий считались упомянутые выше четыре общегреческих праздника, на которые собирались эллины из большинства государств; менее крупные панэгирии привлекали участников в основном из ближайших областей. Торжества проходили у святилища бога или героя, к нему шли многолюдные процессии и совершались жертвоприношения, а затем несколько дней посвящалось агонам, занимавшим на многих праздниках большую часть времени. Организация шествий, жертвоприношений и сопровождавших их ритуалов, а также игр осуществлялась тем государством, на территории которого собиралась панэгирия. Область, где шел праздник, считалась в это время священной, поэтому никто не имел права вторгаться туда с оружием. В греческих государствах объявлялось священное перемирие (ἐκεχειρία) на достаточно продолжительный срок, чтобы все могли беспрепятственно прибыть на праздник. Конечно, варвары не соблюдали этого правила, но случалось, что и греки им пренебрегали. Например, в 420 г. до н.э. спартанцам запретили участвовать в Олимпиаде, потому что они во время священного перемирия осадили город Лепрею в Элиде, где были назначены игры. По свидетельству Элия Аристида (XXII, 7), никогда не нарушалось лишь священное перемирие перед Элевсинскими мистериями.

Многие государства стремились организовать празднества по образцу четырех прославленных древних панэллинских игр; они следовали программам этих празднеств и вручали сходные призы. Например, на этолийских Сотериях был учрежден музыкальный агон, как на Пифийских играх, а конный, как на Немейских; на Никефориях в Пергаме установили состязание музыкантов, как на Пифиадах, а конный и атлетический, как на Олимпиадах (Алмазова, 1997. С. 41, 42).

В Северном Причерноморье к числу панэгирий, по-видимому, принадлежал праздник с агонами на Тендровской косе, называвшейся в древности Ахилловым Дромом (Кубланов, 1957. С. 222–231). Там находилось святилище героя, почитавшееся моряками, плававшими по Понту Евксинскому (IPE I^2. № 328–332). Праздник устраивало Ольвийское государство. В декрете II в. до н.э. говорится, что состязания в честь Ахилла были установлены по предсказанию Пифии (IPE I^2 № 34), поэтому есть основания думать, что ольвийский праздник принадлежал к числу "равных Пифийскому" (ἰ σοπύθιοι) и сопровождался сходными агонами, на которые съезжались граждане разных греческих государств. В надписи сказано лишь о конных ристаниях, во время которых следовало возглашать декрет с похвалой доблести Никерата;

он погиб при нападении врагов на эллинов, возвращавшихся с Ахиллова Дрома (Толстой, 1918. С. 81). Это сообщение – яркий пример игнорирования варварами греческих соглашений о перемирии.

Если проводить аналогию не только с программой агонов, но и с названием игр в Дельфах, именовавшихся Пифиями или Пифиадами, то ольвийский праздник назывался Ахиллеями или Ахиллеадами. Как любая панэгерия, они проводились раз в несколько лет, обычно летом или весной в период наиболее безопасного судоходства, когда корабли обеспечивали бесперебойную связь между всеми греческими государствами. Промежуток между Олимпийскими и Пифийским играми составлял 4 года, а между Истмийским и Немейскими – 2 года. Срок начала праздника определялся по местному лунному календарю, не совпадавшему с хронологическими исчислениями в большинстве других городов. Например, Олимпийские игры приходились то на конец июня, то на начало июля, так как главный день праздника должен был совпадать с полнолунием в священном месяце, который начинался с новолуния, ближайшего к летнему солнцестоянию (Колобова, Озерецкая, 1958. С. 15). Поэтому, начиная с V в. до н.э., устроители панэгерий отправляли корабли с феорами, священными послами, которые объезжали греческие города и приглашали на праздник, сообщая точную дату его начала. По надписям известно, что феоры, приглашавшие на Пифийские игры в Дельфах, посещали Ольвию, Херсонес и Боспор (МИС № 12–14). Вероятно и ольвиополиты перед Ахиллеями посылали феоров в разные города.

О том, как сами греки ценили панэгерии, хорошо сказал оратор Исократ (Paneg. IV, 43, 44): "Справедливо хвалят основателей всенародных празднеств за переданный нам обычай заключать перемирие и, прекратив возникшие раздоры, собираться в одном и том же месте; после совместных обетов и жертвоприношений мы вспоминаем о родстве, существующем между нами, сохраняем на будущее более дружественные чувства, укрепляя старые и создавая новые связи взаимного гостеприимства. Пребывание здесь полезно и простым людям, и атлетам: когда собираются эллины, одни показывают свои дарования, другие наслаждаются этим зрелищем. Равнодушным не остается никто" (Перевод К.М. Колобовой).

Агоны на праздниках в античных городах Северного Причерноморья, как и всюду, проводились по определенным правилам, которые все участники обещали не преступать. К сожалению сейчас об этих уставах ничего не известно кроме того, что на большинство местных праздников, как и всюду, допускались только граждане своего государства, либо лица, обладавшие исополитией, т.е. равными правами. Это было записано в декрете об исополитии Милета и Ольвии (Syll^3. № 286). В уставы состязаний наряду с разнообразными местными отличиями входили общепризнанные пункты. К агонам допускались только полноправные граждане; так как выступление на празднике считалось служением божеству, все участники должны были быть богобоязненными людьми, не иметь судимостей, не быть уличенным в аморальном поведении и нечестных поступках. Кроме того, давалось обещание не прибегать к незаконным приемам, не убивать противника, не подкупать судей и не спорить с ними. За особо тяжкие нарушения изгоняли с игр, за прочие полагались штрафы. В Олимпии на эти деньги были поставлены статуи Зевса (Paus. V, 21, 15).

В атлетических и конных агонах состязались только мужчины. Редкое исключение составляли некоторые женские праздники на Пелопоннесе. Павсаний (V, 16, 2) описал соревнование девушек в беге на празднике Геры в Олимпии. Иногда женщины принимали участие в самых знаменитых мусических агонах. В 134 г. до н.э. певица из города Кумы "достойно славила бога" Аполлона на Пифиадах (Герцман, 1995. С. 157), а на Истмийских играх Аристомаха из Эретрии дважды победила, исполняя эпические поэмы (Plut. Mor. 675 B).

Так как агоны на Ахилловом Дроме, вероятно, в основном повторяли состав состязаний на Пифийских играх, следует сказать об их программе. Агонистическая часть Пифиад начиналась с мусических состязаний, включавших выступления хоров, певцов, солистов на кифаре и аулосе; в эллинистический период к ним присоединились поэты и драматурги (Plut. Mor. 674 D,E). Спортивные соревнования включали все традиционные виды античной агонистики. В античной литературе лучше всего описаны различные виды конных ристаний (Paus. X, 7). Видимо, им на Пифиадах придавалось исключительное значение; правда, и на других играх конные бега выделяли особо ценными призами. Судя по упомянутой ольвийской надписи, конские скачки на Ахилловом Дроме считались наиболее престижным видом соревнований, потому что перед ними в присутствии наибольшего количества зрителей провозглашали самые почетные постановления, к числу которых принадлежал декрет Никерата.

Конные состязания на Пифийских играх ярко и подробно изображены в "Электре" Софокла (ст. 689–755). Хотя поэт повествует о мифических временах, когда на колеснице выступал Орест, стихи трагедии детально обрисовали картину бегов, которые видел сам драматург. В забеге участвовало десять колесниц из разных государств.

Метнули жребий, стали по порядку,
Как им по жребью место указали
Блюстители. Вот звук трубы раздался -
Бег начался. Возницы с громким криком
Поводьями стегнули скакунов,
И понеслись со скрипом колесницы

По пыльному ристалищу вперед.
Вначале вкупе были все, но каждый
На волю рвался, не щадя бича,
Чтоб миновать передней колесницы
Чеку и ржущих головы коней,
И каждому четверки задней жар
Затылок жег, и брызги белой пены,
И спину и колеса покрывали.
Искусно бег свой направлял Орест:
Всегда вплотную огибал он мету,
Давая волю пристяжному справа
И левого отвагу укрощая

(*Перевод Ф.Ф. Зелинского*).

Затем описывается, как несколько колесниц столкнулись и разбились, и при этом одни возницы поранились, а другие погибли. Недалеко от финиша колесница Ореста, огибая мету (столб в конце стадиона), ударилась об нее; возница, упав, запутался в поводьях, и кони тащили его за собой по земле. Сходные картины можно было наблюдать на всех античных ипподромах.

В эллинистический период программы игр на крупных празднествах стали весьма схожи; они включали спортивные и мусические агоны (последние по традиции не проводились только на Олимпийских играх), и они сопровождали праздники почти в каждом греческом городе (Reisch, 1885. P. 71–115). Таким образом, любое более или менее заметное празднество стало включать выступления атлетов, всадников, колесниц, поэтов, музыкантов и драматургов. Глашатаи и трубачи, игравшие немалую роль на каждом празднике, тоже вступали в соревнования (Paus. V, 22, 1). Глашатаи вызывали соревнующихся, объявляли их имена и государство, откуда прибыл участник агона, и спрашивали, нет ли против них каких-либо возражений. После этого любой зритель мог опротестовать право выступать того или иного из заявленных участников, доказав, что тот не является греческим гражданином либо что он совершал неблаговидные поступки. По завершении соревнований глашатаи объявляли победителей. Сигнал к началу игр подавали трубачи. Агонистические каталоги и другие надписи свидетельствуют, что граждане городов Северного Причерноморья обладали мастерством глашатаев и трубачей и соревновались между собой (IPE I^2. № 32, 34, 433; НО. № 28; НЭПХ. № 127); на многих праздниках они устраивали мусические агоны в театрах и спортивные состязания в гимнасиях, на стадионах и ипподромах.

Античные авторы сообщают, что сначала праздники сопровождались агоном лишь одного типа, потом постепенно обогащались все новыми состязаниями. Так на первых Олимпиадах соревновались только в беге, а на Пифиадах выбирали лучший хор, исполнявший гимн в честь Аполлона (Paus. V, 22, 1), или кифарода, спевшего лучший пеан (Strab. IX, 3, 10). Вероятно, так же развивался ольвийский праздник на Ахилловом Дроме. Сначала он был местным, и древнейшим агоном являлся бег. Такое предположение основывается на содержании местной легенды, известной сейчас в кратком изложении Мелы (II, 5) и Плиния (NH IV, 89). Греки рассказывали, как остров Ахиллов Дром получил свое наименование в память о том, что Ахилл праздновал там какую-то свою победу, соревнуясь с друзьями в беге. Этот вид атлетики был избран в легенде не случайно, потому что в эпической поэзии герой имел постоянный эпитет "быстроногий". Вероятно, ольвиополиты считали его основателем игр и первым победителем на Ахиллеях подобно Аполлону на первых Пифиадах.

Таким образом, возникновение агонов на Ахилловом Дроме, как и на главных панэллинских играх, возводилось к мифической древности; затем, вероятно, рассказывали об их возрождении уже на памяти колонистов. Для сравнения напомним, что Олимпиады считались основанными Гераклом и после значительного перерыва возобновленными вновь (Pind. Ol. X, 44–59; Apollod. Bibl. II, 7, 2; Paus. V, 8, 2; Hygin. Fab. 273), а Пифийские игры, якобы установленные Аполлоном (Hygin. Fab. 140), стали регулярными лишь в начале VI в. до н. э. (Шанин, 1980. С. 62, 63; Шарнина, 1997. С. 67).

Первоначально греческие колонисты, поселившиеся в Нижнем Побужье, справляли на Ахилловом Дроме свой местный праздник около святилища прославленного троянского героя. Его они особо почитали с первых лет жизни на новой родине (Яйленко, 1982. С. 290; Русяева, 1992. С. 70–73). Потом стали приглашать греков из соседних городов, а затем и всех желающих полноправных эллинов. Уже в V в. до н.э. ольвиополиты устроили стадион по крайней мере для бега; это можно заключить по словам песни хора из "Ифигении в Тавриде" Еврипида (ст. 435–436), упомянувшего, что корабль Ореста проходил мимо Ахиллова Дрома "с прекрасно размеченными стадиями", т.е. дистанциями для бега. Песчаная Тендровская коса как нельзя лучше подходила для проведения подобных состязаний, потому что греки соревновались, бегая по песку. Вот как писал об этом Лукиан в диалоге "Анахарсис": "Мы заставляем юношей упражняться в беге как на большие расстояния, так и на скорость; и этот бег производится не на твердом месте, а на глубоком песке, где трудно прочно встать и нелегко упереться ногами, так как они вязнут в мягкой почве".

Кроме стадиона на Ахилловом Дроме находился ипподром для конных ристаний, и было оборудовано место для соревнований в стрельбе из лука. Вероятно, она занимала почетное место на Ахиллеях наряду с традиционными видами атлетики, много раз упомянутыми в ольвийских надписях. Соседство с кочевыми племенами, использовав-

шими лук в качестве важнейшего боевого оружия, заставило греков и самих постоянно прибегать к такому оружию, о чем свидетельствуют множество бронзовых наконечников стрел во всех слоях античных городов Северного Причерноморья. Поэтому здесь уделяли серьезное внимание обучению стрельбе из лука и включали ее в состязания на местных праздниках, чего не было в Элладе, где лук применяли только на охоте. В ольвийской надписи IV в. до н. э. указан рекорд лучника Анаксагора, пустившего стрелу на расстояние 282 оргии, т.е. примерно на 540 м. (IPE I^2. № 195). Это единственное уцелевшее свидетельство о конкретном спортивном результате на соревнованиях в Северном Причерноморье. Рекорд Анаксагора значительно превышает современный, достигающий 440 м. Наверное, конструкция ольвийского лука позволяла добиваться большей дальнобойности, чем у современных спортивных снарядов. Ольвийский лук скорее всего был сделан по образцу скифского; его специфическую форму с выступом посередине сейчас можно представить по археологическим находкам и многочисленным изображениям (Черненко, 1981. С. 139).

Ахиллеи, ставшие широко известными в эллинском мире (ср. упоминание в трагедии Еврипида), выросли подобно многим другим, из праздника местного значения, который появился не позже V в. до н.э., а возможно, соревнования в беге на Тендровской косе устраивали уже в VI в. до н.э. Игры в честь Ахилла приобрели статус панэгерии, наверное, в раннеэллинистический период, когда Ольвия достигла своего наивысшего расцвета и могла организовать панэллинский праздник. Кроме того, именно тогда началось учреждение новых панэгерий по всему эллинскому миру, и для их узаконения требовалось обратиться к оракулу (Шарнина, 1997. С. 64), что и сделали ольвиополиты, получив одобрение Пифии в Дельфах. Ее устами говорил Аполлон, почитавшийся как главный бог в Ольвии. Исходя из того, что праздники по образцу Пифийских стали учреждаться в эллинистический период, вряд ли стоит датировать обращение к оракулу V в. до н.э., как это делается в современной научной литературе (Русяева, 1992. С. 70). Более поздняя датировка этого события подтверждается еще и тем, что все сохранившиеся надписи о контактах Ольвии с Дельфами относятся к III–II вв. до н. э. (МИС. № 12; IPE I^2. № 34).

Судя по находкам монет на Тендре, праздник посещали в основном граждане причерноморских государств, кроме того сюда приезжали представители некоторых малоазийских городов, в частности из ольвийской метрополии Милета (Зограф, 1941. С. 153). Если Ахиллеи принадлежали к разряду праздников "равных Пифийским", то они длились несколько дней, их отмечали раз в несколько лет и причисляли к разряду στεφανῖται, т.е. тех, на которых призами служили не материальные ценности, а символические награды, обычно венки из священных растений. Подобные игры считались священными и к ним относились как к культовым церемониям, а выступления на агонах приравнивалось к служению божеству (Алмазова, 1997. С. 42). Перемирие, сопутствовавшее Ахиллеям, как всякому священному празднику, распространялось, наверное, на все Причерноморье.

Надписи с агонистическими каталогами свидетельствуют, что в Северном Причерноморье на многих праздниках, менее крупных, чем Ахиллеи, проводились разнообразные состязания. Эталоном для спортивных агонов обычно служил порядок, установленный на Олимпиадах: бег простой, двойной и длинный, пятиборье, борьба, кулачный бой и панкратий. Затем шли конные состязания, в которых выступали всадники и возницы на колесницах, запряженных парой или четверкой коней. Каждый праздник имел свои особенности, и некоторые отличались редкими и даже уникальными видами агонов. Уже говорилось, что ольвиополиты соревновались в стрельбе из лука; в Горгиппии награждали атлета, имевшего самое крепкое и красивое тело (ἐυ εξια– КБН. № 1137), а в Херсонесе проводили нигде более не известную анкиломахию (IPE I^2. № 435) – вероятно, это было метание шара или дротика из петли.

Мусические агоны включали игру на аулосе и кифаре, пение сольное и хоровое, выступления поэтов со стихами разных жанров, постановку пьес для выбора лучших драматургов и актеров. О мусических состязаниях в Северном Причерноморье известно документально лишь по фрагменту херсонесского агонистического каталога римского времени (НЭПХ. № 127); там уцелели слова об участии в агоне глашатаев, трубачей и поэтов, сочинявших эпиграммы, энкомии и комедии. На правой, обломанной части плиты перечислялись победители; сейчас можно прочесть лишь имя автора энкомия Марка. Его латинское имя сразу напоминает, что во II–III вв. в Херсонесе находился римский гарнизон и кто-то из его состава мог принять участие в состязании на празднике, как это бывало в других греческих городах. Среди херсонесских надгробий есть эпитафия Аврелия Сальвиана, трубача одиннадцатого Клавдиева легиона (IPE I^2. № 551). Он изображен на стеле в полный рост с большой трубой в руках и участие легионеров в соревнованиях трубачей вполне вероятно. Однако римские воины вряд ли столь хорошо знали греческий язык, чтобы писать на нем энкомии. Поэтому поэт-победитель Марк скорее всего был херсонеситом из первых лиц государства, имевших римское гражданство и потому носивших римские имена. Например, в декрете 174 г. среди херсонесских магистратов, подписавших документ, четверо носили римские имена и пятеро смешанные греко-римские (Антонова, Яйленко, 1995. С. 86).

Косвенными свидетельствами о местных мусических агонах служат наши знания об ольвийском (Скржинская, 2000. С. 56, 57), херсонесском (Домбровский, 1960. С. 29–36) и боспорских театрах (Блаватский, 1957. С. 247–250). Ведь эти здания в первую очередь предназначались для мусических состязаний на Дионисиях и других праздниках. Прославленное во всей греческой ойкумене празднование афинских Великих Дионисий, сопровождавшихся драматическими агонами, вызывало желание ввести подобные состязания и в собственных государствах. По-видимому, первым это осуществил Александр Македонский, любивший драматическое искусство и сам знавший наизусть немало стихов из трагедий аттических поэтов. Во время своих восточных походов Александр неоднократно устраивал мусические состязания по афинскому образцу (Plut. Alex. 29, 72). Плутарх (Symp. Qaest. V, 2) упомянул о включении состязаний трагиков в Пифийские игры в Дельфах. Там же в 278 г. до н.э. были установлены Сотерии (игры Спасения) в память о победе союза этолийцев, беотян и фокейцев над кельтами, разгромленными недалеко от Дельф. В программу этих празднеств, посвященных Аполлону Пифийскому и Зевсу Спасителю, входили драматические представления (Syll.^{3} № 509), составлявшие часть мусического агона, проходившего в театре.

О программе таких празднеств в театре можно судить по уцелевшим каталогам участников и победителей на упомянутых Сотериях. Там одновременно выступало до 70 человек из многих государств в том числе из Северного Причерноморья. Об этом говорит найденная в Дельфах надпись (МИС № 14) с упоминанием боспорянина Исила, готовившего хор для выступления на Сотериях в 277 г. до н. э. Неизвестно, привез ли Исил на этот праздник боспорский хор, или готовил хор другого государства, ведь хороших хородидаскалов приглашали в разные города, но важно отметить это пока единственное определенное свидетельство о наличии учителей хора в Северном Причерноморье.

Гораздо больше эпиграфических данных имеется об атлетических соревнованиях на северных берегах Понта. Мы располагаем несколькими надписями с перечислением победителей спортивных агонов на разных празднествах, среди которых самые частые, как и у всех греков, проводились в местных гимнасиях.

На протяжении многих столетий занятия, соревнования, праздники и встречи в гимнасии были неотъемлемой частью жизни эллинов. Руководители гимнасиев устраивали Гермеи – ежегодные праздники в честь покровителя гимнасиев Гермеса. О таких праздниках со всевозможными видами агонов известно во множестве греческих государств: в Афинах, Беотии, Сиракузах, Пелопоннесе, на островах Делосе, Самосе, Теосе и др., а в Северном Причерноморье Гермеи упоминаются в эпиграфических памятниках Ольвии, Херсонесе и Горгиппии (Берзин, 1961. С. 118; Карышковский, 1967. С. 260). Из надписей мы узнаем, что в Ш в. до н.э. на ольвийских Гермеях побеждал бегун Дионисий (IPE I^2. № 186), а в херсонесском гимнасии исполнялся гимн Гермесу, написанный элегическим дистихом во II в. н.э. по случаю победы подопечных гимнасиарха Демотела (IPE I^2. № 436). В Горгиппии найдена большая мраморная надпись с именами победителей "в длинном беге на празднике в честь Гермеса" (КБН. № 1137). Этот не полностью уцелевший каталог содержал имена нескольких сотен чемпионов в различных видах соревнований, проходивших на протяжении более ста лет, начиная с конца IV в. до н.э.

Горгиппийский гимнасий готовил к ежегодным Гермеям четыре возрастные группы: мальчиков 12–15 лет, юношей 16–17 и 18–19 лет, взрослых старше 20 лет. В последней группе побеждали чаще всего мужчины 26–30 лет, а самому старшему победителю было 48 лет. Из этого можно заключить, что в агонах принимали участие граждане по меньшей мере до 50 лет. Горгиппийская надпись показывает, как вырастали из мальчиков взрослые победители игр, например, призеры в коротком беге среди мальчиков через несколько лет выигрывали длинный бег в старшей группе. Как и в других греческих городах, в Северном Причерноморье существовали целые династии атлетов-победителей (Шанин, 1980. С. 148, 149). Это ясно по именам каталога, в котором среди чемпионов встречаются братья, отцы и сыновья (Берзин, 1961. С. 115; Анохин, 1999. С. 210–212). Надо полагать, что это были представители состоятельных семей, члены которых могли уделять продолжительное время тренировкам, в то время как у бедняков работа занимала весь световой день, в течение которого и был открыт гимнасий.

В крупных городах, например в Афинах и Милете, имелось несколько гимнасиев, но в большинстве эллинских полисов – только один (Jones, 1940. P. 220–225). В Боспорском царстве кроме столицы Пантикапея гимнасии существовали в нескольких городах. В период расцвета Херсонесского полиса гимнасий был, возможно, не только в Херсонесе, но и в Керкинитиде и Калос Лимене. Эпиграфические свидетельства о северопричерноморских гимнасиях сохранились в надписях Ольвии, Херсонеса, Пантикапея, Фанагории, Горгиппии и Танаиса. Строительство гимнасия было одной из первейших забот при организации нового греческого полиса. Например, в IV в. до н.э. греки из Каллатиса, переселившись в Горгиппию, недавно основанную на азиатской стороне Боспора, организовали гимнасий, и стали устраивать там ежегодный праздник Гермеи (Берзин, 1961. С. 127).

В греческом городе здание гимнасия принадлежало к числу наиболее красивых и заметных общественных сооружений. Некоторое представление о том, как выглядели гимнасии в Северном Причерноморье, можно получить по археологическим остаткам в Ольвии, Фанагории и Херсонесе.

Ольвийский гимнасий дважды упоминается в надписях: в граффито на штукатурке здания Ш в. до н. э. (Семенов-Зусер, 1940. С. 40) и в лапидарной надписи II в. н. э., где сказано о постройке нового гимнасия (IPE I^2. № 40). Строительные остатки свидетельствуют, что ольвиополиты поместили свой первый каменный гимнасий возле южной части агоры. Его построили в V в. до н.э., а в конце IV – начале Ш в. до н.э. заново возвели здание с фасадом, украшенным мраморными деталями. Жители Ольвии собирались здесь на праздники и наблюдали за соревнованиями в большом зале, который делился на три части двумя рядами прямоугольных колонн по девять в каждом ряду. Цветная мозаика из гальки украшала пол этого помещения; от нее сохранились небольшие фрагменты, но можно думать, что из гальки был выложен какой-то рисунок, подобный тем, которые открыты в парадных комнатах богатых ольвийских домов (Леви, 1985. С. 99–108).

Архитектурные остатки гимнасия IV–Ш вв. до н.э. раскрыты в Фанагории. Именно об этом гимнасии говорится в плохо сохранившейся стихотворной надписи IV в. до н.э. (КБН. № 991). Фанагорийский каменный гимнасий, подобно ольвийскому, впервые построили в классический период и позже он подвергся значительным перестройкам. Здание под черепичной крышей имело богатый архитектурный декор. Главный зал окружали известняковые колонны, их венчали мраморные капители с тонкой резьбой, потолок украшали кессоны – мраморные плиты с пальметтами, а стены покрывала штукатурка излюбленного греками красного цвета с добавлением белых и желтых орнаментов (Кобылина, 1956. С. 29–32; 1989. С. 75, 76). Надписи свидетельствуют, что гимнасий в Фанагории существовал и в римское время (КБН. № 983).

Древнейшее свидетельство о херсонесском гимнасии относится к Ш в. до н.э. (IPE I^2. № 418). В первые века нашей эры он находился между главной улицей и оборонительной стеной. От здания гимнасия сохранились фрагменты мраморной облицовки стен, остатки банных помещений и бассейна (Кадеев, 1996. С. 34, 35).

О гимнасиях в Пантикапее, Горгиппии и Танаисе известно лишь по упоминаниям в надписях самих гимнасиев и их руководителей (КБН. № 90, 103, 129, 823, 1140, 1263, 1264, 1277–1280, 1287, 1288). Безусловно, гимнасии существовали в таких крупных северопричерноморских городах, как Тира, Феодосия и некоторых других; но о них отсутствуют письменные и материальные свидетельства.

Вероятно, агоны сопровождали и другие праздники в Северном Причерноморье, например государственные торжества в честь Аполлона, верховного бога Ольвии и Пантикапея; кроме того экстраординарные состязания могли устраиваться по поводу каких-нибудь выдающихся событий, например по случаю военной победы. В память о подобном празднике чеканились монеты. К их числу А.Н. Зограф (1927. С. 391) относил серию херсонесских медных монет IV в. до н.э.; на аверсе у них изображена квадрига, управляемая богиней, а на реверсе – воин со щитом, готовящийся метнуть копье.

Спортивные агоны на Олимпиадах и некоторых других праздниках подробно описаны у древних авторов и отражены в изобразительном искусстве (Колобова, Озерецкая, 1958; Gardiner, 1955; Schöbel, 1965, Le sport..., 1992; L'Olympisme..., 1993). Это дает возможность представить агонистическую часть празднеств в Северном Причерноморье. Здесь состязались практически во всех видах античного спорта, о чем свидетельствуют надписи с перечислением побед разных атлетов. Большинство таких надписей происходит из Ольвии и Херсонеса и относятся главным образом к римскому времени, но они отражают издавна сложившиеся традиции. В гимнасиях тренировались и выступали победители на местных состязаниях в беге (IPE I^2. № 130, 155, 186, 435, 436, 685; КБН. № 1137), прыжках в длину (IPE I^2. 130, 156) , борьбе (IPE I^2. № 156, 434, 435), кулачном бою (IPE I^2. № 434), метании диска (IPE I^2. № 130, 157, 158) и копья (IPE I^2 № 130, 138, 157, 435; НЭПХ. № 20), а также в пентатлоне (НЭПХ. № 127), включавшем все перечисленные виды упражнений, кроме кулачного боя.

Различались три вида бега. Древнейший из них назывался простым и равнялся длине одного стадия. Поэтому его именовали иногда словом στάδιον, но чаще определяли как δρόμος. Оба наименования встречаются в ольвийских и херсонесских надписях. Двойную дистанцию на расстояние двух стадиев (δίαυλος) бежали сначала вперед на один стадий и затем возвращались к старту. Длинный бег (δόλιχος) колебался от 6 до 24 стадиев. Все эти беговые виды засвидетельствованы в северопричерноморских надписях. На многих праздниках устраивался также бег в вооружении.

На месте, где постоянно проводились соревнования в беге, были размечены дистанции в стадиях, а само такое место называлось стадионом. Его поле имело вид сильно вытянутой подковы с одним закругленным, а другим прямым концом. На подобном стадионе в IV в. до н.э. некий херсонесит получил в награду за бег чернолаковую чашку, как гласит об этом выцарапанная на сосуде надпись (Толстой, 1953. С. 58).

Сейчас трудно определить точно дистанции, которые пробегали античные атлеты на тех или иных стадионах. Ведь размер стадия в разных государствах определялся различно и колебался от 164 до 210 м. (Фирсов, 1972. С. 161). Вероятно, в Северном Причерноморье колонисты первоначально, по традиции своей метрополии, пользовались ионийским стадием (210 м), а позже, начиная с V в. до н.э., когда наблюдается влияние Афин во многих областях жизни северопричерноморских полисов и в частности в системе мер и весов, они, наверное, перешли на аттический стадий (177.6 м).

Пятиборье (πένταθλον) принадлежало к излюбленным занятиям греческих атлетов, так как требовало всестороннего физического развития. Победителем считался тот, кто завоевал первенство в трех первых видах состязания, а не обладатель наибольшего количества очков, как принято сейчас. В этом виде соревнований число пять играло особую роль. Оно указывало на количество упражнений, включенных в пентатлон, совершалось по пять бросков копья и диска, бежали на расстояние пяти стадиев, совершали по пять попыток в прыжках (Schöbel, 1965. S. 105).

Греки прыгали в длину (πήδημα) иногда с разбега, но чаще с небольшого деревянного или каменного возвышения. Оно располагалось на краю продолговатой ямы с мягкой выровненной землей; на ней оставался отпечаток ног атлета, и от него измеряли длину прыжка. Греческие прыгуны брали в руки по металлической или каменной гантели, весящей от 1.5 до 4.5 кг; (их называли гальтерами). С их помощью атлетам удавалось точнее направить размах рук, усилить отталкивание и тем самым увеличить длину прыжка. На аттических вазах запечатлены разные моменты совершения прыжка, позволяющие представить все его этапы. Сначала руки с гальтерами протягивались вперед, затем опускались вниз и снова стремительно выбрасывались вперед, а перед приземлением прыгун слегка сгибал колени и резко отбрасывал руки назад. Рекорды, записанные античными авторами превосходят современные, однако теперь не удается успешно повторить прыжки с гальтерами; они только мешают современному спортсмену, не знающему какого-то древнего секрета.

С возвышения также метали каменный или металлический диски (δίσκος). Они делались цельными или с отверстием в середине, имели различный диаметр и весили от одного до пяти с лишним килограммов. Соревнующиеся по очереди пользовались одним и тем же диском. Его бросали на дальность и на высоту полета. При бросках в высоту выигрывал тот, чей диск упал последним. В одном херсонесском погребении найден серебряный диск (Мансветов, 1872. С. 67, 68). Это – ценная награда, некогда полученная усопшим на каких-то крупных состязаниях.

Копье (ακόντιον) метали на дальность полета или в определенную цель. Длина копья равнялась человеческому росту или немного превышала его. Верхушка копья могла быть остроконечной, но чаще оканчивалась шишечкой; она делала снаряд более безопасным и придавала тяжесть для правильности полета. К середине древка прикреплялся кожаный ремень с петлей в которую метатель вкладывал один или два пальца. Ремень позволял придать копью вращательное движение, повышавшее дальность полета. При современной проверке действия такого ремня выяснилось, что с его помощью можно в 4 раза увеличить результат по сравнению с метанием без ремня (Колобова, Озерецкая, 1958. С. 46). Атлет сам выбирал место крепления ремня. Если его прикрепляли ниже центра тяжести древка, то увеличивалась длина броска, но снижалась точность попадания в цель.

Также на дальность или в цель бросали шар или дротик из петли. Это называлось анкиломахией (αγκυλομαχία). Она засвидетельствована лишь в одной херсонесской надписи (IPE I^2. № 435) и, наверное, отражает особый вид только местных соревнований.

Борьба (πάλη) считалась одним из труднейших состязаний, потому что кроме силы требовала большой ловкости и хитрости. Противники начинали бороться стоя, стараясь повалить друг друга на землю. Поверженный мог продолжать борьбу, но если был уложен на землю трижды, то считался побежденным. Момент наивысшего напряжения борьбы на земле нарисован на чернофигурном лекифе из Ольвии. Вазописец изобразил заключительный этап борьбы Геракла с Антеем, который силится вырваться из мощных объятий Геракла. Он отталкивается ногами, опираясь левой рукой на землю. Эта мифологическая сцена передает реальные приемы, использовавшиеся греческими борцам (Борисковская, 2000. С. 191–201).

Кулачный бой (πυγμή) был наиболее жестоким и опасным видом античных состязаний. Для усиления ударов бойцы обматывали руки ремнями, иногда снабженными металлическими шариками. Удары наносились в верхнюю часть тела; больше всего страдали лицо, зубы и уши, поэтому у заслуженных кулачных бойцов, как следует из античных произведений литературы и искусства, голова часто была обезображена: лицо в шрамах, с изуродованными губами и перебитым носом, уши сплющены. Бой продолжался неограниченное количество времени до победы. В античности отсутствовала классификация бойцов по весу, поэтому боролись преимущественно тяжеловесы.

Во всей греческой ойкумене эллины приобретали многочисленные аттические чернофигурные и краснофигурные вазы с изображениями атлетов, тренеров и судей (Webster, 1973. P. 196–215). Вазовые рисунки напоминали занятия в гимнасии и всевозможные состязания, в которых в молодос-

ти участвовал почти каждый гражданин. На таких вазах, найденных в Северном Причерноморье по большей части лишь в обломках, мы видим бегунов, юношей с одним или двумя копьями либо с диском, борцов и прыгунов с гальтерами (Худяк, 1952. С. 261; Горбунова, 1964. С. 185, 186; Галанина, 1962; Леви, 1964. С. 148, 149; Секерская, 1983. С. 128; Толстиков, 1992. С. 71 и др.).

Больше всего изображений бегунов. На небольших сосудах обычно нарисован один, а на амфорах и кратерах - несколько соревнующихся бегунов. Чаще всего они запечатлены во время бега на дистанции, изредка на финише, где победитель заканчивал бег, подняв руки (Скуднова, 1988. С. 40). Среди названных ваз выделяется мастерством рисунка панафинейская амфора из гробницы близ Пантикапея (Галанина, 1962. С. 15). Художник великолепно передал стремительный бег трех атлетов, энергично помогающих себе движениями согнутых рук.

Вазы с иллюстрациями кулачного боя входят в число наиболее ранних аттических сосудов, появившихся в Северном Причерноморье. Таковы кратер из Пантикапея, расписанный в мастерской известного вазописца Лидоса в середине VI в. до н.э. (Сидорова и др., 1985. № 16), килик из Мирмекия того же времени и килик из Ольвии третьей четверти VI в. до н.э. (Леви, 1972. С. 15). Наиболее выразительна сцена кулачного боя на панафинейской амфоре конца V в. до н.э., найденной на азиатской стороне Боспора (Гайдукевич, 1949. С. 242; Галанина, 1962. С. 6, 7).

В центре картины двое бойцов. На кистях рук у них намотаны ремни, игравшие роль современных боксерских перчаток. Вазописец показал заключительный момент схватки: побежденный упал и, подняв руку, молит о пощаде замахнувшегося победителя. За его спиной стоит судья в нарядном плаще с узорами, с венком на голове и длинным посохом в руке. С другой стороны от бойцов изображен атлет, наблюдающий за боем. Он держит еще не завязанные на кистях ремни. Это эфедр – боец, который должен сразиться с победителем.

Ольвийские надписи свидетельствуют о том, что в праздничных агонах выступали высшие должностные лица государства – архонты и стратеги: Пурфей отличился в метании копья и диска, Адой стал первым в беге и прыжках, а Леонид дальше всех метнул копье (IPE I^2. № 130, 138). Эти сведения показывают, что некоторые участники агонов выступали и завоевывали победы в двух видах состязаний. То же самое отмечено в херсонесских надписях: Критобул стал победителем в кулачном бою и борьбе, Антилох – в беге и кулачном бою, не известные по имени атлеты – в беге и метании копья (IPE I^2. № 434, 435; НЭПХ. № 20).

Лучшие атлеты Северного Причерноморья отправлялись на различные игры в Элладу, на которых мог выступить гражданин любого полиса. Достоверно известно, что боспоряне и ольвиополиты принимали участие в главном афинском празднике Панафинеи (Скржинская, 1999. С. 99–102), а херсонеситы посылали своих представителей на афинские Анакии, посвященные Диоскурам, и на знаменитые Пифийские игры в Дельфах (Соломоник, 1964. С. 59, 60).

Греческие колонисты принесли из метрополии в Северное Причерноморье обычай давать награды победителям на атлетических, мусических и конных состязаниях. Древнейшими наградами на таких агонах были венки и треножники, которые, как правило, посвящали богам.

К сожалению, ни в одной надписи не сохранилось сведений, каковы были призы на местных агонах. Однако по косвенным данным можно заключить, что в Северном Причерноморье, как и в других областях греческой ойкумены, победителей венчали венками и тениями – нарядными повязками, стягивавшими волосы. Четыре широких тении с закругленными краями и с тесемками на концах для завязывания представлены на надгробии херсонесита Феофанта, умершего в молодом возрасте в конце IV в. до н.э. (НЭПХ. № 172). Кроме тений на стеле изображены принадлежности атлета: стригиль, сосуд с маслом для натирания во время упражнений и сетка. Наверное, тении указывают на четыре победы Феофанта, одержанные им на херсонесских, а может быть, и на общегреческих играх.

По-видимому, выдающийся боспорский атлет был похоронен в склепе конца IV – начала III в. до н.э. На стене погребальной камеры нарисованы победные венки и нарядные тении (Ростовцев, 1914. С. 71. Табл. 76, 77). Художник изобразил их повешенными на гвоздях, вбитых в стену; поэтому можно представить, как подобные призы украшали комнаты в домах победителей.

Изображения тений на вазах, найденных в Северном Причерноморье, показывают, какими тканями или вышитыми узорами украшали подобные повязки. Лучшие рисунки сохранились на двух сосудах конца IV в. до н.э.: это привозная чернолаковая гидрия из Херсонеса и ойнохоя местной работы из Ольвии. Повязка на гидрии исполнена одной светлой краской; на черном фоне четко выделяются контуры растительных и геометрических орнаментов на тении, охватывающей верхнюю часть вазы, у ручки повязка нарисована завязанной узлом, от которого свисают концы с бахромой (Гриневич, 1926. С. 23). Другая тения изображена лежащей на плечиках и частично на тулове ойнохои. Основная часть повязки широкая с закругленными краями, к которым прикреплены тонкие ленты, завязанные бантом. Особенно ценна сохранившаяся раскраска тении: на красном фоне выделяется узор из пальметт и побегов растений; они исполнены белой и голубой красками, вероятно, представляющими шитье

серебряными нитями (Блаватский, 1947. С. 158). Надо полагать, что в Ольвии эллинистического периода награждали тениями с подобным орнаментом, и мастер с натуры воспроизвел одну из них.

Треножник был одним из символов Аполлона и поэтому он нередко служил наградой на его праздниках, обычно на мусических агонах (Paus. IX, 31, *3*; X, 7, *6*). Например, музыканты получали бронзовые треножники на Пифийских состязаниях в Дельфах и посвящали их богу (Paus. X, 7, *6*). Возможно, треножниками награждали также на некоторых самых престижных праздниках в Северном Причерноморье. Ведь бронзовый треножник был весьма дорогим предметом, поэтому из-за недостатка средств его иногда делали деревянным (Paus. IV, 12, 8). По надписям известно, что в Ольвии треножники посвящали Аполлону (IPE I^2. № 106), там же найдена мраморная капитель от колонны, которую увенчивал бронзовый треножник, на Боспоре обнаружен подобный треножник (Сорокина, 1966. С. 261). Конечно, сейчас невозможно определить, были ли это победные призы или посвящения богу по иному случаю.

Одна из форм почестей победителей агонов состояла в праве поставить их статуи в гимнасии или на стадионе. Павсаний (VI, 1–14) подробно рассказал о множестве таких статуй в Олимпии. Статуи чемпионов ставили и в Северном Причерноморье. В Ольвии найден постамент от подобной скульптуры III в. до н.э.; судя по частично сохранившейся надписи, она изображала бегуна Дионисия и, вероятно, стояла в гимнасии (IPE I^2. № 186).

Греческие государства всегда гордились призерами всевозможных игр. Завоевание первенства считалось не только собственным достижением человека, но и проявлением божественной милости к атлету (Pind. Ol. VIII, 65–71), музыканту или драматургу (Гаспаров, 1980. С. 362). Таким образом победитель оказывался лицом, выделенным божеством, которому посвящался праздник. Это представление, характерное для архаического и классического периодов, постепенно угасало в эллинистическое время, когда многие поэты, музыканты и атлеты становились профессионалами, разъезжающими по всей греческой ойкумене с одного празднества на другое. Наверное, такие профессионалы появлялись и в городах Северного Причерноморья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алмазова Н.А. Agones isopythioi в эллинистическую эпоху // Philologia classica. Вып. 5. СПб., 1997.

Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии. СПб., 1998.

Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.

Антонова И.А., Яйленко В.П. Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманнские войны по данным херсонесского декрета 174 г. в честь Аврелия Кальпурниана Аполлонида // ВДИ. 1995. № 4.

Берзин Э.О. Горгиппийский агонистический каталог // СА. 1961. № 1.

Блаватский В.Д. Мраморный трон из Пантикапея // СА. 1957. № 2.

Блаватський В.Д. Поліхромна ойнохоя з Ольвії // Археологія. 1947. № 1.

Борисковская С.П. Геракл и Антей. Об одном мало известном лекифе из Ольвии // Syssitia. Памяти Ю.В.Андреева. СПб., 2000.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.

Галанина Л.К. Панафинейская амфора – награда атлету в Афинах. Л., 1962.

Гаспаров М.Л. Поэзия Пиндара // Пиндар, Вакхилид. Оды, фрагменты. М.,1980.

Герцман Е.В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995.

Горбунова К.С. Краснофигурные килики из раскопок ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964.

Гриневич К.Э. Подстенный склеп № 1012 // Херсонесский сборник. Т. 1. Севастополь, 1926.

Домбровский О.И. Античный театр в Херсонесе // Сообщения Херсонесского музея. 1960. № 1.

Зограф А.Н. Две группы монет с заимствованными типами // ИРАИМК. 1927. Т. 5.

Зограф А.Н. Находки монет в местах предполагаемых святилищ на Черноморье // СА. 1941. № 7.

Кадеев В.И. Херсонес Таврический. Быт и культура (I–III вв. н.э.). Харьков, 1996.

Карышковский П.О. Монеты с изображением Гермеса // Записки Одесского археологического общества. Т. 2. Одесса, 1967.

КБН: Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.

Кобылина М.М. Фанагория // МИА. 1956. № 57.

Кобылина М.М. Фанагория. М., 1989.

Колобова К.М., Озерецкая Е.Л. Олимпийские игры. М., 1958.

Кубланов М.М. Легенда о ристалище Ахилла и ольвийские агонистические празднества // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. № 1. М., 1957.

Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Богослужебные и сценические древности. СПб., 1997.

Леви Е.И. Материалы Ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964.

Леви Е.И. Архаическая керамика из раскопок ольвийской агоры // КСИА. 1972. Вып. 130.

Леви Е.И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985.

Мансветов И. Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников. М., 1872.

Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1998.

НО: Надписии Ольвии (1917–1965). Л., 1968.

НЭПХ: Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Т. I. Киев, 1964. Т. II. Киев, 1973.

Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Пг., 1914.

Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992.

Секерская Н.М. Помещения с культовыми предметами из Никония // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев, 1983.

Семенов-Зусер С.А. Физическая культура и зрелища в древнегреческих колониях Северного Причерноморья. Харьков, 1940.

Сидорова Н.А., Тугушева О.В., Забелина В.С. Античная расписная керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1985.

Скржинская М.В. Сведения греков Северного Причерноморья о Панафинейских празднествах VI–V вв. до н.э. // Записки історико-філологічного товариства А. Білецького. Т. 2. Київ, 1999.

Скржинская М.В. Будни и праздники Ольвии. СПб., 2000.

Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. М., 1988.

Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964.

Сорокина Н.П. Мраморная капитель из Ольвии // Культура античного мира. М., 1966.

Толстиков В.П. Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.

Толстой И.И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918.

Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953.

Фирсов Л.В. Об эратосфеновом исчислении окружности Земли и длине эллинистической стадии // ВДИ. 1972. № 1.

Худяк М.М. Раскопки святилища Нимфея // СА. 1952. № 16.

Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981.

Шанин Ю.В. Олимпийские игры и поэзия эллинов. Киев, 1980.

Шарнина А.Б. Пифийские игры в Дельфах // Mouseion. СПб., 1997.

Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. М., 1982.

Gardiner E. Athletics of the Ancient World. Oxford, 1955.

IPE I^2: Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1916.

Jones A.H. Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940.

L'Olympisme dans l' antiquité. Lausanne, 1993.

Reisch E. De musicis Graecorum certaminibus capita quattuor. Vindobonae, 1885.

Schöbel H. Olympia und seine Spiele. Leipzig, 1965.

Le Sport dans la Grece Antique. Bruxelles, 1992.

Webster T.B. Potter and Patron in Classical Athens. London, 1973.

Syll^3: Dittenberger Getalii. Sylloge inscriptionum Graecarum. V. 1–4. Lipsiae, 1915–1924.

Competitions at the ancient Greek festivities in the North Pontic area

M. V. Skrzhinskaya

Summary

The author suggests the reconstruction of the programs of the musical and athletic competitions held in the classical states of the North Pontic area and comes to the conclusion that all possible contests took place there, including the all-Greece games. The reconstruction is grounded by the data from the local epigraphic sources and the analysis of the images decorating the pieces of figurative art. The analogies are pointed out concerning well-known all-Greek games, where the citizens of the North Pontic towns were invited. The prizes athletes were rewarded and the honours done to the winners are also considered. Special attention is paid to the competitions in gymnasiums and the games at Achilles' Dromos. The festivity dedicated to Achilles – the hero extremely popular on the Lower Bug was first of purely lokcal character and included only races, then the program was gradually extended, other sports being included, probably, musical agons were organised as well. Equestrian races were considered the most prestigious. In the early Hellenistic period the Achillei had got the status of Panhellenic festivity, probably, they were arranged following the order ot the Pythian games.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 2, с. 40–50

О ЗАЩИТЕ ХЕРСОНЕССКОГО ГОСУДАРСТВА СОЮЗНЫМ РИМСКИМ ВОЕННЫМ КОНТИНГЕНТОМ

© 2004 г. Т. Сарновски*, Л. А. Ковалевская**

* *Институт археологии Варшавского университета, Польша*

** *Национальный заповедник "Херсонес Таврический", Севастополь, Украина*

В последние годы в связи с открытиями в Балаклаве, Херсонесе и его округе резко повысился интерес к проблеме римского военного присутствия в Юго-Западном Крыму[1]) (рис. 1). Дискуссия на тему защиты сельской территории Херсонесского государства в римское время имеет весьма долгую историю. Список предполагаемых сооружений, построенных или использованных римскими солдатами на хоре Херсонеса, открыли в 20-х годах прошлого столетия И. Бороздин и Л.А. Моисеев.

В 1924 г. Крымской экспедицией Научной ассоциации Востоковедения СССР были проведены работы в округе Херсонеса на Гераклейском полуострове, в том числе на двух археологических памятниках с материалом римского времени: 1 – укрепленный пункт близ Александриады (рис. 2); 2 – сооружение типа башни на северном склоне Верхне-Юхариной балки (рис. 3, 2). И. Бороздин первый памятник определяет как "громадное сооружение военно-хозяйственного назначения", "Военно-хозяйственный комплекс типа усадьбы, кастеля, мызы", "военно-хозяйственный пункт" (Бороздин, 1925. С. 18, 19, 30) и включает к "уже имеющимся (в доримское время – *авт.*) укрепленным пунктам, ...использованным римскими оккупантами..., куда сажались римские солдаты" (Бороздин, 1925. С. 30). Второй памятник представляет, по мнению ученого, "...характерное сооружение типа башни, использованной в эпоху римского владычества" (Бороздин, 1925. С. 30).

В 1926 г. Л.А. Моисеев, обнаружив керамические трубы "разных систем и эпох" на дне и на западном склоне Сарадинакиной балки, высказал в осторожной форме, мнение, что стоявшими в Херсонесе римскими отрядами был проведен или только отремонтирован водопровод (Моисеев, 1926. С. 120, 122).

Подготавливая монографию, полностью посвященную хоре античного Херсонеса, С.Ф. Стржелецкий опубликовал статью, в которой упоминает "надгробие римского легионера", найденное в могильнике, расположенном "на Северной стороне Севастопольской бухты". По его мнению, неопубликованная тогда еще находка "нескольких херсонесских черепиц с клеймами XI Клавдиева легиона" с городища Алма-Керман и упомянутое надгробие позволяют "думать, что под прикрытием форпостов, занятых римскими солдатами, территория Херсонесского государства значительно расширилась вдоль западного побережья Крыма" (Стрежелецкий, 1959. С. 81). В 1961 г. в следующей своей монографии С.Ф. Стрежелецкий опять уделяет внимание римскому периоду в развитии Херсонесской хоры, но уже не отмечает никаких признаков присутствия римских военных в пределах исследованного им Гераклейского полуострова (Стрежелецкий, 1961. С. 131–144).

Занимаясь херсонесскими рельефными посвящениями, А.Н. Щеглов в 1969 г. пишет: "на руинах "Страбонова" Херсонеса (на Маячном полуострове – *авт.*) во II–III вв. н.э. существовало святилище с небольшим храмиком, посвященным фракийским богам. А если это так, то поблизости можно предполагать и наличие римского сторожевого поста, statio бенефициариев", под которым он подразумевает "пункт римской дорожной стражи" (Щеглов, 1969. С. 155, 156).

В результате исследований в конце 1950-х и в 1960-х годах на позднескифском городище Алма-Кермен (с. Заветное) были обнаружены остатки зданий и интересный материал, о котором Т.Н. Высотская пишет следующим образом: "сооружение на городище трех больших построек с применением известкового раствора, находки черепиц с клеймами XI Клавдиева легиона, римские монеты (одна Антонина Пия, одна Марка Аврелия и две Каракаллы – *авт.*), различные архитектурные детали, наконец стеклоделательная мастерская подтверждают пребывание на городище римского военного отряда... с первой половины II в. н.э. по 1-ю четверть III в. н.э." (Высотская, 1972. С. 55, 58), и далее автор предполагает, "что кроме выполнения основной функции – сторожевой охраны – легионеры занимались и земледелием... в состав гарнизона могли входить мастера стеклоделы" (Высотская, 1972. С. 54, 56, 57).

К мнению Т.Н. Высотской о пребывании римских военных на городище Алма-Кермен присое-

[1] В данной статье авторы не занимаются дискуссией о так называемом "Таврическом лимесе", существование которого в последнее время справедливо подверг критике В.М. Зубарь (2000а, С. 52).

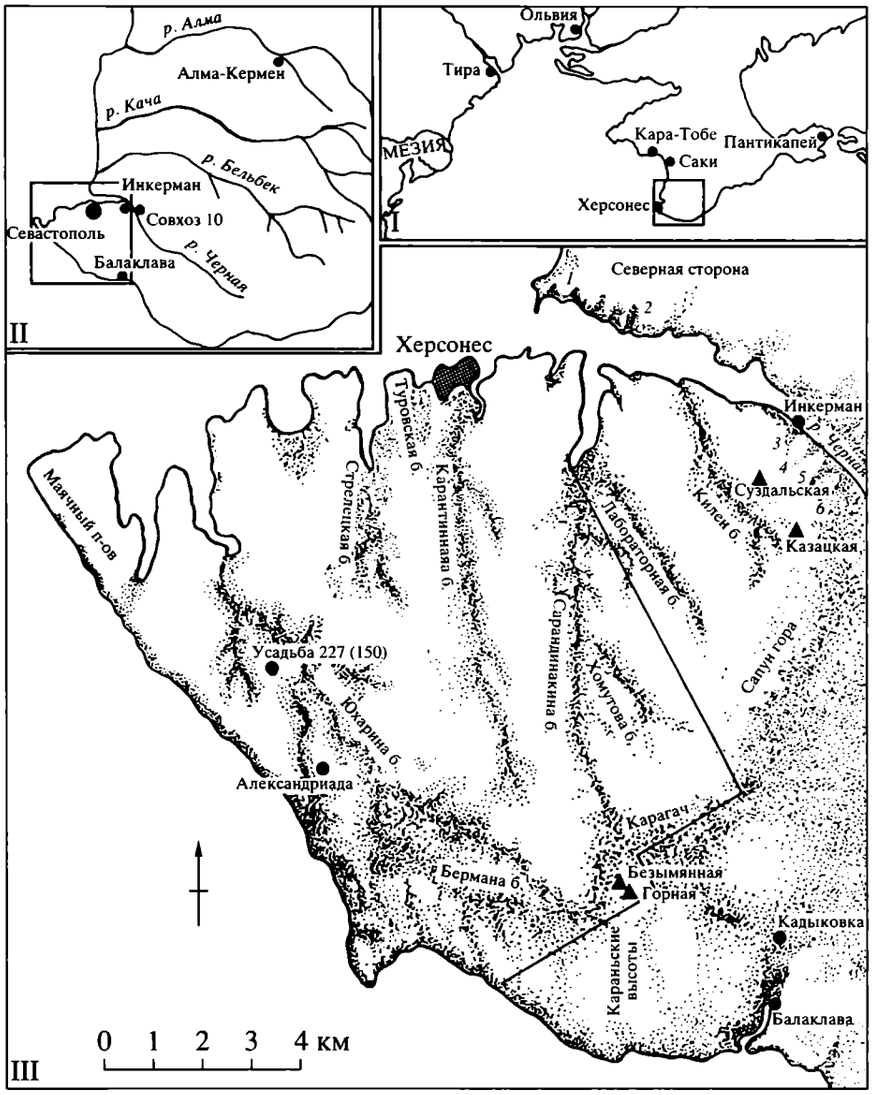


Рис. 1. Карты-схемы: I – Северное Причерноморье; II – Юго-западный Крым; III – Гераклейский полуостров (сплошной линией обозначена граница размежеванной части хоры Херсонеса. Цифрами обозначены следующие балки и овраги: *1* – Михайловская; *2* – Панайотова; *3* – Сушильная; *4* – Воловья; *5* – Каменоломенный овраг, *6* – Чертовая).

динился целый ряд ученых (Щеглов, 1965. С. 112; Беляев, 1968. С. 134; Gajdukevič. 1971. S. 424; Цветаева, 1979. С. 71, 72; Шелов, 1981. С. 55; Кадеев, 1981. С. 29, 30; Зубарь, 1994. С. 72; 1998. С. 97, 113; Колтухов, 1999. С. 118). Причем С.А. Беляев считает, что в Алма-Кермен стояла ""заветинская" вексилляция", численность которой, вероятно, "была не менее 100 человек" (Беляев, 1968. С. 134).

Во время раскопок в 1976 г. усадьбы надела 227, в центральной части Гераклейского полуострова были обнаружены черепицы с латинскими клеймами, которые являются пока единственной находкой такого рода на территории размежеванной части хоры Херсонеса. По мнению С.Ю. Сапрыкина, "в херсонесскую усадьбу клейма могли попасть из Херсонеса при ее перестройке..." (Сапрыкин, 1981. С. 62; ср.: Кузищин, Иванчик, 1998. С. 213; Ковалевская, Сарновски, 2002. С. 88).

В.И. Кадеев в 1981 г. обобщил накопленный материал, перечислив пункты (Северная сторона Севастопольской бухты, усадьба 227, сторожевой пост на Маячном полуострове), в которых, по его мнению, были размещены солдаты херсонесской вексилляции (Кадеев, 1981. С. 30). С пребыванием римских солдат на Гераклейском полуострове В.И. Кадеев связывает и находку в Туровской балке бронзовой матрицы с изображением Диониса, которая была опубликована только в 1991 г. (Трейстер, 1991. С. 133–136).

В конце 1980 годов Г.М. Николаенко на основе материалов раскопок на хоре Херсонеса пришла к выводу, "что на Гераклейском полуострове в I–IV вв. н.э. существовали не только сельскохозяйственные усадьбы. На их границах и наиболее уязвимых местах возводились укрепления и небольшие (по сравнению с самими укреплениями) укрепленные сооружения (возможно, сторожевые посты?). ...Время возведения этих

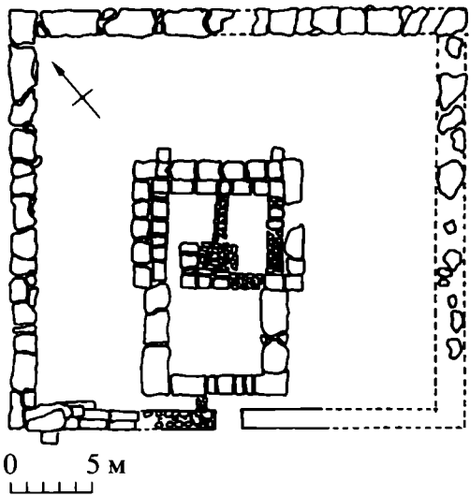


Рис. 2. Александриада. Строительные остатки, раскрытые И. Бороздиным в 1924 г. Схематический план. М 1 : 400.

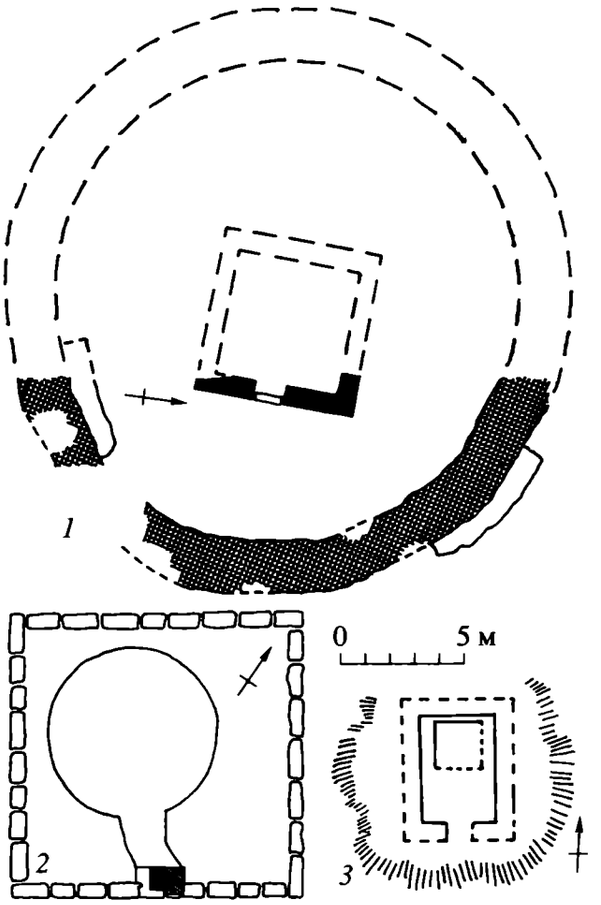


Рис. 3. Строительные остатки: *1* – На высоте Казацкая (по Савеле О.Я.); *2* – В Верхне-Юхариной балке (по Бороздину И.); *3* – На высоте Суздальская (по Соловьеву Л.А.). М 1 : 200.

укреплений и их расцвет приходятся на II–IV вв. – период зависимости Херсонеса от Рима. Поэтому мы можем высказать предположение о том, что все укрепленные сооружения (в балках Бермана, Хомутовой и в районе высоты Горная – *авт.*), а также система водоснабжения находились в руках римлян" (Николаенко, 1988. С. 211).

Резюмируя накопленные к концу 1980 – началу 1990 гг. результаты исследований, В.М. Зубарь в 1994 г. создает стройную систему размещения римских войск в окрестностях Херсонеса (Зубарь, 1994. С. 49, 50), используя наблюдения В.И. Кадеева и Г.М. Николаенко. Свою точку зрения он формулирует следующим образом: "Вполне возможно, что ...в военно-хозяйственных комплексах (постройках с башнями в балках Бермана, Хомутовой и в районе высоты Горная – *авт.*) были размещены римские гарнизоны, на которые была возложена охрана границ Херсонесского государства и которые, наряду с гарнизонной службой, могли заниматься сельским хозяйством. Эти укрепления вместе с окружающими их землями могли входить в territorium legionis и урожай с них использоваться для снабжения римского гарнизона Херсонеса" (Зубарь, 1994. С. 79).

Позднее, в 1996 г., в рецензии на книгу С.Ю. Сапрыкина В.М. Зубарь пишет: "...имеются все основания говорить об аналогичной практике (с конца II – начала I в. до н.э. – *авт.*), которая имела место и позднее, когда в Херсонесе дислоцировались римские войска, а на Гераклейском полуострове, в Хомутовой Балке и в районе высоты Горна функционировали комплексы сооружений с башнями. В этих военно-хозяйственных комплексах на границе размежеванной территории Херсонеса, скорее всего, обитали римские солдаты, которые, наряду с военной службой, может быть, занимались сельским хозяйством. Если это так, то в первые века н.э. продолжалась практика размещения на "ближней" хоре военных отрядов Херсонеса" (Зубар, 1996. С. 147).

Открытие и частичное исследование в 1991–1992 гг. так называемого Здания 1 в Балаклаве-Кадыковке и сторожевого сооружения на высоте Казацкая[2] (Савеля, 1997. С. 88–95), по нашему мнению, являются началом нового этапа изучения проблемы. В 1996 г. по счастливой случайности в Балаклаве было обнаружено святилище Юпитера Долихена и начаты его раскопки Севастопольской экспедицией под руководством О.Я. Савели, а с 1997 г., совместно с экспедицией Института археологии Варшавского университета, которой руководит один из авторов этой статьи, ведутся систематические исследования (Сарновски, Савеля, 2000).

К дискуссии над проблемой А.А. Филиппенко в середине 1990-х годов привлекает первые результаты раскопок на высоте Казацкая, наблюдения Л.А. Соловьева, выявившего в 1924 г. следы "сто-

[2] В открытии и первоначальном исследовании этих памятников большую роль сыграл энтузиазм А.А. Филиппенко; ср.: Филиппенко, 1995. С. 64; 1996. С. 190; Philippenko, 1997. P. 102.

рожевого поста" античного времени (Соловьев, 1924. Л. 103, 104) на высоте Суздальской (рис. 3; *3*), а также "укрепление на высоте Безымянная", которое, по мнению исследователя, имеет размеры 40 × 40 м, а каменные стены и башни окружены рвом (Филиппенко, 1995. С. 64; Philippenko, 1997. P. 102; ср.: Николаенко, 1988. С. 206). А.А. Филиппенко впервые сделал попытку реконструкции схемы римских укреплений, согласно которой частично раскрытые или только предполагаемые сторожевые сооружения на высотах Суздальская, Казацкая и Безымянная должны были контролировать два наиболее удобных прохода на Гераклейский полуостров со стороны Инкерманской и Балаклавской долин (Филиппенко, 1995. С. 64). Причем, по мнению А.А. Филиппенко, один из этих проходов шел по Каменоломенному оврагу и был в древности, видимо, перегорожен стеной (Филиппенко, 1995. С. 64). Позднее исследователь пишет: "Установлено по крайней мере около десятка пунктов, которые уверенно можно связать с деятельностью римских войск" (Филиппенко, 1996. С. 191).

Исходя из всех наблюдений с начала XX в., представленных нами выше, В.М. Зубарь и Г.М. Николаенко независимо друг от друга создали в последнее время две попытки реконструкции схем защиты Херсонесской округи римского времени, причем Г.М. Николаенко использует первые результаты совместных украинско-американских раскопок, которые ведутся с 1997 г. на высоте Безымянная (Carter et al., 2000. P. 707–741).

В целой серии статей В.М. Зубарь с 1997 г. представил картину "системы защиты, которая была создана римским военным командованием вокруг Херсонеса во второй пол. II – первой пол. III в. на базе строительства в стратегически важных пунктах цепи сторожевых башен и небольших стационарных сторожевых укреплений" (Зубарь, 2000а. С. 59. Рис. 5; ср.: Зубар, 1997. С. 169–172. Рис. 5; Зубарь, 2000б; Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000. С. 117), прилагая рисунок с схематическим планом дислокации римских войск на территории Херсонесского государства и указанием направлений возможных продвижений варваров со стороны Балаклавской и Инкерманской долин. По мнению В.М. Зубаря, "на гарнизоны, дислоцировавшиеся... на городище Алма-Кермен... и, видимо, на Усть-Альминском городище ...была возложена глубокоэшелонированная охрана дальних подступов к Херсонесу с севера... Сторожевые посты и мелкие гарнизоны возглавляли бенефициарии..." (Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000. С. 117). По мнению В.М. Зубаря: "Учитывая тот археологически установленный факт, что цепь римских сторожевых башен располагалась на восточной границе плато Сапун-горы помимо территории Балаклавы, римские кастеллы должны были располагаться где-то в глубине Гераклейского полуострова" (Зубарь, 2000а. С. 57). Хотя, что касается "укрепленных комплексов" в балках Бермана и Хомутовой, В.М. Зубарь замечает: "К сожалению, пока в ходе раскопок здесь не выявлено четких следов присутствия римских военнослужащих" (Зубарь, 2000а. С. 58). О римском кастелле в Балаклаве-Кадыковке киевский коллега пишет, что тот "...был центром своеобразного укрепленного римлянами района и в его ближайших окрестностях, видимо, на господствующих высотах... (по обеим сторонам Балаклавской бухты – *авт.*) располагалась система сторожевых постов и башен, подобных раскопанной на высоте Казацкая" (Зубарь, 2000а. С. 56, 57).

Картина Херсонесской хоры римского времени, предложенная Г.М. Николаенко, не включает Балаклавы и дальних подступов с севера к Гераклейскому полуострову, но, с другой стороны, исследователь отмечает: "Как показали исследования Н.М. Соловьева (1924. Л. 100–104), О.Я. Савели (1997. С. 91) и А.А. Филиппенко (1997. С. 123–126) в восточной части Гераклейского полуострова в районе Килен-балки, а также балок Сушильной, Воловьей, Каменоломенной, Чертовой, Микрюковой, на выс. Суздальской и Казацкой в первых веках нашей эры располагались укрепления и сторожевые посты, охранявшие земли Гераклейского полуострова и магистральные дороги, связывавшие Херсонес с юго-восточным регионом Крыма." (Николаенко, 1998. С. 83). Сооружения на высотах Суздальская и Казацкая Г.М. Николаенко называет "римскими сторожевыми постами" (Николаенко, 1998. С. 87), укрепления в балках Бермана и Хомутовой "Roman forts", а на высоте Безымянная "a Roman and Early Byzantine fort" (Carter et al., 2000. P. 714, 715)[3].

Интригующим фактом для проблемы присутствия римских военных на дальних северных подступах к Херсонесу является открытие на Сакской пересыпи множества фрагментов вотивных плиток из белого мрамора с греческими и латинскими надписями на некоторых из них. По мнению С.Б. Ланцова, с середины II в. до середины III в. н.э. около Сакского озера находилось святилище римских военнослужащих (Ланцов, 1999. С. 94).

К рассматриваемому нами вопросу относятся также мнения, высказанные в последнее время на основании нескольких находок краснолаковой посуды. С точки зрения Т.Н. Высотской и Г.И. Жестковой, амфора с изображением Асклепия и Гигеи, а также блюдо с фигурой Асклепия из могильника "Совхоз 10" близ Инкермана "делают обоснованным предположение об оседании близ Херсонеса

[3] Что касается термина "Roman fort", ср.: упомянутую в американском отчете (Carter et al., 2000. P. 733. Note 79) книгу Johnson A. "Roman Forts", London, 1983, в которой последовательно употребляется это понятие как малый лагерь римского вспомогательного отряда.

(в долине р. Черной? – *авт.*) ветеранов римской армии и членов их семей" (Высотская, Жесткова, 1999. С. 34). На основании находок "Moesian sigillata" на Бельбекском могильнике Д.В. Журавлев пишет: "certainly, some people (sic! – *авт.*) buried on the Belbek site were not Roman legionaries (sic! – *авт.*), but the graves could belong to soldiers of auxiliary troops, or to people who were connected with the garrison in some other way"[4] (Zhuravlev, 2000. P. 152).

В качестве комментария вниманию читателя далее хотим предложить в географическом порядке краткий свод дополнительной информации и критических наблюдений о вышеупомянутых археологических памятниках.

Сакская пересыпь, реки Алма и Бельбек. В связи с открытием на Сакской пересыпи заслуживает внимания возможность принадлежности святилища местному населению, куда вотивные таблички, безусловно, поставленные, как справедливо замечает С.Б. Ланцов – своим богам почитателями трако-римского происхождения, попали в качестве военной добычи. Первоначальное место, в котором были размещены вотивные рельефы, могло находится гораздо ближе Херсонесу. Необходимо отметить, что сами плитки крайне фрагментированы и поэтому нельзя исключить, что они были преднамеренно разбиты на мелкие куски. В таком случае, возможно, мы имели бы дело с находкой, несколько схожей по характеру происхождения с материалом на Гурзуфском седле[5] (Новиченкова, 1994. С. 59–86; Novichenkova, 1996. P. 181–217).

Прибрежненский клад, давший повод А.М. Гилевич высказать предположение о существовании римского форпоста рядом с Кара-Тобе, по нашему мнению, был закопан около 75 г. в такой же ситуации, в какой, по сообщению Тацита (Tac. Ann., 17) был убит у берега моря вместе с солдатами префект одной из римских вспомогательных когорт, возвращавшихся с Боспора после войны с Митридатом VIII около 45–46 гг.

За исключением клейменных черепиц, весь обнаруженный на городище Алма-Кермен археологический материал и архитектура носят гражданский характер, и все приведенные выше аргументы не могут служить доказательством постоянного пребывания в Алма-Кермен и его окрестностях отряда IX Клавдиева легиона. Скорее всего, мы имеем дело с представительным жилищем и своего рода факторией, которая занималась торговлей изготовленных на месте и импортных стеклянных сосудов. Делами управлял, возможно, какой-то предприимчивый, не боявшийся риска человек местного или провинциальноримского (ветеран?) происхождения. Так или иначе, представительная архитектура городища Алма-Кермен, построенная modo Romano с употреблением привезенных или сделанных на месте черепиц, клейменных воинским штампом, свидетельствует, по нашему мнению, по крайней мере в конце II и начале III в. не о вражеских, а наоборот, об очень мирных отношениях позднескифского населения Юго-Западного Крыма с Херсонесом (ср.: Sarnowski, 1988a. S. 84, 85; Сарновски, Савеля, 2000. С. 19). О таком же характере отношений может свидетельствовать и материал Бельбекского могильника, а не служить основанием для идентификации некоторых из погребенных с римскими легионерами и солдатами римских вспомогательных отрядов. Более убедительно звучит предположение Т.Н. Высотской и Г.И. Жестковой, особенно в контексте близкого соседства могильника "Совхоз № 10" с Гераклейском полуостровом, об оседании в долине реки Черной ветеранов римской армии и членов их семей, хотя высказанное предположение за "вполне обоснованное" можно принять только в случае обнаружения надгробий ветеранов.

Северная сторона Севастопольской бухты. Что касается надгробия римского легионера, мы располагаем только лаконичной информацией, исходящей от С.Ф. Стржелецкого. К сожалению, не сохранилось никаких вещественных доказательств, и все последующее дополнения, в том числе о латинском языке надписи надгробья, о времени (1948) и точном месте находки (исток Михайловской балки, на западных склонах Безымянной балки с западной стороны бывшей Михайловской батареи) исходят от исследователей, которые никогда не видели самого надгробия (Кадеев, 1981. С. 30; Зубарь, 1994. С. 49; Сорочан и др., 2000. С. 116, 117; Сарновски, Савеля, 2000. С. 18).

Убедительно звучит предложение В.М. Зубаря "о существовании (на Северной стороне – *авт.*) в первых веках н.э. поселения, с которым были связаны погребения (исследованы С.Ф. Стржелецким[6] – *авт.*)" (Зубарь, 1994. С. 50). Если упомянутое надгробие принадлежало действительно состоящему на службе легионеру, то можно также согласиться с В.М. Зубарем о размещении там "римского отряда" (Зубарь, 1994. С. 50), но судить о характере сооружения, в котором жили и исполняли службу римские солдаты (римский пост[7]: Кадеев, 1981. С. 30; Зубарь, 2000а. С. 59 или

[4] В переводе (Т. Сарновского): "конечно, некоторые (sic! – *авт.*) из погребенных на Бельбекском могильнике не были римскими легионерами, но захоронения могли принадлежать солдатам вспомогательных отрядов или людям, связанным каким-то другим способом с гарнизоном".

[5] Подобное мнение высказала Т.Н. Высотская 2 февраля 2001 г. на семинаре в Крымском филиале Института археологии НАНУ в Симферополе.

[6] О другом могильнике римского времени на Северной стороне в Панайотовой балке см.: Печенкин, 1905. С. 29.

[7] В.И. Кадеев локализует пост у самого входа в Севастопольскую бухту; ср.: Николаенко, 1998. С. 84 о "высказанном предположении о наличии римского военного поста на Константиновском мысу."

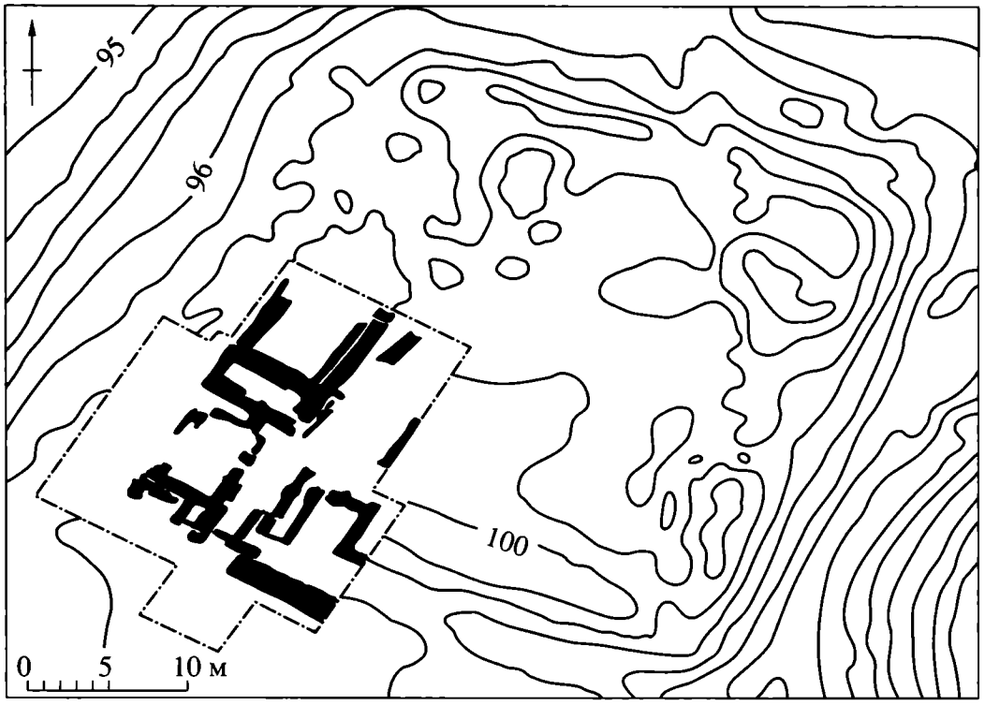


Рис. 4. Высота Безымянная. Строительные остатки, открытые в 1997–1998 гг. (по Дж.К. Картеру и др.). Схематический план. М 1 : 500.

малый лагерь – *авт.*) пока невозможно. Так или иначе, невероятной кажется гипотеза о размещении отряда на территории поселения (Зубарь, 1994. С. 50; Сорочан и др., 2000. С. 117) независимо от того, входило ли оно в состав Херсонесского государства[8] или представляло собой только прилагерный поселок типа vicus вне пределов сельской территории города[9].

Сапун-гора, Карагач, Караньские высоты. Пока мы имеем дело только с одним несомненным римским военным сооружением – это сторожевой пост на высоте Казацкая (отметка 197.4). Это открытие вызвало ряд вышеуказанных предложений и добавление в критический контекст новых пунктов. Сооружение, о котором пишет Л.А. Соловьев в 1924 г., представляло собой здание, стены которого "массивны, сложены из подтесанных плит камня ...С южной стороны ...имеются двери. Посередине здания у задней стены в полу (четырехугольное) квадратное углубление, глубиной около 1 м. (вокруг здания – *авт.*) встречаются черепки посуды, по-видимому, античной и куски античной черепицы" (Соловьев, 1924. Л. 103, 104). На наш взгляд, здание действительно напоминает планом и размерами сооружение на высоте Казацкая. Авторы только хотят обратить внимание, что "сторожевой пост" (рис. 3, *3*), который описывает Л.А. Соловьев, расположен "между Воловьей балкой и Каменоломенным оврагом ...на мысу" (Соловьев, 1924. Л. 103, 104), т.е. не менее 0.5 км на северо-восток от высоты Суздальская (отметка 178.2). Что же касается существования стены, которая, возможно, перегораживала Каменоломенный овраг, то в описаниях Л.А. Соловьева мы не нашли никаких доказательств ее существования. В указанных же Г.М. Николаенко работах Л.А. Соловьева, О.Я. Савели и А.А. Филиппенко, которые лежат в основе ее предположения о наличии укреплений и сторожевых постов в районе Киленбалки и восточнее ее лежащих балок (Николаенко, 1998. С. 83), нет никакой информации о сооружениях сторожевого характера, причем две последние статьи вообще относятся к другим вопросам.

Отмеченное А.А. Филиппенко четырехугольное сооружение на высоте Безымянная в свете результатов совместных украинско-американских раскопок оказалось укреплением времени Крымской войны[10] (Carter et al., 2000. P. 733). Раскрытые под ним раскопками 1997–98 гг. строительные остатки представляют собой часть постройки ранневизантийского периода (рис. 4). Материал первых сезонов идет от III в. до н.э. до VI в. н.э. На рис. 6

[8] Ср. следы размежевки на Северной стороне (Николаенко, 1999. С. 42. Рис. 27, 28).

[9] О возможности существования поселка типа vicus у лагеря в Балаклаве-Кадыковке см.: Савеля, Сарновски, 1999. С. 43; Сарновски, Савеля, 2000. С. 199.

[10] Согласно генеральному плану окрестностей г. Севастополя с указанием общего расположения союзных войск в атласе Е.И. Тотлебена (Totleben, 1863), район высот Горная и Безымянная был в конце 1854 г. занят Турецкой дивизией.

американского отчета эта застройка обозначена как Late Roman and Early Byzantine form. По мнению Дж.К. Картера[11] (Carter et al., 2000. P. 736, 737).

И наконец, к сожалению, мы не можем досчитаться 10 пунктов близ Херсонеса, указанных А.А. Филиппенко, на которых могли присутствовать римские войска.

В реконструкции схемы защиты хоры Херсонеса, созданной В.М. Зубарем, важную роль играют башни, отмеченные в конце XVIII в. П.С. Палласом, по-видимому, на гребне плато Сапун-горы. Эти сооружения, часто приписываемые к эллинистическому периоду, являются, по мнению В.М. Зубаря, римскими и "могли быть возведены на месте стены, о которой упоминает Страбон (Strabo, VII, 4, 7), построенной первоначально, возможно, еще Агасиклом" (Зубарь, 2000а. С. 54). По нашему мнению, однако остается открытым до сих пор вопрос, до какой степени мы должны верить П.С. Палласу (Pallas, 1803. S. 52).[12] Позднейшие сведения противоречивы. Е.Д. Кларк, который, согласно его словам, прошел вместе с П.С. Палласом стену по всей ее длине, пишет так: "теперешние развалины стены состоят только из возвышенности или вала, на котором еще приметны следы или знаки башен..." (Clarke, 1817. P. 203 – цит. по: Бертье-Делагард, 1888. С. 274). В 1813 г. Г. де Кастельно писал, что после нескольких часов поисков[13] (Castelnau, 1820. P. 201). В 1823 г. И.М. Муравьев-Апостол писал о стене следующее: "Бугорки, один от другого вблизи находящиеся, в прямом направлении от юга к северу, суть несомненные признаки стены сей." (Муравьев-Апостол, 1823. С. 81 – цит по: Бертье-Делагард, 1888. С. 275)[14]. В статье под заглавием "О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности и об издании описания и рисунков оных" (ЗООИД. 1872. Т. VIII. С. 390) в списке видов и памятников южной России находим "План нескольких больших зданий, между Балаклавой и Инкерманом с древней плотиной, укрепленной башнями, которая разделяла границы Херсонесаго Гераклеотическаго с остатком Тавриди". Согласно информации А.Л. Бертье-Делагарда список содержал древние сооружения, остатки которых видел Келлер в 1804 и 1821 гг. В 1848 г. З.К. Аркас писал: "Древний ров и стены с башнями, устроенные между Балаклавою и Черною речкою..., и следы коих видели... Паллас в 1793 и Муравьев-Апостол в 1820 году, теперь не заметны. Хотя и есть кое-где бугорки по этому направлению, но нельзя сказать удовлетворительно, чтобы они оставляли основания стен, которыя служили к охранению жителей Ираклийскаго полуострова от нападения варваров." (Аркас, 1848. С. 271).

Исчерпывающую критику вышеупомянутых наблюдений путешественников конца XVIII и начала XIX в. мы находим в работах П. Беккера и А.Л. Бертье-Делагарда. По их мнению, в свидетельствах путешественников мы имеем дело со своего рода игрой воображения, связанной с попыткой найти Страбонову стену между Балаклавой и Инкерманом (Becker, 1850. S. 14–16; Бертье-Делагард, 1888. С. 253–279). Действительность выглядит так, что стена, о которой писал Страбон (Strabo, VII, 4, 7: ...τῶ διατειχίσματι τοῦ ἰσθμοῦ τοῦ πρὸς τῶ Κτενοῦντι...) и которую преднамеренно искали на гребне Сапун-горы или в Инкерманской и Балаклавской долинах П.С. Паллас, Э.Д. Кларк, Ф. Дюбуа де Монпере и И.М. Муравьев, была построена "через перешеек у Ктенунта"[15], локализация которого, по мнению многих исследователей, близ Инкермана, до сих пор не ясна и подвергается постоянно дискуссии (Ср.: Braund, 1997. P. 364).

Что относится к новейшим упоминаниям о строительных остатках античного времени в районе гребня Сапун-горы, мы должны отметить наблюдения Л.Н. Соловьева, который в 1920-х годах писал в одном из дневников разведок: "...здесь (край плато Гераклейского полуострова – *авт.*) находится в верхнем ярусе ската ряд гротов... далее, по самому верху идет стена, не особенно, правда, солидная, но идущая, по-видимому, по всему краю ската..." (Соловьев, 1923. Л. 44 – цит. по: Николаенко, 1999. С. 72, 73). Соловьев, вероятно, видел ограды поселений (Николаенко, 1999. С. 72), которые Ф. Дюбуа де Монпере на своей карте в 1832 и 1833 гг. обозначил как vignobles de Cherson т.е. виноградники Херсонеса (Dubois de Montpéreux, 1843).

Если на гребне Сапун-горы действительно существовало несколько башен, "очень слабые следы" которых отметил П.С. Паллас, то в свете раскопок на Казацкой их датировка В.М. Зубарем римским временем кажется убедительной. При-

[11]В переводе Т. Сарновского: "Место, очевидно, играло свою роль, хотя скромную, в защите империи и ее цивилизационных достижений и сохраняло ее на целое тысячелетие".

[12]В переводе Т. Сарновского: "...можно заметить очень слабые следы стены и нескольких башен, частью четырехугольных, частью круглых...". Интересно заметить, что получилось с немецким текстом в переводе с 1881 г. (Паллас, 1881. С. 97) и в перепечатке перевода в 2000 г. (Зубарь, 2000а. С. 54, 55). В 1881 г. перевод звучал: "...можно заметить слабые следы стены и нескольких башен, частью четырехугольных, частью круглых...", а в 2000 г.: "...можно заметить слабые следы стены и несколько башен, частью четырехугольных, частью круглых...".

[13]В свободном переводе авторов: "...я поверил, что нашел след (старинной стены Малого Херсонеса – *авт.*). Это открытие меня не совсем удовлетворило. В моих наблюдениях больше сомнения, чем доверия...".

[14]Авторы могли пользоваться только переводом с русского на немецкий – Muravev-Apostol, 1826. S. 101, который вполне отвечает цитируемому тексту.

[15]Strabo, VII, 4, 7. Перевод Г.А. Стратановского. Страбон. География в 17 книгах. М., 1994 (репринтное воспроизведение текста издания 1964). С. 285; ср.: Baladié R, Strabon. Géographie. T. IV (Livre VII). Paris, 1989. P. 112.

нимая, однако, информацию П.С. Палласа о башнях за достоверную, мы все-таки не знаем, сколько сооружений в виде башен мы должны отнести к римским военным, а сколько к гражданским сооружениям типа усадеб с башнями.

Балаклава. Единственной основой для высказанного В.М. Зубарем предположения о существовании "укрепленного римлянами района" вокруг Балаклавы является топография ее окрестностей с высокими холмами по обеим сторонам Балаклавской бухты и довольно низким положением римского лагеря в Кадыковке. Ни на одной из упомянутых высот до сих пор не найдено следов сторожевых постов (ср.: Иванов, 1997. С. 46–52. Рис. 2; Сарновски, Савеля, 2000. С. 25. Рис. 3). По нашему мнению, они не были нужны, поскольку из римского лагеря в Кадыковке (отметки ок. 25–30 м. над уровнем моря) была видна Балаклавская бухта. Смыслом размещения гарнизона в Балаклаве-Кадыковке был, однако, не только контроль над Балаклавской бухтой, но и готовность к боевым действиям на подходах к Херсонесу со стороны Балаклавской и Инкерманской долин. Положение лагеря в Кадыковке не позволяло, однако, оптически контролировать ситуацию в Балаклавской долине. Самым быстрым способом оповещения балаклавского гарнизона об угрожающей Херсонесу опасности со стороны долин была сигнализация. В определенной топографической ситуации для выполнения этой задачи вовсе не требовалась цепь многочисленных пунктов, было бы достаточно одного, из которого были бы видны Балаклавская долина, гребень Сапун-горы и лагерь в Балаклаве-Кадыковке. Таким пунктом является высота Горная (отметка 272.0), с которой видны не только все названные пункты, но и значительная часть Гераклейского полуострова. Огромная стратегическая роль этой высоты во время Крымской войны подтверждается картой Тотлебена (Totleben, 1863), а во время Второй мировой войны засвидетельствована памятником погибшим.

Балки Бермана, Юхарина, Хомутова и центральная часть Гераклейского полуострова. Постройки, раскрытые И. Бороздиным, К.Э. Гриневичем и Г.М. Николаенко, к сожалению, известны нам в лучшем случае только из предварительных отчетов или обобщающих статей, отличаются монументальностью, и учитывая их расположение в пограничной зоне размежеванной части хоры Херсонеса, могут создавать впечатление крупных оборонительных сооружений. Изучив доступные материалы, нам только остается, с маленькими оговорками, присоединиться к наблюдению В.М. Зубаря, который об археологических памятниках в балках Бермана и Хомутовой пишет: "к сожалению, пока в ходе раскопок здесь не выявлено четких следов присутствия римских военнослужащих" (Зубарь, 2000а. С. 58). Возникает только вопрос: почему "к сожалению" и какие нечеткие следы были выявлены?

На наш взгляд, методически выдержанным является подход к материалу С.Ю. Сапрыкина, который, рассуждая о находках латинских клейм на усадьбе 227, расположенной в центральной части Гераклейского полуострова, пишет: "данных о том, что усадьба № 227 в какой-то период была частью римских укреплений в Таврике, пока нет." (Сапрыкин, 1981. С. 62)[16]. В свою очередь авторы то же самое могут сказать и о сооружениях, раскопанных И. Бороздиным близ Александриады и в Юхариной балке. Также не видим никаких оснований считать, что "в руках римлян находилась система водоснабжения" (Николаенко, 1988. С. 211), а сами водопроводы проведены (?) или только отремонтированы частями XI Клавдиева или I Италийского легионов (Моисеев, 1926. С. 121).

Более того, если высказанное С.Ю. Сапрыкиным предположение, что некоторые укрепленные усадьбы были предназначены для военных подразделений армии Митридата, которые наряду с военной службой занимались сельским хозяйством, может быть оправдано параллельным эпиграфическим материалом (Saprykin, 1994. P. 96, 97), то предлагаемая В.М. Зубарем аналогичная практика в римский период не находит пока никакого подтверждения. Как бы то не было, мы не можем иметь дело с territorium legionis, засвидетельствованным только одной надписью III в. н.э. в Аквинкум (Паннония)[17], хотя бы потому, что в Херсонесе никогда не дислоцировалось какого-либо легиона.

Маячный полуостров. Датировка II–III вв. н.э. и идентификация культового сооружения на перешейке Маячного полуострова с небольшим templum in antis или простила[18], пристроенного к западной стене Страбонова Херсонеса как "святилища с небольшим храмиком, посвященного фракийским богам", возбуждает огромные сомнения. Единственным основанием предложенной А.Н. Щегловым идентификации сооружения является обломок из местного известняка с фрагментарно сохранившимся изображением всадника (Щеглов, 1969. С. 153. Рис. 5, ср.: Иванова и др., 1976. С. 48. № 107). С одной стороны, нам точно не известно место обнаружения обломка (раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича в 1890 г.), с другой –

[16]Мнения, согласно которому находки черепиц из усадьбы № 277 (150) косвенно свидетельствуют о размещении римских войск или наличии на хоре зданий, принадлежащих римской армии (Зубарь, 1994. С. 49; Кадеев, 1981. С. 30), не придерживаются также В.И. Кузищин, А.И. Иванчик (1988. С. 213).

[17]CIL. III. 10489. Ср.: Sarnowski, 1988b. S. 71, 72 с дискуссией над терминами territorium и prata legionos, cohortis, alae.

[18]Ср. план сооружения (Стржелецкий, 1948. С. 103. Рис. 3).

изображение всадника в ходе налево совсем не характерно для фракийского Героя-всадника[19].

Что касается датировки сооружения, то все упомянутые К.К. Косцюшко-Валюжиничем мелкие находки из храмика говорят в пользу доримского времени (Косцюшко-Валюжинич, 1891. С. 60; Saprykin, 1998. P. 244). Однако В.А. Латышев датирует плиту из храмика с содержавшимся теофоричным именем дедиканта II–III вв. н.э. (IOSPE. I^2. 706: Δι[ο]νύσι [ος...]; ср.: Соломоник, 1984. С. 7.) Эта находка привела к другой необоснованной идентификации сооружения как храмика Дионису (Стрежелецкий, 1948. С. 101; Николаенко, 1997. С. 80; 1999. С. 110).

Независимо от того, кому был посвящен храмик и был ли он посещаем в римское время жителями Херсонеса фракийского происхождения или нет, мы не имеем повода, чтобы судить вместе с А.Н. Щегловым, что рядом с храмиком находился "римский сторожевой пост, statio бенефициариев". Вообще же не обоснованно ничем предложение Т. Сарновского о том, что святилище было построено римскими солдатами (Сарновски, Савеля, 2000. с. 241)[20]. Также необоснованно мнение В.М. Зубаря, согласно которому "сторожевые посты и мелкие гарнизоны возглавляли бенефициарии" (Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000. С. 117).

В настоящее время эпиграфически засвидетельствованным является тот факт, что в составе населения Херсонеса и, вероятно, его сельской округи во II–III вв. н.э. были римские ветераны, их семьи и наследники (Сарновски, Савеля, 2000. С. 199). Бесспорно, наличие этой категории населения отразилось и на облике херсонесской хоры. Как бы мы не называли более или менее укрепленные сооружения, более или менее монументальные постройки, с башнями или без таковых, стены и т.п., построенные или только используемые в римское время на ближнем хоре Херсонеса, мы все таки, по нашему мнению, имеем дело с гражданскими постройками, собственниками которых могли быть между другими и люди с двойным гражданством: херсонесским и римским[21].

В настоящем состоянии исследований мы не располагаем находками, свидетельствующими о размещении на хоре Херсонеса римских подразделений. Ни в коем случае мы не можем принять за следы военного присутствия находки черепицы из римских военных мастерских или находки вотивных табличек, посвященных солдатами или членами их семей, если они не сопровождаются находками военных строительных надписей, надгробий солдат или предметами римского снаряжения. Этим методическим требованиям отвечают помимо цитадели в самом Херсонесе только два памятника[22]: Балаклава-Кадыковка и высота Казацкая. Оба памятника расположены вне пределов размежеванной части хоры, в местах, топографически выгодных для контроля подступов к хоре и к Балаклавской гавани. Авторы придерживаются мнения В.М. Зубаря, что одной из задач балаклавского гарнизона в случае нападения варваров было "нанесение флангового удара по противнику, который двигался к Херсонесу с востока" (Зубарь, 2000а. С. 57). Согласно такому состоянию дел вполне возможно наличие еще одного кастелла с противоположной стороны Гераклейского полуострова в районе Инкермана и другого – на Северной стороне. Если наши наблюдения справедливы, то для защиты Херсонеса вообще не была нужна цепь сторожевых башен и постов. Достаточно было двух или трех наблюдательных пункта вдоль рубежа Сапун-горы, Карагач, Караньских высот, один из которых частично исследован на высоте Казацкая. В случае плохой видимости сигналы или новости переносились кавалеристами, эпиграфически засвидетельствованными в составе римского контингента в Таврике (Ковалевская, Сарновски, 2002. С. 91), также пешком или на лодке.

Эффективное действие такой системы не требовало привлечения в Крым большой части армии Нижней Мезии, которая имела самую длинную в империи границу с barbaricum, и армия которой кроме охраны этой границы посылала свои подразделения также в район устья Днестра и Буга (Тира, Ольвия). По нашему мнению, римский контингент в Юго-Западном Крыму не превышал 500 человек[23]. Этого количества полностью хватало для выполнения задач в представленном нами варианте обеспечения безопасности Херсонеса. Херсонес был автономным городом и одним из важных союзников римлян в Северном Причерноморье. Как всегда в подобной ситуации, римляне считались с существующими отношениями собственности в городе и именно поэтому, по всей видимости, разместили свои малые базы дислокации

[19]Единственно нам известные рельефные изображения фракийского Всадника в ходе налево находятся на стелах или памятниках неопределенного назначения и неизвестного происхождения из музеев Бухареста и Констанции (Hampartumian, 1979. P. 84, 86, 108, 110. № 121, 125, 126, 187, 192). Ср. также известняковую статуэтку (Goceva, Oppermann, 1981. P. 117. № 363).

[20]В русский текст вкралась ошибка. Вместо "построили" должно быть "посещали". Ср. немецкий текст (С. 235), где речь идет о возможности посещения святилища римскими солдатами.

[21]О римских гражданах в Херсонесе см.: Дьячков, 1997. С. 69–74.

[22]Если на Северной стороне действительно было найдено in situ надгробие легионера, то почти без сомнений мы можем утверждать, что где-то в окрестностях находился еще один пункт дислокации одной из частей херсонесской вексилляции.

[23]Ср.: Сорочан и др., 2000. С. 118: "...однако из задач, стоявших перед римскими войсками, можно предполагать, что в Таврике находилось около 2–2.5 тысяч римских военнослужащих...".

войск в районе пограничья или его предполья, на территории полностью или в большей части занятой полуварварскими соседями Херсонеса.

Организация хоры Херсонеса в пределах ее размежевки в римское время оставалась в своей основе греческой. Очень убедительными в этом контексте нам кажутся наблюдения Л.В. Марченко, согласно с которыми "херсонесская хора не имела сплошной линейной обороны подобно римскому лимесу. Здесь была создана цепочка локальных систем обороны..." (Марченко, 1997. С. 197).

В римское время эта уже существующая система эффективно действовала вместе с римскими гарнизонами, расквартированными не на лимесе позади наблюдательных постов, а рядом с ними на близких подступах к охраняемой территории. Под этой защитой херсониты могли претендовать на освоение или включение прилегающих земель в орбиту своих экономических интересов. Так или иначе все говорит о том, что в конце II – 1-й трети III в. на подходах к Херсонесу, на плодородных Балаклавской, Инкерманской и Бельбекской долинах царствовали мирные отношения. Свидетельствуют об этом богатые погребения в могильниках Бельбек I–IV и "Совхоза № 10" с многочисленными ценными импортными изделиями. Наконец, что касается стратегической ситуации, кажется мы можем поставить риторический вопрос: что было более важным – чтобы римляне видели тавров или тавры видели римлян постоянно на их постах? Демонстрация силы часто действует эффективнее, чем сама сила.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аркас З.К. Описание Ираклийскаго полуострова и древностей его // ЗООИД. 1848. Т. II. 1.

Беляев С.А. К пониманию CIL, VIII, 619 // ВДИ. 1968. № 4.

Бертье-Делагард А.Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. 1888. Т. XIV.

Бороздин И. Новейшие археологические открытия в Крыму // Новый Восток. 1925. № 7.

Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972.

Высотская Т.Н., Жесткова Г.Н. Рельефная краснолаковая керамика из могильника "Совхоз № 10" // Херсонесский сборник. 1999. Вып. X.

Дьячков С.В. Римские граждане в Северном Причерноморье // Античный мир. Византия. К 70-летию проф. В.И. Кадеева. Харьков, 1997.

Зубар В.М. S.J. Saprykin. Ancient Farms and Land-Plots on the Khora of Khersonesos Taurike (Research in the Herakleian Peninsula 1974–1990). Amsterdam, 1994 // Археологія. 1996. № 3.

Зубар В. Про так званий Таврійский лімес // Київська старовина. 1997. № 1/2 (315).

Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994.

Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. – первая половина VI в.). Киев, 1998.

Зубарь В.М. Еще раз о Таврическом лимесе // РА. 2000а. № 2.

Зубарь В.М. О римских войсках в Херсонесе и его округе в середине II – первой трети III вв. // Сарновски Т., Савеля О.Я. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000б.

Иванов А.В. Этапы развития и некоторые черты топографии Балаклавы // Херсонесский сборник. 1997. Вып. VIII.

Иванова А.А., Чубова А.П., Колесникова Л.Г. Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976.

Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первые века н.э. Харьков, 1981.

Ковалевская Л.А., Сарновски Т. О хозяйственном укладе одной из херсонесских усадеб в позднеримское время // ВДИ. 2002. № 3.

Колтухов С.Г. Укрепления Крымской Скифии. Симферополь, 1999.

Косцюшко-Валюжинич К.К. Важное археологическое открытие в Крыму // Изв. Таврической ученой комиссии. 1891. № 13.

Кузищин В.И., Иванчик А.И. "Усадьба Басилидов" в окрестностях Херсонеса Таврического // ВДИ. 1998. № 1.

Ланцов С.Б. Две вотивные таблички из святилища римских военнослужащих около Сакского озера в Крыму // Херсонесский сборник. 1999. Вып. X.

Марченко Л.В. Защита хоры // Херсонесский сборник. 1997. Вып. VII.

Моисеев Л.А. Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклейском полуострове // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. 1926. Т. IX.

Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 г. СПб., 1823.

Николаенко Г.М. Херсонесская округа в I в. до н.э. – IV в. н.э. (по материалам Гераклейского полуострова) // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988.

Николаенко Г.М. Исследования на Маячном полуострове. 1993–1995 гг. // Херсонесский сборник. 1997. Вып. VIII.

Николаенко Г.М. Хора Херсонеса в римский период // Херсонесский сборник. 1998. Вып. IX.

Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Ч. I. Севастополь, 1999.

Новиченкова Н.Г. Святилище Крымской Яйлы // ВДИ. 1994. № 2.

Паллас П.С. Путешествие в Крым (в 1793–1794 годах) // ЗООИД. 1881. Т. XII.

Печенкин Н. Раскопки в окрестностях г. Севастополя // Изв. Таврической ученой комиссии. 1906. № 38.

Савеля О.Я. Некоторые результаты работ Севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990–1995 гг. // Херсонесский сборник. 1997. Вып. VIII.

Савеля О.Я., Сарновски Т. Две латинские надписи из Балаклавы и Херсонеса // ВДИ. 1999. № 1.

Сапрыкин С.Ю. Черепицы с клеймами римского легиона из усадьбы хоры Херсонесса // КСИА. 1981. Вып. 168.

Сарновски Т., Савеля О.Я. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000.

Соловьев Л.А. Дневник разведок // Архив Национального заповедника "Херсонес Таврический". 1923. Д. 1384.

Соловьев Л.А. Экскурсии по Гераклейскому полуострову 1924 г. // Архив Национального заповедника "Херсонес Таврический". 1924. Д. 1385/I.

Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984.

Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000.

Стржелецкий С.Ф. Жертвенник Гераклу из т.н. Страбоновского Херсонеса // Херсонесский сборник. 1948. Вып. IV.

Стржелецкий С.Ф. Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.

Стржелецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического. Симферополь, 1961.

Трейстер М.Ю. Бронзова матриця з Херсонеса // Археологія. 1991. № 1.

Филиппенко А.А. Организация римских укреплений в окрестностях Херсонеса // Фортификация в древности и средневековье: Тез. докл. науч. конф. СПб., 1995.

Филиппенко А.А. Основные вехи и итоги в изучении римского пограничья Северного Причерноморья и Таврики // Мир Ольвии. Тез. докл. науч. конф. Киев, 1996.

Филиппенко А.А. Строительные керамические материалы с пунктов дислокации римских войск в Кадыковке и на высоте Казацкой // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тез. докл. науч. конф. Севастополь, 1997.

Цветаева Г.А. Боспор и Рим. М., 1979.

Шелов Д.Б. Римляне в Северном Причерноморье во II в. н.э. // ВДИ. 1981. № 4.

Щеглов А.Н. Заметки по древней географии Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1965. № 2.

Щеглов А.Н. Фракийские посвятительные рельефы из Херсонеса Таврического // МИА. 1969. № 150.

Becker P. Die Herakleotische Halbinsel in archäologischer Beziehung. Leipzig, 1850.

Braund D. Map 23 Tomis – Olbia – Chersonesos // Barrington Atlas of the Greek and Roman World. Princeton, 1997.

Carter J.C., Crawford M., Lehman P., Nikolaenko G., Trelogan J. The Chora of Chersonesos in Crimea, Ukraine // American Journal of Archaeology. 2000. № 4.

Castelnau G. de. Voyage en Crimée. Quelques réflexions préliminaires. Paris, 1820.

Clarke E.D. Travels in Various Coutries of Europe, Asia and Africa. T. II. London, 1817.

Dubois de Montpéreux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. T. VI. Paris, 1843.

Gočeva Z., Opperman M. Corpus Cultur Equitis Thraci. T. II. 1. Leiden, 1981.

Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin, Amsterdam, 1971.

Hampaturmian N. Corpus Cultur Equitis Thraci (Moesia Inferior). T. IV. Leiden, 1979.

Muravev-Apostol I.M. Reise durch Taurien 1820. Wien, 1826.

Novichenkova N.G. The Sanctuary of the Crimean Yaila // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 1996. № 3.

Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793–1794. T. II. Leipzig, 1803.

Philippenko A.A. Roman Fortifications near Chersonesos in the Crimea // 17th International Congress of Roman Frontier Studies. Lectures Summaires. Zalau, 1997.

Saprykin S.J. Ancient Farms and Land-Plots on the Khora of Khersonesos Taurike (Research in the Herakleian Peninsula 1974–1990). Amsterdam, 1994.

Saprykin S.J. The Foundation of Tauric Chersonesus // The Greek Colonisations of the Black Sea Area. Stuttgart, 1998.

Sarnowski T. Das römische Heer im Norden des Schwarzen Meeres // Archeologia. 1988a. T. XXXVIII.

Sarnowski T. Wojsko rzymskie w Mezji i na północnym wybzeżu Morza Czarnego. Warszawa, 1988b.

Totleben E.I. Atlas des planches dressé à la Direction générale du génie; armement au 2/14 Novembre 1854 – [8 Septembre 1855]. St. Petersburg, 1863.

Zhuravlev D. Terra sigillata and Red Slip Pottery from the Late Skythian Necropoleis of the South-Western Crimea (1st–3rd centuries AD) // Rei Cretariae Romanae Fautorum Acta. 2000. T. XXXVI.

On the defence of Tauric Chersonesos by the Roman allies

T. Sarnovski, L. A. Kovalevskaya

Summary

The paper presents a critical review of epigraphic and archaeological evidences concerning the Roman military presence in the chora of Chersonesos in the 2nd and the 3rd cc. AD. Some sites and discoveries are discussed: the late Scythian settlement Alma Kermen with the finds of roof tiles stamped by the legio XI Claudia, the tombstone of a Roman legionary soldier said to have been found on the northern shore of the Sevastopol Bay, inscribed fragmentary votive tablets found near Saki, cemeteries in the valleys of the Belbek and Chernaya rivers with ceramic material dated to the Roman period, small shrine at Mayachny Point, Roman sentry-post on Kazatskaya hill, tower-like structure on Suzdalskaya hill, farmhouse 150 in the Heraklean Peninsula with finds of roof tiles stamped probably by a late Roman legion, architectural remains on Bezymyannaya hill, tower-like structures along the edge of Sapun Gora as described by P.S. Pallas in late 18th c., fortified sites in Khomutova, Yukharina, and Berman ravines (balkas). To the best of our belief, the only sites reliably testifying the Roman military presence around Chersonesos in the early centuries AD are Kazatskaya hill and Balaklava-Kadykovka. The available evidences point to the inhabitants of the fortified and non-fortified farmhouses and village-sized settlemets in the chora of Chersonesos as civil population, including possibly Roman veterans. The authors come to the conclusion that the Roman detachments in south-western Crimea had their headquarters in Chersonesos and few bases and sentry-posts on the outskirts of the Chersonesan territory. No system similar to the Roman limes was needed to provide sufficient protection of the frontier and to contribute to peaceful relations between the Greek and neighbouring indigenous populations.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 2, с. 51–60

О РАННИХ КУЛАЙСКИХ ПАМЯТНИКАХ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ

© 2004 г. Ю. В. Ширин

Историко-архитектурный музей "Кузнецкая крепость", Новокузнецк

Впервые памятники Верхнего Приобья, относимые к кулайской общности, получили свою культурно-хронологическую интерпретацию в трудах М.П. Грязнова. Первоначально эти памятники составили содержание фоминского этапа верхнеобской культуры и были датированы VII–VIII вв. (Грязнов, 1956. С. 126–144). Но уже в первых публикациях М.П. Грязнов отметил наличие аналогий фоминскому инвентарю в северо-таежных памятниках Приобья (Грязнов, 1949. С. 117). В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская, рассматривая материалы нижнеобского городища Усть-Полуй, подтвердили значительное сходство северо-таежных и фоминских комплексов и выступили против отнесения фоминских памятников ко времени позднее III–IV вв. (Чернецов, Мошинская, 1951. С. 87). В ходе развернувшейся дискуссии В.Н. Чернецову и В.И. Мошинской, с одной стороны, и М.П. Грязнову – с другой, так и не удалось прийти к единому мнению по датировке фоминского этапа.

Проблема культурно-хронологической интерпретации фоминских памятников вновь стала актуальной в связи с тем, что к началу 1970-х годов была выявлена керамика кулайской культуры в Среднем Приобье (Косарев, 1969. С. 43–51; Чиндина, 1970. С. 191–206; 1973. С. 161–174; Плетнева, 1970. С. 164–171). Для выделенных типов керамики еще не предлагалось твердой хронологии, но было отмечено, что поздний тип кулайской керамики близок керамике фоминского этапа (Чиндина, 1970. С. 195). Анализируя материалы среднеобского могильника Релка VI–VIII вв., Л.А. Чиндина обратила внимание на то, что фоминский этап верхнеобской культуры не может датироваться временем позже V в. (Чиндина, 1977. С. 70, 71). Детальная типология материалов кулайской культуры Среднего Приобья (Чиндина, 1978; 1984) и изучение памятников кулайской культуры в Новосибирском Приобье (Троицкая, 1979) показали правомерность более ранней датировки фоминских памятников, чем было предложено М.П. Грязновым.

Выделение Т.Н. Троицкой более ранних, чем фоминские, памятников кулайской культуры в Новосибирском Приобье стало очередным шагом для закрепления наметившихся перемен в культурно-хронологической схеме, предложенной М.П. Грязновым для эпохи железа Верхнего Приобья. Фоминский этап был выведен из верхнеобской культуры и стал рассматриваться как этап в развитии кулайской культуры в периферийном регионе. Сложение лесостепного варианта кулайской культуры было предложено связывать с миграцией кулайского населения из северной таежной зоны Среднего Приобья. Всего было выделено три миграционных импульса кулайской культуры, что нашло отражение в трех этапах в развитии кулайской культуры Новосибирского Приобья: III–II вв. до н.э., I в. до н.э. – I в. н.э.; I–III вв. н.э.; (Троицкая, 1979). По мнению Т.Н. Троицкой, к рубежу нашей эры кулайская культура распространяется вверх по р. Оби только до ее левого притока р. Касмалы, где в устье расположен памятник Чудацкая Гора (рис. 1, *4*) (Троицкая, 1979. С. 49). Более южные памятники с признаками кулайской культуры относились к фоминскому этапу, датированному Т.Н.Троицкой I–III вв. (Троицкая, 1979. С. 43, 44).

Первые сборы на выдувах Чудацкой Горы были сделаны М.П. Грязновым в 1925 г. (колл. ГЭ № 4568). Эта коллекция была дополнена М.П. Грязновым в 1927 г. (колл. ГЭ №№ 4772, 5511) и в 1928 г. (колл. ГЭ № 5597). В ходе изучения Чудацкой Горы М.П. Грязнов заложил вдоль выдувов три раскопа общей площадью около 120 м^2 (Грязнов, 1930). В обобщающей работе, посвященной культурно-хронологической характеристике Верхнего Приобья, Чудацкая Гора упоминается М.П. Грязновым среди памятников, отнесенных к фоминскому этапу. При этом отмечено, что кроме фоминской керамики на Чудацкой Горе есть и более ранние находки (Грязнов, 1956. С. 133). Т.Н. Троицкая, относя фоминские памятники Верхнего Приобья к I–III вв. н.э., датировала "кулайские" материалы с Чудацкой Горы более ранним временем – I в. до н.э. – I в. н.э., синхронизировав их со вторым этапом кулайской культуры Новосибирского Приобья. Действительно, в погребальных комплексах этого этапа есть бронзовые кельты, аналогичные найденному на Чудацкой Горе (рис. 2, *1*).

В 1980 г. был выявлен еще один памятник, который связан с ранним проникновением кулайцев в Барнаульское Приобье. Он представляет собой случайную находку, сделанную у с. Новообинцево на левом берегу р. Оби, на 40 км ниже по течению от Чудацкой Горы – так называемый Новообинцевский "клад" (рис. 1, *2*). В 1983 г. эти находки почти в полном составе были переданы в Алтайский краеведческий музей. Подробная публикация Но-

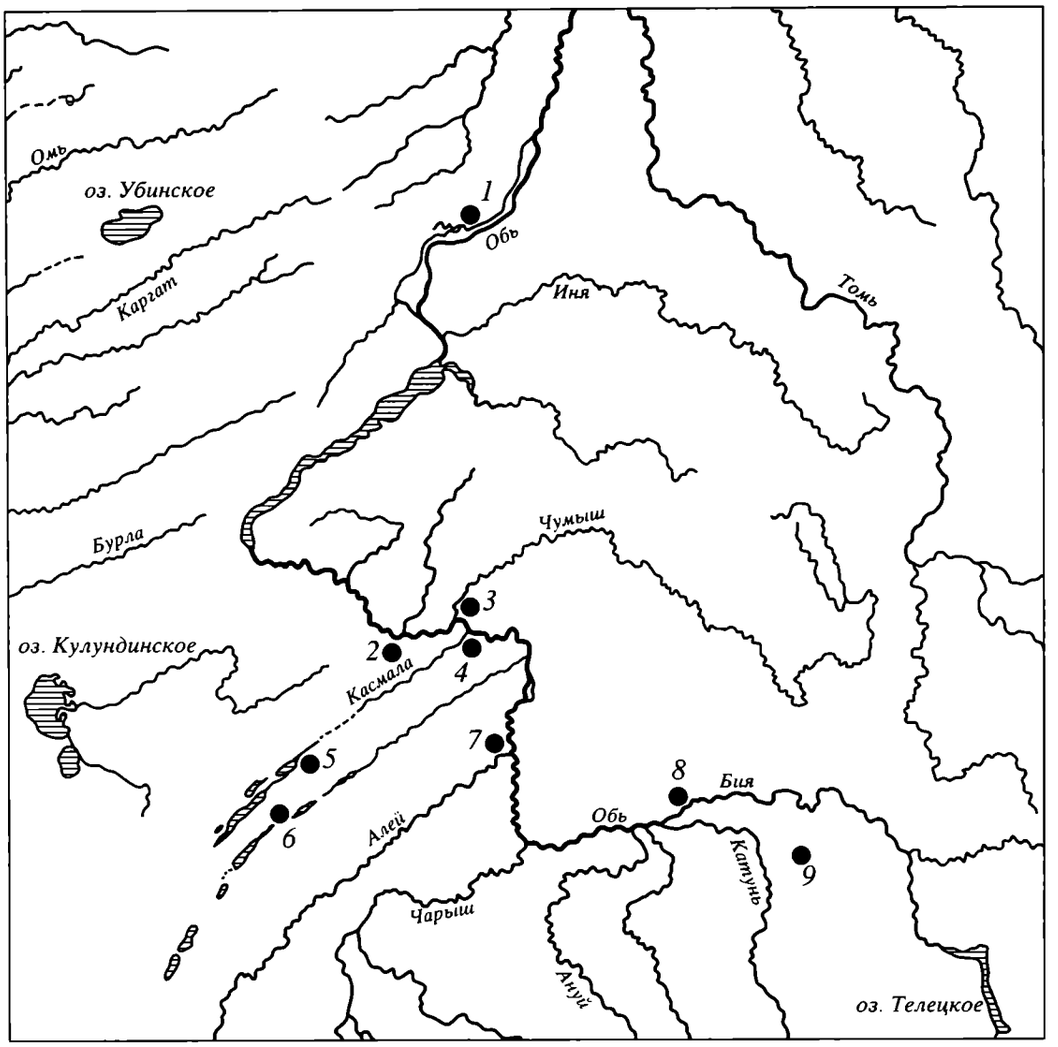


Рис. 1. Карта памятников, рассматриваемых в связи с ранним кулайским проникновением в Верхнее Приобье: *1* – могильник Каменный Мыс; *2* – Новообинцевский "клад"; *3* – Усть-Чумыш-1; *4* – Чудацкая Гора; *5* – Бочанцево-1; *6* – Крестьянское-3; *7* – Троицк-1; *8* – Бийск-скотобойня; *9* – Новозыково-3.

вообинцевского "клада" подготовлена В.Б. Бородаевым, который определил время его комплектования концом IV–III в. до н.э. (Бородаев, 1987а. С. 105–109).

Находка Новообинцевского "клада" послужила серьезным поводом для привлечения внимания к проблеме ранних кулайских памятников Верхнего Приобья. Граница южного проникновения наиболее ранних кулайских групп, намеченная Т.Н. Троицкой, не изменилась, но предложенная В.Б. Бородаевым датировка "клада", значительно удревняя начало этого процесса, уже подталкивала сделать это. Накопился и соответствующий новый материал – на левых притоках р. Оби были выявлены поселения с керамикой кулайского облика (с оттисками характерного для нее фигурного штампа – "уточка"): Бочанцево-1, Калиновка-1, Крестьянское-3 (рис. 1, *5*, *6*). Краткие сообщения о результатах исследования этих памятников были сделаны Г. Е. Ивановым (1990; 1991). Совместное нахождение на лесостепных поселениях Верхнего Приобья кулайской и каменской керамики было им интерпретировано как свидетельство контактов степняков (носителей каменской культуры) с кулайским населением, продвигающимся с севера по приобским ленточным борам. Согласно представлениям о том, что каменские памятники не могут быть древнее конца I тыс. до н.э., поселения Бочанцево-1, Калиновка-1, Крестьянское-3 были отнесены к "ранней" группе кулайских памятников Верхнего Приобья. Г.Е. Иванов предложил отождествлять их с комплексами второго этапа кулайской культуры Новосибирского Приобья (I в. до н.э. – I в. н.э.) (1991. С. 121).

Видимо, с этими находками было связано и то, что в ходе рассмотрения керамических материалов поселений Верхнего Приобья второй половины I тыс. до н.э. М.Т. Абдулганеев и В.В. Владимиров удревнили комплексы Чудацкой Горы до III–I вв. до н.э. (1991. С. 98). Вскоре появляется ряд публикаций, в которых заметно стремление предвосхитить открытие новых раннекулайских памятников

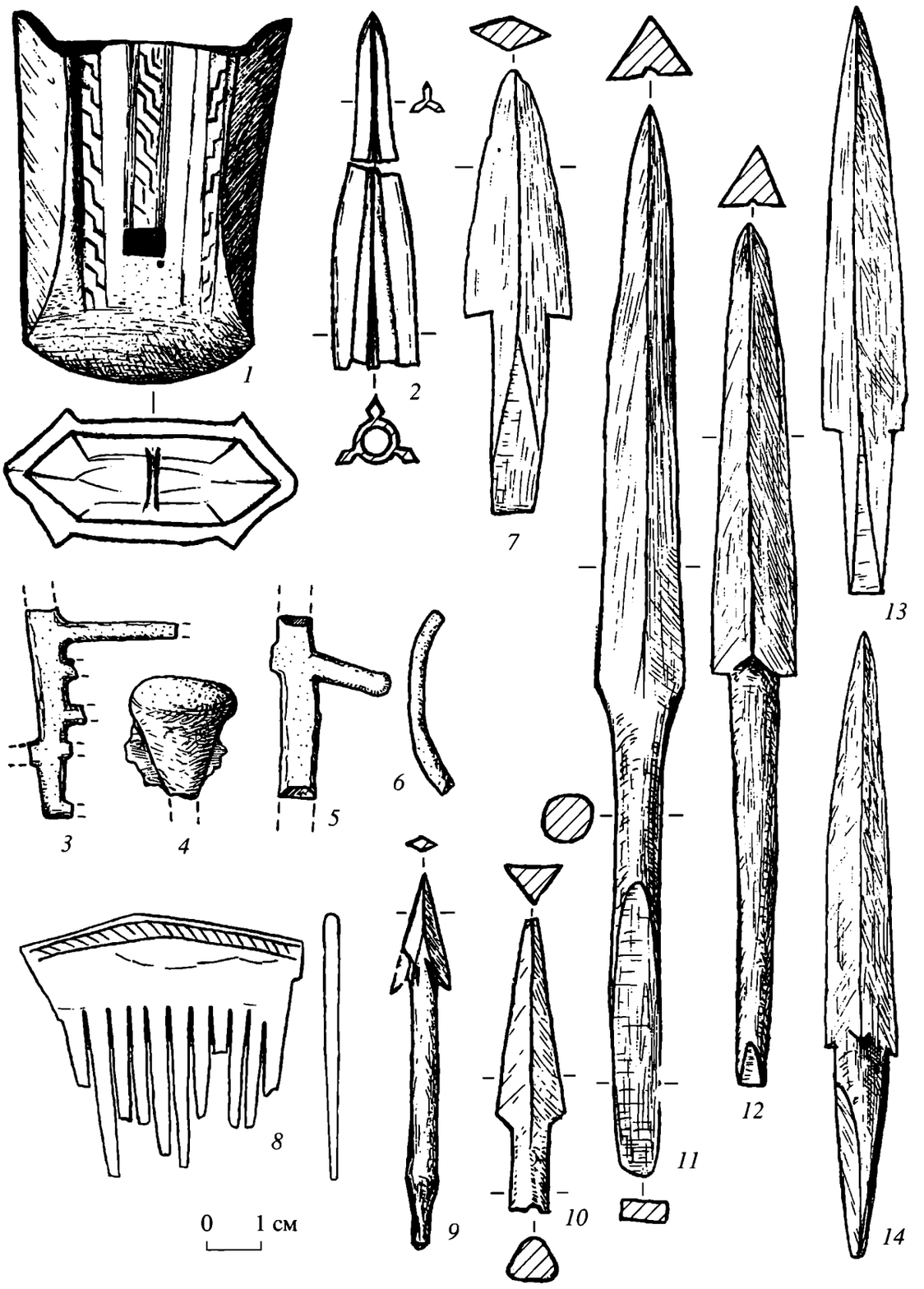


Рис. 2. Инвентарь из раскопок и сборов М.П. Грязнова на Чудацкой Горе. *1–6* – бронза; *7–14* – кость.

на более южных территориях Верхнего Приобья, а также на правобережье р. Оби (где до того выделялись только "позднекулайские" памятники фоминского этапа). Так, при характеристике многослойного поселения Усть-Чумыш-1 на правом берегу р. Оби (рис. 1, *3*), где был получен комплекс керамики, характерный для фоминского этапа, А.П. Шамшин и А.А. Казаков сочли нужным отметить, что вполне вероятно проникновение кулайского населения в эти места и в более раннее время (1992. С. 62). В краткой информации о раскопках в предгорьях Северного Алтая многослойного поселения Новозыково-3 (рис. 1, *9*) А.А. Казаков и М.П. Демин, характеризуя керамический комплекс, дати-

рованный ими II в. до н.э. – рубежом эр, выделили ряд признаков керамики, которые, по их мнению, являются результатом влияния кулайской культуры – уплощенные пропорции сосудов, наличие нескольких орнаментальных строк, в том числе оттисков уголка лопатки в сочетании с ямками (Казаков, Демин, 1992. С. 71).

К числу ранних кулайских памятников Верхнего Приобья В.Б. Бородаев и В.В. Горбунов отнесли поселение Троицк-1, исследованное на левом берегу р. Оби в приустьевой части р. Алей (рис. 1, *7*). Они сравнили поселение Троицк-1 с памятниками второго этапа кулайской культуры Новосибирского Приобья, но по неясной причине, для этого этапа были даны более широкие хронологические рамки – II в. до н.э. – II в. н.э. (Бородаев, Горбунов, 1993. С. 185). Анализируя новые находки, В.Б. Бородаев и В.В. Горбунов высказали предположение, что первые кулайские мигранты преимущественно заселяли левый берег р. Оби. Появление кулайских памятников на правом берегу, по их мнению, было связано с более поздним этапом продвижения с севера кулайского населения (Бородаев, Горбунов, 1993. С. 186).

В контексте новых открытий М.Т. Абдулганеевым и А.А. Казаковым вновь были подробно проанализированы материалы Чудацкой Горы (1994). Вся керамика из коллекций этого памятника была ими разделена на три группы. Первая группа, по мнению М.Т. Абдулганеева и А.А. Казакова, близка памятникам староалейской культуры, вторая – керамике васюганского этапа кулайской культуры, третья – сочетает признаки первой и второй групп. На основе наличия третьей группы керамики М.Т. Абдулганеев и А.А. Казаков объединили весь керамический материал Чудацкой Горы в единый культурно-хронологический комплекс. Уточнение датировки Чудацкой Горы было сделано на основе определения дат для некоторых предметов из коллекции этого памятника: бронзового кельта и двух наконечников стрел. Для кельта была принята дата III в. до н.э., бронзовый наконечник кулайского типа датирован широко V–II вв. до н.э., для второго наконечника указаны аналогии в памятниках скифо-савроматского круга IV–III вв. до н.э. В итоге для Чудацкой Горы предложена дата в пределах IV–III вв. до н.э. На этом основании М.Т. Абдулганеев и А.А. Казаков связали данный памятник с теми же культурными процессами, которые привели к появлению в Барнаульском Приобье Новообинцевского "клада" (1994. С. 114). Увлекшись удревнением кулайского проникновения в Верхнее Приобье, М.Т. Абдулганеев и А.А. Казаков привели в качестве примера одного из наиболее ранних кулайских "прорывов" в эти места – псевдоуточковые оттиски на фрагменте керамики VI–V вв. до н.э. с поселения Бийск-скотобойня (рис. 1, *8*) (1994. С. 114).

В.А. Могильников, анализируя особенности культурогенеза в лесостепной части Западной Сибири в связи с появлением там признаков кулайской культуры, высказал свое несогласие с рассмотренными выше предложениями о более ранней датировке кулайских комплексов Верхнего Приобья, чем было предложено Т.Н. Троицкой. Он отметил, что такие памятники, как Чудацкая Гора, Бочанцево-1 и Троицк-1, не правомерно относить к IV–III вв. до н.э. В.А. Могильников высказал мнение, что материалы поселения Бочанцево-1 позволяют предполагать, что каменское население сохраняется на левобережье р. Оби и в первой половине I тыс. н.э. Его взаимодействие с поздним кулайским населением могло привести к сложению верхнеобской культуры (Могильников, 1995. С. 124, 125).

Критические реплики В.А. Могильникова не поколебали уверенности его оппонентов, и они продолжали отстаивать свою версию историко-культурного процесса, протекавшего в Верхнем Приобье в эпоху раннего железа. При характеристике поселенческих керамических комплексов из этого региона, относимых к VII–II вв. до н.э., М.Т. Абдулганеев и В.Н. Владимиров вновь включили поселения Бочанцево-1 и Чудацкая Гора в группу памятников IV–II вв. до н.э. (1997. С. 68). Они же поддержали тех, кто полагает, что каменское население в III–II вв. до н.э. частично было вытеснено кулайским на правый берег р. Оби, где пока не найдено ранних кулайских памятников. При этом предполагаемая В.А. Могильниковым возможность участия каменско-староалейского культурного компонента в формировании фоминской и более поздней культуры Верхнего Приобья в первой половине I тыс. н.э. категорически отвергалась. В.А. Могильников в этой дискуссии вскоре несколько изменил свою позицию. Им не только была признана ранняя дата Чудацкой Горы, предложенная М.Т. Абдулганеевым и А.А. Казаковым (IV–III вв. до н.э.), но и их заниженная дата бронзового кельта с этого памятника (Могильников, 1997. С. 68), а также повторен фантастический пример с керамикой поселения Бийск-скотобойня (Могильников, 1997. С. 105). В остальном концепция культурогенеза в Верхнем Приобье в конце I тыс. до н.э. излагалась В.А. Могильниковым в традиционном ключе. Признавая раннее проникновение кулайцев в Верхнее Приобье эпизодическим явлением, не отразившимся на культуре каменского и староалейского населения, он связывал появление прочих "кулайских" памятников с более поздним периодом. При этом В.А. Могильников не делал разницы между кулайскими памятниками рубежа эр и фоминского этапа, объединяя их во "вторую волну миграции" (1997. С. 106). По мнению В.А. Могильникова, эта миграция стала возможна в связи с тем, что каменская культура по не-

ясным причинам во II–I вв. до н.э. прекращает свое существование (1997. С. 106).

Своеобразную точку зрения на культурогенез кулайских памятников Верхнего Приобья высказал Е.В. Григоров (1998; 1999). Собственно, основа его концепции традиционна. Она изложена на фоне миграционной теории формирования кулайских памятников Верхнего Приобья, предложенной Т.Н. Троицкой. При этом к ранним памятникам, сочетающим в своих керамических материалах черты кулайской и каменской культур, Е.В. Григоровым отнесены не только левобережные памятники р. Оби – Новообинцевский клад, Чудацкая Гора, Бочанцево-1, Троицк-1, но и ряд правобережных, таких как Усть-Чумыш-1. При определении нижней хронологической границы существования памятников этого типа Е.В. Григоров принимает наиболее ранние датировки Чудацкой Горы и Новообинцевского "клада" (IV–III вв. до н.э.). Что касается верхней хронологической границы, то, опираясь на господствующее представление о прекращении существования не только староалейской, но и каменской культур в последние века I тыс. до н.э., он заключает, что памятники со смешанными кулайско-каменскими чертами не могут быть датированы более ранним временем. К наиболее поздним среди "ранних" отнесены такие поселения, как Усть-Чумыш-1 и Троицк-1. По мнению Е.В. Григорова, керамика этих памятников сочетает в себе черты васюганской и саровской керамики. Вот здесь и заключается то необычное, что предлагает Е.В. Григоров при интерпретации результатов кулайской миграции в Верхнее Приобье. По его мнению, ранние кулайские памятники Верхнего Приобья всецело связаны с культурогенезом кулайских мигрантов васюганского этапа (что, видимо, следует понимать как саморазвитие после культурного импульса III в. до н.э.), а саровское население принимает участие в этом процессе только на фоминском этапе, но не ранее рубежа эр (Григоров, 1999. С. 162). При этом Е.В. Григоров поддерживает позицию тех, кто высказывается за разнокультурность памятников васюганского и саровского этапа кулайской культуры.

Публикации последних лет показывают, что кулайская культура начинает все чаще рассматриваться в числе факторов историко-культурных процессов второй половины I тыс. до н.э. Верхнего Приобья наряду с каменской культурой и староалейской. Накопление источников по данной проблеме продолжается, но уже наметились основные концептуальные модели выделения ранних кулайских памятников и их интерпретации. Судя по отдельным критическим репликам, появились и основания для обсуждения результатов этих интерпретаций.

Не трудно заметить, что существенное влияние на выделение "ранних кулайских" памятников в Верхнем Приобье оказывают те или иные представления об особенностях культурогенеза в этом регионе. Но прежде чем обратиться к этой стороне вопроса, разберем аргументацию, использованную при определении хронологии рассматриваемых комплексов.

Наиболее ранним из кулайских памятников Верхнего Приобья принято считать Новообинцевский "клад", для которого предложена дата IV–III вв. до н.э. Такая датировка "клада", вслед за В.Б. Бородаевым принята большинством исследователей, тем не менее, она не столь бесспорна, как это представляется.

Определение хронологии "кладов" культового характера требует учитывать ряд дополнительных обстоятельств. В том числе и того, насколько соответствует период широкого функционального бытования тех или иных предметов времени их сокрытия в составе комплекса. В.Б. Бородаев при поиске хронологических опор среди известных аналогий для инвентаря Новообинцевского "клада" также пытался найти приемлемые ответы на этот вопрос – при определении даты для ременной обоймы, модели меча и наконечников стрел кулайского типа. Но не связана ли с точностью этих ответов возникшая культурно-хронологическая изолированность Новообинцевского "клада" среди памятников Барнаульского Приобья, что отмечают многие исследователи?

При датировке бронзовой ременной обоймы из состава Новообинцевского "клада" В.Б. Бородаев ограничил верхнюю хронологическую границу бытования таких изделий III в. до н.э. Действительно, в относительно более поздних комплексах чаще встречаются железные обоймы, но бронзовые при этом не выходят из употребления. Не исключено, что помещение в Новообинцевский комплекс именно бронзовой ременной обоймы было не случайным. В нем не было предметов из железа. Возможно, что выбор металла (медь, бронза) был определен особыми требованиями культового характера. Известны многочисленные примеры подобной регламентации. Отбор "по металлу" может быть одним из дополнительных факторов "архаизации" Новообинцевского комплекса. Бронзовые ременные обоймы известны в памятниках рубежа эр. В качестве примера можно указать бронзовую ременную обойму из кургана 24 саргатского могильника Марково-1, датированного по хуннским и тесинским аналогиям I в. до н.э. (Полосьмак, 1987. С. 88. Рис. 37, *2*).

Обломок медного изделия, атрибутированный как миниатюрная модель железного меча конца IV–III вв. до н.э., в качестве одной из основных опор в датировке "клада" – достаточно спорный выбор. Слишком велика вероятность ошибки при определении доли схематизма, а следовательно, и возможного прототипа этой вотивной миниатюры. Кроме того, изготовление моделей оружия для использования в обрядовой практике не характерно для

культур Южной Сибири IV–III вв. до н.э. Эта традиция получает распространение позднее.

В.Б. Бородаев, видимо, прав, полагая, что наконечники стрел кулайского типа были помещены в состав Новообинцевского "клада" в период их массового изготовления и реального использования. Пока этот период принято датировать V–II вв. до н.э. Данная хронология достаточно условна, что связано с ограниченными возможностями опорных комплексов. Но можно отметить одну особенность – кулайские наконечники из наиболее ранних памятников отличаются от более поздних сечением острия. У ранних наконечников оно массивное, трехгранное. Именно такие наконечники найдены в могильнике Новочекино-2 (Полосьмак, 1987. Рис. 60, *7*). Острие наконечника стрелы кулайского типа из состава Бурбинских находок, судя по сохранившемуся рисунку (Бородовский, Троицкая, 1992. Рис. 1, *1*), также было в сечении трехгранное, а не трехлопастное. Наконечники стрел из Новообинцевского "клада" по сечениям острия аналогичны более поздним наконечникам, например найденным в могильнике Каменный Мыс. Сечения острия у них трехлопастное. Во всех случаях, которые приведены В.Б. Бородаевым в качестве примера ранних комплексов, содержащих большую серию кулайских наконечников стрел с трехлопастным сечением острия, их датировка спорна. Так, Мурлинский клад, датируемый В.Б. Бородаевым III в. до н.э., по мнению Л.А. Чиндиной – не ранее I в. до н.э. (Чиндина, 1984. С. 107). Что касается верхней даты бытования бронзовых наконечников кулайского типа, то ряд исследователей допускает, что они изготавливались и реально использовались, по крайней мере, до III в. н.э. (Зыков, Федорова, 2001. С. 144).

Художественное литье в ажурно-контурном исполнении, образцы которого есть в Новообинцевском "кладе", принято типологически связывать с васюганским этапом кулайской культуры. Но подобные изделия достаточно часто встречаются и в более поздних комплексах (Яковлев, 2001). В этой связи заслуживает внимания высказанное В.Б. Бородаевым предположение об истоках некоторых из возможных сюжетно-композиционных заимствований, выделяемых в кулайском искусстве. В частности, он указал на ряд ордосских параллелей трехчастным геральдическим композициям (Бородаев, 1987б. С. 165). В качестве примера реализации такой композиции в кулайском культовом литье он приводил и изделия из Новообинцевского "клада". Однако ордосские параллели кулайскому литью имеют слишком молодой возраст по сравнению с предлагаемой датой для Новообинцевского "клада". Поэтому весьма перспективная хронологическая опора для кулайских культовых изделий была превращена В.Б. Бородаевым всего лишь в пример сходной адаптации также заимствованного сюжета.

Хуннские аналогии материалам Новообинцевского "клада" можно увеличить на примере бронзовой прямоугольной пластины, атрибутированной В.Б. Бородаевым как панцирная (1987а. Рис. 3, *7*). У этой пластины есть крепежные отверстия по углам и крупное неровное отверстие на продольной оси у одной из узких сторон. Вероятнее всего, это не панцирная платина, а деталь пояса, возможно пряжка. Такой же способ крепления (через отверстия на углах) пластинчатых пряжек сходной конструкции и размера, но ажурных, можно видеть в ордосских бронзах, относимых к рубежу эр (Дэвлет, 1980. Рис. 3, *5*).

Еще одна пряжка из Новообинцевского "клада" выполнена в "алтайском стиле". Но у нее также есть ордосские параллели хуннского времени. Кроме того, прямое подражание такой пряжке есть в материалах Айдашинской пещеры, где она может быть синхронизирована с комплексом первой половины I тыс. н.э. Рамка ее оформлена в виде противостоящих фигур медведей (Молодин и др., 1980. Табл. XX, *4*). Такое подражание возможно только при знакомстве с прототипом.

Датировка Чудацкой Горы, предложенная М.Т. Абдулганеевым и А.А. Казаковым, также представляется значительно заниженной. Но прежде всего нельзя согласиться с тем, что М.Т. Абдулганеев и А.А. Казаков объединили материалы, полученные на Чудацкой Горе, в относительно синхронный комплекс. Известно, что коллекции этого памятника собраны не менее чем на трех достаточно удаленных друг от друга участках. При внимательном знакомстве с предварительными публикациями результатов исследования Чудацкой Горы видно, что в раскопах кроме поселенческих объектов были вскрыты, по крайней мере, три погребения, одно из них с конем (Миллер, 1934. Рис. 33). К сожалению, в коллекционных описях, хранящихся в Государственном Эрмитаже, не отмечено, какие из предметов связаны с этими погребениями. Возможно, это некоторые из костяных наконечников стрел (рис. 2, *7*, *9–14*) или те предметы, которые были использованы М.Т. Абдулганеевым и А.А. Казаковым для датировки памятника.

Керамическая коллекция Чудацкой Горы представлена несколькими разновременными комплексами. Среди них, действительно, преобладают фрагменты керамики, близкой староалейской и каменской культурам. Отмечено несколько фрагментов баночных сосудов на поддонах (рис. 3, *8*). Судя по сходству в технологии изготовления со староалейской и каменской керамикой, можно синхронизировать часть сосудов с использованием в орнаментации "уточки". На этих же сосудах "уточка" сочетается с орнаментальными элементами, свойственными степной керамике – "жемчужник с разделителем", защипы, резные линии, насечки. Но кулайская керамика васюганского типа, вопреки утверждению М.Т. Абдулганеева и

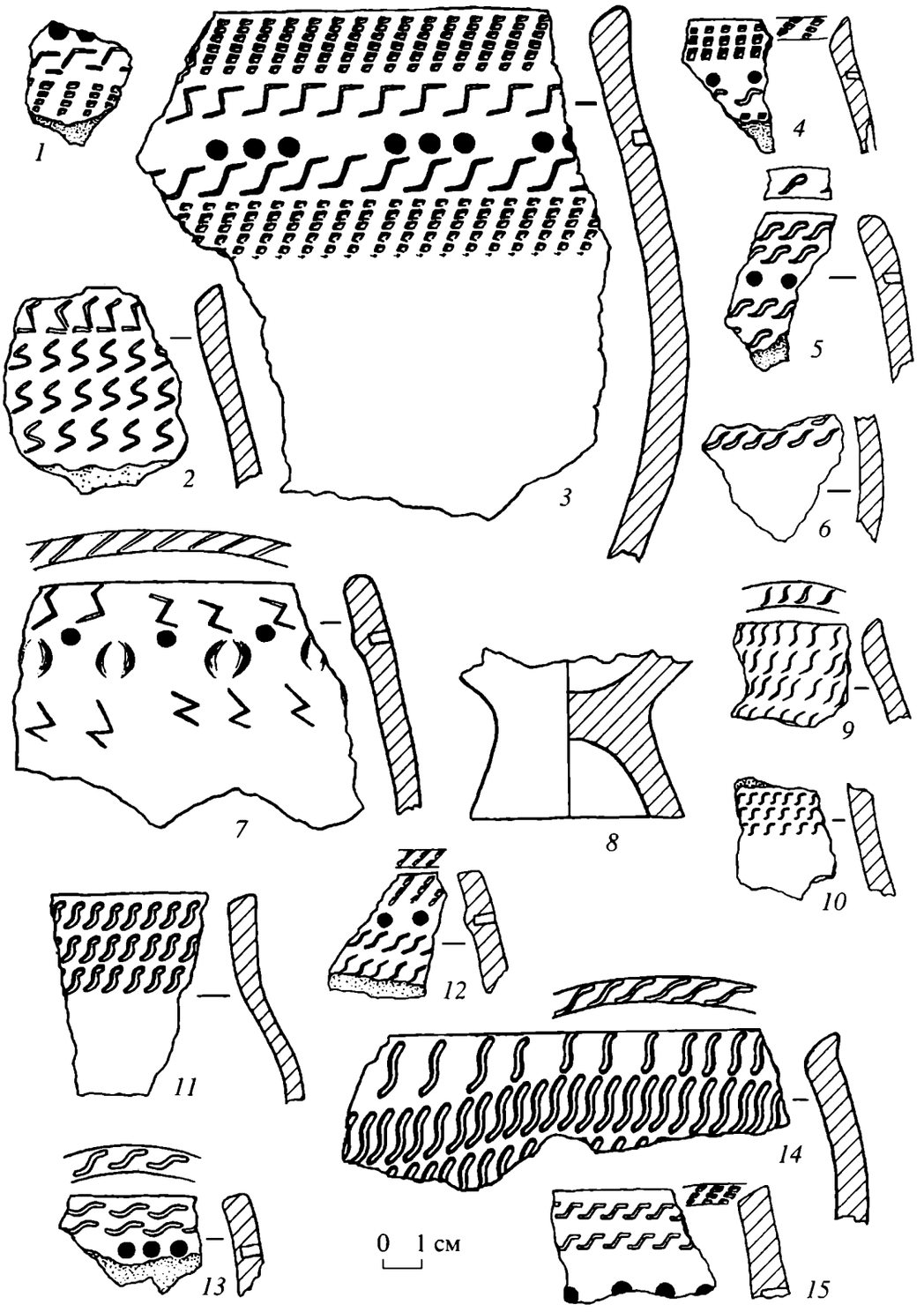


Рис. 3. Керамика из раскопок и сборов М.П. Грязнова на Чудацкой Горе.

А.А. Казакова, на Чудацкой Горе отсутствует. В то же время в керамических коллекциях этого памятника легко выделяется керамика фоминской культуры. Для нее характерно использование мелких фигурных штампов, искажение "уточки", использование в орнаментации одного штампа и плотная постановка их отпечатков (рис. 3, *2*, *5*, *6*, *9–15*).

М.Т. Абдулганеев и А.А. Казаков без серьезных оснований занижают дату бронзового кельта с Чудацкой Горы до III в. до н.э. Этот кельт не может быть датирован временем более ранним, чем комплексы Ордынского могильника (второй этап кулайской культуры Новосибирского Приобья), где найдены однотипные изделия. Кулайские кельты ордынского типа отличаются от более ранних

не только декоративным оформлением, но и технологией изготовления. У кельтов ордынского типа выступают вверх боковые грани втулки (рис. 2, *1*), что связано с особым способом крепления литейной шишки. При изготовлении более ранних бронзовых кельтов из могильника Каменный Мыс (первый этап кулайской культуры Новосибирского Приобья) литейная шишка крепилась иначе (Дураков, 1995. С. 65).

Сломанный бронзовый наконечник стрелы кулайского типа с Чудацкой Горы также аналогичен не ранним, а поздним образцам – с трехлопастным сечением острия и ромбическим сечением лопастей (рис. 2, *2*), характерным для саровского (позднего) этапа кулайской культуры (Чиндина, 1984. Рис. 12, *15–17*). Среди поздних кулайских материалов можно найти аналогии и костяному гребню с Чудацкой Горы (рис. 2, *8*) (Чиндина, 1984. Рис. 28, *1*, *2*; Троицкая, 1979. Табл. XXXI, *6*). Последний только упомянут М.Т. Абдулганеевым и А.А. Казаковым, но не датирован.

Таким образом, наиболее ранние кулайские материалы Чудацкой Горы, для которых могут быть указаны датированные аналогии, синхронизируются с комплексами, возникшими не ранее второго этапа кулайской культуры Новосибирского Приобья. Тем не менее часть керамики из коллекций Чудацкой Горы обладает орнаментацией, носящей черты механического смешения староалейско-каменских и кулайских традиций, что более свойственно первому этапу кулайской культуры Новосибирского Приобья. Это не исключает вероятность присутствия на Чудацкой Горе кулайских комплексов более раннего времени, аналогичных Каменному Мысу. Найдены на Чудацкой Горе и остатки бронзолитейного производства, сходного с отходами кулайского ажурно-контурного литья (рис. 2, *3–6*), встреченного как в Каменном Мысу, так и в Новообинцевском "кладе".

Что касается последнего, то, как видно из приведенного выше анализа датирующих признаков предметов из его состава, нет достаточных оснований безоговорочно относить Новообинцевский "клад" к более раннему времени, чем кулайский могильник на Каменном Мысу. Очевидно также, что современное состояние источников по "раннекулайской" проблематике (и качественное и количественное) демонстрирует преждевременность установления абсолютной хронологии связываемых с ней комплексов.

Основой выделения ранних кулайских памятников Верхнего Приобья до сих пор остается керамический материал поселений. Столь же "ранних" кулайских погребальных памятников здесь неизвестно. Но если мы обратимся к анализу признаков "ранней" кулайской керамики Верхнего Приобья, то выясняется, что и в этой основе "раннекулайской концепции" не все благополучно.

Прежде всего вызывает сомнение одновременность каменско-староалейской и "кулайской" керамики на лесостепных поселениях левого берега р. Оби, на чем настаивают сторонники "раннекулайской концепции" (Иванов, 1991). Судя по представленным материалам, культурный слой этих памятников не имеет четкой стратиграфии. Многие из лесостепных поселений были сезонными и посещались неоднократно. Не исключено, что произвольная синхронизация "кулайской" и каменской керамики, собранной на таких поселениях, создает только иллюзию культурного контакта. Возможно, подобный подход обусловлен сложившейся исследовательской "традицией", согласно которой ни для одной из опубликованных к настоящему времени керамических коллекций эпохи раннего железа с поселений Верхнего Приобья не предложено внутреннего хронологического деления (Абдулганеев, Владимиров, 1997). Каждая из них априорно рассматривается как происходящая из однослойного комплекса.

Выделяя раннекулайскую керамику на верхнеобских поселениях, исследователи приводят перечень признаков, свойственных, по их мнению, керамике васюганского этапа кулайской культуры: низкие пропорции сосудов, использование жемчужника в орнаментации, при нанесении ямок выпуклины от них внутри сосуда часто не заглажены, орнаментированные кососрезанные венчики сочетаются с округлыми и встречаются на посуде ранних форм (Григоров, 1998. С. 213). На самом деле все эти признаки носят культурно нейтральный характер, к тому же они встречаются (за исключением жемчужника) и на фоминской керамике. В ряде случаев в качестве раннекулайских керамических аналогов привлекается не кулайская керамика, представленная в публикациях смешанных поселенческих комплексов Новосибирского Приобья.

Одновременно с вызреванием концепции "ранних кулайцев" для Верхнего Приобья при исследовании памятников эпохи раннего железа в Новосибирском Приобье археологи все чаще стали приходить к выводам, противоречащим прежней теории тотальной экспансии северного кулайского населения. Стало подтверждаться предположение, еще ранее высказанное Л.М. Плетневой о том, что кулайским мигрантам не удалось полностью вытеснить инокультурные группы населения даже в Томском Приобье (Плетнева, 1978. С. 58). Культурные особенности памятников, оставленных в Новосибирском Приобье "кулайскими мигрантами", позволяют, по мнению ряда исследователей, говорить лишь о локальной инфильтрации мелких экзогамных групп или ином механизме формирования наблюдаемых признаков (Соловьев, 1996. С. 224–228.). В связи с этим следует более внимательно отнестись и к существующим оценкам культурной ситуации в Верхнем Приобье и Притомье в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. В ча-

стности, кулайская культура вряд ли может рассматриваться как серьезный конкурент каменской на левобережье Оби.

Обоснованию раннекулайского характера керамического комплекса того или иного поселения Верхнего Приобья зачастую служит указание на то, что он обладает признаками механического смешения каменских и кулайских традиций, подобных тем, которые представлены в керамических материалах могильника Каменный Мыс и поселения Чудацкая Гора. Но, строго говоря, до настоящего времени керамических комплексов типа Чудацкой Горы южнее не обнаружено и, судя по опубликованным материалам археологических разведок последних лет, мало вероятно, что таковые будут выявлены. Чаще всего под каменскими чертами подразумевается лаконичность орнаментальных композиций на керамике и плоскодонность сосудов. Но эти признаки характерны и для поселенческих комплексов фоминской культуры. Фоминские памятники в последние годы зафиксированы на левобережных обских притоках почти на границе с барабинскими степями (Казаков, Удодов, 1998).

Таким образом, нельзя безоговорочно отрицать и возможность того, что ряд памятников, относимых к периоду раннего проникновения кулайской культуры в Барнаульское Приобье, являются результатом взаимодействия каменской культуры с фоминской. Как было показано, внимательному рассмотрению такой вероятности (в хронологическом контексте первой половины I тыс. н.э.) препятствует господствующее в настоящее время представление о том, что культуры, сформировавшиеся в Верхнем Приобье в середине I тыс. до н.э., прекращают свое существование к рубежу н.э. (Могильников, 1997. С. 106; Григоров, 1998. С. 213). Последнее утверждение почти ничем не аргументируется. На спорность этого положения можно указать и в связи с исследованиями, проведенными в Среднем Притомье. Этот регион входит в единую историко-культурную область с Верхним Приобьем, и динамика культурных изменений в них взаимосвязана. Целенаправленные разведочные работы позволили выявить в Среднем Притомье около двух десятков памятников с кулайскими культурными традициями (поселенческие и погребальные). Но все они относятся только к фоминской культуре. Исследованные здесь погребальные комплексы позволяют утверждать, что фоминская культура формируется не ранее рубежа II–III вв. (Ширин, 2003). Это дает основание не ограничивать время существования культур данного региона, генезис которых восходит к середине I тыс. н.э., рубежом эр, что можно распространить и на Верхнее Приобье. Один из вариантов их культурного облика можно видеть в материалах могильника Фирсово XI (Фролов, Шамшин, 1999. С. 219–226). То, что таких памятников пока выделено немного, может быть связано не только с их редкостью, но и с общими трудностями установления абсолютной хронологии для комплексов рубежа эр Южной Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Статистическая обработка керамики и периодизация поселений лесостепного и предгорного Алтая второй половины I тыс. до н.э. // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991.

Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая VII–II вв. до н.э. Барнаул, 1997.

Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Поселение Чудацкая Гора // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994.

Бородаев В.Б. Новообинцевский клад // Антропоморфные изображения. Первобытное искусство. Новосибирск, 1987а.

Бородаев В.Б. О кулайских геральдических композициях // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987б.

Бородаев В.Б., Горбунов В.В. Троицк-1 – новое поселение кулайской культуры на левобережье Барнаульского Приобья // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. 2. Барнаул, 1993.

Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Бурбинские находки // Изв. СО РАН. История, филология и философия. 1992. № 3.

Григоров Е.В. К вопросу о нижней хронологической границе памятников фоминского типа в Верхнем Приобье (по материалам поселений) // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998.

Григоров Е.В. Этнокультурные процессы первой половины I тыс. н.э. в Верхнем Приобье (к проблеме памятников фоминского типа) // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999.

Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Вып. 2. Новосибирск, 1930.

Грязнов М.П. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах // КСИИМК. 1949. Вып. 26.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. № 48.

Дураков И.А. В.Н. Чернецов о сибирских бронзовых кельтах раннего железного века // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Тез. докл. X ЗСАЭС. Томск, 1995.

Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. // САИ. 1980. Вып. Д4-7.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург, 2001.

Иванов Г.Е. Керамика второй половины I тыс. до н.э. с поселений Степного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990.

Иванов Г.Е. Поселение Бочанцево-1 – памятник кулайской культуры в Степном Алтае // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991.

Казаков А.А., Демин М.П. Аварийные работы в Красногорском районе // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992.

Казаков А.А., Удодов В.С. Поселение Плесики-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX. Барнаул, 1998.

Косарев М.Ф. К вопросу о кулайской культуре // КСИА. 1969. Вып. 119.

Миллер А.А. Археологические разведки // Изв. ГАИМК. 1934. Вып. 83.

Могильников В.А. Некоторые особенности процесса миграции древних самодийцев // "Моя избранница наука...". Барнаул, 1995.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. М., 1997.

Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. Новосибирск, 1980.

Плетнева Л.М. Памятники кулайского типа в Томском Приобье // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в кулайское время // Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987.

Соловьев А.И. К вопросу о характере проникновения кулайского населения в Новосибирское Приобье // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск, 1996.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979.

Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Могильники раннего железного века фирсовского археологического микрорайона (Фирсово III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.

Чернецов В.Н., Мошинская В.И. Городище Большой Лог // КСИИМК. 1951. Вып. 37.

Чиндина Л.А. О некоторых хронологических особенностях среднеобской керамики в I тыс. н.э. // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.

Чиндина Л.А. Культурные особенности среднеобской керамики эпохи железа // Из истории Сибири. Вып. 7. Томск, 1973.

Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск, 1977.

Чиндина Л.А. Кулайская культура в Нарымском Приобье // Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984.

Шамшин А.Б., Казаков А.А. Аварийные раскопки в Тальменском районе // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк, 2003.

Яковлев Я.А. Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. Томск, 2001.

On early Kulay sites in the Upper Ob' basin

Yu. V. Shirin

Summary

Recently a number of publications have appeared united by the view of their authors on the chronology of penetration of Kulay culture into the Upper Ob' basin. The discussed sites are dated back to the 4th – 3rd cc. BC. The author questions this chronological position as too early without any sufficient grounds. So-calles early Kulay sites on the Upper Ob' were singled out according to the pottery materials originating from the settlements with mixed context displaying the indications of the alien Kulay and the local Kamen cultures. The author views as controversial the opinion that the cultures formed in the Upper Ob' basin in the Scythian period had ceased in the 1st c. BC being replaced by Fomin culture. Consequently, the mixed associations are dated to the earlier period. The improved chronology of Fomin culture is suggested, namely, its termunus post quem is established not before the turn of the 2nd and the 3rd cc. AD; this does not permit to regard the 1st c. BC as the chronological limit of the Upper Ob' cultures. Their genesis the author dates to the mid 1st millennium BC. Besides, the characteristic features of the mixed pottery associations attested to the Early Kulay culture give no grounds to rule out the possibility of interaction between Kamen or another local Early Iron Age group and Fomin culture.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 2, с. 61–70

БОЛЬШОЙ ИПАТОВСКИЙ КУРГАН ГЛАЗАМИ ПОЧВОВЕДА

© 2004 г. А. Л. Александровский*, О. С. Хохлова**, С. Н. Седов***

*Институт географии РАН, Москва

** Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино

***Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ф-т Почвоведения, Москва

Курганы в их современном виде значительно отличаются от тех, какими они были тысячелетия назад, сразу после их сооружения древним человеком. Разнообразные природные процессы существенно изменяют их форму и внутреннее строение, часто до неузнаваемости. В особенности это относится к курганам, имеющим сложные насыпи значительной мощности с досыпками и мощные рвы, которые простояли на дневной поверхности длительное время и для сооружения которых использовались различные приемы и технологии. Поскольку главной задачей археолога является воссоздание или реконструкция первоначального облика погребального сооружения, его конструктивных особенностей и применявшихся технологических приемов, помочь ему в этом может понимание того, что же происходило с курганом в процессе его создания и последующей трансформации.

Основная цель данной работы – рассмотрение особенностей естественно-научного, в первую очередь палеопочвенного, методического подхода к описанию сложных многослойных курганов на примере Большого Ипатовского кургана. При этом основное внимание уделено исследованию почвенной стратиграфии кургана[1]. В меньшей степени затрагиваются вопросы реконструкции палеосреды по данным изучения подкурганных почв, обсуждению которых посвящено наибольшее число публикаций археологического почвоведения. Другие методы естественных наук, например, палинологический, нацеленные в основном на реконструкцию природной среды, хозяйственной деятельности древнего человека, в данной работе не затрагиваются.

Отметим, что отдельные аспекты палеопочвенного подхода к изучению насыпей курганов степной зоны России встречаются практически во всех работах почвоведов, работавших совместно с археологами. Достаточно детально изучались почвы, формирующиеся на курганных насыпях и во рвах. исследовались процессы изменения почв после погребения (диагенез или диагенетические процессы), имеются указания на процессы усадки рыхлых курганных насыпей (Александровский, 1996; Геннадиев и др., 1984; Геннадиев, 1990; Губин, 1984; Иванов, 1992; Демкин, 1997; Дергачева, 1997 и многие другие). Однако нам неизвестны работы, где были бы обобщены и изложены как теоретические, так и практические положения палеопочвенного подхода к изучению многослойных курганов во всей его полноте и сложности.

Мы считаем, что курган следует рассматривать вместе с погребенной почвой, состояние которой очень важно фиксировать для характеристики многих процессов, происходивших при его создании. Обычно на археологических схемах погребенные почвы подстилаются так называемым материком в виде некоего жесткого основания. С точки зрения почвоведа, материк – понятие ошибочное. Дело в том, что почва – это не только прокрашенная гумусом прослойка. Профиль почвы в степной зоне достигает 2 м и более, имеет закономерную и последовательную смену почвенных горизонтов. Благодаря знанию характерных глубин горизонтов, даже если почва сверху нарушена, удается довольно точно реконструировать исходное положение ее поверхности и оценить глубину срезок и рвов, если они оказываются погребенными под более поздними досыпками. Кроме того, строение профиля погребенной почвы, в частности мощность гумусового горизонта, глубина вымывания и осаждения карбонатов, гипса и легкорастворимых солей, связаны с климатом и растительностью времени формирования почвы до ее погребения.

[1] **От редакции.** Большой Ипатовский курган находится в степной зоне Ставропольского края, на южной границе г. Ипатово. Его раскопки производились в 1997–1999-х годах экспедицией Государственного унитарного предприятия "Наследие" Министерства культуры Ставропольского края под руководством А.Б. Белинского. Высота кургана на момент раскопок составляла 6.5–7.0 м при диаметре 85–115 м. По данным стратиграфии, в кургане выделено 11 насыпей и множество прослоек, а также несколько рвов. В процессе работ было обнаружено около 200 погребений, самые ранние из которых относятся к эпохе ранней бронзы, а поздние – к ногайским древностям XVIII в.
Более подробную информацию о памятнике можно найти в публикациях: Belinskij et al., 2000. P. 773–774; Александровский, Белинский и др. 2001. С. 131–143. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IV // Антропология ногайцев. М., 2003.

Понятие насыпи для почвоведа и археолога также может быть различным: если археолог воспринимает все слои разного цвета или сложения как самостоятельные досыпки, то почвовед может разделить эти слои на собственно досыпки и почвы, например со сложным строением профиля, когда почвенные горизонты отличаются и по цвету, и по сложению, и по структуре. Отметим, что почвы растут вглубь: они образуются в результате переработки ранее отложенного материала (насыпи, досыпки) и изменяют его коренным образом.

После строительства кургана, если он создавался обычным образом, а именно, единовременной насыпкой земляного холма, окруженного рвом (иногда вместо рва для сбора земляного материала срезались только поверхностные горизонты почвы на некоторой обширной площади вокруг кургана), практически сразу начинается изменение этого сооружения природными процессами. Это эрозионные, суффозионные, почвенные и диагенетические процессы, которые могут изменять любое искусственное земляное сооружение в рассматриваемой степной зоне.

В первую очередь после сооружения кургана начинают развиваться суффозионные процессы (т.е., процессы уплотнения и усадки) и процессы водной эрозии. Усадка, уплотнение исходно рыхлой насыпи происходит под действием воды и силы тяжести, насыпь приобретает более плотное сложение и уменьшается в размерах. Процессы водной эрозии, а именно процессы делювиального смыва, происходящего во время снеготаяния или дождей/ливней, выполаживают насыпь и уменьшают глубину рва. Причем, при значительной крутизне насыпи эти процессы идут очень быстро, буквально в первые годы после сооружения кургана, поэтому материал, накапливающийся во рвах, имеет слоистое строение. Если насыпь не слишком крутая, то делювиальные процессы идут медленнее. Материал, поступающий во рвы, успевает прорабатываться почвообразованием, гумусирован и не имеет слоистого строения. Также возможен вариант, когда делювиальный материал, поступающий с насыпи, заполняет прилегающие к ней рвы сравнительно быстро, и насыпь "расползается" за пределы рва. Кроме этого, в степной зоне определенную роль в выполаживании курганной насыпи могут играть и процессы ветровой эрозии – эолового переноса или дефляции. Со временем эрозионные процессы затухают и идут медленно, так как склоны кургана постепенно становятся менее крутыми и зарастают растительностью.

Одновременно с делювиальными и суффозионными процессами в действие вступают и почвообразовательные процессы. Последние наиболее значительно изменяют первоначальный облик курганов, и их понимание наиболее сложно, поэтому остановимся на них подробнее.

Прежде чем охарактеризовать возможные последствия действия процессов почвообразования в курганах, необходимо заметить, что появление курганной насыпи с примыкающим к ней рвом (или без такового) на выровненном степном пространстве создает различие в рельефе, что обусловливает катенарные[2] закономерности проявления процесса почвообразования, а также и всех других, перечисленных нами ранее процессов. Эти закономерности заключаются в том, что на поверхности насыпи развитие почвы протекает медленнее. Здесь имеется недостаток влаги, поскольку осадки, поступающие на поверхность насыпи, скатываются вниз по ее склонам. Кроме того, на почву воздействуют, хоть и замедленные (в случае пологой насыпи), но все же продолжающиеся процессы ветровой и водной эрозии. В то же время, во рву или у подножия кургана в случаях, когда ров отсутствовал или перекрыт делювиальным материалом с насыпи, почвы формируются в условиях дополнительного притока влаги с кургана и продолжающегося процесса намыва материала. В результате, на поверхности насыпи формируется почва ксероморфного (сухого) облика – с укороченным профилем, слабой дифференциацией на почвенные горизонты. В то же время во рву или у подножия кургана (фактически в нижней части катены, искусственно созданной человеком на ровной поверхности) образуются почвы гидроморфного (влажного) облика – с повышенной мощностью темного гумусового горизонта, хорошей "отмытостью" профиля от легкорастворимых солей, гипса и карбонатов, соответствующие почвам зон более влажного климата. Особенно заметными становятся катенарные различия почв кургана при длительной его экспозиции на дневной поверхности. По этим различиям почв в "курганной катене" можно судить о длительности периода существования курганной насыпи или о длительности перерыва между досыпками.

Важные процессы отражены и в почвах транзитного (склонового) положения в катене. Ими являются почвы, формирующиеся на склонах насыпи и у подножия склонов, – на делювиальных шлейфах. Археологам хорошо известно влияние экспозиции склона на процесс расплывания кургана. Например, курганы Калмыкии и сопредельных территорий в результате деятельности процессов дефляции и делювиального смыва с южной стороны имеют более пологие и протяженные склоны и делювиальные шлейфы, чем с северной. На северном склоне на делювиальных шлейфах

[2] Катена (от лат. *catena* – цепь, непрерывный ряд) – закономерная последовательность размещения типов почв от вершины склона к его подножию.

формируются более мощные почвы, в их профили поступает большее количество воды, и поэтому они лучше отмыты от солей, имеют более темный гумусовый горизонт, чем на южной. В ровики на северной стороне кургана также поступает значительно большее количество воды за счет уменьшения испарения, и они чаще бывают более мощными и выглядят гораздо внушительнее, чем на южной. В них формируются мощные почвы, напоминающие черноземы, что связано с интенсивным накоплением гумуса и процессами промывания почвы.

Помимо рассмотрения катенарных закономерностей процесса почвообразования, в данной работе необходимо пояснить, что почвообразование состоит из элементарных почвообразовательных процессов (ЭПП). Можно отметить, что набор ЭПП для почв в рассматриваемой степной зоне довольно сложен и многообразен. Это процессы гумусообразования и гумусонакопления, переоструктурирования, гомогенизации исходно разнородного материала насыпи землероями и физическими процессами (растрескивание, набухание–сжатие, замораживание–оттаивание), вымывания тонких частиц (глины) из верхнего горизонта (элювиального) и накопления в нижележащем (иллювиальном), солонцовый процесс, образование, накопление и перераспределение в профиле почвы легкорастворимых солей, гипса и карбонатов, оглеение в условиях застоя влаги. Конкретное проявление того или иного ЭПП в профиле как погребенной, так и современной (фоновой[3]) почвы зависит от биоклиматических условий среды в период ее формирования, а также от длительности воздействия. Все вместе ЭПП за длительное время способны очень значительно изменить облик насыпи, и реконструкция исходного строения и конструкционных особенностей насыпи в некоторых сложных случаях под силу лишь специалисту-почвоведу.

Рассмотренные процессы развиваются от поверхности вглубь и постепенно трансформируют верхний слой насыпи или срезанной поверхности, подвергающихся воздействию факторов почвообразования (климата и биоты в данном случае). В связи с этим отметим, что бытующие представления о почве, как о нарастающем вверх слое, неверны. Наоборот, необходимым условием для развития нормальной почвы является отсутствие или слабое проявление процессов эрозии–аккумуляции. Только тогда формируется нормальный почвенный профиль с определенной системой генетических горизонтов.

Поскольку процессы почвообразования в отличие от эрозионных развиваются относительно равномерно, то по степени развитости почвенного профиля можно судить о длительности его формирования и, следовательно, стабильного стояния поверхности насыпи или рва. Это особенно важно в тех случаях, когда насыпь многослойная и необходимо установить, как быстро один за другим сооружены те или иные ее слои. Кроме того, в связи с тесной зависимостью строения профиля почвы от условий среды, по данным о мощности и глубине залегания почвенных горизонтов можно реконструировать эти условия.

Наконец, последними в составленном нами перечне процессов являются диагенетические процессы (т.е., преобразования после погребения). Данная группа процессов проявляется после того, как почва или слой грунта оказываются погребенными под последующими слоями насыпей. Это особая группа процессов в том смысле, что затрудняет изучение погребенных почв, поскольку маскирует или искажает их исходные свойства. Специальное исследование морфологических и физико-химических проявлений этой группы процессов было предпринято ранее (Губин, 1984), здесь мы рассмотрим лишь морфологические проявления диагенеза, которые можно заметить и описать в поле.

Под давлением вышележащего слоя увеличивается плотность сложения и меняется структура верхнего горизонта погребенных почв. На контакте погребенная почва–насыпь может присутствовать зона с несколько повышенной влажностью, что способствует активной трансформации свежих органических остатков в верхних горизонтах погребенных почв, в основном их минерализации (превращение в неорганические вещества) и реже углефикации (Губин, 1984). Если верхний горизонт погребенной почвы до погребения имел дернину, то на ее месте формируется осветленная прослойка, которую при беглом изучении можно принять за зольную. Так же выглядят фрагменты дернины, попавшие в насыпь.

Наиболее частым и отчетливо выраженным морфологическим признаком диагенеза погребенных почв в степной зоне является накопление солей, в частности карбонатов кальция. Диагенетические карбонаты, формирующиеся в верхних горизонтах погребенных почв, как правило, отличаются по морфологическим признакам от исходных почвенных карбонатных аккумуляций (Хохлова и др., 2000). Так же, в результате диагенеза на стенках могильных ям уже после заполнения их грунтом образуются белые карбонатные корочки и прослойки. Основное условие образования диагенетических карбонатов – различная плотность сложения насыпаемого рыхлого и лежащего плотного слоев.

К трудно распознаваемым при полевых исследованиях диагенетическим изменениям относятся так называемые глубокопочвенные процессы.

[3] Фоновой называют современную почву на окружающей курган поверхности, с которой сравниваются погребенные почвы.

Если почва на перекрывающей насыпи развивается несколько тысяч лет, то в ее профиле успевают сформироваться не только верхние гумусовые горизонты, но и глубокие горизонты вмывания (иллювиальные): карбонатные, гипсовые, солевые. В случаях, когда мощность насыпи меньше 2 м, что необходимо для полнопрофильного проявления степного почвообразования, нижние почвенные горизонты почвы насыпи начинают формироваться в "теле" погребенной почвы. Возможно появление глинистых иллювиальных пленок на гранях структурных отдельностей, формирование почвенных карбонатных, гипсовых, солевых аккумуляций. С одной стороны, все эти процессы являются глубокопрофильными по отношению к почве, формирующейся на насыпи, с другой, – диагенетическими по отношению к почве, погребенной под этой насыпью.

Проявление рассмотренных выше процессов, которые в целом можно назвать экзогенными, было изучено нами на примере Большого Ипатовского кургана.

ОБЪЕКТЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Большой Ипатовский курган (БИК) располагался на высоком левом берегу р. Калаус на окраине г. Ипатово Ставропольского края (курганный могильник Ипатово 3, курган 2). Раскопки данного кургана проводились в течение двух полевых сезонов 1998–99 гг. историко-археологическим предприятием "Наследие", г. Ставрополь, под руководством археологов А.Б. Белинского, С.Н. Кореневского, А.А. Калмыкова. Помимо археологов в работе экспедиции принимали участие почвоведы – авторы статьи.

БИК имел сложное строение. По археолого-стратиграфическим признакам БИК разделялся на 11 самостоятельных насыпей, причем эти насыпи могли состоять из нескольких досыпок. Насыпи объединялись в блоки насыпей, каждый из которых венчался почвой. Первый блок насыпей состоял из четырех самостоятельных насыпей и венчался почвой 1. Сооружение этого блока насыпей началось >5 тыс. л. н. Позднее он был перекрыт еще пятью основными блоками насыпей за период примерно 2 тыс. лет. Общая высота БИК к началу раскопок составляла 6.5 м в центральной бровке, диаметр достигал 100 м, а вместе со рвами превышал 200 м. На рис. 1 показана центральная бровка, ее западный фас. Ни на одном фасе бровок БИК все элементы рассматриваемого кургана, отмеченные при его изучении и упоминаемые в тексте, не встречались вместе.

Основным методическим подводом нашего исследования, нацеленного на естественно-научное изучение стратиграфии кургана, явился палеопочвенный метод, который заключается в сравнительном изучении почв, погребенных под курганом в разное время, сформированных на разных насыпях и во рвах, а также на делювиальных шлейфах. Было изучено шесть бровок, у каждой бровки – ее западный и восточный фасы. Ширина каждой бровки составляла 2.5–3 м, расстояние между бровками – более 5 м. В поле подробно описывались фасы всех бровок, особое внимание было уделено профилям почв, делались зарисовки и фотографии с привязкой изучаемых профилей к координатной шкале, разработанной археологами в поле.

Радиоуглеродное датирование выполнено на ускорителе в Центре изотопных исследований университета Гронингена, Нидерланды (Alexandrovskiy et al., 2000).

В задачу данной работы не входит детальное и подробное описание всех конструкционных особенностей и технологических приемов, применявшихся при сооружении БИК. Поэтому в первую очередь рассмотрим проявление описанных выше экзогенных процессов в этом кургане на наиболее ярких примерах.

Как было сказано выше, курган следует рассматривать вместе с погребенной под ним почвой. Кроме этого, следует учитывать, что именно из материала почвы, из разных ее горизонтов создавались все слои насыпи. Под первым блоком насыпей БИК погребена почва, относящаяся к типу солонцов. Она имела следующее строение: серовато-белесый элювиальный надсолонцовый горизонт EL, 0–5 см; серо-бурый плотный с глинистыми натеками иллювиальный солонцовый горизонт ABsn, 5–25 см; палевый карбонатный горизонт B1к, 25–45; тот же с карбонатными аккумуляциями (белоглазка) горизонт B2к, 45–85 см; тот же без белоглазки горизонт B3к, 85–130 см; тот же карбонатный с новообразованиями гипса, прожилками солей горизонт BCsc,s, 130–180 см. Еще раз напомним, что образование данного профиля происходило не в результате седиментогенеза и роста почвы вверх, а под действием процессов переоструктуривания, гумусонакопления, миграции и осаждения глины, карбонатов, гипса, прорабатывающих породу вглубь при стабильном положении поверхности почвы в течение первой половины голоцена.

В результате изучения почв, сформированных на разных насыпях и досыпках БИК, установлены существенные различия в длительности почвообразования и характере трансформации материала той или иной насыпи. На первом этапе формирования (блок насыпей 1–4) курган, вероятно, стоял открытым сравнительно долго. На его поверхности успела сформироваться хорошо развитая светлокаштановая почва (п 1)[4]. В отли-

[4] Здесь и далее по тексту п. 2–п. 4, см. слои на рис. 1.

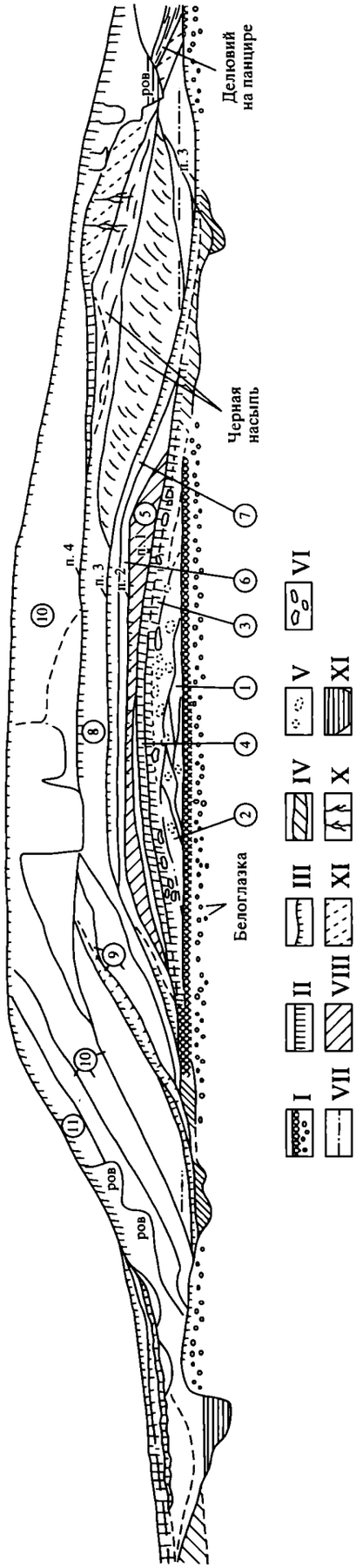


Рис. 1. Центральная бровка, западный фас Большого Ипатовского кургана; 1–11 – номера насыпей. Почвы: I – солонцы; II – каштановые и светло-каштановые; III – слаборазвитые почвы; IV – гумусированные заполнения рвов; V – кротовины времени развития почвы; VI – камни в блоке насыпей 1; VII – исходная поверхность; VIII – насыпь 5; IX – плотный гипсовый панцирь; X – трещины усыхания в 4-м блоке насыпей; XI – слоистое заполнение рвов.

чие от вышележащих слоев, в этом первом блоке насыпей были отчетливо видны многочисленные кротовины. Деятельность землероев и другие процессы того времени привели к гомогенизации исходно неоднородного насыпного материала, особенно на краях курганной насыпи. Также, в нижней части кургана особенно интенсивными были и делювиальные процессы (смыв грунта с вершины к подножию). Поэтому исходную стратиграфию первого блока насыпей можно было установить только в центральной части БИК, а на некотором удалении от центра – лишь по отдельным фрагментам, не затронутым перемешиванием и делювиальными процессами.

Наиболее яркий результат длительного воздействия был виден у подножия кургана первой стадии его развития. Есть все основания полагать, что неглубокий ровик кургана (рис. 1) был довольно быстро перекрыт делювием с насыпи. В связи с этим карбонатные аккумуляции (белоглазка) под рвом не были вымыты, а остались на месте, не успев испытать действие дополнительного количества воды, стекавшей в ров. Белоглазка залегает практически на уровне белоглазки почвы, погребенной под первым блоком насыпей. Вода стекала по склону и поверхности делювиального шлейфа, перекрывшего ров, и промывала почву у подножия кургана, лежащую за пределами рва. Это хорошо было видно на северном фланге кургана, где за пределами рва образовалась мощная зона промывки и почвообразования с темной гумусовой прокраской вверху, а ниже, в горизонте, отмытом от солей и карбонатов, красно-бурым оттенком почвенного материала. По конфигурации залегания гумусовые горизонты и рвы похожи, но если нижняя граница гумусового горизонта, как правило, неровная, иногда языковатая, переходы в нижележащие горизонты почвы плавные, постепенные, то нижняя граница рва – ровная и резкая.

Ров для сооружения второго-третьего блока насыпей БИК (насыпи 5–7 на рис. 1) на северном фланге был вырыт на месте промывки. В северо-западной части БИК (2-я западная бровка западный фас) его мощность и протяженность, видная в срезе, была меньше этой промывки. Здесь нижняя граница рва ровная и резкая, а промывки – языковатая, с постепенным переходом в красновато-бурый материал, что типично для границ почвенных горизонтов. Различалось и состояние прогумусированности материала во рву и в зоне промывки – во рву хорошо оструктуренная толща была прогумусирована сплошь и имела однородный темный цвет, зона промывки отличалась пятнистой прогумусированностью.

В ходе раскопок было установлено, что первый блок насыпей состоял из нескольких досыпок (насыпи 1–4), которые были отчетливо видны лишь в его центре – в западном фасе центральной бровки и восточном фасе 1-й западной бровки. В центральной части первого кургана были хорошо видны почвы на насыпях 2, 3, 4. На флангах – они сливались в одну (п. 1). Во время длительного существования этой комплексной насыпи на ее поверхности шло почвообразование, причем на склонах, особенно на делювиальных шлейфах, наиболее интенсивное. Помимо большей глубины проработки материала на склонах почвообразованием, почвы на делювиальных шлейфах имели более мощный профиль, чем на вершине насыпи, за счет постоянного делювиального привноса материала с поверхности кургана и большей влажности (катенарные закономерности). В результате переслой делювия с материалом досыпок на флангах насыпи первого кургана оказался существенно переработанным почвообразованием и не поддается дифференциации. Именно поэтому в периферийных бровках первый блок насыпей был виден как единое целое без разделения на досыпки.

Второй и третий блоки насыпей БИК были созданы один за другим за относительно короткий период (несколько десятков лет), и на их вершинах успели сформироваться лишь примитивные (неполнопрофильные) почвы с мощностью профиля 2–5 см. При этом в почве (п. 3) (на насыпи 7) карбонаты были обнаружены с поверхности, а в профиле почвы (п. 2) они отсутствовали. Следовательно, почва на третьем блоке насыпей сформирована в более сухих условиях, чем на втором.

Начало развития почвы (п. 3) видимо проходило во влажных условиях. У подножия склонов и во рвах третьего блока насыпей, например, в восточном фасе центральной и первой восточной бровок, образовались мощные гумусированные бескарбонатные почвы. Но затем, в условиях иссушения климата, на всей поверхности кургана того времени – и на насыпи, и на поверхности рвов, перед этим отмытых от карбонатов, сформировались маломощные, но хорошо выраженные светлые карбонатные почвы (рис. 2, *4*). В это время формируются первые трещины усыхания – они видны в центральной бровке на южном склоне.

Засушливая стадия продолжалась и после сооружения четвертого блока насыпей (насыпи 8, 9): в южной части БИК он разбит очень мощными трещинами усыхания. Затем климат стал влажнее, и на поверхности кургана образовалась гумусированная маломощная почва (п. 4), которая развивалась не более 100 лет.

По данным радиоуглеродного датирования, можно смену климата на данной территории датировать временем около 4100 л. н. (или 2650 лет до н.э., по результатам калибровки). Максимально засушливым климат был в интервале, характеризуемом датами 4120 ± 70 – 4000 ± 40 л. н. (по

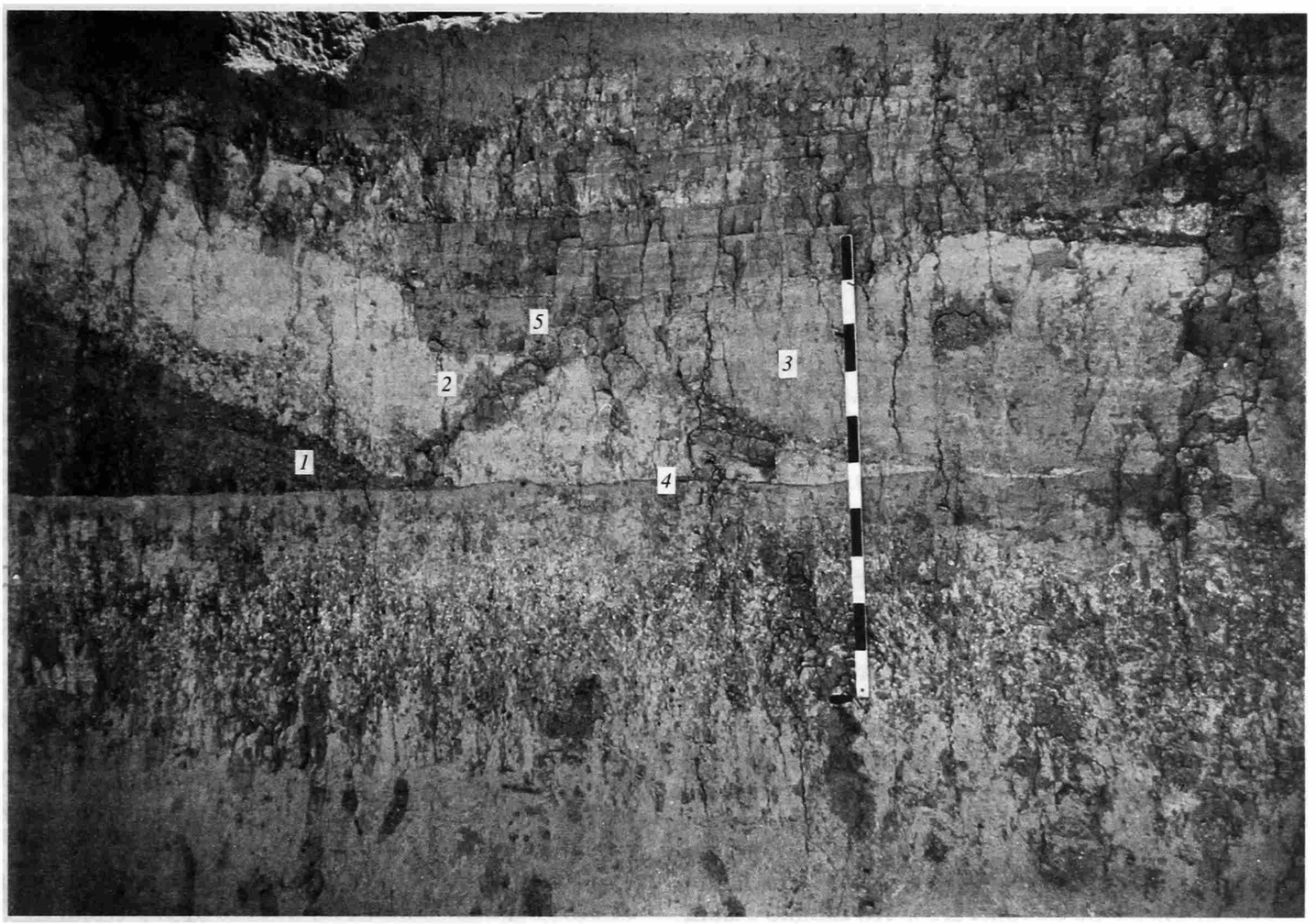


Рис. 2. Фрагмент первой западной бровки, западный фас Большого Ипатовского кургана. *1* – черное "тело" 8-й насыпи; *2* – гипсовый панцирь; *3* – делювий с насыпи 9; *4* – почва, сформированная на подрезке для сооружения насыпи 8; *5* – слоистый ровик, прорезающий гипсовый панцирь и делювий с него.

данным калибровки – 2650–2500 л. до н.э.). До этого в интервале дат 4700 ± 70 – 4470 ± 70 л. н. (калиброванный возраст 3500–3100 л. до н.э.) климат был несколько влажнее (Alexandrovskiy et al., 2000).

Иногда человеку удается препятствовать развитию процессов почвообразования и делювиального смыва, что позволяет земляному сооружению (в данном случае кургану) сохранить практически неизменный облик в течение всего времени его экспозиции на дневной поверхности. Такой случай мы видим в БИК на примере четвертого блока насыпей (насыпи 8, 9), перекрытого гипсово-карбонатным панцирем. Насыпь 8 – черного цвета. Она была сооружена из материала темных гумусовых горизонтов солонца, взятого не из рва, а из обширной горизонтальной подрезки только верхних горизонтов почвы. Вершина насыпи и ее южный склон были перекрыты материалом, состоявшим из смеси карбонатного и гипсового горизонтов (гипсово-карбонатным панцирем). Для добычи этого материала у юго-западного подножия четвертого блока насыпей были вырыты специальные глубокие ямы ("гипсовые"). Срезы этих ям были видны во второй западной бровке обоих фасах. Смесь карбонатного и гипсового горизонтов при промачивании имеет особенность расплываться, становясь практически водонепроницаемой, и представляет из себя натуральный цемент, предохранявший насыпь 8 от развевания и размывания подобно панцирю. Знание свойств природного "цемента" и само его создание из смеси карбонатного и гипсового горизонтов, которые залегают в окружающей курган почве на глубине около 2 м, говорит о высоком уровне знаний и развития технологий земляного строительства во времена, когда сооружалась четвертая насыпь БИК. Поэтому насыпь 8, состоявшая из темного материала верхних гумусированных горизонтов почвы, в тех местах, где она была перекрыта карбонатно-гипсовым панцирем (рис. 2, *2*), осталась практически неизменной – не прорабатывалась почвообразованием, не подвергалась эрозии и делювиальному смыву, сильному уплотнению. В ней мы могли различать даже фрагменты надсолонцового, солонцового и подсолонцового горизонтов (рис. 2, *1*), имеющих в фоновой почве различную

структуру и сложение. В тех местах, где мощность панциря была недостаточной или он отсутствовал, процессы суффозии, водной эрозии и почвообразования привели к уплотнению, усадке, гомогенизации и переструктурированию материала четвертого блока насыпей, особенно верхнего его слоя. Результаты процессов усадки насыпи 8 особенно отчетливо были заметны в центральной бровке восточном и западном фасах БИК (рис. 1).

Панцирь был сооружен, видимо, для защиты рыхлой сухой черной легкоразвеваемой насыпи 8, которая в условиях значительной засушливости климата, скорее всего, не зарастала. О засухе свидетельствуют глубокие трещины усыхания, глубиной до 2.5–3 м, заполненные палевым материалом панциря.

В целом, благодаря панцирю, курган того времени сохранил свою форму. Тем не менее на его склонах делювиальные процессы развивались довольно интенсивно. Возможно, они проходили во вторую, влажную климатическую стадию развития почвы на четвертом кургане, хотя не исключено, что склоновый смыв имел место и в сухую стадию во время кратковременных ливней. Известно, что процессы эрозии характерны для открытых поверхностей засушливых регионов, а в условиях влажного климата густая растительность препятствует этому (Роде, 1947). У подножия кургана мощность делювия, смытого с панциря, достигала 30–50 см (рис. 2, *3*), что сходно с мощностью делювия на флангах первого блока насыпей. Большая мощность делювиальных шлейфов и большая их площадь (расположены веером) свидетельствуют о значительном объеме намытого материала. Следовательно, с верхних частей склона кургана того времени было смыто много материала, преимущественно материала панциря.

Еще более мощные шлейфы связаны с последним этапом развития кургана: по нашему мнению, основная часть насыпи 11 является делювием.

Очень интересный случай развития процессов почвообразования связан с линзовидно-слоистой насыпью 10. Нижележащая плоская поверхность четвертого блока насыпей с его гипсово-карбонатным панцирем была выровненной, практически столообразной. Когда на эту выровненную поверхность была положена насыпь 10, то в ней на водоупорном панцире создались условия для застоя влаги, одним из ведущих ЭПП стало оглеение. Оглеение – это процесс трансформации почвенной массы in situ, часто – на большой глубине, возникающий под влиянием переувлажнения и дефицита кислорода, что вызывает редукцию элементов с переменной валентностью, прежде всего железа и марганца, и создает окраску почвенной массы и преобладанием "холодных" тонов: голубоватых, сизых, зеленоватых. Механизмы данного ЭПП – растворение красящих пленок преимущественно окисленного железа, придающих породам бурый или палевый цвет, покрывающих минеральную основу почвенной массы, формирование закисных соединений железа и марганца и, предположительно, неосинтез вторичных алюмоферросиликатов характерной "холодной" окраски. Желтовато-белесый цвет карбонатов при их значительном процентном содержании в почвенной массе почти затушевывает морфохроматические признаки оглеения (Элементарные..., 1992). Именно поэтому оглеение поразному отразилось на бескарбонатном и окарбоначенном материале насыпи 10. Линзы бескарбонатного материала приобрели необычную зеленовато-сизую окраску, тогда как цвет окарбоначенных горизонтов остался практически неизменным, желтовато-палевым. Сооруженная из самых обычных прогумусированных темно-серых, черных и серовато-белесых элювиальных (бескарбонатных) и окарбоначенных желтовато-палевых горизонтов исходного солонца, после "обработки" процессом оглеения насыпи 10 приобрела черты, свойственные болотным почвам (зеленовато-сизая окраска и ржаво-бурые пятна в трещинах). Первоначально даже было высказано предположение, что материалом для этой насыпи послужил ил, привезенный с р. Калаус.

Как и другие ЭПП, процесс оглеения зависит от катенарных закономерностей проявления почвообразования, поэтому результаты оглеения были выражены максимально в более увлажняемой северной части БИК. Это хорошо было видно в первой восточной бровке в северной части восточного фаса. Зона оглеения за 3500 лет охватила 4–5-м толщу насыпи пятого кургана и даже погребенную под ней почву, которая была сформирована в срезке к северу от панциря. В связи с переувлажнением, которое, видимо, временами было повышенным, произошло сильное уплотнение насыпного почвенного материала с полной потерей его исходной структуры. Отмечается постепенное увеличение проявлений процессов оглеения и уплотнения с глубиной. Вместе с тем неоднородности окраски карбонатных и бескарбонатных линз сохранилась.

На южном склоне БИК из-за более интенсивного испарения процесс оглеения насыпи 10 был выражен слабо. Также необходимо заметить, что в центре БИК, где четвертый блок насыпей не был закрыт панцирем, результаты процессов оглеения в насыпи 10 были также выражены достаточно заметно, по-видимому, из-за того, что поверхность четвертой насыпи была горизонтально выровнена, и вода не могла скатываться по склонам.

Изучая последнюю, одиннадцатую насыпь пятого кургана БИК, мы столкнулись с технологией строительства, которая не была использована

при построении ни одной из более ранних насыпей. До этого рвы и подрезки, из которых брался земляной материал, создавались за пределами кургана, иногда на довольно значительном от центра БИК расстоянии (дальние рвы на рис. 1). Строители одиннадцатой насыпи вертикально подрезали подтреугольными рвами ранее стоявшую насыпь и насыпали очень крутой, с отвесными стенками холм (одиннадцатую насыпь). Подобная технология привела к тому, что материал насыпи практически немедленно после сооружения начал "скатываться" обратно во рвы. Делювиальный материал на дне подтреугольных рвов имеет слоистое строение и не проработан почвообразованием. Очевидно, его накопление произошло буквально в первые годы после сооружения этой насыпи БИК. Затем процесс делювиального смыва замедлился, в верхних частях заполнений подтреугольных рвов сформирована полнопрофильная дерновая почва, в которой материала слоистого строения не отмечается.

Практически все почвы, погребенные под курганными насыпями в разное время и сформированные на насыпях и во рвах, и затем перекрытые последующими насыпями в БИК, имеют диагенетические изменения. Верхние горизонты погребенных почв уплотнены под давлением вышележащего материала и утратили исходную структуру, о которой можно судить лишь по отдельным фрагментам. Почти все погребенные почвы диагенетически окарбоначены. Диагенетические карбонаты встречаются и в насыпи, и в черном материале рвов, и в погребенных почвах и отличаются по морфологическим признакам от исходных почвенных карбонатных аккумуляций. Почвенные карбонаты в почвах БИК представлены белоглазкой и пропиткой, а диагенетические – прожилочными формами, сложенными игольчатым кальцитом.

Одним из главных условий появления диагенетических карбонатов является разная плотность сложения погребенной почвы и насыпного материала. Поэтому, если досыпки совершались одна за другой с малым интервалом времени и плотность их сложения не могла различаться существенно, диагенетические карбонаты не формируются. Такой случай встречен в насыпях 5–7, которые создавались одна за другой с небольшими промежутками. Кроме этого, диагенетические карбонаты не обнаруживаются в насыпи 10, перекрытой и предохраненной гипсово-карбонатным панцирем, но имеются в трещинах материала панциря.

Диагенетические глубокопрофильные изменения связаны в БИК с самой верхней насыпью 11. Данная толща за 3500 лет с момента ее сооружения была в максимальной степени переработана почвенными и делювиальными процессами, ее сложение гомогенное, без пятнистости и слоистости. В отличие от других пяти блоков насыпей она не отделялась почвой. Наоборот, переход от нее к насыпи 10 стал постепенным. Вся толща одиннадцатой насыпи представляла собой полнопрофильную каштановую почву, которая сформировалась на кургане за 3500 лет. Вниз по склону мощность почвенной толщи увеличивалась в связи с привносом делювиального материала сверху. Далее, на флангах одиннадцатой насыпи, где ее мощность начинала уменьшаться и становилась меньше 2 м, иллювиально-крабонатный и гипсовый горизонты этой почвы достигали глубины залегания подкурганной почвы (на рис. 1 – участок в 27, 28 м). Это особенно отчетливо было видно в восточном фасе первой восточной бровки. Таким образом, карбонатные и гипсовые новообразования иллювиально-карбонатного и гипсового горизонтов являлись актуальными по отношению к почве, сформированной на одиннадцатой насыпи, и диагенетическими – по отношению к почве, погребенной под этой насыпью.

В заключение приведем некоторые основные положения, вытекающие из рассмотренного выше материала.

В сложных комплексных курганах насыпи и досыпки создаются быстро, в промежутки и после завершения этапов строительства сравнительно долго идут процессы трансформации насыпей и рвов – просадочные, эрозионные, почвенные и диагенетические. При описании сложных курганов с комплексной насыпью следует различать: 1 – досыпки и делювиальные шлефы; 2 – материал насыпи, проработанный почвообразованием и неизмененный; 3 – материал насыпи, измененный диагенетическими процессами; 4 – ровики и зоны промывки.

По степени развития почв и глубине почвенной проработки материала насыпи можно судить о длительности перерыва между досыпками; по состоянию материала в насыпях и рвах – оценить длительность экспонирования насыпи на дневной поверхности и скорость заполнения рва делювиальным материалом.

Почвенные исследования позволяют делать выводы о технологических приемах и способах строительства как насыпей, так и рвов, судить об уровне знаний и развития технологий древних строителей.

По особенностям формирования почв на насыпях и во рвах можно оценить климатические условия, при которых стоял курган, определить интервалы времени, когда климатические условия менялись.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александровский А.Л. Отражение природной среды в почве // Почвоведение. 1996. № 3.

Александровский А.Л., Белинский А.Б., Калмыков А.А. и др. Погребенные почвы Большого Ипатовского кургана и их значение для реконструкции палеоклимата // Матер. по изучению историко-

культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II. М., 2001.

Геннадиев А.Н. Почвы и время: модели развития. М., 1990.

Геннадиев А.Н., Горячкин С.В., Дворниченко В.В. Опыт применения методов почвоведения в исследовании стратификации и морфологии курганных сооружений полупустынной зоны ЕТС // История развития почв СССР в голоцене. Пущино, 1984.

Губин С.В. Диагенез почв зоны сухих степей, погребенных под искусственными насыпями // Почвоведение. 1984. № 6.

Демкин В.А. Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении истории природы и общества. Пущино, 1997.

Дергачева М.И. Археологическое почвоведение. Новосибирск, 1997.

Иванов И.В. Эволюция почв степной зоны в голоцене. М., 1992.

Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IV // Антропология ногайцев. М., 2003.

Роде А.А. Почвообразовательный процесс и эволюция почв. М., 1947.

Хохлова О.С., Олейник С.А., Ковалевская И.С. Отличия диагенетических и эпигенетических типоморфных карбонатных аккумуляций в голоценовых погребенных почвах черноземной зоны // Почвоведение. 2000. № 1.

Элементарные почвообразовательные процессы: Опыт концептуального анализа, характеристика, систематика. М., 1992.

Alexandrovskiy A.L., Van der Plicht J., Khokhlova O.S. Abrupt Climatic Change in the Dry Steppe of the Northern Caucasus, Russia, in the Third Millennium BC // Geolines. 2000. V. 11.

Belinskij A.B., Kalmykov A.A., Korenevskij S.N., Härke H. The Ipatovo kurgan on the North Caucasian Steppe (Russia) // Antiquity. 2000. V. 74. № 286.

Bolshoy Ipatovsky kurgan as considered by the specialists in soil science

A. L. Aleksandrovsky, O. S. Khokhlova, S. N. Sedov

Summary

The work is aimed at demonstration of special methodical approach borrowed from natural sciences, and first of all soil science, to the description of palaeosoils of complicated multilayer barrows (like Bolshoy Ipatovsky kurgan, or BIK, in Stavropol krai). The main attention is paid to the soil stratigraphy of the kurgan, and, to a less extent, the reconstruction of palaeoenvironment. Practically immediately after the kurgan had been constructed, the natural processes began that affected the mound: the erosion, suffosion, soil formation, and diagenetic processes active at any artificial earthen construction in the steppe zone. The initial mounds and secondary ones comprised in complicated multilayer kurgans were constructed quickly, while the processes of transformation of mounds and ditches by the mentioned processes took relatively long time. It is necessary to discriminate between the following in description of the complicated kurgans, like BIK: 1 – secondary mounds and diluvium tails, 2 – the material of the mound, both affected by soil-formation processes and intact, 3 – the material of the mound changed by diagenetic processes, 4 – ditches and the zones of drainage. Taking into account the development of soil formation it becomes possible to evaluate the periods of time separating successive secondary mounds; the state of material in the mound and ditches points to the time when the mound was exposed on ground surface, and how fast the the ditch was filled with diluvium. The technology of constructing mounds and ditches can be reconstructed, as well as the knowledge and technological abilities of the builders. Specifics of soil formation on the mounds and in the ditches show the climatic characteristics and point to the intervals when climatic changes occurred.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 2, с. 71–78

ДИСКУССИИ

СМЕШЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ИЛИ ТРАДИЦИЯ СМЕШЕНИЯ?
(Часть вторая)

© 2004 г. А. Н. Сорокин

Институт археологии РАН, Москва

"... лезвие шлифованного тесла в Сельце 3 говорит о влиянии бутовской культуры на иеневскую"

(Кольцов, Жилин, 1999. С. 66).

В результате анализа данных по мезолиту Восточной Европы, проведенного в первой части статьи, было высказано предположение о том, что *глобальные почвенные процессы служат главной причиной метаморфоз, происходящих с памятниками, и стандартно вызывают эффект синкретизма археологических источников*[1]. Попытаемся обосновать и проверить это предположение на конкретном археологическом материале.

Почва не является статичным телом – это динамичная, открытая система, в которой действует множество процессов, перемещающих из одного места в другое не только почвенные материалы (Роде, Смирнов, 1972), но и артефакты, включая объекты (Wood, Johnson, 1978; Демкин, 1997). В ходе формирования почв действуют две противоположных тенденции: горизонтизация, когда материалы почвы дифференцируются на профили, имеющие горизонты, и гомогенизация, когда образование горизонтов затрудняется, и их содержимое перемешивается. Процессы гомогенизации имеют общее название "педотурбация", являющееся синонимом термина "перемешивание почвы". Под педотурбацией понимается биологическое, химическое или физическое перемещение, смешивание и циркуляция почвенных материалов (Роде, Смирнов, 1972). *Горизонтизация и особенно педотурбация являются главными причинами, приводящими к изменению или уничтожению собственной цветности и структуры культурных слоев.*

Выделяются девять основных видов педотурбации: 1) фаунотурбация – животные, особенно землеройные виды; 2) флоротурбация – растения (рост и гниение корней, падение деревьев); 3) криотурбация – замораживание и оттаивание, солифлюкция; 4) гравитурбация – массовые оползневые сбросы; 5) аргиллитурбация – разбухание и ссыхание глин; 6) аэротурбация – воздействие газов, воздуха, ветра; 7) акватурбация – воздействие воды; 8) кристаллотурбация – рост и уменьшение солевых кристаллов; 9) сейсмотурбация – землетрясения (Wood, Johnson, 1978). Судя по имеющимся данным, в полесьях наиболее широко распространены четыре из них – фаунотурбация, флоротурбация, аэротурбация и акватурбация (Роде, Смирнов, 1972; Wood, Johnson, 1978).

Как установлено, роющие млекопитающие и насекомые могут совместными усилиями перемешивать и уничтожать почвенные горизонты за сравнительно короткий срок, измеряемый всего несколькими десятилетиями. Земляные грызуны и суслики обеспечивают переворачивание 15–20% поверхностной почвы за один сезон, полностью перемешивая ее за 5–6 лет. Ими ежегодно выносится на поверхность от 7.5 до 14 т/га почвенных материалов. Обычные дождевые черви ежегодно выносят на поверхность до 3.5 т/га земли. С их деятельностью связан эффект "размывания" контуров ям и закапывания в почву всего, что лежит на поверхности. Зафиксированная скорость погружения камней и других тел может достигать до 5 мм ежегодно. Поскольку их деятельность убывает с глубиной, объекты вблизи поверхности погружаются быстрее, чем объекты на большой глубине. В то же время легкие материалы, оставшиеся на поверхности, концентрируются в "искусственном" поверхностном слое, в котором стратиграфия оказывается стерта и разновременные объекты размещаются в ложной ассоциации (Wood, Johnson, 1978).

Многие углубления в земле обязаны своим происхождением не выветриванию, а тому, что здесь валялись крупные млекопитающие, такие, как лоси, олени, лошади или бизоны. Эти западины часто служат местами естественной аккумуляции материалов, включая артефакты. Лисы, волки, барсуки, зайцы, лесные сурки и другие животные, легко проникают вглубь на несколько метров даже в подпочву, вынося на поверхность человеческие кости и другие предметы с глубины до 2.5 м. Еще более активны кабаны. Раки не менее эффективны, чем роющие млекопитающие. На ландшафтах с мелким или колеблющимся уровнем грунтовых вод они роют норы глубиной до 8 м. Даже муравьи выносят на поверхность мелкие бусы, небольшие черепки керамики и другие предметы через культурно стерильный горизонт, поднимая их с глубины до 2 м.

Флоротурбация представляет собой механическое перемешивание почвы растениями, происходящее в период роста и гниения корней, когда образуются структуры типа "кротовин", или в результате

[1] Здесь и далее курсив мой – *А.С.*

падения деревьев, когда корни выворачивают массу земли на поверхность и создают микрорельеф в виде холмиков и западин. Известны случаи, когда эти природные образования принимаются за жилища (Newell, 1981).

Когда зимой от мороза промерзает почва, а это в средней полосе явление рядовое, артефакт с меньшей, чем почва, теплопроводностью может перемещаться вверх в результате морозного вытягивания. Если камень проводит тепло лучше, чем окружающая почва, лед может образоваться под предметом и вытолкнуть его (морозное выталкивание). При прочих равных обстоятельствах высота предмета может определять величину морозного вспучивания: чем больше от горизонтали отклоняется первоначально предмет, тем он испытывает более сильное морозное вспучивание, чем предмет такой же длины, но лежащий горизонтально. Вертикально ориентированные длинные предметы испытывают более сильное морозное вспучивание, чем короткие предметы. Артефакты, лежащие ближе к поверхности, подвергаются морозному воздействию сильней, чем глубоко лежащие, поэтому и выталкиваются вверх активнее нижележащих. Если перемещаются органические материалы (кость, дерево, уголь) и они используются для радиометрического датирования, даты могут расходиться с их стратиграфическим положением в слое. По мере того, как фронт замерзания движется через почву, более мелкие предметы склонны двигаться перед фронтом замерзания и скапливаться внизу, в то же время более крупные предметы продолжают оставаться сверху. Сосредоточение мелких органических остатков, в том числе и разновременных, в одном слое при их использовании для углеродного датирования приводит к омоложению находок и в перекрывающем слое или создает иллюзию обратной стратиграфии (Wood, Johnson, 1978).

Развеивание поверхности приводит не просто к образованию котловин выдувания на дюнах и изменению их рельефа, но сплошь и рядом из-за этого на поверхность выносятся артефакты, обнажаются скопления находок и слои, за счет чего облегчается смешивание древних и более молодых находок.

Судя по естественнонаучным данным, всеобщий характер почвообразования и педотурбации является тем конкретным и основным, правда далеко не единственным механизмом, который обладает способностью метаморфозы – превращения слоя из той субстанции, как он сформировался, в то состояние, в котором он достается археологу для непосредственного изучения. При определенных условиях под воздействием процессов почвообразования и разрушения почвы из первоначально стратифицированного неминуемо получается памятник со смешанными слоями. Названные и другие имеющиеся данные свидетельствуют, что культурные слои под воздействием почвенных процессов существенно видоизменяются, а остатки в них могут погружаться в почву или, напротив, выталкиваться на поверхность, дифференцироваться по размерам и расслаиваться на фракции. Находки могут концентрироваться в глубинных слоях, переориентироваться и перемещаться горизонтально, вертикально или по касательной. Результатом этого могут быть ложные ассоциации артефактов. Так как интерпретации зависят от залегания артефактов и слоев в их первоначальном положении, следует убедиться, что они не были видоизменены или передвинуты в результате почвенного воздействия. Анализ источника должен быть основан на учете этих возможных перемешиваний, наиболее характерных для конкретного типа почв (Роде, Смирнов, 1972; Wood, Johnson, 1978). Точная оценка педотурбации отложений на каждой стоянке абсолютно необходима для правильной археологической реконструкции.

Совместные исследования почвоведов и археологов показывают, что в полесьях процессы педотурбации, а также вызванное ими разрушение культурных слоев и перемещение материалов объективно усиливаются за счет рыхлости отложений. Судя по имеющимся данным, с почвенными процессами связано объективное действие "механизма поликультурности". Для понимания причины его "запуска" крайне важно такое широко известное явление, которому до сих пор не придавалось должного значения, как наличие подъемного материала. *Присутствие на поверхности подъемного материала* – это не просто наиболее легкий способ поиска археологических памятников, а *отражение объективной закономерности – факта пространственного перемещения артефактов. Это и есть главный признак разрушения слоя. Но из этого наблюдения неминуемо следует крайне важный вывод:* ***в древности ситуация была абсолютно такой же***. И в древности часть артефактов тоже находилась на поверхности. Причина этого заключается не в том, что накопление перекрывающих отложений не происходит или идет слишком медленно. *Вынос изделий на поверхность обусловлен тем, что в голоцене постоянно действуют процессы почвообразования и сопутствующие им процессы педотурбации.* Поскольку их действие наиболее активно проявляется в поверхностном слое, это вызывает перемещение артефактов по вертикали и приводит к "выносу" части изделий на дневную поверхность. *Именно из-за процессов почвообразования и педотурбуции при обычной скорости накопления перекрывающих отложений в каждый конкретный момент человек, приходя на место, которое до него уже было однажды занято, селился непосредственно на культурном слое предшествующего времени. Постоянное действие механизмов почвообразования и педотурбации и стандартное отсутствие из-за этого в подав-*

ляющем большинстве случаев перекрывающих отложений являются главными причинами непосредственного "контакта" разновременных вещей и образования метисных "комплексов". Эта закономерность лежит в основе "происхождения синкретизма" большинства исследуемых нами памятников. Если для обозначения культурного взаимодействия в науке употребляется термин "аккультурация", то *для обозначения природного генезиса "поликультурности" можно предложить термин* ***натурация*** (от латинских слов nature – природа и ratio – мысль, замысел или иначе – ***природный "замысел"***). *Натурация – это механизм природного генезиса синкретического археологического источника. Из-за случайного планиграфического совпадения или наложения одно- и разновременных, одно- и разнокультурных находок под воздействием природных процессов запускается "механизм естественной поликультурности" и формируются особые "синкретические" археологические источники. Поскольку планиграфическое совпадение неизбежно в наиболее удобных для проживания местах конкретного водоема, то постоянно возникает и реализуется ситуация образования и дублирования поликультурных "комплексов"*. Для приведения в действие "механизма естественной поликультурности" необходимо лишь два условия: 1) планиграфическое совпадение двух или большего числа памятников разных культур, 2) действие почвенных процессов. В результате – механическое смешение происходит автоматически. Действие природных факторов объективно и проявляется вне зависимости от воли и желания субъекта истории – человека, поэтому мы постоянно сталкиваемся с фактами естественного "генезиса поликультурных комплексов" или феноменом натурации. *Натурация – это объективный природный закон образования "поликультурных комплексов"*. Следовательно, одной из основных исследовательских задач должно быть установление фактов натурации.

При неоднократном использовании одних и тех же мест одним и тем же населением нивелируются хронологические различия материалов и происходит планиграфическое "смазывание" разновременных и разнофункциональных скоплений. В действие включается механизм "культурной нивелировки". При посещении одних и тех же мест населением разных культурных традиций из-за натурации неизбежно происходит механическое объединение изделий и "запускается механизм естественной поликультурности". И "культурная нивелировка", и "естественная поликультурность" являются главными причинами информационного шума и культурного многообразия.

В пределах полесий не так много удобных для заселения мест, причем всегда есть такие, которые доступны в течение длительного периода времени. Здесь сосредоточены наиболее выразительные "многослойные" памятники. Археологи, раскапывая повторяющиеся естественно образованные "комплексы" с синкретическими признаками, воспринимают наблюдаемое как реально установленные факты, и лишь вопрос времени, когда их количественные наблюдения приведут к "качественному" выводу об их "закономерности". Так возникает своеобразный источниковедческий эффект "генезиса" метисных археологических культур и "существования контактных зон".

Крайне негативную роль в появлении поликультурных комплексов играет и полевая методика: при раскопках на косой штык или по условным и литологическим горизонтам происходит, часто неосознанное исследователями, разрушение пространственного распределения находок. В результате памятник из стратифицированного искусственно превращается в нестратифицированный, а коллекция – в поликультурную. Следует обратить внимание еще на одну особенность археологических источников: чаще всего четкие "поликультурные" признаки дает подъемный материал, т.е. в ситуации, когда археолог изначально имеет дело с механически образованной коллекцией, оторванной от контекста.

Нельзя не учитывать и тот немаловажный источниковедческий аспект, что любой археолог-практик интуитивно старается найти и исследовать "богатый" памятник, чтобы в кратчайшие сроки и с минимумом затрат получить результат. Информация, извлекаемая из "бедных" стоянок, не сопоставима с огромными затратами труда, поэтому они изучаются лишь спорадически. Неизбежным результатом этого является массовое число стоянок "многоразового посещения", оставленных часто разным в культурном отношении населением. Так нормой становятся не "чистые, одномоментные" комплексы, а "усредненные, культурно снивелированные" и "поликультурные" материалы.

Все сказанное о памятниках полесий позволяет рассмотреть актуальный для Волго-Окского междуречья вопрос бутовско-иеневского взаимодействия. Термин "памятники смешанной традиции" был предложен автором в середине 1980-х годов для обозначения стоянок, имеющих черты бутовской и иеневской культур. Этот термин отражает и современную ситуацию: во-первых, непонятна природа этого синкретизма – механическая она или генетическая, а во-вторых, в обоих случаях мы имеем дело с традицией. Ведь и при механическом смешении материалов, если есть их повторяемость, возникает источниковедчески значимая ситуация.

Всего насчитывается не менее 12 памятников "смешанной традиции", девять из них (Брагино, Высокино 6, Дмитровское 1, Журавец 1, Иенево 2, Коприно, Крапивец, Староконстантиновская IV и

Тростенская 3С) не пригодно для анализа из-за неудовлетворительной методики полевого исследования, состояния коллекций и документации. Требованиям источниковедческой критики отвечают лишь три мещерских стоянки: Беливо 4А, Шильцева Заводь 5 и Исток 1.

В Беливо 4А "вертикальная слоистость" не установлена. Нанесение на план "культуроопределяющих" типов орудий обеих культур показало, что они не образовывают обособленных в плане групп. Планиграфически выделено несколько микроскоплений, но ни в одном из них бутовские и иеневские находки не залегают совместно. Благодаря этому и учитывая значительный разброс дат, Е.В. Леонова пришла к выводу, что Беливо 4А представляет собой "совокупность нескольких отдельных стоянок", бытовавших в разное время (Леонова, 1998). С этим можно согласиться. Интересно, однако, другое: в Беливо 4А есть наконечник с боковой выемкой, брюшко которого подправлено плоской ретушью, и другой экземпляр, черешок которого обработан на спинке плоской ретушью. Если первый наконечник еще может рассматриваться в качестве "метисного" изделия, то на втором плоская ретушь использована исключительно в утилитарных целях. Следовательно, спорность единичного метисного изделия на фоне отсутствия сочетаемости разнокультурных находок в микроскоплениях свидетельствует в пользу образования бикультурного "комплекса" в результате натурации, а не аккультурации.

В Шильцевой Заводи 5 общая мощность слоя доходит до 1 м. Все находки по глубинам залегания не разносились, но сделано интересное наблюдение по пространственному распределению предметов охотничьего вооружения. Установлено, что бутовские наконечники залегают выше иеневских, причем между ними, вероятно, имеется стерильная прослойка (Сорокин, 2000). Отсутствие в коллекции "находок-маркеров" и наличие признаков зоотурбации на фоне четкого деления бутовских и иеневских наконечников по глубинам залегания позволяет утверждать, что в Шильцевой Заводи 5 мы имеем дело с двумя разновременными стоянками двух разных культур. Косвенным подтверждением этому служат и имеющиеся палинологические данные, по которым установлен перерыв в осадконакоплении между образцами из нижней части слоя с иеневскими материалами и образцами из верхней части слоя с бутовскими изделиями. Таким образом, бутовские и иеневские материалы в Шильцевой Заводи 5 залегают раздельно, а их искусственное объединение приведет к смешению и возникновению эффекта бикультурности.

При камеральной обработке материалов стоянки Исток 1 были составлены графы пространственного распределения всех находок. Они подтвердили полевые наблюдения о присутствии на памятнике двух уровней залегания находок, разделенных, как правило, стерильной прослойкой. В тех случаях, когда стерильной прослойки нет, ее отсутствие объяснимо фауно- и флоротурбацией. Коллекция нижнего слоя стоянки Исток 1 отнесена к поздним памятникам аренсбургской культуры или раннему этапу иеневской культуры, так как обладает признаками обеих, а ее возраст определен рубежом плейстоцена – голоцена. Материал верхнего слоя стоянки Исток 1 для чистоты эксперимента при камеральной обработке был разделен на два комплекса. К первому из них, названному Исток 1А, были отнесены находки из стратиграфически "чистых" квадратов, ко второму – Исток 1Б, из квадратов без стерильной прослойки, где находки верхнего и нижнего слоев могли быть заведомо смешаны (Сорокин, 1990). Материал Истока 1А отнесен к бутовской культуре и датирован началом бореального времени. В нем не содержится никаких инокультурных примесей, кроме срединного резца, в качестве заготовки для которого использован черешок наконечника с боковой выемкой. Коллекции Истока 1А и Истока 1Б практически идентичны, но во второй имеются признаки, которые могут быть расценены как следы "замусоренности" изделиями нижнего слоя. В частности, в Истоке 1Б немного ниже показатель пластинчатости (48% против 58% в Истоке 1А) и присутствует постсвидерский наконечник стрелы с асимметричным черешком, который можно расценить как подражание асимметричному наконечнику с боковой выемкой.

Нижний слой памятника лишен каких-либо бутовских признаков и является "чистым" комплексом. Верхний культурный слой соответствует общим представлениям о бутовской культуре. Обе своеобразные находки в нем нельзя однозначно расценивать как метисные формы, так как в качестве заготовки для резца мог быть использован случайно подобранный сломанный наконечник с боковой выемкой, а асимметрию бутовского наконечника можно объяснить браком. Показатель пластинчатости, варьирующий в разных комплексах одного памятника, не служит однозначным доказательством заимствования или влияния, тем более что он не выходит из средних показателей бутовской культуры. Одновременно, *достоверно установлено, что материалы тех квадратов, в которых между верхним и нижним слоями нет стерильной прослойки, менее пластинчаты* (Сорокин, 1990). *Этот пример крайне важен для понимания генезиса "синкретических" признаков: "синкретизм" может появляться в тех случаях, когда стратиграфия и планиметрия не позволяют выделить различные культурные слои.* Следует отметить и другое: при раскопках по условным горизонтам было бы нарушено пространственное распределение артефактов и материал превратился бы в бикуль-

турный. Таким образом и Исток 1 не дает доказательств бутовско-иеневского взаимодействия.

Проведенный анализ свидетельствует:

1. В Шильцевой Заводи 5 и Истоке 1 бутовские и иеневские находки, несмотря на возможную частичную смешанность, залегают в разных культурных слоях. Их "бикультурность" может быть только источниковедческой. В Беливо 4А бутовские и иеневские изделия планиграфически на разные комплексы не разделяются, но отсутствие сочетания разнокультурных элементов в микроскоплениях не позволяет рассматривать эти материалы как культурно единые.

2. "Метисных" изделий нет в Шильцевой Заводи 5, в Беливо 4А и Истоке 1 они единичны, причем сам факт их "метисности" спорен.

3. Большинство из памятников "смешанной традиции", кроме трех мещерских стоянок, не пригодно для источниковедческого анализа. В свою очередь, мещерские стоянки не дают бесспорных доказательств факта взаимодействия бутовского и иеневского населения.

4. Отсутствие массового числа метисных изделий, наличие признаков педотурбации и высокая вероятность, в силу этого, механического смешения находок из-за случайного планиграфического совпадения разнокультурных находок позволяют утверждать, что данных для вывода об образовании бутовско-иеневских памятников "смешанной традиции" в результате аккультурации недостаточно, напротив, их генезис в результате натурации представляется достаточно очевидным. К аналогичным выводам удается прийти и при анализе памятников других регионов, входящих в главный пояс полесий Восточной Европы.

Проверка гипотезы "естественного генезиса поликультурности" осуществлена на примере Литвы (Сорокин, 2000; 2002), памятники которой блестяще опубликованы в классической монографии Р.К. Римантене (Римантене, 1971). Названный регион не входит в главный пояс полесий Восточной Европы, но в геоморфологическом отношении это абсолютно такая же зандровая низменность. Привлечение литовских материалов уместно еще и потому, что в монографии специально рассматриваются коллекции с бикультурными признаками. Опущу конкретный анализ (Сорокин, 2000; 2002) и перейду непосредственно к выводам:

1. Утверждение Р.К. Римантене о взаимосвязи аренсбургского, свидерского и маглемозского населения не подтверждается наблюдениями. Практическое отсутствие "находок-маркеров" и наличие всех различимых "метисных комбинаций" позволяют рассматривать появление синкретических "комплексов" как итог механического смешения материалов.

2. "Метисация" наблюдается там, где, помимо сравнительно большой площади скоплений, стоянки приурочены к удобным формам рельефа.

3. Так называемое "взаимодействие мезолитических янисла вицких и финально-палеолитических элементов" не является результатом контакта древнего населения, а всего лишь итог источниковедческой ненадежности коллекций неманской культуры.

4. Вывод Р.К. Римантене о том, что "Литва и западная часть Белоруссии составляли единую контактную зону" (Римантене, 1971. С. 118) преждевременен (Сорокин, 2000; 2002).

Означает ли сказанное полное отрицание контактов древнего населения Литвы? Конечно, нет, но основанием для выводов о контактах должен быть строгий источниковедческий анализ, серия дат и массовое присутствие "метисных" изделий. Только в этом случае культурная схема любого региона превратится из гадания и правила "сложения культур" (Кольцов, 1979) в доказанную на фактах этнокультурную картину.

Феномен натурации сказывается наиболее существенно на памятниках полесий, но *натурация характерна не только для зандровых низменностей, она носит всеобщий характер*. В качестве примера действия натурации в других геоморфологических районах можно привести широко известную мезолитическую стоянку Мирное. Памятник расположен в Одесской обл. в пределах Причерноморской низменности, которая не входит в зону главного пояса полесий Восточной Европы, но по своему генезису является их аналогом.

По данным исследователя памятника В.Н. Станко образование светло-коричневого суглинка, подстилающего слой, произошло в позднем плейстоцене, а образование опесчаненного суглинка – культурного слоя – в раннем голоцене (Станко, 1982. С. 8). С последующими почвенно-делювиальными процессами ранне- и начала среднеголоценового времени связывается накопление светло-коричневых суглинков (погребенной почвы), перекрывающих культурный слой и "*содержащих довольно значительное количество кремневых изделий*" (Станко, 1982. С. 8). Эта оговорка автора монографии весьма симптоматична: несмотря на все его последующие утверждения о целостности и "чистоте" слоя, она однозначно свидетельствует о факте разрушения культурного слоя памятника и перемещении (причем неосознанно зафиксированном) находок.

Процесс формирования погребенной почвы был прерван накоплением торфянистых суглинков, отложившихся в период новочерноморской трансгрессии (около 6 тыс. л.н.) и сопровождавшихся находками энеолитического времени (Станко, 1982. С. 8). В результате этого разрушение культурного слоя было остановлено почвенно-

делювиальными процессами, из-за чего по мнению В.Н. Станко, произошла его консервация (Станко, 1982. С. 9). С этим утверждением автора вряд ли можно согласиться, так как в этом же абзаце он продолжает: *"Малочисленность находок мезолитического времени в верхних горизонтах... следует объяснять разрушением культурного слоя землеройными животными, кротовины которых здесь достаточно многочисленны"*. Если же учесть замечание В.Н. Станко о том, что *"в период новочерноморской трансгрессии территория поселения была затоплена водами Черного моря, что привело к консервации культурного слоя"* (Станко, 1982. С. 13), станет понятной вся абсурдность его утверждений и о консервации мезолитического слоя, и об его "чистоте", и о не смешанности. Совершенно очевидно, что, если бы мезолитический слой был "законсервирован отложениями новочерноморской трансгрессии" никакие мезолитические находки в верхних горизонтах не встречались бы! А раз они встречены (о чем говорит сам факт их присутствия), процесс разрушения мезолитического слоя (вернее, слоев) и перемещения находок шел и в это время. Нет сомнения и в другом: когда торфянистые суглинки перекрыли мезолитические слои, находки в них уже были перемешаны и эта "консервация" ничего, по сути, не могла изменить. Подчеркну очевидный из описания факт: мезолитические находки попадали, и весьма активно, в верхние слои из-за деятельности землеройющих животных как до, так и после момента затопления. Не исключено, что были и другие факторы, но этот устанавливается по тексту документально. *Нет сомнения, что деятельность землероек в почвенном слое – светло-коричневом суглинке, лежащем непосредственно на мезолитическом слое и затронутом процессом почвообразования, привела не только к "выносу" мезолитических находок в перекрывающие слои, но и к их перемешиванию между собой внутри самого слоя*. Причем этот процесс шел, судя по всему, весьма длительное время. Он начался еще в мезолите, шел в неолите и был прерван новочерноморской трансгрессией, но возобновился с активизацией процесса почвообразования в энеолите. В противном случае мезолитических находок выше культурного слоя – горизонта опесчаненного суглинка – никогда бы не было, но они есть и, как невольно свидетельствует сам автор, в значительном количестве. Предположить, что происходил вынос находок из слоя без перемешивания части из них в пределах самого слоя, абсурдно. Чтобы это утверждение не было голословным, приведу слова В.Н. Станко, что в верхних слоях, *"раскапывавшихся лопатой и легко удалявшихся без предварительного вскапывания"* (Станко, 1982. С. 14)... *"было найдено 4175 каменных изделий"* (Станко, 1982. С. 66). В то же время мезолитический слой дал 20593 каменных предмета, хотя раскапывался ножами и совками (Станко, 1982. С. 14). Таким образом, свыше 20% всех находок оказалось вне пределов мезолитического слоя. Фактическое же соотношение, учитывая разницу методик раскопок, еще более шокирующее, так как потери при раскопках лопатой даже горизонтальными зачистками составляют до 80% артефактов, что же тогда говорить о потерях при раскопках на косой штык. Кроме того, на фото 3, где изображены очажные пятна, очень хорошо видны не только сами ходы землеройющих животных в слое и вокруг очагов, но и то, что периметр пятен остался "не добран". Это позволяет сделать однозначный вывод: мезолитические изделия стоянки Мирное были смешаны и переотложены по вертикали и горизонтали как вне мезолитического слоя, так и внутри него.

Вывод о смешении на стоянке Мирное материалов кукрекской и гребениковской культур, вопреки мнению В.Н. Станко, подтверждает и приведенный в монографии планиграфический анализ инвентаря. Всего исследователем было выделено четыре "чистых" обособленных скопления каменных изделий и 14 – со слитными или "смазанными" микроструктурами (Станко, 1982. С. 66). К "чистым" отнесены скопления № 1, 2, 12 и 13, все прочие относятся к "смазанным". Скопление № 1 дало исключительно материалы кукрекской культуры, скопления № 2, 12 и 13 – материалы гребениковской культуры. Все участки со "смазанными скоплениями" носят смешанный гребениковско-кукрекский характер, причем в каждом из них преобладают находки то одной, то другой из культур (Станко, 1982. С. 66). Исследователь считает присутствие трех названных видов скоплений доказательством "надежности планиграфической структуры поселения и признаком четкого обособления разных общин по территории поселения", а факт совместного залегания разнокультурного инвентаря – свидетельством "локализации разноэтничных семей, местом их совместного проживания" (Станко, 1982. С. 66, 71, 73, 117–131). С этим утверждением можно было бы согласиться, если бы кроме скоплений с изделиями двух культур были найдены "вещи-маркеры", но именно их-то на памятнике как раз и нет. Ни в одном скоплении в Мирном, как и на памятнике в целом, не встречено ни одного предмета с бикультурными признаками. Если бы хоть одна такая находка была, В.Н. Станко, при его скрупулезности, не мог бы пройти мимо такого факта. Нет и гибридных технологий. Следовательно, нельзя признать совместное нахождение в Мирном разнокультурных вещей за свидетельство контакта населения, их оставившего. Особенно, если это относится к памятнику, на котором исследователем отмечены четкие признаки нарушения слоя в результате зоотурбации. Более того, в тексте монографии ясно написано: "*Чрезвычай-*

но интересные и в какой-то мере неожиданные результаты были получены при морфологическом анализе каменного инвентаря отдельных скоплений и их групп. Выяснилось, что кремневый инвентарь неоднороден и четко делится на две группы как по технике первичной обработки камня, так и по набору изделий со вторичной обработкой. *Обе технологические традиции изготовления каменного инвентаря прослежены как в изолированных скоплениях, так и в "смазанных" зонах. Кукрекские изделия встречаются только с "кукрекским набором", гребениковские – с "гребениковским набором"* (Станко, 1982. С. 78, 79). Комментарии, как говорится, излишни.

Такие примеры можно приводить и далее. Однако сказанного достаточно для вывода, что гребениковские и кукрекские комплексы не "испытывали взаимовлияния" (Станко, 1982. С. 71), а оказались механически смешаны в результате педотурбации. Именно зоотурбация привела почти к полному, исключая четыре микроскопления, смешению материалов кукрекской и гребениковской культур и образованию 14 бикультурных "комплексов". Случайная "чистота" четырех скоплений (№ 1, 2, 12 и 13) объясняется их планиграфическим несовпадением друг с другом.

Изложенные факты позволяют считать, что в Мирном из-за активного растаскивания землеройными животными произошло механическое смешение разных слоев и находок, детально зафиксированное и описанное, но так и не понятое автором полевых работ. Следовательно, памятник можно интерпретировать как остатки нескольких разновременных сезонных стоянок двух разных групп населения. Кукрекское и гребениковское население в разное время посещало одно и тоже удобное место в устье р. Дракули, непосредственно не встречаясь, по-видимому, друг с другом. Коллекция с бикультурными признаками образовалась в результате натурации. Подтверждением вывода о механическом смешении "разнокультурных" пятен в Мирном служит и ремарка самого В.Н. Станко о том, что "тип поселения в Мирном не имеет близких аналогий среди памятников гребениковской и кукрекской культур" (Станко, 1982. С. 80). Вероятно, малочисленность населения обеих культур и подвижный образ жизни привели к "эффекту наложения разнокультурных стоянок" только в одном, исследованном к 1982 г., месте – стоянке Мирное. Ибо Мирное, в отличие от других стоянок в степях Северного Причерноморья, занимает географически самое выгодное положение в устье р. Дракули. Следовательно, реконструкция В.Н. Станко экономического и социального устройства в мезолите степей Северного Причерноморья недостоверна.

Таким образом, действие объективных природных законов непосредственным образом сказывается на состоянии изучаемого археологами источника. *Естественное возникновение поликультурных комплексов – это объективная реальность источника по мезолиту Восточной Европы.* Культурное многообразие, которое мы наблюдаем, сплошь и рядом мнимое, сугубо источниковедческое, а никак не культурно-историческое. Главный парадокс источниковедения состоит в том, что археологические источники образуются не только и даже не столько при жизни человека, сколько тогда, когда культурный слой памятника уже сформировался. Момент "прижизненного формирования источника", безусловно, важен, так как определяет тип памятника. Однако это лишь начальное звено в цепочке метаморфоз, происходящих с источником. Главным движущим механизмом, воздействующим на "потенциальный источник", являются почвенные процессы. Если процессы дифференциации ведут к видоизменению собственной окраски культурного слоя, то *процессы гомогенизации (педотурбации) генерируют новое природное и "культурное" состояние памятника.* Анализ источников со всей очевидностью показывает, что речь идет не столько о смешении традиций, сколько о традиции смешения материалов. Натурация тем и опасна, что ее результаты внешне неотличимы от результатов аккультурации, но явления эти по сути своей диаметрально противоположны. "Природный замысел" объективен вне зависимости от того, понимаем мы это или нет. Факты свидетельствуют, что натурация, а не аккультурация служит причиной повсеместно наблюдаемого в европейских полесьях "культурного многообразия". Археологическая фиксация поликультурного "комплекса", возникшего в результате натурации, вещь вполне обыденная, однако это и есть главный шаг в создании неверной исторической картины (Сорокин, 2002).

Другой, не менее важный механизм образования "поликультурных комплексов" – это методика полевых исследований. И сборы подъемного материала, и раскопки по штыкам, условным или литологическим горизонтам – это формирование такого источника, которого не существует в природе. Осознанное или неосознанное разрушение пространственной структуры памятника в результате использования этих полевых методик – главный субъективный фактор в создании искаженного источника. Менее существенно влияют на метаморфозы с источником условия его хранения, но и о них не следует забывать.

Еще один способ создания археологических мифов – это неразборчивость в выборе коллекций для анализа. Каждая коллекция, в зависимости от способа ее поступления и состояния, имеет разную источниковедческую значимость. Любая попытка глобального охвата материалов без оценки их достоверности и надежности – это самый простой способ создания очередного историко-культурного мифа. Этнокультурная история, написанная на

основе достоверных источников, всегда будет отличаться от интуитивных историй каменного века. Да, без интуиции науки не бывает, но точно также ее не бывает на одной интуиции без фактов. Фактов достоверных, а не сомнительных.

Критика источников показывает ошибочность многих привычных положений, таких как генезис неолита ямочно-гребенчатой керамики Украины на основе индустрии типа Студенок (Неприна и др., 1986), бутовско-иеневская "конкиста и реконкиста" (Кольцов, 1989) или кукрекско-гребениковский "симбиоз" (Станко, 1982). Проведенное исследование позволяет отказаться от идеи образования культур в результате "сложения" их комплексов (Кольцов, 1979). Эта, сформулированная Л.В. Кольцовым, "закономерность сложения археологических культур" – не более чем стандартный способ механического смешения археологического материала.

"Взвешивание" признаков контактных зон показывает недостаточность аргументации в пользу процессов аккультурации в мезолите Восточной Европы. Вопрос о признании полесий Восточной Европы "контактными зонами", верный в теоретическом плане, не находит практического подтверждения в археологических материалах. Это со всей очевидностью приводит к необходимости разработки археологических признаков понятий "контактных зон", аккультурации и метисации.

Для выводов о взаимодействии мезолитического населения весомых оснований нет, а есть лишь специфика самого источника. Нет сомнения, что для решения вопроса взаимодействия древнего населения мало констатации совместного нахождения разных признаков в одном месте: слое или коллекции. Традиционный подход, основанный на взаимовстречаемости вещей, неверен. "Контактная" гипотеза, широко распространенная в литературе, нуждается не столько в постулировании, сколько в методичном и надежном обосновании. Механическое смешение материалов в результате почвенных процессов – это абсолютно стандартная ситуация, которую необходимо не просто осознавать, но и учитывать в любой археологической реконструкции. Только всесторонний учет специфики памятников и доказательство их источниковедческой надежности могут служить основой для этнокультурных построений в археологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Демкин В.А. Палеопочвоведение и археология. Пущино, 1997.

Кольцов Л.В. О характере сложения раннемезолитических культур Северной Европы // СА. 1979. № 4.

Кольцов Л.В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. Сер. Археология СССР. М., 1989.

Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья (Памятники бутовской культуры). М., 1999.

Леонова Е.В. Планиграфический анализ "дюнных" мезолитических стоянок Волго-Окского междуречья. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1998.

Неприна В.И., Зализняк Л.Л., Кротова А.А. Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев, 1986.

Римантене Р.К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.

Роде А.А., Смирнов В.И. Почвоведение. М., 1972.

Сорокин А.Н. Бутовская мезолитическая культура. М., 1990.

Сорокин А.Н. Метаморфозы источника по мезолиту Восточной Европы // ТАС. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.

Сорокин А.Н. Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М., 2002.

Станко В.Н. Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. Киев, 1982.

Newell R.R. Mesolithic dwelling Structures: Fact and Fantasy // Mesolithikum in Europa. 2 International Symposium. Potsdam. April, 1978. Berlin, 1981.

Wood W.R., Johnson D.L. A survey of disturbance processes in archaeological site formation // Advances in Archaeological Method and Theory. V. 1. New York, 1978.

Mixture of traditions or the tradition of mixing? Part II

A. N. Sorokin

Summary

Analysis of sources reveals that we mostly deal not with mixing traditions of ancient population, but with the tradition of mixed material. The cultural diversity observed in East European marshy woodlands is practically always an apparent phenomenon that emerges due to the mode of sources' analysis and not to historical and cultural processes. The basic paradox of sources' analysis is that archaeological sources are formed not only in the course of human life, but, to a greater extent, after the cultural deposit at the site had already been formed. The moment of "life-time formation of a source" is in fact the starting point of the sequence of the source's metamorphoses. As far as the Holocene sites are concerned, the basic mechanisms that influenced a "potential source" are soil-formation processes. It is they that generate new natural and "cultural" state of the site. In creating many-cultural associations of key importance was the phenomenon of naturation. It is responsible for the "cultural diversity" registered all over the European marshy woodlands. Many-cultural "associations" in fact caused by naturation are often recorded archaeologically. At the same time, this is the first step in constructing wrong historical picture. There are no reliable grounds to suppose interaction of ancient population in the Mesolithic period, we have at our disposal only specific features of the sources. Mechanical mixing of materials as a result of soil processes is the objective situation, which should be taken into account while suggesting any archaeological reconstructions. Only the comprehensive view on the site's specifics and its reliable position as a historical source can serve as a ground for ethno-cultural hypotheses in archaeology.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 2, с. 79–86

ДИСКУССИИ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДРЕВНЕЙШЕЙ КЕРАМИКИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
(геоархеологический аспект)

© 2004 г. Я. В. Кузьмин

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток

Предлагаемая статья посвящена геоархеологическому контексту перехода от финального палеолита (мезолита) к неолиту – эпохе, наиболее характерной чертой которой является производство керамических сосудов преимущественно утилитарного назначения (см. Неолит Северной Евразии, 1996; Barnes, 1999). Основное внимание уделено хронологии и палеогеографии раннего неолита Восточной Азии на основе критического анализа радиоуглеродных (далее – ^{14}C) дат памятников с древнейшей керамикой, с привлечением данных по палеосреде позднеледниковья около 15000–10000 лет назад (далее – л. н.).

До конца 1970-х годов единственным регионом Старого Света с керамикой, имеющей дату около 12700–12200 л. н., была южная Япония, о-ва Кюсю и Сикоку (Morlan, 1967). В начале 1980-х годов новые даты ^{14}C по югу Дальнего Востока России (Окладников, Медведев, 1983) и южному Китаю (Chang, 1986; 1992) позволили высказать мнение о появлении керамики в этих регионах около 13000–11000 л. н. Однако небольшое количество дат делало эти выводы предварительными вплоть до конца 1990-х годов. В настоящее время в Восточной Азии известно уже около 40 памятников с датами ^{14}C древнее 10000 л. н., полученными по образцам угля, стратиграфически соответствующим древнейшей керамике. Таким образом, можно считать надежно установленным тот факт, что древнейшая в мире керамика появилась на востоке Азии уже в конце плейстоцена. В данной работе дан обзор современного состояния проблемы.

Для калибровки дат ^{14}C (таблица), т.е. определения *календарного* (астрономического) возраста от 1950 г. н.э., использована программа CALIB rev. 4.3 (Stuiver, Reimer, 1993; Stuiver et al., 1998). Все возможные календарные интервалы даны для ошибки измерения, равной $\pm 2\sigma$ (сигма, среднеквадратическое отклонение), и объединены в единый интервал, округленный до ближайших 10 лет.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ

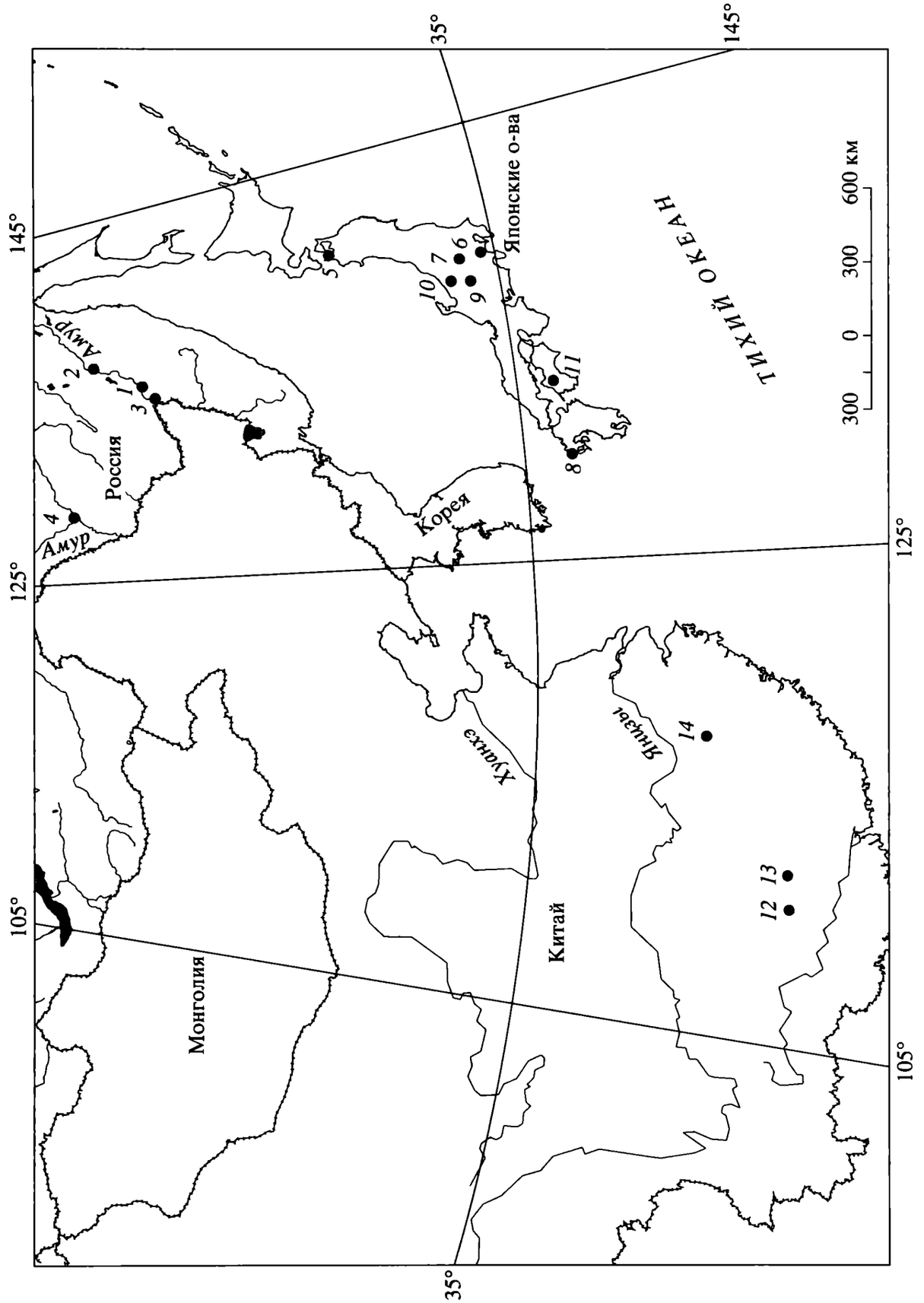
В Нижнем Приамурье наиболее ранним неолитическим комплексом является осиповская культура (стоянки Гася, Хумми и Гончарка 1) (Медведев, 1995; Шевкомуд, 1998; Derevianko, Medvedev, 1995) (рисунок). Судя по датам ^{14}C, полученным по углю, она существовала около 13300–10000 л. н. (таблица). Даты по органическому отощителю керамики стоянок Гася и Хумми – 12000–9000 л. н. (Джалл и др., 1998) – в целом близки к датам, полученным по углю. По керамике стоянки Гася получены термолюминесцентные даты – 13460 ± ± 1460 л. н., 10430 ± 1160 л. н. и 8580 ± 1490 л. н. (Kuzmin et al., 2001). Эти календарные даты соответствуют датам ^{14}C в интервале около 11600–7800 л. н. и близки к калиброванным датам, полученным по углю и органическому отощителю в керамике (таблица).

За время существования осиповской культуры на стоянке Гася, согласно палинологическим данным, растительность около 13000–12000 л. н. представляла собой разреженные хвойные леса со значительной ролью открытых пространств, занятых разнотравно-злаковыми лугами. Около 12000–11000 л. н., во время потепления (аллерёд), ландшафты представляли собой хвойные и хвойно-широколиственные разреженные леса с лиственничными марями. Около 11000–10300 л. н., в условиях резкого похолодания (поздний дриас), были развиты лиственнично-кедровые редкостойные леса. Растительность времени существования стоянки Хумми представляла собой луговостепные ассоциации с участием широколиственно-хвойных лесов, что можно сопоставить с потеплениями бёллинг и аллерёд (12800–11000 л. н.). Памятник Гончарка 1 существовал в обстановке осветленных березовых и лиственничных лесов около 12500–12000 л.н. (потепление аллерёд), сменившейся затем на хвойно-березовые и осиново-березовые лесостепи с участками лиственничных и елово-кедровых лесов около 10600–9900 л.н. (похолодание поздний дриас) (Шевкомуд и др., 2001). Полученные по опорным памятникам осиповской культуры данные (Кузьмин и др., 1999) в целом совпадают с результатами изучения Гурского торфяника (Климин и др., 2002), согласно которым растительность Нижнего Приамурья 12000–10000 л. н. представляла собой в основном леса из березы и ольхи с примесью хвойных пород (ели и сосны).

Начальный неолит в Среднем Приамурье представлен громатухинской культурой (Окладников,

Радиоуглеродные даты раннего неолита Восточной Азии

Памятник	Дата ^{14}C, л. н.	Номер даты	Материал	Календарная дата, лет назад	Источник
			Дальний Восток России		
Гася	12960 ± 120	ЛЕ-1781	Уголь	16110–14480	Окладников, Медведев, 1984
	11340 ± 60	GEO-1413	Уголь	13780–13030	Kajiwara, 1998
	10875 ± 90	AA-13393	Уголь	13140–12640	Kuzmin et al., 1997
Хумми	13260 ± 100	AA-13392	Уголь	16450–14900	Kuzmin et al., 1997
	12425 ± 850	СОАН-3583	Уголь	16990–12690	Кузьмин, 1998
	10345 ± 110	AA-13391	Уголь	12830–11690	Kuzmin et al., 1997
Гончарка 1	12500 ± 60	LLNL-102169	Уголь	15550–14160	Джалл и др., 2001
	12055 ± 75	AA-25437	Уголь	15350–13670	Джалл и др., 2001
	10590 ± 60	LLNL-102168	Уголь	12940–12190	Джалл и др., 2001
	10280 ± 70	AA-25438	Уголь	12750–11700	Джалл и др., 2001
	10280 ± 70	AA-25439	Уголь	12750–11700	Джалл и др., 2001
	9890 ± 230	GaK-18981	Уголь	12330–10600	Джалл и др., 2001
Громатуха	12340 ± 60	AA-36079	Уголь	15480–14110	Джалл и др., 2001
	9895 ± 50	AA-36447	Уголь	11550–11200	Джалл и др., 2001
			Японские острова		
Одай Ямамото 1	13780 ± 170	NUTA-6510	Нагар	17160–15950	Nakamura et al., 2001
	13480 ± 70	Beta-125550	Уголь	16680–15730	Nakamura et al., 2001
	13210 ± 160	NUTA-6515	Нагар	16470–14750	Nakamura et al., 2001
	13030 ± 170	NUTA-6507	Нагар	16270–14470	Nakamura et al., 2001
	12720 ± 160	NUTA-6509	Нагар	15880–14240	Nakamura et al., 2001
	12680 ± 140	NUTA-6506	Нагар	15800–14220	Nakamura et al., 2001
Китахара	13060 ± 80	Beta-105398	Уголь	16190–14640	Taniguchi, 2002
	13060 ± 100	Beta-105401	Уголь	16210–14620	Taniguchi, 2002
	13050 ± 80	Beta-105400	Уголь	16180–14620	Taniguchi, 2002
	13050 ± 80	Beta-105403	Уголь	16180–14620	Taniguchi, 2002
	13020 ± 80	Beta-105402	Уголь	16140–14590	Taniguchi, 2002
Токумару Наката	13700 ± 560	PAL-381	Дерево	17830–14420	Taniguchi, 2002
	12770 ± 225	PAL-383	Дерево	16050–14170	Taniguchi, 2002
	12420 ± 205	PAL-384	Дерево	15600–13850	Taniguchi, 2002
	12410 ± 225	PAL-380	Дерево	15620–13840	Taniguchi, 2002
	11810 ± 240	PAL-379	Дерево	15290–13180	Taniguchi, 2002
	11550 ± 235	PAL-382	Дерево	15060–13020	Taniguchi, 2002
Фукуи, слой 3	12700 ± 500	GaK-950	Уголь	16530–13550	Morlan, 1967
Накадзима Б	12460 ± 310	I-13767	Уголь	15850–13820	Taniguchi, 2002
Сейкосансу Б	12340 ± 50	Beta-133847	Нагар	15480–14110	Taniguchi, 2002
	12160 ± 40	Beta-133849	Нагар	15390–13840	Taniguchi, 2002
	12000 ± 40	Beta-133848	Нагар	15310–13660	Taniguchi, 2002
Камикуроива, сл. 9	12165 ± 600	I-944	Уголь	16130–12980	Morlan, 1967
			Южный Китай		
Мяоян, слой 5	15220 ± 260	BA94137b	Керамика	19040–17420	Zhao, Wu, 2000
	15120 ± 500	BA94137a	Гумины	19380–16840	Zhao, Wu, 2000
Мяоян, слой 4М	13310 ± 270	BA92034-1	Уголь	16770–14700	Yuan et al., 1995
Мяоян, слой 3М	12260 ± 450	BA92033-1	Уголь	15910–13190	Yuan et al., 1995
Мяоян, слой 2	12360 ± 370	BA92030-1	Уголь	15850–13490	Yuan et al., 1995
Ючаньан	14390 ± 230	BA95057b	Гумины	17990–16540	Zhao, Wu, 2000
	13680 ± 270	BA95058	Уголь	17210–15660	Zhao, Wu, 2000
	11970 ± 120	BA95057a	Керамика	15320–13600	Zhao, Wu, 2000
Сяньчжэньдун	12430 ± 80	UCR-3561	Уголь	15530–14130	Zhang, 1999



Древнейшие неолитические памятники Восточной Азии: *1* – Гася; *2* – Хумми; *3* – Гончарка 1; *4* – Громатуха; *5* – Одай Ямамото 1; *6* – Китахара; *7* – Токумару Наката; *8* – Фукуи; *9* – Накадзима Б; *10* – Сейкосансу Б; *11* – Камикуроива; *12* – Мяоян; *13* – Ючаньян; *14* – Сяньчжэньдун.

Деревянко, 1977) (рисунок). Для нижней части культурного слоя стоянки Громатуха получена дата ^{14}C 12340 ± 60 л. н. (таблица), что не противоречит датам по органическому отощителю (13300–7300 л. н.) (Джалл и др., 1998; Derevianko et al., 2002) и свидетельствует в целом о том, что громатухинская культура появляется, возможно, уже около 13000 л. н. Состав палинологического спектра позволяет реконструировать растительность холодной березовой лесостепи с лиственничными редколесьями и марями.

К сожалению, остатков фауны и флоры на памятниках начального неолита Приамурья не найдено. Наличие каменных грузил в осиповском слое стоянки Гася (Деревянко, Медведев, 1993. С. 99, 100; 1994. С. 88–93) является достаточно надежным доказательством существования рыболовства уже около 13000 л. н. (Медведев, 1995).

Таким образом, начало неолита в Нижнем Приамурье может быть датировано около 13000 л. н. (16500–14500 календарных л. н.); в Среднем Приамурье – как минимум около 12300 л. н. (15500–14100 календарных л. н.) (таблица).

ЯПОНСКИЕ ОСТРОВА

В Японии насчитывается около 40 памятников начального дзёмона (Aikens, 1995; Jomon jidai sosoki, 1996; см. Боднев, 2001). Их хронология и природная среда в настоящее время достаточно хорошо изучены (Taniguchi, 2002). Начальный дзёмон делится на фазы; керамика первой фазы не имеет орнамента, вторая фаза характеризуется выпуклым рельефным орнаментом. Наиболее важными для изучения вопроса о начале неолита в Японии являются датированные по ^{14}C памятники первой фазы начального дзёмона – Одай Ямамото 1 и Китахара. Из памятников второй фазы начального дзёмона наиболее важны Токумару Наката, пещера Фукуи, Накадзима Б, Сейкосансу Б и Камикуроива (слой 9) (рис.).

Хронология первой и второй фаз начального дзёмона представлена в таблице; в целом первая фаза датируется 13400–12700 л. н.; вторая фаза – 12700–11400 л. н. Таким образом, в настоящее время стало очевидно, что возникновение керамики в Японии *произошло еще до начала* резких и быстрых изменений природной среды в позднеледниковье (начиная с 12700–12500 л. н.) – похолодания ранний дриас и потепления бёллинг (Taniguchi, 2002).

Для стоянки Одай Ямамото 1 осреднение дат по слою 3 (Beta–125550; NUTA–6515, 6507, 6509) и слою 4 (NUTA–6510, 6506), по методу О. Лонга и Б. Риппето (Long, Rippeteau, 1974), дает следующие значения – слой 3: 13070 ± 60 л. н.; слой 4: 13050 ± 110 л. н. (Kuzmin, Keally, 2001). Я. Танигучи (Taniguchi, 2002) считает, что наиболее надежными являются даты NUTA–6510 и NUTA–6507. Их осреднение (даты получены по нагару на фрагментах керамики от одного сосуда) дает величину 13400 ± 120 л. н. Таким образом, можно считать, что возраст стоянки Одай Ямамото 1 около 13400–13100 л. н. Важным критерием достоверности этих дат является их стратиграфическое соответствие датам ^{14}C перекрывающего культурный слой горизонта тефры Товада-Хачиное – от 13080 ± 60 л. н. (GX–25811) до 12380 ± 110 л. н. (GX–23136) (Taniguchi, Kawaguchi, 2001).

Данные о природной среде первой фазы начального дзёмона немногочисленны. Находки остатков древесины под слоем тефры Товада-Хачиное на севере о. Хонсю свидетельствуют о произрастании около 13000–12400 л. н. хвойных пород: ели, лиственницы и пихты. В регионе Канто близ г. Токио около 13600 л. н. в составе растительности также доминировали хвойные породы (ель, сосна, пихта, тсуга, лиственница) (Taniguchi, 2002).

По результатам изучения колонок донных осадков прилегающих к Японии морей, начало потепления вод Японского моря после максимума последнего оледенения (20000–18000 л. н.) датируется 16000–15000 л. н. (Верховская и др., 1992; Morley et al., 1986; 1991; Morley, Heusser, 1989; Heusser, 1990; Oba et al., 1991; Gorbarenko, Southon, 2000). В позднеледниковье в растительном покрове Японии происходило постепенное замещение хвойных лесов широколиственными на о. Хонсю; на о. Хоккайдо в интервале 14000–10000 л. н. тундровая и лесотундровая растительность была замещена хвойными лесами из ели и сосны с примесью дуба.

По результатам изучения континентальных осадков Японских островов установлено, что около 13000 л. н. началось быстрое потепление (Sakaguchi, 1978, 1989; Tsukada, 1986), выразившееся, в частности, в усилении роли теплолюбивого подрода дуба *Lepidobalanus* южнее 40° с.ш. (Tsukada, 1988). В позднеледниковье на о. Хонсю происходило замещение хвойных пород широколиственными, в том числе и такими теплолюбивыми, как бук (Tsukada, 1986. P. 28–31; Верховская и др., 1992). На о. Хоккайдо в период 12000–8000 л. н. хвойные леса были замещены смешанными хвойно-широколиственными лесами; около 11800–10000 л. н. отмечено существенное похолодание ("стадиал кенбучи"), сопоставляемое с поздним дриасом (Igarashi et al., 1993).

Памятники начального дзёмона чрезвычайно бедны остатками растений и животных. В связи с этим очень важной является находка костей кеты (*Oncorhynchus keta* Walbaum) на стоянке Маеда Кочи близ г. Токио, датированной по ^{14}C около 13000 л. н. (Keally, Miyazaki, 1986). Обнаружено около 9700 зубов, ребер и позвонков, что соответствует примерно 60–80 взрослым особям дли-

ной до 1 м (Matsui, 1995, 1996). Данный факт является древнейшим прямым свидетельством рыболовства в дзёмоне. На стоянке обнаружено около 20 фрагментов неорнаментированной керамики, по которым можно реконструировать сосуд диаметром на уровне венчика около 20 см (Jomon jidai sosoki, 1996). Возможно, керамическая тара использовалась при заготовки лососевых рыб.

При датировании по ^{14}C пищевого нагара на керамике ряда памятников начального дзёмона была измерена величина $\delta^{13}C$, позволяющая установить, какого типа пища готовилась в сосуде – животная (наземная или морская) или растительная (см. Herz, Garrison, 1998. P. 287). Значение $\delta^{13}C$ для памятников Одай Ямамото 1 и Китахара составило от –23.4‰ (промилле) до –31.9‰ (Taniguchi, 2002), что соответствует растениям с фотосинтезом по типу C_3, т.е. наиболее распространенным в Японии. Таким образом, можно достаточно уверенно считать, что в сосудах варилась растительная пища.

Я. Танигучи (Taniguchi, 2002) считает, что носители первой фазы начального дзёмона обитали в достаточно суровых климатических условиях похолодания (ранний дриас) около 13400–12700 л. н. (16700–14600 календарных л. н.), и использовали керамические сосуды для варки пищи. Носители второй фазы, которые существовали на юге Японских островов в более теплых условиях около 12700–11400 л. н. (потепления бёллинг и аллерёд), использовали керамику для приготовления в пищу семян и плодов растений – варки и вымачивания желудей, каштанов и орехов. Распространение памятников второй фазы с юга архипелага в центральные и северные районы о. Хонсю, видимо, отражает процесс расширения ареала широколиственных пород (Taniguchi, 2002), начавшийся около 13000 л. н.

ЮЖНЫЙ КИТАЙ

Под южным Китаем понимается территория к югу от р. Янцзы; именно здесь сосредоточены наиболее ранние неолитические памятники Китая – Мяоян, Сяньчжэньдун, Ючаньан (рис.). В литературе кратко упоминается также ряд других ранних памятников с керамикой: Льюжуй с датой около 12000 л. н. (Zhang F., 2000); Пиньгба с датой около 13300 л. н. и Фейфушань с датой около 12900 л. н. (Dai et al., 1990).

Даты начального неолита южного Китая, приведенные к величине полураспада изотопа ^{14}C, равной 5568 лет, представлены в таблице. В нее намеренно не включен ряд более древних дат. Так, для памятника Сяньчжэньдун известны даты 14185 ± 290 л. н. (BA93181) (зона 3B1) и 15180 ± 90 л. н. (UCR–3300) (зона 3); из залегающей стратиграфически выше зоны 3C1B получена дата 17420 ± 130 л. н. (AA–15008) (MacNeish et al., 1995; MacNeish, Taylor, 1995). По мнению Ч. Чжана (Zhang C., 1999. P. 6, 7), наиболее достоверной является дата 12430 ± 80 л. н. (UCR–3561). Т. Л.-Д. Лю (Lu, 1999. P. 95) оценивает возраст древнейшего неолитического слоя стоянки Сяньчжэньдун около 13000 л. н.

Необходимо отметить, что значительно удревненные даты ^{14}C древнейшего неолита юга Китая давно привлекли внимание специалистов (An, 1989). Вероятно, основной проблемой стоянки Сяньчжэньдун является сильное нарушение слоев финала палеолита – начала неолита и переотложение материала, что подтверждается инверсией возраста в зоне 3C1B. Таким образом, в настоящий момент следует признать дату около 12400 л. н. как наиболее надежную для начального неолита на этом памятнике (см. Кузьмин, 2002).

Для памятников Мяоян и Ючаньан получен ряд дат ^{14}C по органическому веществу в керамике (таблица). Обращает на себя внимание, что дата по растворимым в щелочи гуминовым кислотам из керамики стоянки Ючаньан существенно (на 2500 лет) моложе даты, полученной по нерастворимой в щелочи органике (Zhao, Wu, 2000). Для памятника Мяоян даты этих двух фракций практически совпадают. Из описания датированной керамики следует, что в ней отсутствует органический отощитель (в виде травы или навоза), и степень соответствия возраста органики времени изготовления керамики неясна.

Керамика на памятнике Мяоян найдена в средней части слоя 5 (Yuan et al., 1995. P. 248). Из нижней части слоя 5 по углю получена дата 17610 ± 320 л. н. (BA92036–1). Таким образом, ранние даты неолитического слоя, полученные по органике из керамики 15220–12120 л. н., в целом не противоречат общей картине. Однако до выяснения природы датированного органического вещества следует считать наиболее надежной дату, полученную по углю – 13310 ± 270 л. н. То же самое можно сказать о стоянке Ючаньан – наиболее надежной является дата 13680 ± 270 л. н.

Таким образом, после критического анализа хронологии по ^{14}C начального неолита южного Китая следует признать, что появление керамики датируется здесь около 13700–13300 л. н. (17200–14700 календарных л. н.). Археологические данные говорят о том, что основными отраслями хозяйства в это время были охота, рыболовство и собирательство (Lu, 1999).

Потепление на юге Китая началось около 15000–14000 л. н. (Wei et al., 1998; Lu, 1999. P. 69). Палеогеографические данные по памятнику Сяньчжэньдун свидетельствуют о сухом климате и значительной роли ивы в составе растительности около 13000 л. н. (Wang et al., 1995). Около

11000 л. н. возросла роль сосны; климат стал более теплым. Общие палеогеографические данные по позднеледниковью юга Китая свидетельствуют о растительности смешанных листопадных и вечнозеленых лесов с преобладанием дуба, сосны, вяза, березы, каштана около 12000–11000 л. н.; климат был несколько холоднее современного (Liu et al., 1992). В целом около 12000 л. н. к югу от р. Янцзы доминировали леса умеренного типа с участием хвойных пород (Winkler, Wang, 1993). Усиление роли хвойных пород и листопадных широколиственных пород около 11000 л. н. было сопоставлено с похолоданием поздний дриас (Liu et al., 1992), что подтвердилось в дальнейшем (Wei et al., 1998; Zhou et al., 2001). Таким образом, появление керамики на юге Китая около 13000 л. н. *предшествовало* похолоданию поздний дриас. Около 10000 л. н. в низовьях р. Янцзы произрастали смешанные листопадные и вечнозеленые леса (Ren, Beug, 2002).

На основании приведенных выше данных можно придти к следующим выводам.

Производство керамики возникло в Восточной Азии в позднеледниковое время, около 14000–13000 л. н. (17000–14500 календарных л. н.), ранее, чем в других регионах Старого и Нового Света. В настоящий момент можно выделить три центра возникновения керамики – Японские острова, долина р. Амур и южные районы Китая. Археологические данные (см. Kuzmin, Keally, 2001; Taniguchi, 2002) дают основание считать, что керамика возникла в указанных центрах *независимо друг от друга*. В позднеледниковье (около 14000–10000 л. н.) в Восточной Азии параллельно с культурами начального неолита продолжали существовать культуры финального палеолита (см. Кузьмин, 1998. С. 85–89; Zhang C., 1999; Zhang F., 2000; Zhang S., 2001; Ono et al., 2002). Это свидетельствует о том, что керамическая посуда становилась частью материальной культуры постепенно.

Природным фоном возникновения керамики было постепенное потепление климата, а также появление в составе растительности древесных элементов в северных регионах (Приамурье и север о. Хонсю) и замещение хвойных пород широколиственными в южных регионах (центр и юг о. Хонсю; о-ва Кюсю и Сикоку; нижнее течение р. Янцзы). Важным обстоятельством является то, что керамика появляется в Восточной Азии еще *до начала* значительных изменений природной среды в позднеледниковье; следовательно, природная среда не была единственным определяющим фактором в процессе возникновения керамики.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что постепенное увеличение разнообразия растительных пищевых ресурсов (плоды дуба, каштана, маньчжурского ореха, ленщины), а также интенсификация речного рыболовства (в том числе лососевых пород), были одними из важных факторов возникновения керамики. Очевидно, что древнейшие в Восточной Азии керамические емкости использовались для варки и других видов обработки растительной и животной пищи.

За помощь в подготовке обзора автор выражает благодарность Я. Танигучи и Ч.Т. Килли (Токио, Япония), С. Канеру (Норидж, Великобритания), Ф. Икава-Смит (Монреаль, Канада), М. Будья (Любляна, Словения), П. Вейс (Оксфорд, Великобритания), Ч. Чжану (Пекин, КНР).

Данная работа поддержана грантом РГНФ № 02-01-15011; грантами РФФИ № 96-06-80688, 99-06-80348, 02-06-85638 и 02-06-07015; грантом Фонда Японии (1996); грантом Министерства образования, науки, культуры и спорта Японии (2003).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Боднев И.А. Ранние керамические комплексы Японии // Исследования молодых ученых в области археологии и этнографии. Новосибирск, 2001.

Верховская Н.Б., Горбаренко С.А., Черепанова М.В. Изменения природной среды юга Японского моря и прилегающей суши в конце плейстоцена – голоцене // Тихоокеанская геология. 1992. № 2.

Деревянко А.П., Медведев В.Е. Исследования поселения Гася (предварительные результаты, 1980 г.). Новосибирск, 1993.

Деревянко А.П., Медведев В.Е. Исследования поселения Гася (предварительные результаты, 1986–1987 гг.). Новосибирск, 1994.

Джалл Э.Дж.Т., Бурр Дж.С., Деревянко А.П. и др. Радиоуглеродная хронология перехода от палеолита к неолиту в Приамурье (Дальний Восток России) // Современные проблемы евразийского палеолитоведения. Новосибирск, 2001.

Джалл Э.Дж.Т., О'Малли Ж.М., Биддульф Д.Л. и др. Радиоуглеродная хронология древнейших неолитических культур юга Дальнего Востока России и Забайкалья по результатам прямого датирования керамики методом ускорительной масс-спектрометрии // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Т. 2. Новосибирск, 1998.

Климин М.А., Кузьмин Я.В., Базарова В.Б. и др. Стратиграфия и хронология отложений болота Гур (Нижнее Приамурье) // Регионы нового освоения: состояние, потенциал, перспективы в начале третьего тысячелетия. Т. 1. Владивосток; Хабаровск, 2002.

Кузьмин Я.В. Радиоуглеродная хронология эпохи камня юга Дальнего Востока России и сопредельных территорий Северо-Восточной Азии // Радиоуглеродная хронология древних культур каменного века Северо-Восточной Азии. Владивосток, 1998.

Кузьмин Я.В. Изучение древнейшей в мире керамики и начало неолита в Евразии (обзор международных

симпозиумов в Великобритании и Словении, 2001 г.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 4.

Кузьмин Я.В., Чернюк А.В., Лихолат В.К. Палеоэкология неолита Нижнего Приамурья (Дальний Восток России) // Экология древних и современных обществ. Тюмень, 1999.

Медведев В.Е. К проблеме начального и раннего неолита на Нижнем Амуре // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. Новосибирск, 1995.

Неолит Северной Евразии. М., 1996.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Громатухинская культура. Новосибирск, 1977.

Окладников А.П., Медведев В.Е. Исследование многослойного поселения Гася на Нижнем Амуре // Известия СО АН СССР. 1983. Сер. обществ. наук. Вып. 1.

Шевкомуд И.Я. Керамика начального неолита Приамурья // Россия и АТР. 1998. № 1.

Шевкомуд И.Я., Чернюк А.В., Кузьмин Я.В. Стратиграфия, хронология, палеогеографическая реконструкция обстановки финального плейстоцен–голоцена Хехцирского геоархеологического района // Четвертичные отложения юга Дальнего Востока и сопредельных территорий. Хабаровск, 2001.

Aikens C.M. First in the World: the Jomon pottery of early Japan // The emergence of pottery: technology and innovation in ancient societies. Washington, DC & London, 1995.

An Z. Application of ^{14}C dating to the Early Neolithic in South China // Di Si Yanjiu [Quaternary Studies]. 1989. № 2 (in Chinese with English Abstract).

Barnes G.L. The rise of civilization in East Asia: the archaeology of China, Korea and Japan. London, 1999.

Chang K.-C. The archaeology of ancient China. New Haven, CT & London, 1986.

Chang K.-C. China // Chronologies in Old World archaeology. V. 2. Chicago, 1992.

Dai K., Qian Y., Zhang Z. ^{14}C dating and archaeology in China // PACT. 1990. V. 29.

Derevianko A.P., Kuzmin Y.V., Jull A.J.T., et al. AMS ^{14}C age of the earliest pottery from the Russian Far East: 1996–2002 results // Abstracts of the 9-th International Conference on Accelerator Mass Spectrometry (AMS). Nagoya, 2002.

Derevianko A. P., Medvedev V. E. The Amur River basin as one of the earliest centers of ceramics in the Far East // The origin of ceramics in the East Asia and the Far East. Abstracts of International Symposium. Sendai, 1995.

Gorbarenko S.A., Southon J. P. Detailed Japan Sea paleoceanography during the last 25 kyr: constraints from AMS dating and $\delta^{18}O$ of planktonic foraminifera // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. 2000. V. 156. № 3–4.

Herz N., Garrison E.G. Geological methods for archaeology. New York, 1998.

Heusser L.E. Northeast Asian pollen records for the last 150.000 years from deep-sea cores V28–304 and PC14–99 taken off the Pacific coast of Japan // Review of Palaeobotany and Palynology. 1990. V. 65. № 1.

Igarashi Y., Igarashi T., Daimaru H. et al. Vegetation history of Kenbuchi Basin and Furano Basin in Hokkaido, North Japan, since 32.000 yrs BP // Daiyonki Kenkyu [The Quaternary Research]. 1993. V. 32. № 2 (in Japanese with English Abstract).

Jomon jidai sosoki [The Incipient Jomon of Japan]. Yokohama, 1996 (in Japanese).

Kajiwara H. The transitional period of Pleistocene-Holocene in Siberia and the Russian Far East in terms of the origin of pottery // Proceedings of the Symposium on the comparative archaeology of the Pleistocene-Holocene transition. Sakura, 1998.

Keally C. T., Miyazaki H. A terminal Pleistocene salmon-fishing and lithic worksite at Maeda Kochi, Tokyo, Japan // Current Research in the Pleistocene. 1986. V. 3.

Kuzmin Y.V., Hall S., Tite M.S. et al. Radiocarbon and thermoluminescence dating of the pottery from Early Neolithic site of Gasya (Russian Far East): initial results // Quaternary Science Reviews. 2001. V. 20.

Kuzmin Y.V., Jull A.J.T., Lapshina Z.S., Medvedev V.E. Radiocarbon AMS dating of the ancient sites with earliest pottery from the Russian Far East // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research, Section B: Beam Interaction with Materials and Atoms. 1997. V. 123.

Kuzmin Y.V., Keally C.T. Radiocarbon chronology of the earliest Neolithic sites in East Asia // Radiocarbon. 2001. V. 43. № 2B.

Liu K.-B., Sun S., Jiang X. Environmental change in the Yangtze River delta since 12.000 years B.P. // Quaternary Research. 1992. V. 38. № 1.

Long A., Rippeteau B. Testing contemporaneity and averaging radiocarbon dates // American Antiquity. 1974. V. 39. № 2.

Lu T. L.-D. The transition from foraging to farming and the origin of agriculture in China // BAR. 1999. International Series. № 774.

MacNeish R.S., Marino B., Lin G. et al. Isotopic analysis to determine ancient diet in the Neolithic-Epipaleolithic of China // Origins of rice agriculture: the preliminary report of the Sino-American Jiangxi (PRC) Project SAJOR. El Paso, TX, 1995.

MacNeish R.S., Taylor R.E. Chronometrics // Origins of rice agriculture: the preliminary report of the Sino-American Jiangxi (PRC) Project SAJOR. El Paso, TX, 1995.

Matsui A. Postglacial hunter-gatherers in the Japanese Archipelago: maritime adaptations // Man and sea in the Mesolithic. Oxford, 1995.

Matsui A. Archaeological investigations of anadromous salmonid fishing in Japan // World Archaeology. 1996. V. 27. № 3.

Morlan R. E. Chronometric dating in Japan // Arctic Anthropology. 1967. V. 4. № 2.

Morley J.J., Heusser L.E. Late Quaternary atmospheric and oceanographic variations in the Western Pacific inferred from pollen and radiolarian analyses // Quaternary Science Reviews. 1989. V. 8.

Morley J.J., Heusser L.E., Sarro T. Latest Pleistocene and Holocene palaeoenvironment of Japan and its marginal seas // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. 1986. V. 53.

Morley J.J., Heusser L.E., Shackleton N.J. Late Pleistocene / Holocene radiolarian and pollen records from sediments in the Sea of Okhotsk // Paleoceanography. 1991. V. 6. № 1.

Nakamura T., Taniguchi Y., Tsuji S., Oda H. Radiocarbon dating of charred residues on the earliest pottery // Radiocarbon. 2001. V. 43. № 2B.

Oba T., Kato M., Kitazato H. et al. Paleoenvironmental changes in the Japan Sea during the last 85.000 years // Paleoceanography. 1991. V. 6. № 4.

Ono A., Sato H., Tsutsumi T., Kudo Y. Radiocarbon dates and archaeology of the Late Pleistocene in the Japanese Islands // Radiocarbon. 2002. V. 44. № 2.

Ren G., Beug H.-J. Mapping Holocene pollen data and vegetation of China // Quaternary Science Reviews. 2002. V. 21.

Sakaguchi Y. Climatic changes in central Japan since 38.400 yr BP – viewed from palynological study on Ozegahara deposits // Bulletin of the Department of Geography, University of Tokyo. 1978. № 10.

Sakaguchi Y. Some pollen records from Hokkaido and Sakhalin // Bulletin of the Department of Geography, University of Tokyo. 1989. № 21.

Stuiver M., Reimer P.J. Extended ^{14}C data base and revised CALIB 3.0 ^{14}C age calibration program // Radiocarbon. 1993. V. 35. № 1.

Stuiver M., Reimer P.J., Bard E. et al. INTCAL98 radiocarbon age calibration, 24.000 – 0 cal BP // Radiocarbon. 1998. V. 40. № 3.

Taniguchi Y. Dating of the oldest pottery culture in Japan and the Far East // Kokugakuin Daigaku Kokogaku Shiryokan Kiyo [Memoir of the Museum of Archaeology, Kokugakuin University]. 2002. № 18 (in Japanese).

Taniguchi Y., Kawaguchi J. ^{14}C ages and calibrated dates of the oldest pottery culture in the Chojakubo-Mikoshiba period // Daiyonki Kenkyu [The Quaternary Research]. 2001. V. 40. № 6 (in Japanese with English Abstract).

Tsukada M. Vegetation in prehistoric Japan: the last 20.000 years // Windows on the Japanese past: studies in archaeology and prehistory. Ann Arbor, MI, 1986.

Tsukada M. Japan // Vegetation history. Dordrecht, 1988.

Wang X., Qinhua J., MacNeish R.S. Palynology and paleo-climate in the Dayuan Basin // Origins of rice agriculture: the preliminary report of the Sino-American Jiangxi (PRC) Project SAJOR. El Paso, TX, 1995.

Wei K.-Y., Lee M.-Y., Duan W. et al. Palaeoceanographic change in the northeastern South China Sea during the last 15000 years // J. Quaternary Science. 1998. V. 13. № 1.

Winkler M.G., Wang P.K. The Late-Quaternary vegetation and climate of China // Global climates since the Last Glacial Maximum. Minneapolis, MN, 1993.

Yuan S., Zhou G., Guo Z. et al. ^{14}C AMS dating the transition from the Paleolithic to the Neolithic in Southern China // Radiocarbon. 1995. V. 37. № 2.

Zhang C. The Mesolithic and the Neolithic in China // Documenta Praehistorica. 1999. V. 26.

Zhang F. The Mesolithic in south China // Documenta Praehistorica. 2000. V. 27.

Zhang S. The Epipaleolithic in China // Journal of East Asian Archaeology. 2001. V. 2. № 1–2.

Zhao C., Wu X. The dating of Chinese early pottery and a discussion of some related problems // Documenta Praehistorica. 2000. V. 27.

Zhou W., Head M.J., An Z. et al. Terrestrial evidence for a spatial structure of tropic–polar interconnections during the Younger Dryas episode // Earth and Planetary Science Letters. 2001. V. 191.

The emergence of pottery in East Asia (Geoarchaeological aspect)

Ya.V. Kuz'min

Summary

The emergence of pottery in East Asia manifests the beginning of the Neolithic, and occurred during the Late Glacial [general range of 15.000–10.000 radiocarbon years ago (BP)], in three regions: 1) the Japanese Islands; 2) the Amur River basin; and 3) Southern China. The pottery from these three centers is quite different. Thus, we can assume that pottery appeared in these regions independently and approximately at the same time, ca. 14.000–13.000 BP (ca. 17.000–14.500 calendar years ago). This is the oldest pottery in the Old World found so far. The earlier dates from several Neolithic sites in southern China, Xianrendong, Miaoyan, and Yuchanyan (ca. 15.000 BP), need to be confirmed. Using radiocarbon and paleoenvironmental data, it has been established that pottery making technology appeared before the rapid and sharp climatic changes of the Late Glacial, such as the Oldest Dryas cooling and the Bølling warming. The general natural background for the emergence of pottery in East Asia was a gradual warming and an increase of broadleaved tree species, with abundant nut and seed resources. The earliest ceramic vessels in Japan and the Amur River basin were used mainly for cooking vegetable and meat foods, and possibly for processing fish.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 2, с. 87–95

ДИСКУССИИ

ПРЕДМЕТНАЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА: ЕЕ ПРИРОДА И СОДЕРЖАНИЕ

© 2004 г. Ю. Б. Цетлин

Институт археологии РАН, Москва

Столь широкое название статьи нуждается в пояснении. Основной целью ее является попытка разобраться в том, какие изображения встречаются на поверхности глиняных сосудов, и какое место среди них может быть отведено орнаменту. Однако рассмотреть этот вопрос невозможно, если не опираться на некие общие представления об изображениях, сделанных вообще на любых предметах материальной культуры, т.е. на некую методологию изучения предметной изобразительной деятельности человека. Ни для кого не секрет, что такой методологии пока нет. Есть многочисленные частные наблюдения исследователей, имеющие методологический характер, но они не приведены в систему. Поэтому представляется целесообразным обсудить здесь ряд общих вопросов, связанных выяснением того, что собой представляет "предметная изобразительная деятельность человека" (включающая орнамент на посуде) и "традиции" такой деятельности.

Поскольку ответить на этот вопрос уже пытались многие выдающиеся исследователи прошлого, сначала рассмотрим, к каким выводам они пришли, резюмируем их наблюдения и попытаемся представить современные знания об орнаменте в виде некой целостной системы.

Прежде всего следует еще раз подчеркнуть, что орнамент представляет собой сложное и многогранное явление человеческой культуры. Разнообразные представления по этому вопросу могут быть сведены к **четырем основным точкам зрения** на содержание понятия орнамент, которые в большой мере перекликаются со взглядами на источники его происхождения. Эти точки зрения следующие.

Во-первых. Была высказана точка зрения (которой придерживались Л.К. Попов. Э. Гроссе, С. Рейнак, Л.Я. Штернберг, М.В. Воеводский и другие исследователи), что орнамент представляет собой материализованное выражение существовавших в древнем обществе "магических" представлений, т.е. символическую форму отражения древним человеком окружавшей его действительности (Свод... 1991. С. 96–99). Таким образом, эти исследователи во главу угла ставили, если можно так выразиться, "мировоззренческие" стороны орнамента. Это первая точка зрения.

Во-вторых. Часть ученых (Г. Осборн, Е. Стефан, Г. Шурц и другие) придерживались взгляда, который впервые был, вероятно, сформулирован великими философами античной Греции – Платоном и Аристотелем. Представители этого направления полагали, что человеку, как особому биологическому виду, изначально свойственно врожденное чувство "прекрасного", которое, соответственно, имеет биологическую, а не социальную природу. И именно это инстинктивное чувство "прекрасного" и стремление к "прекрасному" явились тем объективным фундаментом, на котором у древнего человека сформировалось желание украшать себя и свои изделия, т.е. сформировался орнамент как особое направление изобразительного искусства (Свод... 1991. С. 96–99).

К этой же группе следует отнести и тех исследователей, которые рассматривали орнамент как материализованное выражение также внутренне присущего древнему человеку чувства "ритма", которое было многократно развито необходимой ритмичностью практически любых, осуществляемых человеком, трудовых операций (Бюхер, 1923; Филиппов, 1937).

В-третьих. Многие исследователи придерживались взгляда, впервые высказанного, вероятно, немецкими историками культуры, а в русской литературе кн. П. Путятиным (1886) об орнаменте как особой форме древнего "письма". Позднее эта точка зрения была поддержана Н.Я. Марром (1930) и сильно развита Ю.М. Лотманом (1970) и его учениками (Тартусская школа). Эти исследователи рассматривали орнамент как специальное средство для сохранения и передачи важной информации от человека к человеку.

И, наконец, в-четвертых, помимо отмеченных выше, имеется еще достаточно обширная группа исследователей, которые считают, что древний орнамент являлся результатом "подражания" ("копирования") такому внешнему облику изделий, который первоначально возникал в результате использования особых технических средств во время создания изделия или при последующей обработке его поверхности. В частности, сторонники

так называемой "плектогенной" теории полагают, что орнамент на посуде появился в результате лепки сосудов в плетеных емкостях. Родоначальником этого взгляда был немецкий архитектор Г. Земпер, который высказал его в 60-е годы XIX в. (Земпер, 1970). Итак, согласно этой последней теории, орнаменты первоначально возникают, если можно так выразиться, на "технической" или "технологической" основе.

Таким образом, резюмируя все эти мнения можно заключить следующее:

1. Орнамент - это символическое отражение человеком окружающей его действительности.

2. Орнамент – это особая форма "письма" (или "язык") или, если брать более широко, особое средство передачи той или иной информации.

3. Причиной появления орнамента могло быть: а) врожденное чувство прекрасного у человека; б) ритмический характер большинства трудовых операций и в) подражание необычному облику поверхности, который возник на "технико-технологической" основе, т.е. в процессе изготовления предмета.

Помимо этого можно считать установленным и многократно доказанным на этнографическом материале, во-первых, то, что с течением времени функция орнамента может меняться, постепенно утрачивая свою семантическую и приобретая чисто эстетическую (декоративную) функцию, во-вторых, что орнамент имеет некие специфические особенности у разных этнических и социальных групп населения.

Все отмеченные различия в трактовке орнамента разными исследователями нельзя рассматривать в том смысле, что одни из них правильные, а другие – ошибочные. На самом деле совершенно очевидно, что все эти различия отражают разные стороны орнамента как сложного культурно-исторического явления. Просто, в силу тех или иных конкретных причин каждый исследователь обращал внимание на ту сторону орнамента, которая казалась ему (при данных обстоятельствах) наиболее существенной или которая была в тот момент непосредственным объектом его внимания.

Задача охватить в едином определении, по возможности, все стороны орнамента очень сложна, так как наши знания о нем продолжают оставаться, с одной стороны, достаточно ограниченными, а с другой – несистематизированными. Однако попытаться это сделать, с моей точки зрения, стоит.

Не вызывает сомнений, что эта задача относится к числу *методологических*, т.е. весьма общих, а выше уже подчеркивалось, что такие задачи нельзя решать на одном частном примере. Поэтому представляется целесообразным рассматривать орнамент, в частности орнамент на глиняной посуде, как часть более широкого историко-культурного явления, каковым является любая *предметная изобразительная деятельность человека.*

В целом систематизация данных об орнаментах привела к необходимости распределения всей имеющейся информации по семи разным тематическим группам:

I группа информации. Многие этнографы сообщают, что племена, находившиеся на этапе родового строя, покрывая изображениями различные предметы материальной культуры, воспроизводили в них тех или иных представителей окружавшего их природного мира. Это делалось, как правило, в реалистической, стилизованной или абстрактной форме. Часто изображалась только часть или какая-то наиболее характерная особенность животного (шкура, рога и т.п.).

Хорошо известно, что охотничьи племена обычно изображали тех животных, которые либо были основой их пропитания, т.е. основными объектами добычи, либо животных, которые по тем или иным причинам были включены в местные культы (Гроссе, 1899; Иванов, 1963).

В более позднюю эпоху у ряда народов получило широкое распространение изображение различных растений (например, персидские и, вообще, восточные мотивы).

Несколько менее широко были распространены изображения человека. Это антропоморфные сосуды, встречающиеся у носителей ряда энеолитических культур Юго-Восточной Европы (Монгайт, 1973. С. 243), или значительно позднее – античная вазопись с многочисленными человеческими изображениями (Блаватский, 1953).

Кроме реальных явлений окружающего мира, в орнаментах часто изображались различные фантастические создания. Примером этого могут служить многочисленные "драконы" на неолитической керамике Китая (Кашина, 1977) или мифические животные на сосудах Центральной Америки доколумбовой эпохи (Башилов, 1972).

Подводя итог рассмотрению этой группы конкретной информации об орнаментах, можно заключить, как уже отмечалось выше, что *орнамент допустимо рассматривать как особый способ отражения человеком окружающего его объективного мира в символической форме. Причем, в орнаментах находят отражение разные стороны этого объективного мира: а) взаимоотношения человека и среды; б) взаимоотношения людей друг с другом; в) взаимоотношения человека с его мистическим миром.*

Таким образом, у первобытных народов разнообразные изображения на предметах материальной культуры, в том числе и орнаменты на глиняных сосудах, отражали те особенности окружающего мира, с которыми он постоянно сталкивался либо в реальной жизни, либо в воображаемом мире религиозных представлений.

II группа информации. Объединяет данные исследований о том, насколько может влиять на особенности древнего орнамента *биологическая природа человека*. Этот вопрос представляет собой часть более общего вопроса – о биологических основах эстетического восприятия человека.

Основной вопрос, который при этом ставится и решается, состоит в выяснении того, является ли *чувство красоты* у человека врожденным или благоприобретенным или, строго говоря, в какой степени оно является тем или иным? История обсуждения этого вопроса насчитывает по меньшей мере два с лишним тысячелетия. Не ставя здесь задачу изложить ее сколько-нибудь полно, отмечу только основные моменты. Для этого воспользуюсь данными, приведенными в трех специальных статьях, где резюмируется как история, так и современное состояние знаний по этой проблеме.

Первая из них принадлежит перу немецкого исследователя, сотрудника Осакского университета в Японии Грегора Пауля "Философские теории прекрасного и научное исследование мозга" (Пауль, 1995). В частности он пишет, что перед тем как к проблеме красоты обратились ученые-естественники, она стала предметом рассмотрения философов, начиная с античности. Так, Платон считал, что красота "обладает чисто внутренней, самостоятельной ценностью", что для нее "свойственны такие особенности, как соразмерная форма, упорядоченность, "истинное изящество" и "изящество сложения", "точность пропорций" и "гибкость форм". Для нас наиболее важно, что, по Платону, "красота вещей определяется свойствами образной целостности". Аристотель также особо подчеркивал "образно-целостную природу прекрасного". Лейбниц считал красоту "чем-то отчетливо-целостным, составные части которого не поддаются ясному разграничению". По Канту и Гегелю, красота определяется соответствием произведений искусства природным явлениям. Г. Пауль относит к числу наиболее важных гипотезу Ницше о "биологической основе наших представлений о прекрасном", ибо она "вплотную приближается к современному взгляду на эстетические оценки как результаты и (или) средства эволюционной адаптации.". Подводя итоги, он приходит к следующим выводам: во-первых, представители идеалистической эстетики трактуют красоту как нечто определяемое преимущественно *содержанием* изображения (линия от Платона до Гегеля); во-вторых, представители так называемой формальной эстетики, напротив, связывают красоту преимущественно с *формой* произведений искусства (Кант, Ницше); в-третьих, сегодня философской эстетикой можно считать доказанной возможность существования "общезначимых эстетических суждений о красоте"; и, в-четвертых, "красоту, по-видимому, определяет слитный образ... т.е. не содержание и не материальный субстрат, а форма" (Пауль, 1995. С. 21). Отсюда следует, что поскольку красота произведений искусства определяется преимущественно *формой* и возможны ее *общезначимые оценки*, то должна существовать *некая объективная и всеобщая биологическая основа суждений о красоте*. В качестве таковой, по его мнению, наиболее вероятно рассматривать "всеобщие свойства человеческого восприятия" (Пауль, 1995. С. 25), т.е. особенности работы мозга.

Рассмотрению современного состояния знаний именно в этой области и посвящена вторая статья, написанная датским исследователем Иренеусом Эйбл-Эйберфельдтом "Биологические основы эстетики" (Эйбл-Эйберфельдт, 1995. С. 29–73). Он приходит к выводу, что эстетическое восприятие действительности избирательно и осуществляется на трех уровнях: 1) "базисном", который присущ всем высшим млекопитающим, 2) "видоспецифичном", т.е. сугубо человеческом и 3) "культурном", характерном для носителей конкретной культуры. На первом уровне проявляется стремление к отысканию в окружающем мире "порядка", "правильности" и "определенных структур", т.е. решается задача самой общей адаптации организмов. На втором уровне действуют общечеловеческие врожденные склонности, такие как "покровительственное отношение к детям и... матерям", т.е. опять речь идет о задаче сохранения вида в целом или конкретного человеческого коллектива. На третьем уровне возникают и начинают проявляться "культуроспецифические" тенденции, которые находят отражение в формировании особых "стилей искусства", свойственных тем или иным народам или эпохам (Эйбл-Эйберфельдт, 1995. С. 52, 53). Здесь особенно важным представляется доказываемый исследователем тезис об *иерархичности* эстетического восприятия.

Третья – статья русских исследователей В.С. Ротенберга и В.В. Аршавского "Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур" (Ротенберг, Аршавский, 1984) рассматривает особенности восприятия объективного мира у разных народов в связи с а) логико-вербальной и б) пространственно-образной асимметрией человеческого мозга. Здесь следует отметить два важных для рассматриваемой темы момента. Первое: по мнению авторов, асимметрия мозга у человека возникла в процессе его эволюционного развития и представляла собой "скачок", приведший к тому, что у человека "возникло только ему свойственное художественное мышление, способность к отражению мира в искусстве" (Ротенберг, Аршавский, 1984. С. 81). Второе: по данным, приведенным этими авторами, примерно 70% населения этнической группы обладает преимущественным (тем или иным) типом мышления. Однако имеются народы, например якуты, где эти типы мышления численно

представлены примерно одинаково (Ротенберг, Аршавский, 1984. С. 85, 86), что скорее всего есть следствие процессов этнокультурного смешения разных по этому признаку групп древнего населения. Вероятно, именно сходство в асимметрии человеческого мозга послужило причиной высокого сходства орнамента на керамике таких групп населения, которые никогда не имели контакта друг с другом, – например трипольской культуры на Украине и культуры яншао в Китае (Киселев, 1960. С. 248). Традиционно такие сходные явления в культуре народов, географически удаленных друг от друга, принято рассматривать как конвергентные, т.е. независимые друг от друга.

Обобщая все приведенные данные, представляется возможным заключить, что, во-первых, человеческое *восприятие* объективного мира подчиняется неким общим закономерностям, которые проявляются на трех иерархических уровнях, во-вторых, предметное *изображение* объективного мира (включая и орнамент) удовлетворяет объективным и универсальным общечеловеческим эстетическим требованиям и оценкам, которые проявляются у разных народов *независимо от своего "содержания", а исключительно благодаря своей "форме"*, в-третьих, особенности *"формы"* этого восприятия в известной мере зависят от реальной *асимметрии человеческого мозга*, что находит свое проявление (хотя и не очень четкое) на этнокультурном уровне.

Таким образом, есть основания думать, что *в орнаменте всегда присутствуют некие проявления действия чисто биологических факторов эстетического восприятия человеком окружающей его действительности.*

III группа информации. Имеются многочисленные этнографические наблюдения, которые указывают на специфичность орнаментов у разных народов и отдельных этнокультурных групп. Литература, содержащая эти данные, столь обширна, что практически не поддается перечислению. Многочисленные фактические доказательства этого тезиса содержатся, например, в исследованиях С.В. Иванова об искусстве в целом и, в частности, об орнаменте народов Сибири (Иванов, 1954; 1961). Хорошо известно так же, что американские индейцы легко определяют племенную принадлежность человека по характерным особенностям декора макасин или одежды (The Native Americans..., 1991). Такая специфика эстетических норм, выработанная в разных коллективах является одной из основ, на которой возникает хорошо известное противопоставление разных этнических групп друг другу по принципу "мы – они" или "свои – чужие" (Поршнев, 1979. С. 73–126).

Столь же общеизвестно, что процесс сложения таких особенностей может быть только очень постепенным. Однако действительные факторы его до сего времени не изучены. Недавно систематизированные мною данные об особенностях культурных традиций в сфере палеолитического искусства (Цетлин, 1998б) позволяют высказать некоторые предположения на этот счет. Дело в том, что картографирование палеолитических памятников с произведениями искусства на территории Евразии выявило группы памятников с достаточно четкими особенностями состава традиций в сфере изобразительного творчества. Одним из наиболее известных и ярких примеров является высочайшая концентрация памятников живописи в Южной Франции и Северной Испании. Не менее любопытен и ярок, возникший в Моравии в верхнем палеолите, очаг производства высокохудожественных изделий из обожженной глины. Можно привести и другие примеры. С концом палеолитической эпохи эти очаги исчезают практически бесследно. В чем же может быть причина возникновения таких очагов древнего искусства, и какие факторы могли влиять на их развитие?

Хорошо известно, что у первобытных народов очень большое место занимал элемент подражания тем или иным действиям. Многочисленные примеры этого можно найти в этнографической литературе (см., например: Тайлор, 1989; Липс, 1954). Кроме того, можно напомнить, что подражание (в форме прямого обучения) является фундаментальным принципом передачи знаний в сфере гончарного производства (Бобринский, 1978. С. 242). Допустимо думать, что в качестве основных объектов любого подражания могли выступать в первобытном обществе прежде всего люди, пользующиеся в нем наибольшим авторитетом, т.е. личности, особо талантливые в том или ином виде деятельности – будь то охота, воинское искусство или искусство изобразительное. Причина появления гениальных людей не имеет пока серьезного объяснения в науке. Однако совершенно очевидно, что как сейчас, так и в древности это было явление достаточно редкое, происходившее всегда неожиданно и без прямой связи с теми или иными экономическими факторами (Лосев, 1998. С. 88). Люди, обладавшие особыми врожденными способностями в том или ином виде искусства, начинали реализовывать эти способности независимо от собственного желания в разных изобразительных формах (музыка, танец, пение), в том числе и предметных изобразительных формах (живопись, графика, скульптура и т.п.). Более того, эта реализация способностей могла сопровождаться теми или иными формами психических отклонений (Ломброзо, 1995), а, как свидетельствует огромное число этнографических фактов, именно люди с такими отклонениями пользовались особенно большим авторитетом в древних обществах, выполняя функции колдунов, шаманов, жрецов и т.п. Совершенно очевидно,

что неординарные произведения искусства, созданные такими людьми, рассматривались как достояние не только их создателя, но и всей той группы, членом которой он являлся. Это должно было обычно происходить именно в силу тех причин, которые были изложены выше, при характеристике второй группы информации. И столь же очевидно, что именно такие выдающиеся творения гениев становились объектом обязательного подражания для других менее талантливых членов того же коллектива. В результате этого личные творческие достижения становились характерными для всего коллектива, а, начав передаваться по наследству следующим поколениям, они постепенно превращались в более или менее устойчивые культурные традиции данного коллектива. В дальнейшем они уже подчинялись всем тем закономерностям поведения в историческом процессе, которые свойственны для культурных традиций, т.е. они контактировали с другими традициями, смешивались, размывались, исчезали и т.д. и т.п. (Цетлин, 1998а). Поэтому произведения искусства, в том числе и *орнамент, допустимо рассматривать как производное от а) субъективной духовной природы человека и б) исторически сформировавшейся объективной духовной культуры конкретного человеческого коллектива (противопоставление коллективов по принципу "мы – они").*

IV группа информации. Эта группа информации объединяет данные о том, каковы *основные способы* изображения в орнаментах того объективного мира, который отразился в человеческом мозгу. Общеизвестен тезис, постоянно встречающийся в научной литературе, о том, что орнамент поражает исследователей *неисчерпаемостью своего разнообразия*. В известной мере, это действительно так. Однако все это разнообразие поддается достаточно четкой организации, что позволяет выделить в нем качественно разные группы.

Прежде всего, по *способам* создания орнамент на посуде разделяется на три основные группы: графический, скульптурный и расписной. Помимо этих трех способов, в гончарстве выделяются еще два (механический и химико-термический), которые нацелены на изменение цвета и общего облика поверхности сосуда. По *темам* орнамент может быть разделен на четыре основные группы: изображения *человека*, *животных*, *растений и знаков*. Изображение мифических существ как правило связано со смешением разных групп: например изображение кентавров. Значительная часть *тем* изображения может быть представлена различно по *степени полноты*, т.е. полным изображением, например, "барана", или только какой-то его части, которая символизирует данное животное, например, "рога". И, наконец, по *манерам* изображения могут быть представлены тремя основными группами: *реалистической, стилизованной и абстрактной*. Уже такое, достаточно общее членение орнаментальных изображений позволяет не только сделать их вполне обозримыми для исследования, но и отметить их существенные особенности у разных групп древнего и современного населения. Не вдаваясь здесь в детали, отмечу только, что в эпоху палеолита на территории Евразии выделяются обширные зоны преимущественного распространения разных способов создания изображения (Цетлин, 1998б), а значительно позднее в эпоху неолита это же проявляется в наличии не менее обширных зон распространения глиняной посуды с расписным и графическим орнаментом (Цетлин, 1996а).

В какой действительно форме происходит отражение мозгом человека окружающего мира, окончательно пока еще не выяснено. Однако основная масса исследователей склоняется к тому, что это может осуществляться в "образной форме", т.е. в человеческом мозгу возникает "образ" действительности, но это не просто образ, а *проанализированный, обобщенный и эмоционально окрашенный образ* (Выготский, 1997. С. 35–62). Следует помнить, что адекватное восприятие окружающего мира, особенно в первобытную эпоху, было основой выживания человека. Поэтому оно всегда должно было быть нацелено на возможно более полный учет содержания воспринимаемого, но, вероятно, не всего, а неких наиболее важных его моментов. Это заключение крайне важно, так как позволяет думать, что восприятие человеком окружающего мира, во-первых, не может не иметь семантическую (т.е., содержательную) нагрузку, во-вторых, определенным образом стилистически оформлено (т.е., представлено в виде некой системы символов).

Для создания предметного изображения окружающего мира человек должен перевести *мысленный образ* в *предметный образ*. И здесь на то, каким будет этот предметный образ, влияет целый комплекс причин, состав которых пока до конца неясен. Судя по приведенным выше данным (I группа информации), не вызывает сомнений, что окружающий человека объективный мир определяет *содержание* изображений, т.е. их семантику. Однако какие причины влияют на стилистику изображений, т.е. на их *форму*, мы пока доподлинно не знаем. Судя по данным, относящимся ко II группе информации, эти причины зависят скорее всего от биологической природы человека и каких-то иных факторов, которые создают то разнообразие изображений (и в частности, орнаментов), о котором шла речь выше.

Данные о тенденциях развития орнаментальной стилистики противоречивы. Есть факты, указывающие на то, что в ряде случаев стилизованные и абстрактные изображения возникают на ос-

нове реалистических (Иванов, 1963. С. 25, 26). Однако анализ палеолитических изображений Евразии показал, что имеется общая тенденция к сокращению во времени доли абстрактных изображений и соответственно росту доли стилизованных и реалистических изображений (Цетлин, 1998б). Скорее всего, поиск какой-то одной универсальной тенденции развития стилистики изображений и орнаментов нельзя признать правомерным.

Таким образом, пока можно только предполагать с известной долей вероятности, что *"семантику" орнаментов определяет окружающий человека объективный мир, а их "стилистику" – некие биологические параметры природы человека, которые, однако проявляются не во всех случаях одинаково, что, вероятно, и создает то разнообразие стилистических форм орнаментов, о котором шла речь выше.*

V группа информации. Помимо уже приведенных, имеются многочисленные этнографические данные, из которых следует, что с помощью произведений изобразительного искусства, в том числе с помощью орнамента, в обществе передавались конкретные сведения самого разного характера. Например, в орнаменте могла быть отражена текущая бытовая информация о числе убитых животных, удачной охоте и т.п. (Липс, 1954. С. 245, 246), предназначенная для своих соплеменников; социальная информация об истории коллектива и его тотемных предках, которая обычно передается молодежи в ходе инициаций (Берндт, Берндт, 1981. С. 325–362, об австралийских племенах; Тэрнер, 1983. С. 79, об африканском племени нгомбе); и, наконец, информация этнокультурного характера о принадлежности человека к тому или иному племени, о чем уже шла речь выше. Число таких фактов при желании можно значительно увеличить.

Все эти данные однозначно свидетельствуют, что *орнамент выполнял функцию передачи информации между индивидами, принадлежащими: а) к одному и тому же коллективу (бытовая информация), б) к разным поколениям (межпоколенная социальная информация) или в) к разным человеческим коллективам (этнокультурная информация),* которая была в первобытном и не только первобытном обществе одной из важнейших.

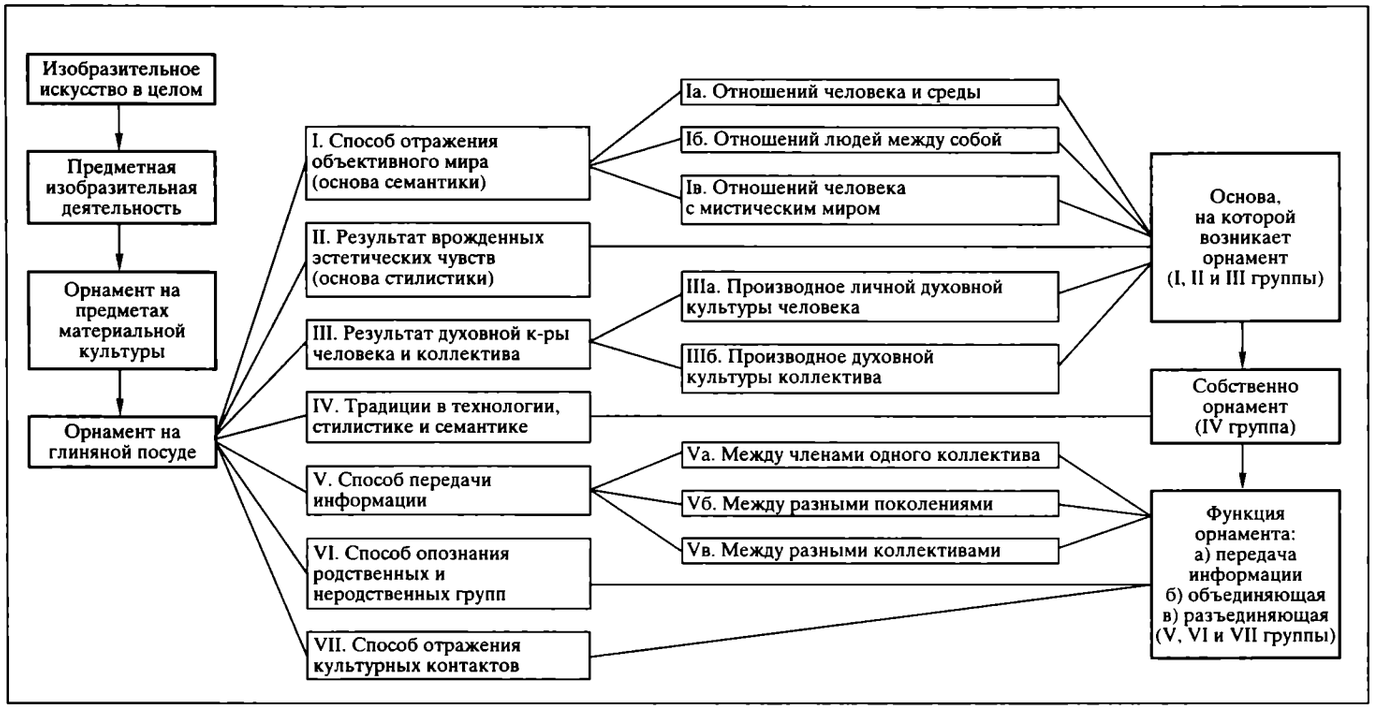
VI группа информации. Имеется огромное количество археологических данных, которые неоспоримо свидетельствуют о том, что орнаменты на посуде разных археологических культур в одних случаях весьма различны между собой (например, на сосудах трипольской и днепро-донецкой культур), а в других случаях, напротив, очень близки (как на сосудах фатьяновской и балановской культур). Причем, как правило, близкие орнаменты имеют синхронные культуры, располагающиеся на соседних территориях и имеющие сходные типы хозяйства (например, верхневолжская и волго-камская; разные культуры с ямочно-гребенчатой керамикой; фатьяновская и балановская; трипольская и культура винча). Эти данные, в сочетании со свидетельствами этнографии о роли орнаментов при различении "своих" и "чужих", т.е. принадлежащих своей или чужой этнической группе, достаточно однозначно свидетельствуют о том, что для эпохи первобытности *орнаменты выполняют функцию объединения родственных индивидов и культурных групп и противопоставления неродственных индивидов и культурных групп.*

Кроме того, допустимо предполагать, что сходство орнаментов на разных уровнях иерархической структуры может отражать разные степени и характер родственности их носителей.

VII группа информации. Данные как этнографии, так и археологии, указывают на то, что те или иные орнаменты конкретной группы населения могут распространяться за ее пределы в другие этнокультурные группы путем разного рода контактов между членами этих групп. Об этом совершенно определенно говорят многочисленные сведения, которые приводятся в исследованиях С.В. Иванова о сибирских орнаментах (Иванов, 1961). Что касается археологических данных, то здесь можно сослаться, например, на результаты изучения технологических и орнаментальных традиций в гончарстве неолитического населения Верхнего Поволжья (Цетлин, 1991; 1996б), которые фиксируют такого же рода контакты между разными в культурном отношении группами древнего населения.

В большинстве случаев подобное попадание отдельных элементов орнамента или целых орнаментальных традиций в инокультурную среду ведет к обогащению последней, т.е. к увеличению культурной неоднородности (культурного разнообразия) данной группы населения. Такие явления неоднократно происходили в истории разных групп древнего населения, что нашло отражение в *пульсирующем* характере процесса развития культурных традиций, в частности, в сфере орнаментации (Цетлин, 1991. С. 114, 115).

Однако само распространение новых орнаментов у инокультурного населения представляет собой, как выяснилось, достаточно сложный и неоднозначный по содержанию процесс. Установлено, что в ходе таких контактов одни детали орнамента изменяются быстрее, а другие в течение долгого времени сохраняются неизменными. Например, этнографические данные свидетельствуют, что при заимствовании некоторыми сибирскими народами инокультурной техники нанесения орнаментов мотивы их оставались прежними (Иванов, 1961). Е.В. Волковой, по материалам эпохи брон-



Тематические группы орнамента и их содержание.

зы центра Восточной Европы, было выяснено, что при смешении разных культурных групп населения наиболее устойчивым компонентом орнамента является "орнаментальный образ", который обычно дольше всего сохраняется неизменным, чего нельзя сказать о других компонентах орнамента (Волкова, 1996. С. 65–69, 73, 74).

Таким образом, мы приходим к заключению, *во-первых, что орнаменты обладают способностью реагировать на возникновение культурных контактов между разными группами населения, что отражается в изменении степени их культурной однородности, и, во-вторых, что разные составляющие орнаментальной системы неодинаково реагируют и изменяются в ходе таких контактов* (Цетлин, 1998а).

Теперь, после рассмотрения разных сторон орнамента как особого историко-культурного явления, попытаемся дать его определение по возможности полно и всесторонне.

Прежде всего следует отметить, что **возникновение орнамента** базируется на трех основных компонентах: 1) окружающем человека объективном мире, который определяет "содержание" орнамента (I группа информации); 2) общей биологической природе человека, определяющей "форму" такого отражения (II группа информации); 3) индивидуальных художественных способностях отдельных людей, которые при благоприятных обстоятельствах формируют культурные традиции в сфере орнаментики целого коллектива (III группа информации).

Действие системы из этих трех структурных компонентов приводит непосредственно к созданию различных видов изображений объективного мира, имеющих определенное *содержание* (или семантику) и определенную *форму* (или стилистику). Одним из множеств таких изображений являются разнообразные орнаменты (см. IV группу информации).

Следующие три структурных компонента характеризуют **функции орнамента в человеческом обществе.** Основной его функцией (как и любой другой предметной изобразительной деятельности) является передача информации между людьми (V группа). Эта информация играет объединяющую функцию в обществе, если она передается между родственными индивидами или коллективами (VI группа), или, напротив, дифференцирующую функцию, когда ею обмениваются неродственные в культурном отношении человеческие коллективы (VII группа).

Итак, первые три компонента характеризуют процесс *формирования* орнаментов в человеческом обществе, четвертый компонент характеризует *сам орнамент как особое изображение объективного или субъективного мира человека*, а три последних компонента характеризуют процесс *бытования* орнаментов в человеческом обществе (рисунок).

При этом непосредственным *объектом изучения* служит прежде всего сам орнамент, а *предметом изучения* могут служить либо первые три компонента, выражающие объективно-субъективную природу орнамента, либо последние три

компонента, которые отражают разные функции орнамента в человеческом обществе. Все это в совокупности, т.е. непосредственный "объект" изучения и два вида "предмета" его изучения составляют содержание общего понятия "орнамент как особый источник исторической информации".

Теперь, наконец, можно сформулировать общее определение орнамента.

Орнамент – это, *во-первых*, особый способ отражения человеком в символической форме разных сторон окружающего его мира, куда относятся а) взаимоотношения человека и среды; б) взаимоотношения людей друг с другом; в) взаимоотношения человека с его мистическим миром;

– *во-вторых*, это способ отражения, который осуществляется на основе действия, с одной стороны, чисто биологических факторов эстетического восприятия человеком окружающей действительности, а с другой стороны, на него влияют а) духовная природа индивида (его талант и склонности) и б) исторически сформировавшаяся духовная культура человеческого коллектива (противопоставление по принципу "мы – они");

– *в-третьих*, это особый способ предметного изображения окружающего мира, которое характеризуется определенным "содержанием" и "формой";

– *в-четвертых*, это особое средство передачи информации в обществе, нацеленное на объединение родственных и различение неродственных индивидов и целых человеческих коллективов.

Все эти стороны орнамента реализуются в обществе в двух формах: *идеальной* и *материальной*. К первой относятся *культурные традиции*, регламентирующие правила создания орнамента, его внешний облик и смысл, а ко второй – *материализованные результаты труда*, т.е. конкретные вещи и предметы, покрытые тем или иным орнаментом. Как уже отмечалось, для непосредственного изучения нам доступна только вторая форма, но поскольку она является результатом действия первой, то может служить основой для ее реконструкции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Башилов В.А. Древние цивилизации Перу и Боливии. М., 1972.

Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев. М., 1981.

Блаватский В.Д. История античной расписной керамики. М., 1953.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.

Бюхер К. Работа и ритм. М., 1923.

Волкова Е.В. Гончарство фатьяновских племен. М., 1996.

Выготский Л.С. Психология искусства. Анализ эстетической реакции. М., 1997.

Гроссе Э. Происхождение искусства. М., 1899.

Земпер Г. Практическая эстетика. М., 1970.

Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. // Тр. ИЭ. 1954. Нов. сер. Т. XXII.

Иванов С.В., 1961. Орнамент. Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961.

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (По материалам XIX – начала XX в.) // Тр. ИЭ. 1963. Т. 81.

Кашина Т.И. Керамика культуры яншао. Новосибирск, 1977.

Киселев С.В. Неолит и бронзовый век Китая // СА, 1960. № 4.

Липс Ю.Е. Происхождение вещей. Из истории культуры человечества. М., 1954.

Ломброзо Ч. Гениальность или помешательство. М., 1995.

Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения. М., 1998.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.

Марр Н.Я. Язык и письмо. Л., 1930.

Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Т. 1. Каменный век. М., 1973.

Пауль Г. Философские теории прекрасного и научное исследование мозга. Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики. М., 1995.

Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979.

Путятин П.А. Орнаментация древнего гончарства // Тр. VI АС. 1886. Т. I.

Ротенберг В.С., Аршавский В.В. Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур // Вопросы философии. 1984. № 4.

Свод этнографических понятий и терминов. Народные знания, фольклор, народное искусство. Вып. 4. М., 1991.

Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.

Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.

Филиппов А.В. Построение орнамента с большим числом вариантов. М. 1937.

Цетлин Ю.Б. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М., 1991.

Цетлин Ю.Б. Общие принципы декорирования древней глиняной посуды (к постановке проблемы) // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996а.

Цетлин Ю.Б. Периодизация истории населения Верхнего Поволжья в эпоху раннего неолита (по данным изучения керамики) // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996б.

Цетлин Ю.Б. Культурные контакты в древности (общая систематика и отражение их в культурных традициях гончаров) // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998а.

Цетлин Ю.Б. О древнейших культурных традициях предметной изобразительной деятельности человека // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998б.

Эйбл-Эйберфельдт И. Биологические основы эстетики // Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики. М., 1995.

The Native Americans. The Indigenous people of North America, "Smithmark". New York, 1991.

Object figurative activity of early man: Nature and matter

Yu. B. Tsetlin

Summary

The nature and the matter of pottery decoration are regarded in the paper as a part of human figurative and object activity. First, the author presents a review of recent notions on decoration and the models of its origin, and a comprehensive consideration of the matter of decoration according to seven thematic groups of information. As a result, the author comes to the conclusion that the first three groups characterise the process of decoration origin, the fourth group characterises ornament as such, and three last groups of information deal with various functions of decoration in human society. Finally, a general definition of decortion is suggested, the author makes an attempt to summarize in it different aspects of the discussed historical and cultural phenomenon.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 2, с. 96–114

ДИСКУССИИ

ФАКТОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
(на примере верхневолжской ранненеолитической культуры)

© 2004 г. А. С. Смирнов

Институт археологии РАН, Москва

Научное исследование имеет ряд обязательных этапов, без которых представляемые ученым выводы не могут считаться доказанными. В лучшем случае они могут предлагаться коллегам в качестве гипотезы, предвидения и тому подобных вероятностных предположений. Эти этапы включают выбор методики исследования и его инструментария, подробное изложение полученных фактов, что и создает фактологическую основу исследования. Только доказав существование тех или иных фактов, исследователь может переходить к этапу их интерпретации, а на заключительном этапе, в приложении к археологии, к историческим обобщениям и реконструкциям.

К сожалению, в археологии у специалистов не всегда имеется возможность объективно представить себе все этапы исследования того или иного памятника, осуществленного их коллегой. Часто в публикациях мы сталкиваемся с изложением исследователем своего видения материала. Особенно в отношении стратиграфического или планиграфического распределения артефактов. Хотя эти данные, являющиеся основой типологических и хронологических построений, должны излагаться максимально полно и, что не менее, если не более важно, максимально объективно.

В большинстве публикаций, особенно касающихся поселенческих памятников, мы имеем дело с авторской интерпретацией. Читатели вынуждены принимать на веру заключения автора о переотложенности материала, отсутствии стратиграфии или же о наличие того или иного количества стратиграфических слоев или горизонтов залегания артефактов, соотношения литологической и археологической стратиграфии.

Хочу сразу подчеркнуть, что автор этой статьи ни в коей мере не ставит под сомнение научную принципиальность кого-либо из своих коллег и далек от мысли видеть какую-либо предвзятость в представляемых ими данных. Более того, сам факт написания этой работы, где автор использовал в качестве исходных данных материалы отчетов и публикаций, говорит о стремлении исследователей полно и объективно представить полученные материалы. И разговор, в данном случае, сводится к обсуждению методики, которая позволяет максимально исключить неадекватное изложение данных.

Любой исследователь имеет то или иное представление о памятнике и полученном материале. При всей объективности, он невольно будет смотреть на ту или иную планиграфическо-стратиграфическую ситуацию на поселении через призму своих представлений о нем, о развитии и эволюции той или иной культуры. Помимо этого неизбежны чисто технические ошибки при фиксации материала, замере глубин, составлении пластовых чертежей и профилей раскопа. В результате представление исследователя о памятнике может отличаться от реального, хотя сам автор раскопок совершенно искренне будет убежден в объективности полученных данных. Это тот случай, когда правда и истина не одно и то же. Понятно, что исторические обобщения, осуществленные на основании подобных "фактов" так же не будут адекватными истине.

Описанная ситуация весьма типична для исследований в области неолита. Как пример можно рассмотреть дискуссию о верхневолжской культуре – ее развитии, этапах, культурном единстве. За последние десятилетия предложена достаточно подробная периодизация этой культуры, охарактеризован ее материал. Традиционно в ее истории выделяются три этапа (Костылева, 1986; 1994) с преобладанием неорнаментированной или накольчато-тычковой керамики на первом этапе, затем с ложношнуровым, прочерченным и коротказубым орнаментом. На заключительном этапе в орнаменте преобладает длиннозубая гребенка, встречаются "гибридная" керамика, сочетающая традиции верхневолжской и льяловской культур (Неолит... 1996. С. 169). Эта периодизация принимается большинством исследователей. Но с момента открытия верхневолжской культуры не утихают споры о соотношении керамики с накольчато-тычковым и гребенчатым орнаментом. Они сводятся к интерпретации этих двух видов орнаментации, в первом случае как к отражению хронологических изменений, во втором – как разнокультурных материалов, которые могут существовать

одновременно (Цетлин, 1996). Помимо этого, присутствует мнение о существовании "волго-окской ранненеолитической культуры", предшествующей верхневолжской культуре, для которой характерна неорнаментированная керамика (Цетлин, 1996. С. 162).

За последние годы появились публикации, где на основании новых данных, в том числе стратиграфических наблюдений, подтверждалась и детализировалась периодизация верхневолжской культуры, предложенная ее первыми исследователями. Сформировалось мнение, что к настоящему моменту имеется ряд чистых комплексов различных этапов верхневолжской культуры (Энговатова, 1998. С. 238–242. Рис. 1), а так же поселения, где в стратифицированном культурном слое представлены все этапы верхневолжской культуры (табл. 1), что снимает с повестки дня вопрос о хронологическом соотношении керамики с накольчато-тычковым и гребенчатым орнаментом. Попытаемся проанализировать материалы исследований этих памятников. Сразу оговоримся, что в данном случае анализировалось распределение только керамики верхневолжской культуры.

Нами использованы материалы памятников, отвечающих как правило двум критериям. Во-первых, это опубликованные памятники. Поэтому автор был вынужден отказаться от анализа поселений – Альба, Золоторучье 3, Караш 3. Во вторых, использовались материалы только тех памятников, которые раскапывались с применением точной трехмерной фиксации материала, т.е. с нанесением на пластовые чертежи места расположения находки с указанием глубины залегания с точностью до сантиметра. Использование подобной методики позволяет применить технологии объективного анализа распределения материала. В связи с этим была исключена стоянка Шадрино 4, так как материал при ее раскопках фиксировался по слоям в 10 см (Крайнов, Костылева, 1988. С. 56–60) и Берендеево 2а (Жилин, Крайнов, 1982. С. 67–73). В результате для анализа отобраны семь памятников: Озерки 5, Озерки 17, Окаемово 5, Окаемово 18, Беливо 2, Давыдковская, Воймежное 1 (табл. 2).

В качестве инструмента исследования использовалась компьютерная программа "Археo", действующая в среде AutoCAD и предназначенная для анализа планиграфического и стратиграфического распределения материала. Детальная характеристика и методика использования программы "Археo" опубликованы (Смирнов, Трифоненков, 1997; Smirnov, 2000), и мы ограничимся лишь кратким описанием.

Программа предназначена для создания компьютерных версий чертежей раскопа, в первую очередь пластовых чертежей, и визуального анализа распределения материала в трехмерной модели раскопа. При создании цифровой версии пластового чертежа условными обозначениями наносятся находки с указанием их признаков, задаваемых пользователем, для каждого предмета указывается глубина его залегания. Программа создает трехмерную модель раскопа, которая при взгляде на ее "строго сверху" дает план расположения находок, неотличимый от традиционных пластовых чертежей. В этом варианте чертеж может использоваться как обычная иллюстрация, например в научных отчетах. Но он служит и для анализа планиграфического распределения материала в соответствии с заложенными пользователем признаками. Рассматривая трехмерную модель "строго сбоку", мы видим распределение материала по вертикали. При этом находки можно проецировать на литологические профили и анализировать стратиграфическое расположение материала. Данная система позволяет фильтровать материал по одному или нескольким критериям – типу находок, их признакам, в том числе и по глубине залегания. После фильтрации пользователь может анализировать распределение материала, обладающее только указанными при-

Таблица 1

Верхневолжская культура (чистые комплексы)		
Ранний этап	Развитый этап	Поздний этап
Озерки 5 (слой 3)	Озерки 5 (слой 2а)	Озерки 5 (слой 2, верх)
Окаемово 5	Озерки 17 (слой 3)	Окаемово 18 (слой 2)
Окаемово 18 (слой 1)	Воймежное 1	Берендеево 2а
Беливо 2		Золоторучье 3
Альба		Караш 3
Давыдковская		
Шадрино 4		

Таблица 2

Верхневолжская культура (чистые комплексы)		
Ранний этап	Развитый этап	Поздний этап
Озерки 5 (слой 3)	Озерки 5 (слой 2а)	Озерки 5 (слой 2, верх)
Окаемово 5	Озерки 17 (слой 3)	Окаемово 18 (слой 2)
Окаемово 18 (слой 1)	Воймежное 1	
Беливо 2		
Давыдковская		

знаками. Программа позволяет "вырезать" любой участок из плана раскопа, отдельный квадрат, часть нескольких квадратов для более детального рассмотрения и анализа.

Используем эту программу для анализа распределения материала на перечисленных в табл. 2 верхневолжских памятниках, начиная с раннего этапа. При этом используется терминология, типология керамики, стратиграфия памятников, предложенные авторами раскопок. Иная интерпретация материала оговаривается особо. Свою задачу автор статьи видел именно в проверке предлагаемых исследователями данных.

Давыдковская стоянка. Открыта в 1968 г. В.В. Сидоровым и раскапывалась им в 1969 г. К сожалению, методика исследования стоянки не позволяет применить программу "Археo". Но исключить этот памятник, с которого нередко начинают характеристику верхневолжской культуры, ее раннего этапа, мы посчитали неоправданным.

В публикации выделяется четыре литологических горизонта (не считая материка). Верхний – черный торф (22–70см) – слой 1, ниже темно-бурый песок (6–15см) – слой 2, в котором залегают "развалы двух сосудов" (ранненеолитических – *А.С.*). Ниже расположена желтая супесь со слабыми признаками ожелезнения (5 см) с находками – 3 слой. Далее заиленный синеватый песок, содержащий находки кремня, но без керамики – слой 4. Вся свита покоится на мелком однородном песке. О процессе формирования пачки слоев в публикации ничего не говорится. Если не считать одной фразы о слое 4 – "заиленный синеватый песок – культурный слой, видимо, не переотложенный" (Сидоров, 1973. С. 148).

Знакомство с отчетом о полевых работах ставит ряд вопросов об однозначно единых условиях залегания материала. В отчете В.В.Сидоров указывает, что раскоп располагался в прибрежной части, так как в отличие от возвышенной части, "полностью распаханной" она хорошо сохранилась, "перекрытая продуктами размыва берега и торфом". В описании стратиграфии, характеризуя второй слой (с керамикой), автор определяет его мощность только в 6–7 см, отмечает "заметную горизонтальную слоистость" и то, что слой "местами уничтожен распашкой" (Сидоров, 1969. С. 5, 6). Подстилает его, по отчету, не "желтая супесь" (как в публикации – *А.С.*), а "желтый сапропель, местами сильно опесчаненный". Характеризуя этот слой, автор категорически заявляет, что он "образовался в результате размыва вышележащей части стоянки, а возможно, и верхней части культурного слоя непосредственно на месте". Далее он недвусмысленно говорит о "перемытых верхних горизонтах" и "непереотложенном нижнем" (Сидоров, 1969. С. 7). Определенная "перемытость" отмечается и для синевой супеси, т.е. нижнего слоя (слой 4 по публикации – *А.С.*). В отчете упомянут слой 5, полностью отсутствующий в статье. Это "ожелезненные линзы песка", под которые частично уходит "пласт синеватого песка с редкими находками".

Раскопки велись методом горизонтальной зачистки "с фиксацией находок в плане". Однако абсолютных глубин залегания не указывалось, находки отмечены на двух пластовых чертежах: горизонты I–II и III–IV. Автор объясняет это тем, что "не всегда удавалось разделить пласты и к тому же верхние горизонты местами оказались уничтоженными. Поэтому мы вынуждены были суммировать в сводном плане находки по бурому и желтому песку и объединить находки из нижней и верхней частей синеватого песка. Но и перемытые верхние горизонты, и непереотложенный нижний слой дали одинаковую картину расположения находок".

Количественных данных о керамике не приводится, лишь сказано, что "в квадрате 10–11 В–Г обнаружен развал двух сосудов, фрагменты их встречались здесь и в нижележащих горизонтах" (Сидоров, 1973. С.146). В отчете автор упоминает о находке в верхнем слое "крупной кости, хотя кость сохраняется на стоянке только горелая, а так же окатанную керамику на стыке 1–2 участков". Автор отмечает находки керамики "и в верхней части синеватого песка" (Сидоров, 1969. С. 7), для которой, как говорилось выше, отмечается "перемытость".

Таким образом, вся обнаруженная керамика окатана. Залегает, в основном в переотложенном слое совместно с поздними находками (неразложившиеся кости), подстилаемом линзами сапропеля, говорящего о затоплении этого участка, которые отделяют верхние слои от собственно непереотложенного культурного слоя стоянки, но также несколько размытого в своей верхней части. В подобной ситуации полной уверенности, что эта керамика связана с кремневым комплексом, нет. Недаром в отчете автор однозначно констатирует "к кремневому инвентарю она (керамика – А.С.) отношения не имеет" (Сидоров, 1969. С. 7). Никакой связи керамики с "размытым очагом" в нижних слоях автор в отчете не фиксирует, и в описании очага о керамике не упоминается.

Коллекция с Давыдковской стоянки хранится в Дмитровском музее. Керамика представлена 75–80 фрагментами, нешифрована. Выглядит очень однородной. В целом оценка автором керамики как ранненеолитической представляется оправданной. Хотя однозначная связь со всем кремневым инвентарем и датировка наиболее ранним этапом верхневолжской культуры основываются только на типологическом анализе. Объективных подтверждений этому нет.

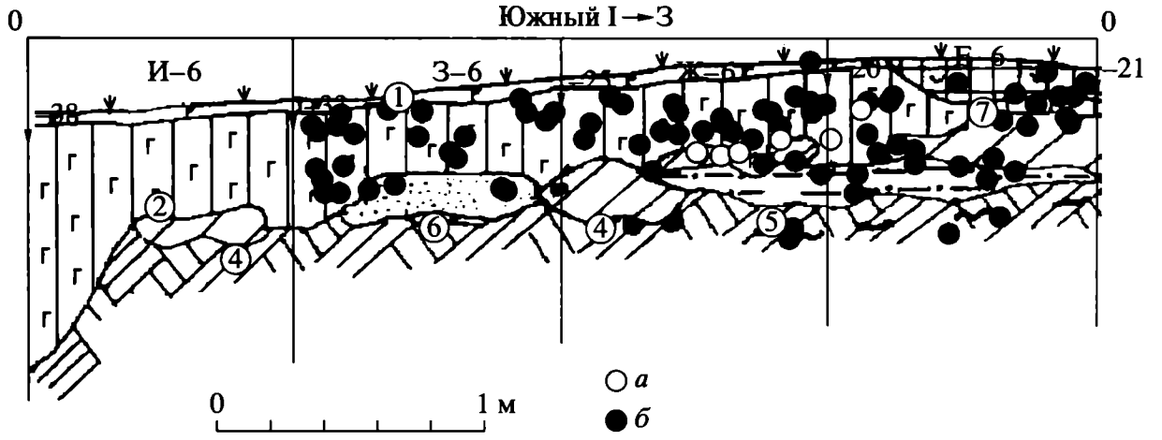


Рис. 1. Стоянка Беливо 2, 1985 г. Находки спроецированы на южный профиль: *а* – место расположения фрагментов верхневолжской керамики; *б* – место расположения находок кремня. Стратиграфия: *1* – дерн; *2* – гумусовый горизонт современной почвы (серый песок); *4* – желтовато-серый суглинок; *6* – желтый песок; *7* – черный углистый песок с углем.

По мнению Ю.Б. Цетлина, проведшего анализ керамического теста сосудов[1], их рецептура характерна для керамики выделенной им волго-окской ранненеолитической культуры.

Стоянка Беливо 2. Открыта А.Е. Кравцовым в 1984 и раскапывалась им в 1984, 1985 гг. на общей площади 121 м^2. Керамики была найдена только в 1985 г. Автором раскопок и другими исследователями стоянка интерпретируется как наиболее ранний памятник верхневолжской культуры. Материал не опубликован[2].

По данным отчета (Кравцов, 1985), стратиграфия раскопа следующая: 1 – дерн 2–5 см; 2 – гумусовый горизонт современной почвы (серый песок) 6–20 см.; 3 – горизонт выщелачивания (белесый оподзоленный песок) 4–15 см.; 4 – желтовато-рыжий песок 10–20 см.; 5 – рыжевато-серый плотный суглинок – до 20 см.; материк – светлый песок.

Всего найдено 13 фрагментов неолитической керамики, из них 8 ранненеолитической, в том числе очень мелких (менее 3 см^2.) По слоям керамика распределяется следующим образом: слой 1(гумус) – верхневолжской 3 фрагмента, ямочно-гребенчатой 3; слой 2 (рыжий песок) – верхневолжской 5, ямочно-гребенчатой 2. Вся неолитическая керамика из слоя 2 найдена в пятне № 8 размером 190 × 180 см, обнаруженном на глубине 30–35 см от поверхности.

Один фрагмент ранненеолитической керамики орнаментирован горизонтальными рядами овальных с приостренными концами тычковых вдавлений, прочие без орнамента.

При помощи программы "Археo" были созданы чертежи распределения неолитической керамики на участке пятна № 8 (рис. 1)[3]. Но выявить каких-либо закономерностей и при анализе стратиграфического распределения керамического материала не удалось. Верхневолжская керамика залегает на различных глубинах в слое гумусированного песка, что подтверждает наблюдения А.Е. Кравцов совместном залегании ранненеолитической керамики и керамики льяловской культуры (Кравцов, 1985. С. 16). Говорить о каких-либо хронологических соотношениях, основываясь на стратиграфии стоянки, мы не имеем оснований. Однако А.Е. Кравцов считает, что стратиграфическое более глубокое залегание верхневолжской керамики отмечается в районе выделенной им в 1984 г. древней западины[4]. Проверить это мнение автора раскопок невозможно, так как фиксация материала на этом участке производилась по пластам.

Таким образом, коллекция ранненеолитической керамики со стоянки насчитывает всего восемь фрагментов. Говорить о каких-либо орнаментальных традициях керамического комплекса по столь ограниченному материалу преждевременно. Керамика залегает без каких-либо стратиграфических закономерностей, что не дает оснований для хронологических предпочтений.

Стоянка Окаемово 5. Открыта М.Г. Жилиным и исследовалась им в 1989–1990 гг. Вскрыто 58 м^2. Материал хранится в ГИМ[5]. Автор раскопок считает, что на памятнике присутствует чистый комплекс керамики, датируемый первым этапом верхневолжской культуры (Жилин, 1997. С. 170).

[1] Автор приносит благодарность Ю.Б. Цетлину за проведенный анализ керамики.

[2] Автор приносит глубокую благодарность А.Е. Кравцову за любезно предоставленный материал и разрешение использовать его в этой статье.

[3] Все работы с программой "Археo" (ввод материала, работа с профилями, фильтрация типов находок, подготовка и оформление иллюстраций и т.п.) выполнены С. Алексейчуком, которому автор приносит свою искреннюю благодарность.

[4] Устное сообщение А.Е. Кравцова.

[5] Коллекция ГИМ, № 2194 ОФ.

Памятник расположен на погребенном островке в пойме. Стратиграфия: 1 – насыпь современной дамбы – до 1.3 м; 2 – торф бурый лесной 28–43 см; 3а – глина серая ожелезненная 15–38 см; 3б – глина сизая ожелезненная 53–77 см; 4 – торф бурый, сильно разложившийся, с небольшой примесью песка 20 см; 5а – сапропель темнооливковый 5–30 см; 5б – то же с прослойками раковин до 26 см; 6 – песок рыжий ожелезненный до 25 см; 7а – слой сизой ракушки с гиттией и лесным мусором до 10 см; 7б – то же, с примесью песка до 30 см; 8 – песок серый с прослойками гиттии до 8 см; 9 – сапропель серый, опесчаненный, с раковинами до 24 см; 10 – песок сизый, на вершине островка замещается сизой глиной – материк.

Автором выделяется три культурных слоя. Первый (верхний) представлен скоплением отщепов внизу слоя 3б. Второй (слой ранней верхневолжской культуры) связан с нижней частью слоя 5б. Третий культурный слой (мезолит) залегал на склоне островка в слое 6 на материковой глине и слое 7б и 8 в шлейфе слоя. От ранненеолитического слоя отделен стерильным слоем 7а.

Ранненеолитический материал, по характеристике автора раскопок, представлен фрагментами сосудов с разреженным орнаментом из неглубоких каплевидных наколов, ногтевых вдавлений, реже коротких зубчатых оттисков в сочетании с наколами.

В коллекции насчитывается 24 фрагмента ранненеолитической керамики[6], которые орнаментально подразделяются на следующие группы. Неорнаментированная – 4 фрагмента (17%); с гребенчатыми оттисками в сочетании с пояскаами наколов – 6 (25%); украшенная тычковым поверхностным орнаментом – 4 (17%); с тычковым орнаментом, нанесенным в отступающей технике, – 5 (21%); украшенная тычковым орнаментом, выполненным заостренной палочкой – 3 (12%); украшенная насечками (ногтевыми вдавлениями) – 2 фрагмента (8%). Несколько обобщив эту типологию можно сказать, что тычково-накольчатой керамики – 12 фрагментов (50%); с гребенчатыми оттисками – 6 (25%); неорнаментированной – 4 (17%); с насечками – 2 фрагмента (8%)[7]. Таким образом, в этом, так называемом раннем комплексе присутствует как тычковая орнаментация, так и орнаментация гребенчатыми оттисками, в том числе гребенкой "на боку".

Сильной окатанности не прослеживается. На части фрагментов сохранился нагар. Разброс по абсолютным глубинам достаточно большой, от –237 см до –368 см, хотя основная масса расположена на глубине около –330 см. Судя по шифрам, большинство фрагментов керамики залегает в слое 5, но отмечены залегания в слое 4/6 (3 фрагмента № 187, 224 по описи ГИМ), слое 5/7 (1 фрагмент № 185).

Анализ распределения керамики по глубинам на основании описи, полевых чертежей и описаний позволяет сказать следующее. Действительно, основная масса находок керамики связана со слоем сапропеля (слой 5) (рис. 2). Но ранненеолитическая керамика встречается и в вышележащих слоях – в слое бурого торфа (слой 4 – кв. 26, 27) и слое глины (слой 3 – кв. 10). И не только в тех местах, где слой 5 отсутствует (западные квадраты). Проследить какую-либо зависимость в орнаментации и глубине залегания фрагментов керамики не удалось. В "верхних" слоях, так же как и в слое 5, есть керамика с тычковым орнаментом и керамика с оттисками гребенчатого штампа (рис. 2, II, IV).

Резюмируя, можно сказать, что коллекция керамики далеко неоднородна. Присутствует неорнаментированная, тычковая и гребенчатая керамика. Говорить о керамической коллекции, как о коллекции первого этапа верхневолжской культуры в традиционном понимании, не представляется возможным. В коллекции 25% керамики с гребенчатой орнаментацией. Столь большой процент фрагментов сосудов с оттисками гребенчатого штампа противоречит утверждению, что подобный орнамент появляется не ранее второго этапа развития верхневолжской культуры. Большинство фрагментов связано со слоем сапропеля, но находки встречены и в вышележащих слоях.

Стоянка Окаемово 18. Открыта М.Г. Жилиным и исследовалась им в 1990 г. Вскрыто 72 м^2. Выделены три культурных слоя, в том числе слой поздней и ранней верхневолжской культуры (Жилин, 1997. С. 166, 167).

Стратиграфия: 1 – насыпь современной дамбы до 50 см; 2 – коричневый лесной торф до 40 см; 3 – глина серо-голубая ожелезненная 70–90 см; 4 – торф темнокоричневый до 36 см; 5 – сапропель серо-коричневый с прослойками песка и ракушки до 53 см; 6 – прослойки песка ожелезненного (6а) или оглеенного (6б) до 10 см и торфа с лесным мусором до 5 см, общая мощность до 1 м; 7 – песок рыже-бурый ожелезненный (7а) или темно-серый оглеенный (7б) с галькой и лесным мусором до 26 см; 8 – линза ракушки в слое 6б до 30 см; 9 – песок коричневый с галькой, встречается в виде линз мощностью до 10 см; 10 – сизый песок или сизая глина – материк.

Верхний культурный слой обнаружен в нижней части литологического слоя 3, где встречены находки эпохи бронзы и неопределимая керамика.

Средний культурный слой, по мнению М.Г. Жилина, связан с нижней частью литологического слоя 6б. Находки представлены костями, 6 отщепами, 2 пластинами и 5 фрагментами верхневолжской

[6] Автор благодарит М.Г. Жилина за любезное разрешение работать с коллекциями исследованных памятников.

[7] Типология орнаментации и подсчеты А.С. Смирнова.

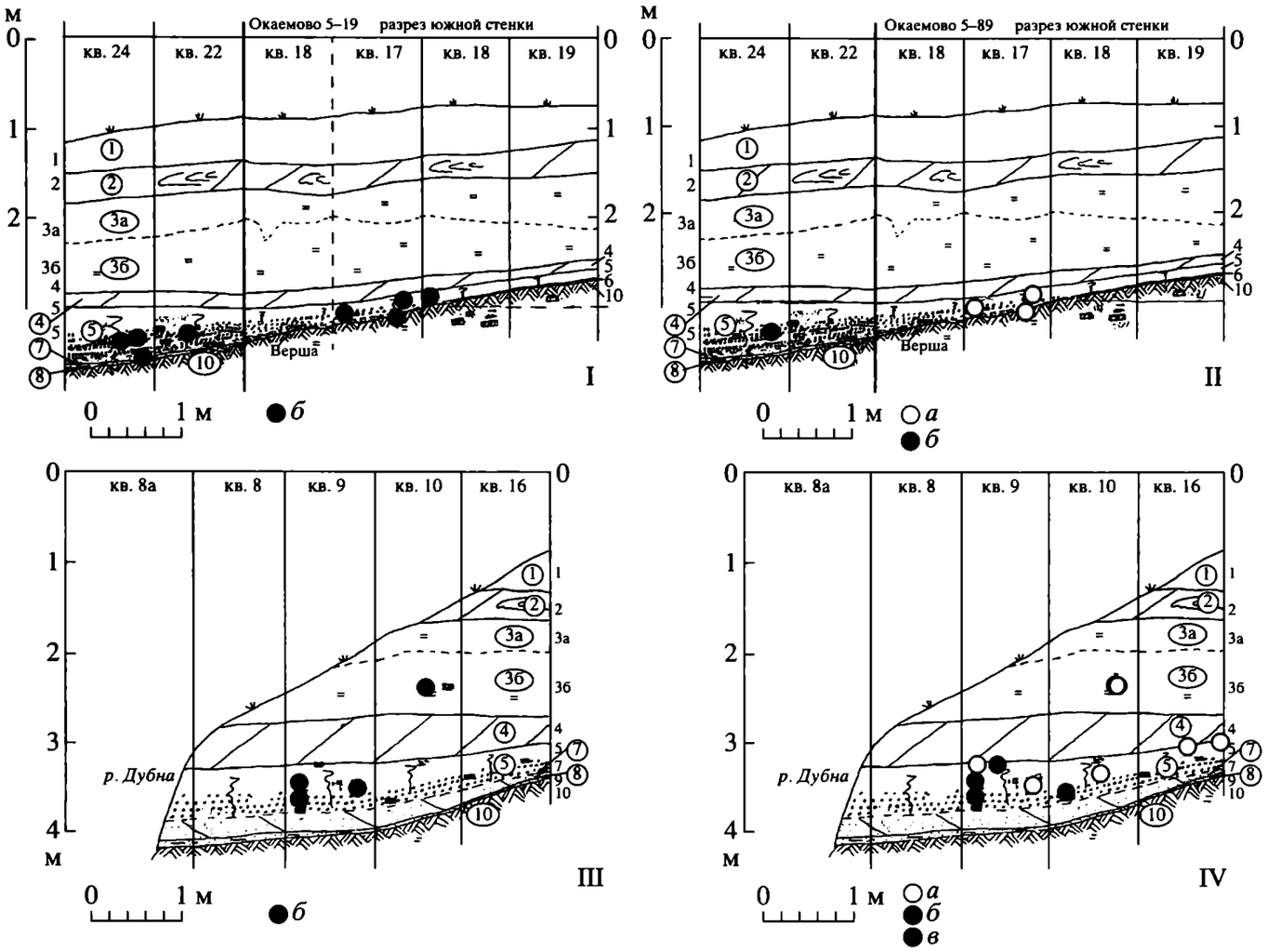


Рис. 2. Стоянка Окаемово 5. Профили раскопа. I, III – по данным полевых чертежей; II, IV – по данным коллекции. I – Профиль бровки в квадратах 16–19, 22, 24 раскопа 1989 г. (вид с севера). Спроецированы две линии квадратов: с севера 16–19, 22, 24 и с юга 34–37 (*а* – место расположения фрагментов верхневолжской керамики). II – Профиль бровки в квадратах 16–19, 22, 24 раскопа 1989 г. (вид с севера). Спроецированы две линии квадратов: с севера 16–19, 22, 24 и с юга 34–37 (*а* – керамика с тычково-накольчатым орнаментом; *б* – керамика с гребенчатым орнаментом). III – Профиль бровки в квадратах 8–10, 16 раскопа 1989 г. (вид с запада). Спроецированы две линии квадратов: с запада 8–10, 16 и с востока 32, 20–22 (*а* – место расположения фрагментов верхневолжской керамики). IV – Профиль бровки в квадратах 8–10, 16 раскопа 1989 г. (вид с запада). Спроецированы четыре линии квадратов: с запада 8–10, 16, 1, 11, 17 и с востока 31–33, 20–24 (*а* – керамика с тычково-накольчатым орнаментом; *б* – керамика с гребенчатым орнаментом; *в* – неорнаментированная керамика). Стратиграфия: *1* – насыпь современной дамбы; *2* – торф бурый лесной; *3а* – глина серая ожелезненная; *3б* – глина сизая ожелезненная; *4* – торф бурый, сильно разложившийся; *5* – сапропель темно-оливковый; *6* – песок рыжий ожелезненный; *7* – сизая ракушка с темной гиттией; *8* – песок серый; *10* – песок сизый (материк).

керамики с гребенчатым орнаментом, характерным для позднего периода. В отчете (Жилин, 1990) на планах среднего слоя из 5 фрагментов удалось обнаружить только 3 (кв. 18, 45, 71). Имеющиеся на фотографии еще два фрагмента (кв. 32, 52) на планах отсутствуют.

Нижний культурный слой М.Г. Жилиным связывается с литологическим слоем 7а в западной и 7б в центральной и восточной частях раскопа. Керамика представлена 8 фрагментами, вероятно, от одного сосуда, с орнаментом в виде ряда неглубоких каплевидных наколов, характерных для раннего этапа верхневолжской культуры. На фотографии в отчете присутствуют 6 фрагментов. Из них из слоя три (кв. 34, 49, 71), причем первые два без указания глубин, но они отмечены в профиле зачистки в слое 7б. Еще три из зачистки берега, один из слоя 7а в 1.5 м к западу от границы раскопа (кв. 61). Разброс находок достаточно велик – от 5 до 10 м одна от другой.

В большинстве мест залегания керамики слой 7 весьма тонок. Распределение немногочисленных находок, которые удалось "привязать" к профилям в пределах раскопа (всего 4 фрагмента), говорит о весьма близком (по вертикали) залегании фрагментов (рис. 3). При таком незначительном

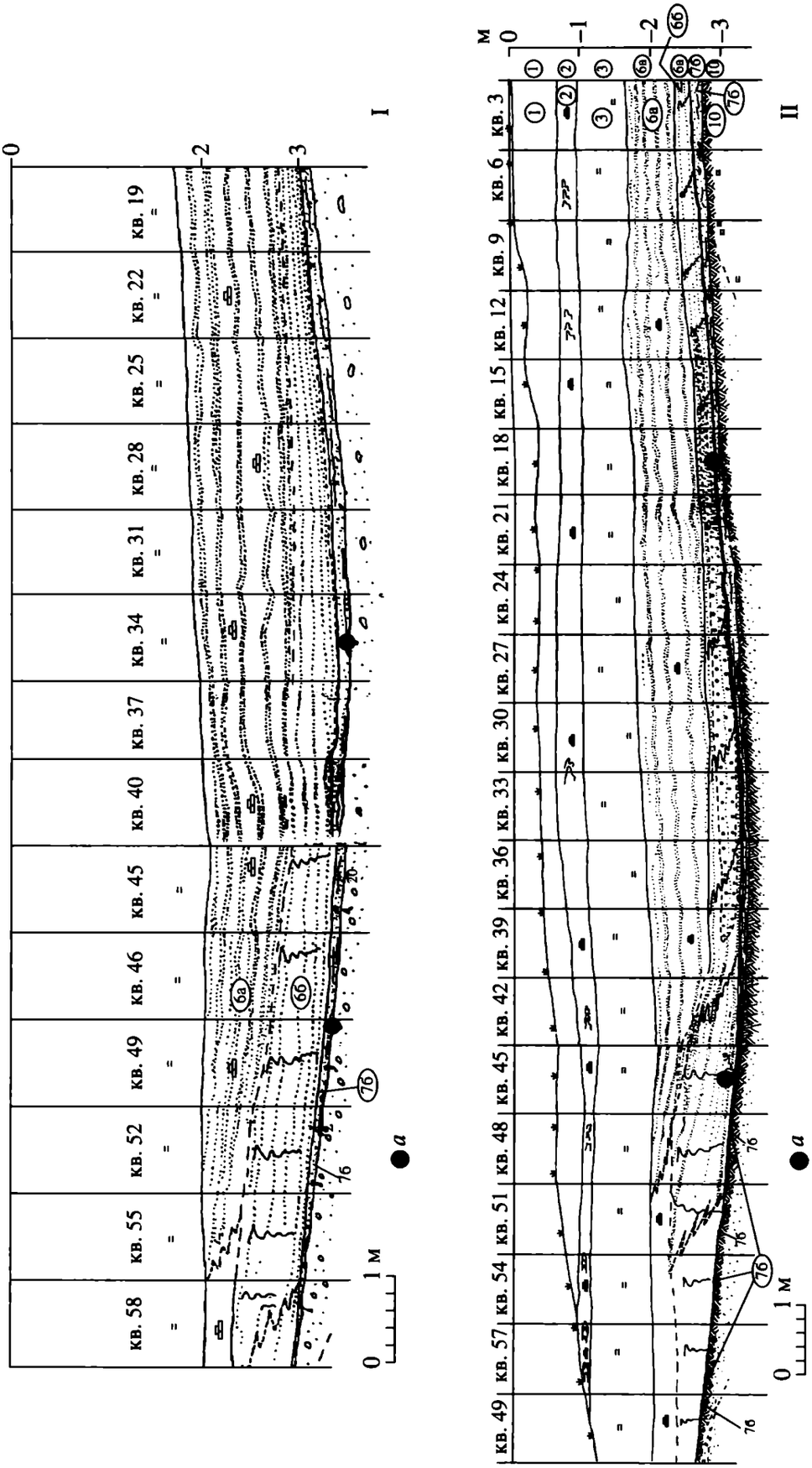


Рис. 3. Стоянка Окаемово 18. I – профиль зачистки берега р. Дубны (1990 г.). Спроецирована линия квадратов 58–19; (*а* – место расположения находок ранненеолитической керамики). II – Профиль южного борта раскопа 1990 г. Спроецирована линия квадратов 60–3; (*а* – место расположения находок ранненеолитической керамики). Стратиграфия: *1* – насыпь современной дамбы; *2* – торф коричневый лесной; *3* – глина серо-голубая ожелезненная; *6а* – песок ожелезненный; *6б* – песок оглеенный; *7б* – песок темно-серый оглеенный; *10* – глина сизая (материк).

количестве обломков сосудов представляются преждевременными выводы о закономерностях их стратиграфического положения. Поэтому трудно однозначно согласиться с автором, выделяющим два горизонта залегания материалов верхневолжской культуры раннего и позднего этапов. Судя по профилям, созданным системой "Архео", находки залегают практически на дне раскопа.

Стоянка Озерки 17. Исследовалась М.Г. Жилиным в 1990–1995 гг. Вскрыто 67 м^2. (Жилин, 1994а; Жилин и др., 1998). Стратиграфия памятника им интерпретируется следующим образом: 1 – коричневый торф с древесиной 0.37–0.78 м; 2 – светло-рыжий слоистый торф 0.5–0,85 м; 3 – бурый слоистый торф, в верхней части с древесиной, в нижней с рогозом 0.63–1 м; 4 – светло-рыжий слоистый торф, представлен в северной части раскопа 0–0.4 м; 5а – коричневый неслоистый торф с лесным мусором, представлен в центральной и южной части раскопа, – до 1.3 м; 5b – то же, с небольшим количеством лесного мусора до 15 см; 6 – темно-коричневый неслоистый опесчаненный торф с угольками и щепками, представлен в центральной части раскопа до 20 см; 7 – серый оторфованный песок 8–12 см; 8 – сизый глинистый песок, переходящий в сизую глину, – материк. В южной и центральной частях раскопа прослежено еще несколько слоев: 9 – светло-бурый слоистый торф до 10 см; 10 – грязно-желтый сапропель до 11 см; 11 – оторфованная гиттия с лесным мусором и ракушками, замещает слой 6 в южной части раскопа, до 30 см; 12 – лесной мусор с торфом и песком, прослежен в центральной части раскопа до 5 см.

Автором раскопок прослежено три неолитических культурных слоя. Первый, давший несколько костей, отщепов и два фрагмента типичной льяловской керамики, расположен в нижней части литологического слоя 5а, второй – в нижней части литологического слоя 5b и характеризуется находками гребенчато-ямочной керамики; третий с находками верхневолжской керамики с накольчатой и прочерченной орнаментацией – в литологическом слое 12 (Жилин, 1994а. С. 49). В последствии, с учетом исследований 1993 г., М.Г. Жилин отнес этот слой ко времени развитого этапа верхневолжской культуры (Жилин и др., 1998. С. 214). В северной части раскопа находки этого культурного слоя лежат под литологическим слоем 5, в литологическом слое 7 и на его поверхности.

Находки керамики присутствуют в двух раскопах стоянки Озерки 17, расположенных на двух берегах (западном и восточном) одной валовой канавы. В восточном раскопе 1992 г. вскрыт 41 м^2. На планах указано пять фрагментов: три от верхневолжских сосудов и два с гребенчато-ямочной орнаментацией. Судя по профилям, созданным системой "Архео", верхневолжская керамика залегает на границе слоев 5 и 6, по противоположным краям линзы, состоящей из лесного мусора, коричневого торфа и песка (рис. 4, I). В этот же слой попадают и два фрагмента гребенчато-ямочной керамики (рис. 4, II).

В западном раскопе 1993 г. найдено (судя по полевым планам) два фрагмента керамики: один фрагмент верхневолжской культуры и один с зубчато-ямочным орнаментом. Оба залегают практически на одной глубине (–277 см и —279 см) и связаны с пятым слоем (рис. 4, III).

Коллекция керамики со стоянки Озерки 17 крайне немногочисленна. Анализ стратиграфического распределения "зубчато-ямочной" и верхневолжской керамики говорит о чрезвычайно близких условиях залегания, что, по нашему мнению, дезавуирует утверждения автора о двух культурных слоях эпохи неолита (второй и третий культурные слои) на этом памятнике (Жилин, 1993. С. 9, 10).

Стоянка Воймежная 1 исследовалась небольшими площадями с 1972 г., но основные работы проведены в 1988, 1991 и 1996–97 гг. В.В. Сидоровым и А.В. Энговатовой (Древние охотники..., 1997). На памятнике встречены материалы верхневолжской, льяловской, волосовской культур и эпохи бронзы.

Поселение верхневолжской культуры было небольшим, 30 × 30 м. Однообразие форм, примесей и декора керамики, компактность залегания позволяют авторам раскопок говорить об одновременности материалов верхневолжской культуры и отнести их ко второму этапу культуры. Верхневолжская керамика представлена 750 фрагментами от 35–40 сосудов. Основная масса находок связана с торфяным слоем, отделенном от горизонта развалов раннельяловских сосудов стерильной прослойкой 3–8 см, возрастающей местами до 20 см. Орнаментация сосудов как накольчатая, так и гребенчатая.

По ряду независящих от автора настоящей статьи причин он не смог использовать систему "Архео" для анализа распределения материала стоянки Воймежное 1. Но, учитывая, что на памятнике представлены сосуды только второго этапа верхневолжской культуры, сочетающие традиции как накольчатой, так и гребенчатой орнаментации керамики, весьма проблематично надеяться найти стратиграфические закономерности в распределении верхневолжских материалов этого поселения.

Стоянка Озерки 5 открыта М.Г. Жилиным в 1990 г. (Жилин, 1994а. С. 47). За шесть лет раскопок на стоянке вскрыто 200 м^2. (Жилин и др., 1998. С. 209). Это единственный опубликованный памятник, который содержит, по мнению его исследователя, стратиграфически выраженные слои всех этапов верхневолжской культуры. Со стоянки получена самая большая коллекция ранненео-

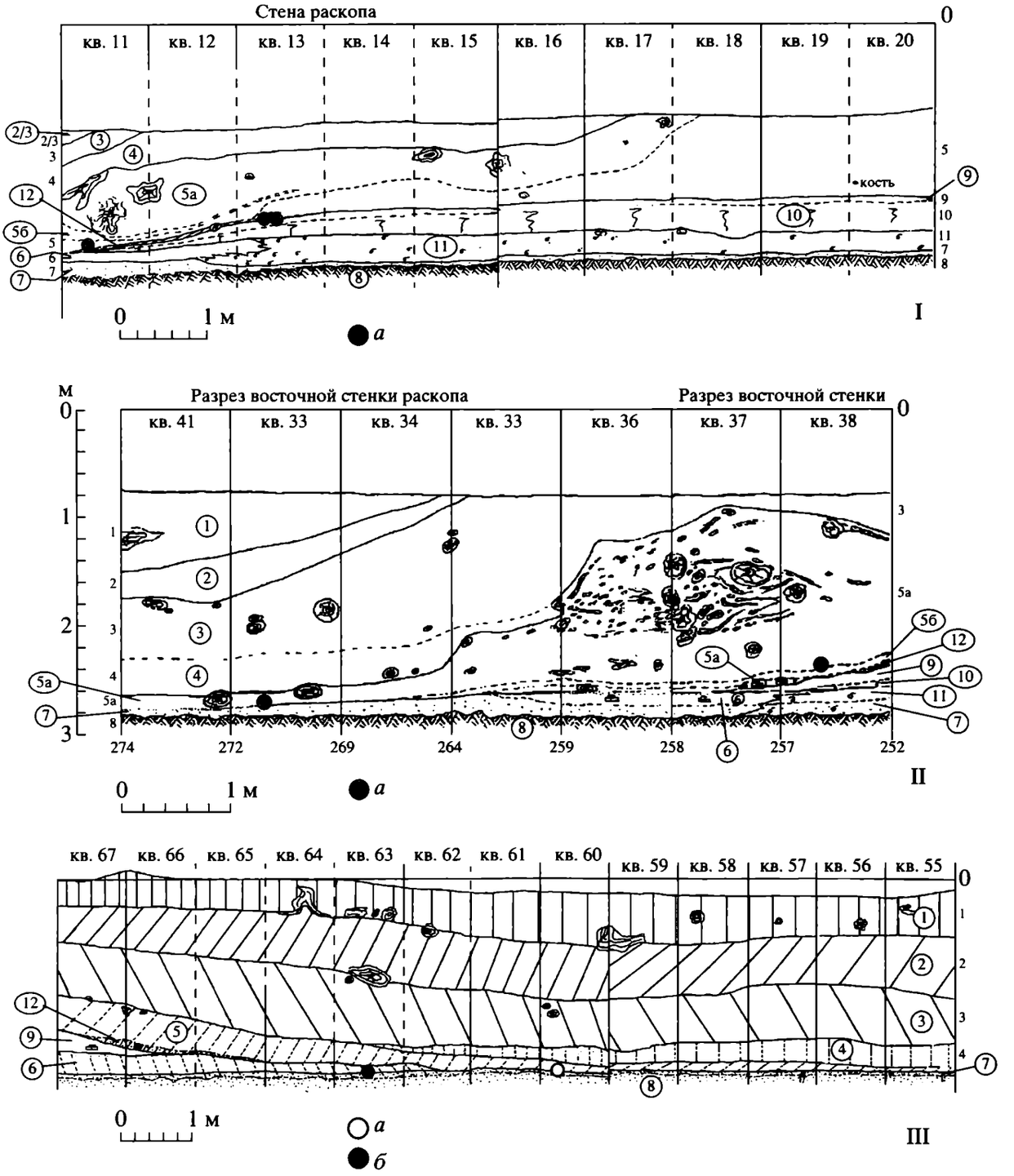


Рис. 4. Стоянка Озерки 17. Профили раскопов, I, II – раскоп 1992 г., III – раскоп 1993 г. I – Восточный профиль раскопа 1992 г. Спроецированы квадраты 11–20 (*а* – верхневолжская керамика). II – Восточный профиль раскопа 1992 г. Спроецированы квадраты 38–41 и 32–40 (*а* – гребенчато-ямочная керамика). III – Западный профиль раскопа 1993 г. Спроецированы квадраты 55–67 (*а* – зубчато-ямочная керамика; *б* – верхневолжская керамика). Стратиграфия: *1* – торф коричневый среднеразложившийся; *2* – торф светло-рыжий слаборазложившийся; *3* – торф бурый слаборазложившийся; *4* – торф светло-рыжий; *5а* – торф коричневый с лесным мусором; *5b* – торф коричневый; *6* – торф темно-коричневый опесчаненный; *7* – песок серый оторфованный; *8* – песок сизый глинистый; *9* – торф светло-бурый; *10* – сапропель грязно-желтый; *11* – гиттия оторфованная; *12* – лесной мусор с коричневым торфом.

литической керамики с точной фиксацией глубин залегания.

Стратиграфия поселения несколько различается на разных участках и в разные годы исследования. Мы используем описание стратиграфии из статьи М.Г. Жилина, обобщающей результаты раскопок 1990–1994 гг., где наиболее подробно описываются собственно археологические материалы и их связь с литологической стратиграфией (Жилин, 1996. С. 118, 119). Автор раскопок харак-

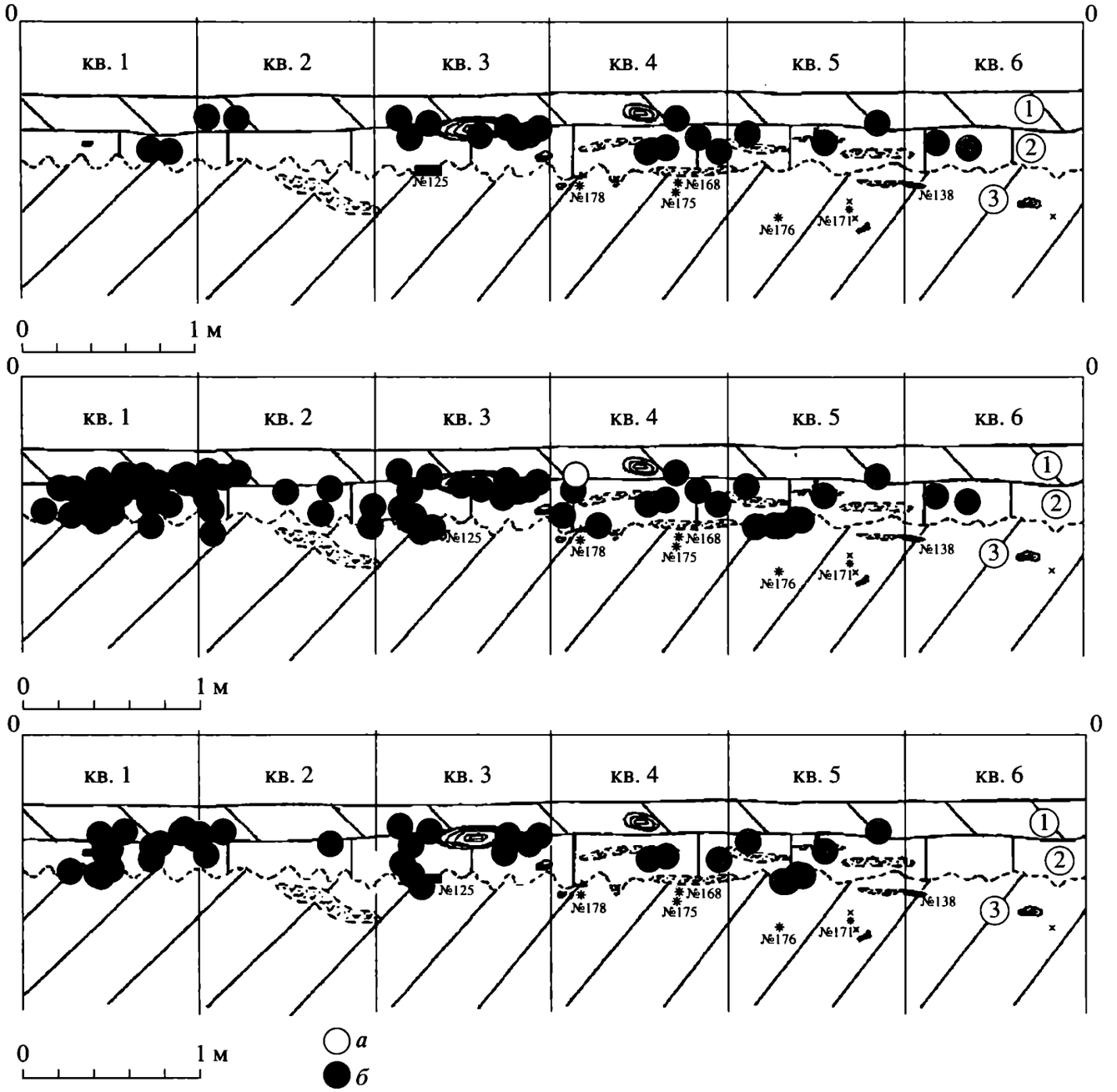


Рис. 5. Стоянка Озерки 5. Варианты проецирования находок на литологические слои. I – Профиль северного борта раскопа 1990 г. Спроецирована южная линия квадратов 1–6. II – Профиль северного борта раскопа 1990 г. Спроецирована южная линия квадратов 1–6 и северная линия квадратов 13–18. III – Профиль северного борта раскопа 1990 г. Спроецирована половина южной линии квадратов 1–6 и половина северной линии квадратов 13–18 (*а* – верхневолжская керамика без дресвы, I–II слои; *б* – верхневолжская керамика с дресвой, I–II слои). Стратиграфия: *1* – торф темно-коричневый; *2* – торф коричнево-черный; *3* – торф буро-рыжий.

теризует ее следующим образом: 1а) коричневый торф 0.12–0.22 м; 1б) серый торф с примесью суглинка 0.02–0.05 м; 1в) коричневый слоистый торф 0.10–0.60 м; 2) темно-коричневый торф с примесью песка, кальцинированной костяной крошки, угольков и золы 0–0.40 м; 2а) коричневый торф с лесным мусором и угольками – 0–0.20 м; 3а) буро-коричневый неслоистый торф с примесью песка, лесного мусора, угольков, золы и кальцинированной крошки 0.02–0.6 м в западинах при средней мощности 0.1–0.2 м; 3б) рыжий слоистый торф с листьями рогоза – материк до 1 м; 4) сапропель серый известковистый 0.3 м; 5) тонкие прослойки сапропеля и серого песка (придонные озерные отложения); 6) песок сизый (озерное дно).

В то же время на чертежах (рис. 5–9) первый литологический слой нередко дается обобщенно. То же и со слоем 2. Слой 3 на большинстве чертежей также указан единым пластом. Просто в различных частях раскопа характеристики слоя несколько меняются. Но три основных пласта (слои 1, 2 и 3), выделенных автором, присутствуют практически на всей площади раскопа.

С тремя литологическими слоями, по мнению автора раскопок, и связаны археологические слои памятника. Исследователем прослежено три культурных слоя неолитического времени, два из которых датируются ранним неолитом. Первый культурный слой залегает в литологическом слое 1 и содержит "типично льяловскую" керамику. Встречается и поздняя верхневолжская керамика.

Второй культурный слой залегает в литологическом слое 2. В его верхней части, по мнению М.Г. Жилина, содержит керамику с гребенчатым орнаментом финала верхневолжской культуры, совместно с которой встречаются сосуды с "зубчато-ямочным" орнаментом, а также фрагменты с ложношнуровым орнаментом. Для керамики в этом горизонте характерна примесь дресвы в тесте.

В нижней части второго культурного слоя, согласно М.Г. Жилину, преобладает керамика, типичная для второго этапа верхневолжской культуры, но не для ее конца. Она украшена гребенчатым орнаментом и имеет примесь органики в тесте.

Третий культурный слой залегает на контакте литологических слоев 2/3 и содержит керамику с накольчатым орнаментом, характерную для первой половины верхневолжской культуры, состоящим из коротких строчек овальных наколов, реже ложношнуровных узоров. Примерно половина черепков не имеет орнамента.

Учитывая, что стоянка Озерки 5 – наиболее информативный памятник из всех нами рассматриваемых и, по мнению автора раскопок, представляет уникальный случай сочетания археологической и литологической стратиграфии, во избежании ошибок мы подошли к его анализу с особой щепетильностью. При проецировании находок на профили были сделаны различные варианты чертежей. Помимо обычных, когда на профиль проецируются все находки с квадрата (т.е., расстояние от находки до профиля может достигать 1 м) (рис. 5, I) были сделаны чертежи, когда на профиль проецируются находки только с половины квадрата (в этом случае максимальное расстояние сокращается до 50 см). При сравнении двух вариантов чертежей выяснилось, что картина принципиально одна и та же. Не изменился характер распределения находок, когда на один профиль проецировались находки с двух линий квадратов, находящихся по обе стороны профиля (рис. 5, II). В этом случае также создавались чертежи с проецированием находок только с половины квадрата (рис. 5, III). Принципиальных различий во всех вариантах чертежей нет. Это и понятно, так как в целом литологическая стратиграфия раскопа в большинстве случаев характеризуется достаточно спокойным и во многом горизонтальным залеганием слоев. Особенно по оси запад-восток.

Учитывая все это, как основные были использованы чертежи, где на литологические профили спроецированы находки со всего квадрата. А при возможности чертежи, где находки спроецированы с двух линий квадратов, расположенных с обеих сторон литологического профиля.

Анализ публикаций, отчетов и созданных нами чертежей распределения находок позволяет высказать мнение, что четкое разделение на три литологически выраженных культурных слоя эпохи неолита, как считает М.Г. Жилин, можно трактовать неоднозначно.

Рассмотрим для начала литологическую стратиграфию. Литологический слой 2/3 (или 2а), вмещающий третий культурный слой первой половины существования верхневолжской культуры, выделяется как контактный слой между литологическими слоями 2 и 3. По результатам многолетних наблюдений автор раскопок пришел к выводу, что так называемый литологический слой 2а нелитологического происхождения. В своем отчете 1994 г. (Жилин, 1994б. С. 4) он заключает, что "пятнистый торф (слой 2а – *А.С.*)... связан с уровнем грунтовых вод, отмечая уровень окисления торфа", и далее этот слой не выделяет. Обобщая данные по стратиграфии стоянки Озерки 5 (Жилин и др., 1998. С. 209, 210) Жилин, Спиридонова и Алешинская связывают второй культурный слой, содержащий керамику позднего этапа верхневолжской культуры с литологическим слоем 2, а расположение третьего культурного слоя, содержащего керамику раннего этапа верхневолжской культуры, отмечают на контакте слоев 2 и 3а и в самом верхе последнего. Другими словами, четко выделенного литологического слоя, в котором располагаются находки раннего этапа верхневолжской культуры (культурного слоя 3), нет.

В квадратах 48–50, где залегает один из наиболее насыщенных комплексов верхневолжской керамики, фрагменты сосудов из третьего слоя лежат на глубине 110–120, и их легко можно интерпретировать как залегающие в нижней части культурного слоя 2 (рис. 6). Наблюдения 1992 г. (Жилин, 1992. С. 3) дают основание М.Г. Жилину заключить, что находки 1 культурного слоя (7 фрагментов льяловской керамики и 1 верхневолжской с гребенчатым орнаментом) залегают в слое 2/3 (т.е., в третьем культурном слое времени раннего этапа верхневолжской культуры). Там же он отмечает, что культурный слой 2 (содержащий материалы позднего этапа верхневолжской культуры) продолжается и в слое 2/3 (с материалами ранней верхневолжской культуры), а находки 3 культурного слоя (из горизонта 2/3, с материалами ранней верхневолжской культуры) продолжаются и в верхней части слоя 3а (т.е., в мезолитическом горизонте).

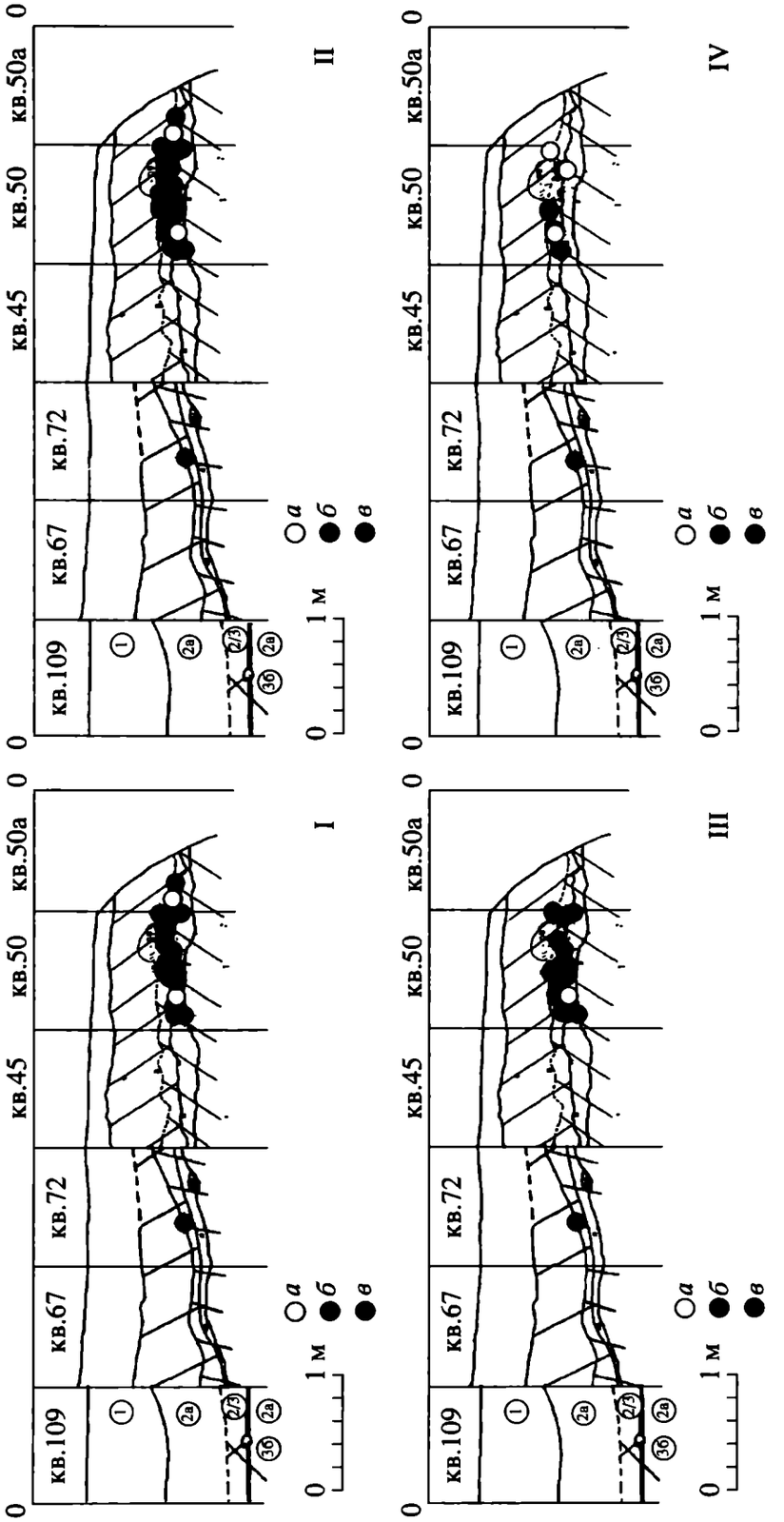


Рис. 6. Стоянки Озерки 5. Варианты проецирования находок на литологические слои. I – Восточные профили раскопов 1991–1993 гг. Спроецирована западная линия квадратов 109, 67, 72, 45, 50, 50а (*а* – верхневолжская керамика с дресвой, III слой; *б* – верхневолжская керамика без дресвы, III слой; *в* – льяловская керамика, III слой). II – Восточные профили раскопов 1991–1993 гг. Спроецирована западная линия квадратов 109, 67, 72, 45, 50, 50а и восточная линия квадратов 110, 111, 73, 84 (*а* – верхневолжская керамика с дресвой, III слой; *б* – верхневолжская керамика без дресвы, III слой; *в* – льяловская керамика, III слой). III – Восточные профили раскопов 1991–1993 гг. Спроецирована половина западной линии квадратов 109, 67, 72, 45, 50, 50а и половина восточной линии квадратов 110, 111, 73, 84 (*а* – верхневолжская керамика с дресвой, III слой; *б* – верхневолжская керамика без дресвы, III слой; *в* – льяловская керамика, III слой). IV – Восточные профили раскопов 1991–1993 гг. Спроецирована западная линия квадратов 109, 67, 72, 45, 50, 50а (*а* – неорнаментированная керамика; *б* – отступающая керамика; *в* – ямочно-гребенчатая керамика). Стратиграфия: *1* – торф коричневый; *2* – торф темно-коричневый сильноразложившийся; *2а* – торф коричневый слаборазложившийся; *3а* – торф буро-коричневый с примесью песка; *3б* – торф рыжий слоистый (материк).

Так же можно оспорить разделение материала по его залеганию во втором литологическом слое на два горизонта. Проверка предположения автора раскопок о том, что во втором культурном слое, совпадающем с литологическим слоем 2, вверху слоя лежит верхневолжская керамика "с дресвой", а внизу "с песком, шамотом и органикой" (Жилин, 1991. С. 4) не подтверждается. В западной части раскопа в кв. 25–26 и 13–17 оба типа керамики (если судить по условным обозначениям) лежат на одной глубине (–60, –70 в первом и –60, –80 см во втором). Более того, в кв. 13–14 подобные находки лежат и в литологическом слое 2/3 (т.е., в третьем культурном слое) (рис. 7, I–III).

По утверждению автора раскопок в 1995 г. удалось выделить литологическую линзу (Жилин, 1995. С. 7), включающую только материалы среднего периода верхневолжской культуры. Наиболее отчетливо этот слой и находки представлены в кв. 178–180, "где встречено особенно много крупных фрагментов керамики, залегающих горизонтально". Но на профилях в отчете этот слой выделен пунктиром, как нижняя часть слоя черного торфа (слой 2 по отчету). Учитывая, что цветность и состояние торфяных слоев, как выяснил М.Г. Жилин, во многом зависят от поступления кислорода (которое постоянно меняется в процессе торфоразработок), выделение этого слоя может быть подвергнуто сомнению.

Анализ распределения находок керамики, сделанный при помощи системы "Архео" заставляет нас усомниться и в наличии однозначно трактуемой археологической стратиграфии.

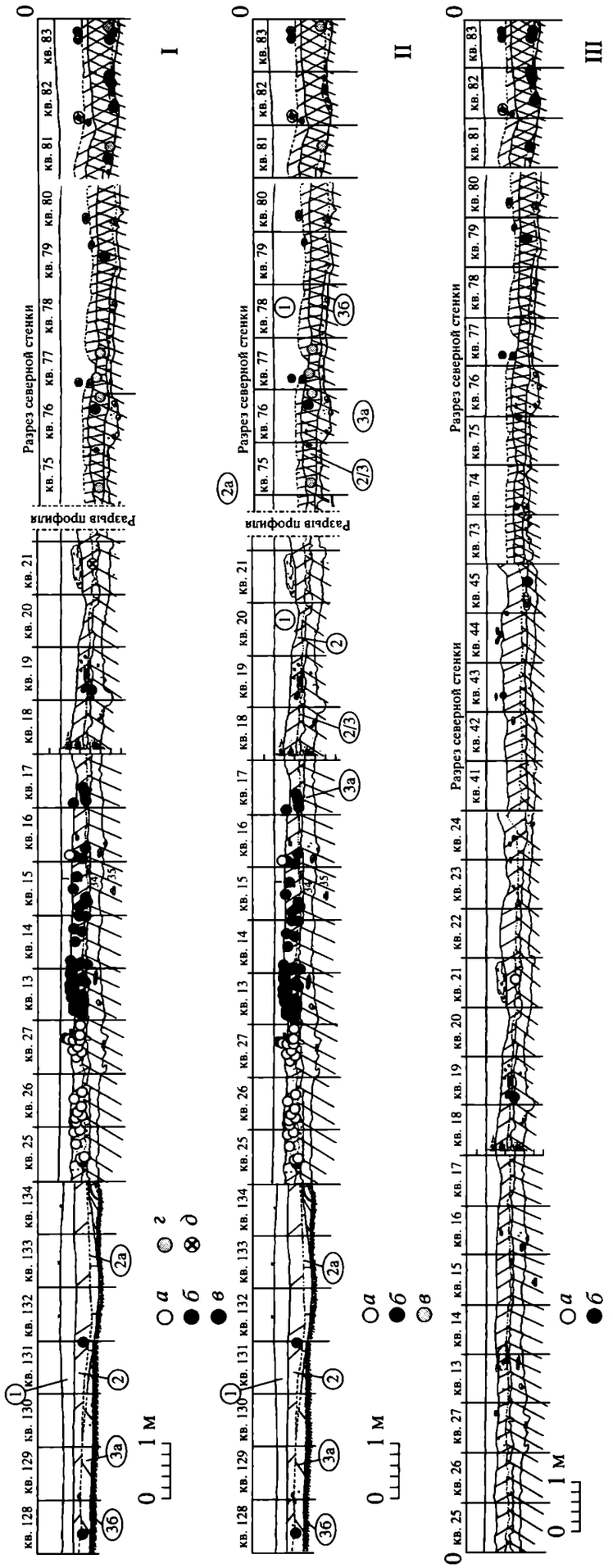
Первоначально проанализируем распределение находок, полученное на основании полевых чертежей. На них автор раскопок фиксирует находки керамики, подразделив их на шесть типов: 1 – льяловская керамика, I–II слои; 2 – льяловская керамика, III слой; 3 – верхневолжская керамика без дресвы, I–II слои; 4 – верхневолжская керамика без дресвы, III слой; 5 – верхневолжская керамика с дресвой, I–II слои; 6 – верхневолжская керамика с дресвой, III слой. Уже типология говорит о том, что любая керамика, в том числе и льяловская, может находиться в любом слое. Об этом свидетельствует и сам автор, отмечая совместное залегание льяловской и поздней верхневолжской керамики, сосудов с гребенчато-ямочным орнаментом и фрагментов поздней верхневолжской гребенчатой керамики, керамики с гребенчатым и ложношнуровым орнаментом и т.п. (Жилин, 1994а. С. 50; 1996. С. 119, 122.).

При анализе распределения находок (312 фрагментов керамики – все указанные на чертежах обломки сосудов) можно отметить следующие факты. Залегание материалов третьего культурного слоя (первая половина существования верхневолжской культуры) стратиграфически трудно соотносить с контактом литологических слоев 2/3 или же со слоем 3а. В целом материалы, относимые М.Г. Жилиным к первой половине верхневолжской культуры, залегают во всей толще коричнево-черного торфа, т.е. во всем литологическом слое 2. Говорить о выделении двух археологических слоев, относимых ко второй половине периода существования верхневолжской культуры, внутри литологического слоя 2 представляется преждевременным. Наиболее ярко это проявилось в кв. 25–17, где в единых литологических условиях, по всей толщине слоя 2 совместно залегает верхневолжская керамика, без каких-либо свидетельств распределения по двум горизонтам (верх и низ слоя) (рис. 7, I, II, III). В восточной части этого профиля верхневолжская и льяловская керамика залегают совместно, причем нередко в условиях третьего культурного слоя и ниже. На линии квадратов 164–135 также отмечается совместное залегание керамики как с дресвой (по М.Г. Жилину – финал верхневолжской культуры), так и без дресвы (рис. 8). Сходная картина на квадратах 45–50, 25–28.

Мы также провели анализ распределения керамики, исходя из типов орнаментации, традиционно выделяемых на сосудах верхневолжской культуры: с гребенчатой орнаментацией, с накольчато-отступающим орнаментом и неорнаментированной. Коллекция стоянки, хранящаяся в Тверском музее, насчитывает примерно 140 фрагментов (с учетом мелких черепков до 1 см – около 150–160 фрагментов). При этом выяснить глубину залегания удалось только для 82 черепков (включая 5 фрагментов льяловских сосудов), которые и были нанесены на чертежи в системе "Архео". Возможности для анализа несколько сократились, но достаточно уверенно можно отметить следующие моменты.

Льяловская керамика нередко залегает в наиболее глубоких стратиграфических слоях, даже ниже уровня литологического слоя, интерпретируемого М.Г. Жилиным как слой ранней верхневолжской культуры. Наиболее ярко это проявилось в квадратах 95–109 (рис. 9). А в восточной части раскопа, где, по мнению М.Г. Жилина, присутствует чистый комплекс льяловской керамики, лежащий на слое 3а и очень четко от него отделяющийся (Жилин, 1996. С. 119), льяловская керамика лежит совместно с ранней верхневолжской, иногда просто на материке.

На профиле квадратов 164–186 поздняя верхневолжская керамика, с гребенчатым орнаментом нередко залегает на уровне материка, совпадая по условиям залегания с неорнаментированной керамикой и керамикой, украшенной накольчато-отступающим орнаментом (рис. 8, IV). Аналогичное залегание фрагментов со всеми типами орнаментации верхневолжской культуры (в присутствии


Разрез северной стенки
Разрез северной стенки
Разрез северной стенки

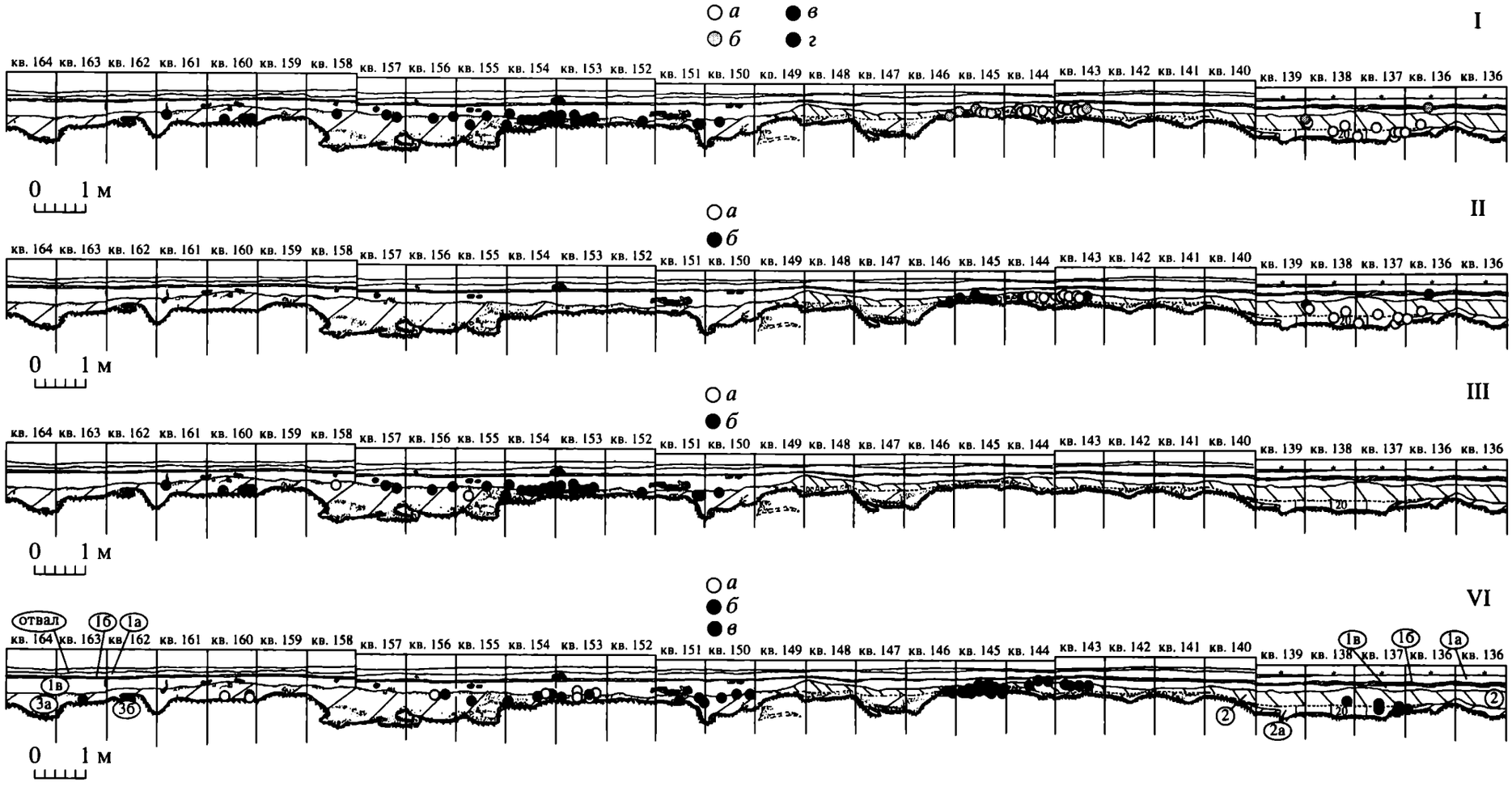


Рис. 8. Стоянка Озерки 5. Профиль в квадратах 164–135. I – спроецированы все находки керамики, отмеченные на полевых чертежах. II – спроецированы все находки керамики слоев I–II, отмеченные на чертежах. III – спроецированы все находки керамики слоя III, отмеченные на чертежах. IV – спроецированы все находки керамики, имеющиеся в коллекции. I – Профиль южного борта раскопа 1994 г. Спроецирована линия квадратов 164–135 (стыковка профилей производилась по линии материка: *а* – верхневолжская керамика без дресвы, I–II слои; *б* – верхневолжская керамика с дресвой, I–II слои; *в* – верхневолжская керамика без дресвы, III слой; *г* – верхневолжская керамика с дресвой, III слой). II – Профиль южного борта раскопа 1994 г. Спроецирована линия квадратов 164–135 (стыковка профилей производилась по линии материка: *а* – верхневолжская керамика без дресвы, I–II слои; *б* – верхневолжская керамика с дресвой, I–II слои). III – Профиль южного борта раскопа 1994 г. Спроецирована линия квадратов 164–135 (стыковка профилей производилась по линии материка: *а* – верхневолжская керамика без дресвы, III слой; *б* – верхневолжская керамика с дресвой, III слой). IV – Профиль южного борта раскопа 1994 г. Спроецирована линия квадратов 164–135 (стыковка профилей производилась по линии материка: *а* – неорнаментированная керамика; *б* – гребенчатая керамика; *в* – отступающая керамика). Стратиграфия *1* – торф коричневый; *1а* – коричневый торф; *1б* – торф серый с примесью суглинка; 1в – торф коричневый слоистый; *2* – торф темно-коричневый сильноразложившийся; *2а* – торф коричневый слаборазложившийся; *3а* – торф буро-коричневый с примесью песка; *3б* – торф рыжий слоистый (материк).

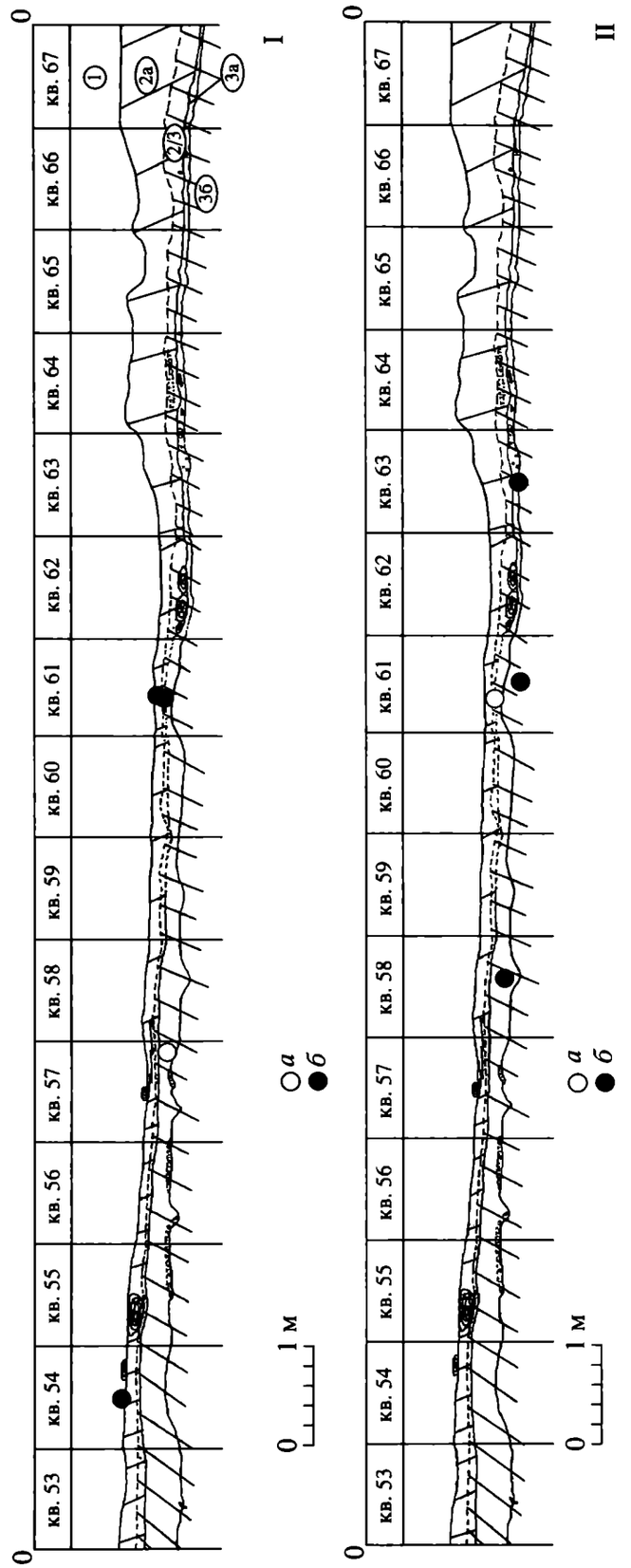


Рис. 9. Стоянка Озерки 5. Профиль северного борта раскопа 1992 г. I – спроецированы все находки керамики, отмеченные на полевых чертежах. II – спроецированы все находки керамики, имеющиеся в коллекции. I – Профиль северного борта раскопа 1992 г. Спроецирована линия квадратов 95–109 (*а* – верхневолжская керамика без дресвы, III слой; *б* – верхневолжская керамика без дресвы, I–II слои). II – Профиль северного борта раскопа 1992 г. Спроецирована линия квадратов 95–109 с севера и линия квадратов 53–67 с юга (*а* – гребенчатая керамика; *б* – ямочно-гребенчатая керамика). Стратиграфия: *1* – торф коричневый; *2* – торф темно-коричневый сильноразложившийся; *2а* – торф коричневый слаборазложившийся; *3а* – торф буро-коричневый с примесью песка; *3б* – торф рыжий слоистый (материк).

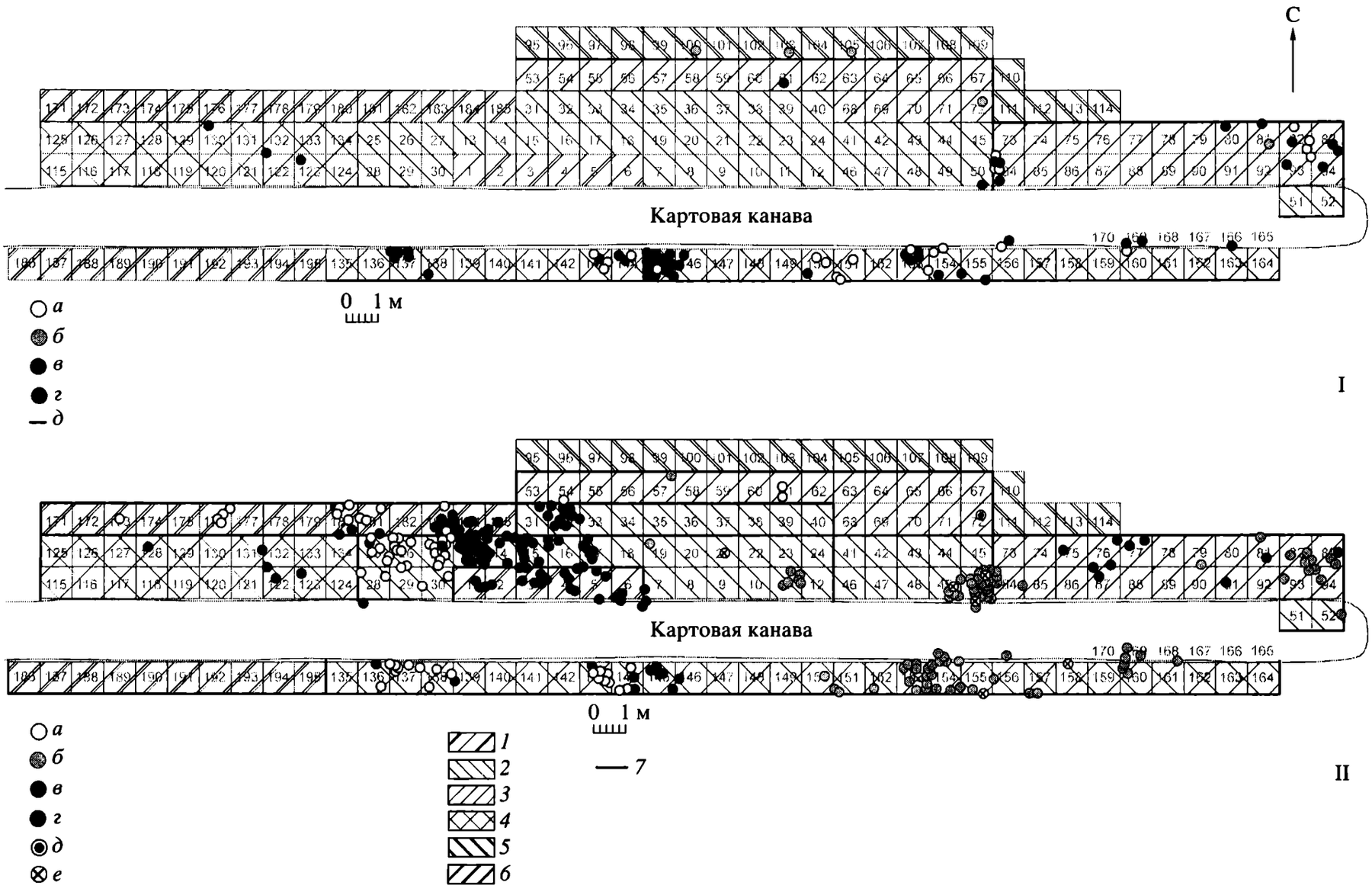


Рис. 10. Стоянка Озерки 5. План распределения находок неолитической керамики: I – по данным полевых чертежей; II – по данным коллекции. I – План находок керамики по данным коллекции (всего 82 фрагмента керамики: *а* – керамика с отступающим орнаментом; *б* – керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом; *в* – керамика с гребенчатым орнаментом; г – неорнаментированная керамика; *д* – профили, на которые были спроецированы находки). II – План с находками керамики по данным пластовых чертежей (всего 312 фрагментов керамики: *а* – верхневолжская керамика без дресвы, I–II слои; *б* – верхневолжская керамика без дресвы, III слой; *в* – верхневолжская керамика с дресвой, I–II слои; *г* – льяловская керамика, I–II слои; *д* – льяловская керамика, III слой; *е* – верхневолжская керамика с дресвой, III слой). Раскопы: *1* – 1990 г.; *2* – 1991 г.; *3* – 1992 г.; *4* – 1994 г.; *5* – 1993 г.; *6* – 1995 г.; *7* – профили снятые за все время раскопок.

отдельных черепков льяловских сосудов) отмечено в квадратах 73–83 (рис. 7, IV). Факты совместного залегания верхневолжской керамики с орнаментацией, характерной для различных этапов культуры, отмечаются и в других частях раскопа.

Представляется, что разделение комплексов керамики верхневолжской культуры на стоянке Озерки 5 правильнее проводить на основании планиграфии. Керамика с гребенчатой орнаментацией залегает в основном в центральной части раскопа. Основная масса фрагментов сосудов с накольчато-отступающим орнаментом и неорнаментированной керамики найдена в восточной части. Фрагменты льяловских сосудов тяготеют к северной части раскопа (рис. 10, I).

Планиграфическая закономерность в распределении керамического материала достаточно четко проявляется и при анализе керамики на основании типологии М.Г. Жилина (рис. 10, II). В центральной части памятника обнаружены фрагменты сосудов, относимые автором раскопок к I и II слоям. Причем внутри этой группы выделяются ареалы керамики без дресвы и керамики с дресвой. Фрагменты сосудов, относимые М.Г. Жилиным к III слою, концентрируются в восточной части раскопа, что полностью совпадает с нашими наблюдениями. При этом выделение ареалов залегания фрагментов с дресвой и без дресвы не прослеживается. Льяловская керамика, исходя из анализа полевых чертежей, также залегает в самой восточной части раскопа.

Вывод из данной работы в отношении материалов верхневолжской культуры представляется следующий. В основной своей массе коллекции керамики, интерпретируемые как чистые комплексы, залегающие в четких стратиграфических условиях, достаточно немногочисленны. Нередко они насчитывают не более десяти фрагментов. Несколько бóльшая коллекция черепков найдена на стоянке Давыдковская. Но они принадлежат, в лучшем случае, двум сосудам условия залегания которых неясны. Коллекция стоянки Воймежная 1 насчитывает 750 фрагментов ранненеолитической керамики, но залегает в единых стратиграфических условиях и относится к одному, второму этапу верхневолжской культуры. Но какие-либо стратиграфические закономерности для ранненеолитической коллекции отсутствуют.

Наиболее разнообразная и многочисленная коллекция керамики (312 фрагментов) получена со стоянки Озерки 5. Но она не обладает однозначно интерпретируемой археологической стратиграфией и не может быть использована как основа для создания периодизации верхневолжской культуры.

В то же время фактов, однозначно опровергающих выделение керамических комплексов верхневолжской культуры с различными традициями орнаментации, нет. Точка зрения исследователей верхневолжской культуры о выделении керамических комплексов с накольчато-отступающей и гребенчатой орнаментацией остается в силе. Но в отношении стратиграфического соотношения традиционно выделяемых орнаментальных комплексов верхневолжской керамики однозначно интерпретируемых фактов, по нашему мнению, не имеется. Поэтому активно ведущаяся дискуссия об этапах развития верхневолжской культуры, проблеме возможного сосуществования традиций накольчато-отступающей и гребенчатой орнаментации керамики сейчас во многом лишена фактологической основы. Возможно, этим и объясняется длительность дебатов и непоколебимость позиций их участников.

В более широком плане эта работа, как надеется автор, иллюстрирует насущную необходимость повышенного внимания к фактологической основе археологических исследований, разработки современной методики анализа материала, минимизирующей субъективные моменты и позволяющей объективно и с должной степенью доказательности и проверяемости изложить имеющиеся факты.

Иллюстрацией одного из возможных способов объективного анализа является настоящая статья, где описываются результаты использования программы, моделирующей трехмерную структуру раскопа. Необходимо стремиться максимально расширить спектр подобных прикладных программ, применительно к различным типам памятников – стоянок, поселений, могильников и т.п.

В приложении к памятникам верхневолжской культуры дальнейшие исследования должны иметь целью поиск реально стратифицированных памятников, а при отсутствии таковых разработку иных методик объективного анализа материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Древние охотники и рыболовы Подмосковья. По материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы – Воймежное 1. М., 1997.

Жилин М.Г. Отчет Дубенско-Горьковского отряда за 1990 г. // Архив ИА РАН. 1990. Р-1. № 15472.

Жилин М.Г. Отчет за 1991 г. (раскопки на Озерецком торфянике и на р. Дубне) // Архив ИА РАН. 1991. Р-1. № 15958.

Жилин М.Г. Отчет об археологических исследованиях в 1992 г. // Архив ИА РАН. 1992. Р-1. № 17287.

Жилин М.Г. Отчет о работах 1993 г. // Архив ИА РАН. 1993. Ф-1. №18523.

Жилин М.Г. Археологические исследования на Озерецком торфянике в 1990–1992 гг. // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994а.

Жилин М.Г. Отчет о работах в 1994 г. // Архив ИА РАН. 1994б. Р-1. № 18067.

Жилин М.Г. Отчет о работах Верхневолжской экспедиции в 1995 г. // Архив ИА РАН. 1995. Р-1. № 19928.

Жилин М.Г. Некоторые итоги раскопок стоянки Озерки 5 в 1990–1994 гг // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.

Жилин М.Г. Памятники мезолита и раннего неолита западной части Дубненского торфяника // Древности Залесского края. Сергиев Посад, 1997.

Жилин М.Г., Крайнов Д.А. Стоянка Берендеево IIа // КСИА. 1982. Вып. 169.

Жилин М.Г., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. История развития природной среды и заселения стоянок Озерки 5, 16, 17 в Конаковском районе Тверской области // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998.

Костылева Е.Л. Ранненеолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VIII // СА. 1986. № 4.

Костылева Е.Л. Ранненеолитическая керамика Верхнего Поволжья // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994.

Кравцов А.Е. Отчет о работах Подмосковного отряда экспедиции МИРМ в Орехово-Зуевском и Раменском районах Московской обл. в 1985 г. // Архив ИА РАН. 1985. Р-1. № 40597.

Крайнов Д.А., Костылева Е.Л. Ранненеолитическая стоянка Шадрино IV в бассейне р. Лух // КСИА. 1988. Вып. 193.

Неолит Северной Евразии. Сер. Археология. М., 1996.

Сидоров В.В. Отчет о работе археолога Московского Областного краеведческого музея В.В. Сидорова за 1969 год // Архив ИА РАН. 1969. Р-1. № 4003.

Сидоров В.В. Давыдковская стоянка на реке Яхроме // СА. 1973. № 2.

Смирнов А.С., Трифоненков А.В. Архео. Программа для создания информационных схем в среде системы AutoCAD // Тр. IV конф. Ассоциации "История и компьютер". М., 1997.

Цетлин Ю.Б. Периодизация истории населения Верхнего Поволжья в эпоху раннего неолита (по данным изучения керамики) // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.

Энговатова А.В. Хронология неолита Волго-Окского междуречья // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998.

Smirnov A. "ARCHEO": a program to create graphic information charts in AutoCAD // Anglo-Russian Archaeology Seminar: Recording Systems for Archaeological Projects. Bournemouth; Moscow, 2000.

Factological reliability of archaeological investigation (The example of the Upper Volga Neolithic culture)

A. S. Smirnov

Summary

The article deals with the problem of presentation and analysis of the stratigraphic and planigraphic data obtained while archaeological investigation of the Neolithic sites. As an instrument of investigation the program product "Archeo" has been used. It works in AutoCAD automatic projecting environment. Analysis has been performed at a number of sites of the Upper Volga culture considered in special literature as multilayer sites. They form the basis for working out chronological sequence of this Early Neolithic culture. Having carried out the investigation, the author came to the conclusion that at present there are no sites of the Upper Volga culture with clearly expressed stratigraphy. This means that the problem of correlation of the associations with stroke and comb decorated pottery cannot be solved, though the existence of two pottery associations has been confirmed. The presented work stresses the urgent necessity to pay more attention to the real data bases of the archaeological investigations, working out modern methods of analysis aimed at minimizing subjective interpretation. They should enable objective and grounded presentation of facts and their cross-checking.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 2, с. 115–122

ДИСКУССИИ

НАЙДЕНО НА АУКЦИОНЕ "CHRISTIE". РОЛЬ ЭКСПЕРТА В ТОРГОВЛЕ ДРЕВНОСТЯМИ

© 2004 г. В. С. Флёров

Институт археологии РАН, Москва

Осенью 2001 г. в мои руки попала ксерокопия двух страниц одного из выпусков каталога известного аукциона "Christie" (рис. 1). На них содержалась информация о распродаже древностей: "Antiquities. Friday, 8 June 2001". В числе выставлявшихся на торги был лот 318 – A khazaro-bulgar engraved antler container. Circa 8th–early 9th century A.D. Предмет обозначался как "собственность из частной коллекции". Это роговой реликварий, тип которого известен по находкам преимущественно на памятниках салтово-маяцкой культуры. Большинство из них покрыты гравировкой (Флёрова, 1997. С. 59–66). Особенно редки реликварии с сюжетными композициями. По своей уникальности и научной значимости они ненамного уступают разве что сценам на еще более редких металлических ритуальных сосудах (Флёрова, 2001. С. 97–116).

Каталог не сообщает о месте находки реликвария. Судя по характерному повреждению, предмет находился в погребении. Речь может идти о могильнике, возможно катакомбном, или подкурганном захоронении. Было бы наивным полагать, что это случайная находка местного жителя, который быстро переправил ее за рубеж. Поражает не сам факт появления на аукционе этой вещи, но профессионализм публикуемой в каталоге аннотации, хотя в ней и допущены ошибки. Мало того, она снабжена и ссылкой на литературу, в том числе и на рисунок из книги С.А. Плетневой, изданной в 1999 г. (Плетнева, 1999. Рис. 119). Это недавно найденные костяные изделия Шиловского кургана Поволжья (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. С. 106. Рис. 21). Правда, стиль изображений совершенно иной, но выбора у "эксперта" небыло. Он и не мог найти аналогичных – их нет. Реликварий "Кристи" уникален! Важна и такая деталь как то, что писавший аннотации сослался не на авторов основной публикации, а на С.А. Плетневу как на более известную за рубежом, книга которой поступила в США.

Итак, аннотация (перевод здесь и далее В.Е. Флёровой):

"ХАЗАРО-БУЛГАРСКИЙ КОНТЕЙНЕР ИЗ РОГА ОЛЕНЯ С ГРАВИРОВКОЙ

Около VIII – начала IX века н.э.

Вероятно, использовался для сухих продуктов. Внешняя поверхность сплошь покрыта выгравированными сценами повседневной жизни. Одна сторона – с охотничьими сценами с группой людей, целящихся из луков в оленя, стадом кабанов, большой птицей и стаей бегущих животных. Другая сторона – с группой людей, расположенной на отдельных частях поверхности. Одна фигура человека, слезающего с оседланного коня. Еще одна фигура – гораздо большего масштаба, чем другие, возможно, вождь. Рог имеет отверстия вдоль краев.

5 дюймов (2.7 см) длиной.

Оценка: $ (*здесь указана цифра, которую не публикую – В.Ф.*),

Хазаро-булгары относятся к салтово-маяцкой культуре, кочевническое население Кавказа и степей.

Похожие предметы смотрите: рис. 119 в Плетнева *Очерки хазарской археологии*. Относительно "солонки" из рога оленя того же плана найденной в Моравии смотрите № 108 в Декан Великая Моравия, Великая Моравская империя, *ее искусство и время*".

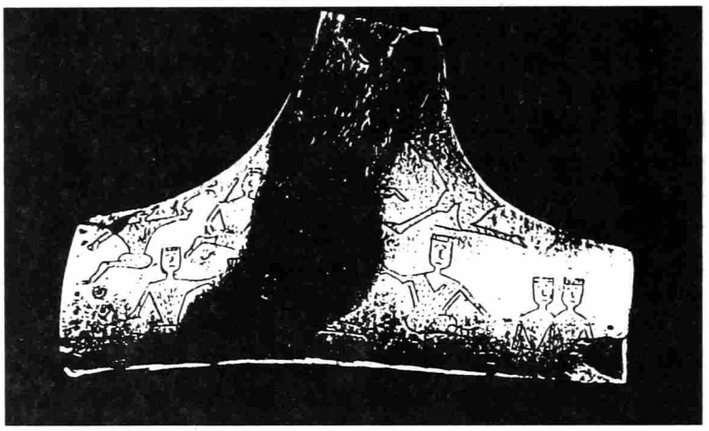
Я акцентирую внимание на годе издания книги С.А. Плетневой – 1999 г. – и дате аукциона – лето 2001 г. Вероятнее всего, реликварий извлечен из погребения в сезон 2000 года. Во всяком случае, аннотация написана не ранее 1999 г.

О самом реликварии планируется отдельная публикация[1], а здесь об иных проблемах, связанных с ролью профессионального археолога-эксперта в подпольной торговле древностями. Повод говорить дает подготовленная таким экспертом аннотация к реликварию, т.е. его участие в продаже этого уникального предмета.

Археологам известен размах ограбления археологических памятников России (равно на Украине, в Республике Крым и других регионах). Меньше мы знаем о торговле археологическими древностями, в том числе за рубежом. Аукцион "Кристи" – одно из свидетельств. "Публикация" аукциона заставляет задуматься над рядом вопросов.

1. Первый касается атрибуции участников ограбления древних памятников. Прижился термин "черные археологи". Он как бы приравнивает "черных" к археологам-ученым. Ни о каких чер-

[1] В.С. Флёров, В.Е. Флёрова. "Роговой "реликварий" с территории Хазарского каганата" РА, в печати.



318

THE PROPERTY OF A PRIVATE COLLECTOR

318
A KHAZARO-BULGAR ENGRAVED ANTLER CONTAINER
Circa 8th-Early 9th Century A.D.

Perhaps used for dried products, the exterior entirely covered with engraved scenes of daily life, one side with hunting scenes, with a group of men aiming bows and arrows at a deer, a herd of boar, a large bird, and a pack of running quadrupeds, the other side with a group of men around a partitioned area, one figure dismounted from a saddled horse, one figure much larger in scale than the others, perhaps a leader, the antler perforated along the edges
5 in. (12.7 cm) long

Estimate: $ [redacted]

The Khazaro-Bulgars belong to the Saltovo-Mayatskaya culture, a nomadic peoples from the Caucasus and Steppes.

For a similar piece see fig. 119 in Pletnyova, *Ocherki Khazarskoy Arkheologii*. For an antler "salt cellar" of the same vintage found in Moravia see no. 108 in Dekan, *Moravia Magna, The Great Moravian Empire, Its Art and Times*.

VARIOUS PROPERTIES

319
A VIKING BRONZE DRAGON HEAD PENDANT
Circa 900 A.D.

The stylized monster with a long tapering neck, its mouth depicted agape, with its fire projecting from between its jagged teeth, with a large circular eye above on either side, the pupils raised, the ears flat against its head, with a high crest above, a small pendant loop for suspension along the neck, the surface decorated with punched dotted circles
1¾ in. (4.6 cm) high

Estimate: $ [redacted]

For a similar pendant found in the Lake Ladoga area of North West Russia see p. 65 in the Encyclopedia of Lost Civilizations, *Vikings: Marauders from the North*.

319

Antiquities
Friday, 8 June 2001

AUCTION
Friday, 8 June 2001
10.00 am (lots 1-197) & 2.00 pm (lots 198-386)
20 Rockefeller Plaza
New York, New York 10020

VIEWING
Saturday 2 June, 10.00 am - 5.00 pm
Sunday 3 June, 1.00 pm - 5.00 pm
Monday 4 June, 10.00 am - 7.00 pm
Tuesday 5 June, 10.00 am - 5.00 pm
Wednesday 6 June, 10.00 am - 5.00 pm
Thursday 7 June, 10.00 am - 2.00 pm

SALE CODE
In sending written bids or making inquiries, this sale should be referred to as AEGINA-9666

AUCTIONEERS
10.00 am Sarah Lidsey (# 0953093)
2.00 pm James Bruce-Gardyne (# 0940126)

This sale is subject to the Conditions of Sale printed at the back of this catalogue and to reserves
[40]

THE PROPERTY OF
Dr. & Mrs. Ralph De Ayala
Property formerly in the Collection of
William and Bernadette Berger
The Ervika Foundation
Mr. and Mrs. George B. Mathues
The Estate of Lucille Ellis Simon

CHRISTIE'S

20 ROCKEFELLER PLAZA, NEW YORK, NEW YORK 10020 TEL: 1 212 636 2000. FAX: 1 212 636 2399

Рис. 1. Страницы из каталога аукциона **CHRISTIE.** Вверху реликварий.

ных "археологах" речи быть не должно. Их "деятельность" идет вразрез с российским законодательством об охране археологических памятников. Ситуация парадоксальна: укравший экспонат из музея – именуется вором, подлежит суду. Укравший ту же вещь непосредственно из археологического объекта – "археолог", с романтической окраской "черный". Называть археологами данную категорию лиц неверно по существу их деятельности. Неверно и юридически. Лица же, имеющие археологическую подготовку и сотрудничающие с грабителями или пользующиеся их услугами, вступают в зону столкновения с интересами государства, с одной стороны, науки и общественности – с другой.

Ограбление памятников археологии и сбыт добычи переживают в России качественный сдвиг. От одиночек этот "бизнес" переходит в руки организованных групп, у которых с ростом "добычи" появилась и потребность в экспертной оценке добытого. Их интересует не научная значимость вещей, но зависящая от нее цена на подпольном рынке, в том числе зарубежном. На цену влияют уникальность вещи, дата, художественность исполнения, судить о которых способен только специалист. Прошли те времена, когда воров интересовал только материал ряда древних предметов – золото[2].

Подпольный рынок с нарастанием оборота древностей требует все большего числа экспертов. Ищут их в музеях, институтах, университетах (не говоря о массе расплодившихся "обществ"). Принял предложение о "сотрудничестве" и автор аннотации к реликварию.

2. О соучастии ученых в подпольной торговле древностями в качестве экспертов-оценщиков. Понятен интерес археолога к предложению посмотреть новую вещь. Однако сознательно или неосознанно, вступив в контакт с ворами, он начинает выступать в качестве оценщика. Выход один – абсолютный отказ от сотрудничества с торговцами древностей. Если не будет отказа, то с неизбежностью последуют новые обращения, а затем и предложения оплачивать услуги. Ученый становится соучастником незаконной торговли. Это по сути *пособничество, соучастие и укрывательство* преступного деяния.

Оплата услуг эксперта. Она не обязательно выражается в деньгах. В ряде случаев археологи "мотивируют" контакт с грабителем возможностью зарисовать предмет, хотя информативность такого "источника" ограничена (владелец вещи не открывает местоположения памятника, из которого происходит предмет, или дает ложную информацию). Надо иметь в виду – разрешение зарисовать есть ничто иное, как завуалированная, скрытая форма *оплаты услуги по экспертизе* награбленных вещей. По мере разрастания торговли древностями, а эта тенденция очевидна, подпольный рынок с неизбежностью будет все более нуждаться в экспертах по множеству эпох и культур, а оплата будет принимать самые разнообразные формы. Суть ее от этого не изменится – это оплата за услуги противозаконному "предпринимательству".

3. Вопрос, вызывающий в среде археологов странные споры – покупка археологических предметов на подпольном рынке. Мотивы сторонников приобретения для музейных собраний на первый взгляд обоснованы стремлением "спасти" предмет, ввести его в научный оборот. Какую научную ценность будет представлять вырванный из контекста археологического памятника предмет? Особенно на фоне аналогичных уже найденных и тех, которые еще будут найдены в ходе научных раскопок. Археология, не надо забывать, давно превратилась из вещеведения в науку об эпохах, культурах, обществах. С так называемым массовым материалом кажется все ясно. От его приобретения можно отказаться. А как быть с предложением приобрести редкую вещь типа реликвария аукциона "Кристи"? Прежде всего, отвечу, что деление на обычные и редкие вещи очень условно. Преднамеренно обострю постановку вопроса: как быть с появлением на рынке раритетов типа, к примеру, хранящихся в Золотой кладовой Государственного Эрмитажа или киевском собрании исторических драгоценностей? Ответ, на мой взгляд один и он относится без исключения к любой вещи, предлагаемой вором или посредником: приобретая л ю б о й предмет сегодня, мы тем самым поощряем грабителей на продолжение преступной деятельности в дальнейшем, даем ему заказ на поиск аналогичных предметов и карт-бланш на сбыт. Что касается покупки музеями предметов уровня эрмитажных, то такая проблема для музеев практически не стоит. Преступный мир знает финансовые возможности отечественных музеев. Но, подчеркну, исключений не может быть ни для одной категории вещей, добытых преступным путем. Посмотрим на это с другой стороны. Предложение купить предмет из разграбленного памятника – это предложение государству в лице музея выкупить заложника, только неодушевленного. Музей, вступая в переговоры о покупке, тем самым принимает правила преступного мира торговцев древностями. Чем значительнее выкуп, тем выше стимул к захвату других предметов. Эту цепочку может прервать только категорический отказ выкупать очередную вещь.

[2] Характерный пример. В 60-х годах XX в. из экспозиции Ростовского-на-Дону областного музея были украдены золотые со вставками из полудрагоценных камней фалары из Садового кургана в г. Новочеркасске (Капошина, 1963; Колесова, 1964). Воры "камешки" выбросили, а сами вещи переплавили. Примечательно, что и тогда первой версией следствия был вывоз фаларов за рубеж как произведений древнего ювелирного искусства, так как полученная от переплавки масса золота стоила в сотни раз меньше.

Пока я имел в виду только государственные музеи. Сейчас в России, в том числе и в Москве, начали появляться закрытые от публики "музеи" коммерческих предприятий, в том числе и приступивших к собиранию археологических коллекций путем покупки на подпольном рынке. Естественно, их владельцы нуждаются в экспертах и квалифицированных сотрудниках, в обязанности которых входит поиск и скупка древностей из разграбленных памятников. Такие "музеи" имеют собственную сеть поставщиков и скупщиков. Научная ценность этих собраний практически нулевая, но для грабителей археологических памятников они представляют гарантированный и устойчивый рынок сбыта. Совершенно очевидно, что деятельность частных музеев по коллекционированию археологических предметов должна быть законодательно регламентирована. В настоящее же время их деятельность противоправна, так как единственным источником их собраний является скупка вещей из ограбляемых памятников. Соотвественно должна расцениваться и "деятельность" аппарата этих музеев.

Итак, как бы и о чем ни ставились вопросы, касающиеся взаимоотношений ученых из государственных и частных музеев с подпольными торговцами, они сводятся к одному: *соучастие в разграблении исторического наследия, стимулирование этого процесса*[3].

4. Проблема, о которой приходится говорить с особой тревогой. Информация о ней в силу особой скрытности подпольных операций малодоступна. Речь идет о возможных, и кажется, уже имеющих место предложениях археологам продавать наиболее интересные находки буквально на месте раскопок, т.е. до того, как они поступили в музеи или другие хранилища. Естественно, в полевых описях они не регистрируются. При этом "товар" на месте получает экспертную оценку раскопщика. Как логичное завершение этого процесса следует ожидать предложений реализовывать на черном рынке археологические предметы непосредственно из фондов музеев.

Каковы перспективы разграбления археологических памятников и соответственно попыток вовлечения в этот процесс профессиональных археологов? Коснусь двух аспектов. Грядет приватизация земли, хотя de facto она идет. Возникновение латифундий приведет к тому, что допуск в них археологов будет зависеть исключительно от владельцев. Последует бум незаконных раскопок, резко возрастет оборот археологических предметов на подпольном рынке. Соответственно возрастет потребность в консультациях и экспертизах. Возрастет поток предложений музеям покупать незаконно добытые древности.

Во-вторых. Наиболее "культурные" владельцы земли, понимая до некоторой степени необходимость научного исследования памятников археологии, пойдут иным путем: пригласят профессиональных археологов, НО на условии, что находки поступят в их частные коллекции. У нас нет законодательства, обязывающего владельца регистрировать расположенные на его землях археологические памятники и налагающего на него обязательства по их сохранности. И пока не будет такого законодательства, "сотрудничество" археолога с землевладельцами будет пособничеством частному коллекционированию и подпольной торговле древностями. Компромисс между наукой и частными интересами окажется призрачным. Он всегда будет в пользу землевладельца, финансирующего раскопки[4]. Археолог неизбежно будет втянут в частное коллекционирование и торговлю археологическими древностями в качестве не только эксперта, но и добытчика.

В-третьих. В связи с приватизацией земли или вне зависимости от нее опасность грозит с другой стороны – легализация торговли древностями, сначала в магазинах антиквариата, а потом

[3] В № 2/2001 украинского журнала "Древний мир" был опубликован панегирик М. Виргинской под заголовком "Пример, достойный подражания". Вот отрывок из него: "Знакомьтесь – Сергей Николаевич Платонов – преуспевающий киевский предприниматель, увлеченный коллекционер, человек добрый и скромный. Именно он передал в руки Президента Украины замечательную коллекцию предметов древнего ювелирного искусства, стоимость которых, по оценкам специалистов, составляет миллионы долларов, но не лично президенту, а для музея исторических драгоценностей. Многие годы Платонов создавал свое собрание. ... Хобби требовало не только материальных затрат, но и постоянных поездок по разным регионам Украины... Если бы не подвижническая деятельность киевского коллекционера, многие шедевры из его собрания давно бы оказались в руках дельцов из Цюриха или Мюнхена". Очень рекомендую прочитать заметку Виргинской полностью.

А по существу что делал "горячий патриот своей страны" Платонов? Постоянно скупая украденные вещи, он с неизбежностью стимулировал новые ограбления археологических памятников на территории Украины. Это вместо того, чтобы потратить свои миллионы на организацию борьбы с этим явлением. Диву даешься, как такой солидный журнал, как "Древний мир", в редакцию которого входят и археологи, мог опубликовать материал, поощряющий подобное "коллекционирование". Складывается впечатление, что заметка и опубликована в оправдание чего-то грязноватого, недаром в ней коллекционирование древностей приравнивается(!) к коллекционированию марок.

Публикация о Платонове служит прямым диссонансом тому, что в это же время сообщается, например, об обстановке в Крыму: "Массовое ограбление могильников в Юго-Западном Крыму привело к потере колоссального количества информации о погребальном обряде, материальной культуре и этническом составе населения, не говоря уже об утраченных находках" (Пуздровский и др., 2001. С. 36).

[4] Надо иметь в виду малую эффективность в России любого законодательства, особенно по охране памятников истории и культуры. Пример этого – снос и перестройка памятников архитектуры в Москве, происходящие на наших глазах. Принятие законодательства об археологических древностях (что само по себе весьма проблематично) никак не гарантирует контроль государства над их сохранностью и использованием.

и в специализированных. Легализации торговли древностями способствует и отмена с 2000 г. лицензирования на торговлю антиквариатом. Пагубность этого более чем очевидна. Ясно и то, что инициаторами этой отмены были сами торговцы.

Что такое легальная торговля древностями и ее масштабы, я имел возможность увидеть в Иерусалиме во время международного симпозиума "Хазары" в 1999 г. В Старом городе имеется сеть магазинов, в которых представлены все археологические эпохи от палеолита до крестоносцев. Наиболее респектабельные магазины имеют визитные карточки (рис 2). Магазины располагают сетью поставщиков. Ассортимент – от кремневых орудий до небольших саркофагов. В этих магазинах все предметы безошибочно датированы и атрибутированы, что отражено в этикетаже, а весь "товар" столь же верно расставлен и сгруппирован в торговых витринах. Ясно, что каждый магазин древностей имеет профессиональных археологов-экспертов.

Если в России произойдет легализация торговли археологическими предметами, то она создаст стабильный рынок сбыта добычи из разграбляемых памятников. Мало того, торговля будет нуждаться в постоянных поставках. Последние же потребуют не разовых консультаций археологов, но постоянной экспертной работы в сфере торговли древностями.

Мы должны обратить внимание прежде всего на юридическую сторону. Все формы контактов с грабителями *противоправны*, хотя юридические нормы поведения археолога не регламентируются соответствующими законодательными и подзаконными актами. Их появление всегда отстает от назревшей потребности. Любая информация, полученная от археолога (о дате, культуре, научном значении предмета и литературе о нем) неизбежно будет использована в сфере торговли награбленными древностями, что и имело место, в частности на аукционе "Кристи" – пример легализованной торговли археологическими предметами за рубежом.

Итак, вернемся к реликварию. Аукцион "Кристи" действует в другой стране и в иной юридической сфере. Вопрос о возможности прямых претензий к аукциону должны решать юристы. Я же хочу отметить следующее. Поскольку аукцион торгует древностями с территории России (это ясно из аннотации к реликварию), он был обязан поинтересоваться российским законодательством об охране и использовании памятников истории и культуры и практикой оборота в России археологических древностей. То, что разрешение на вывоз реликвария официальным путем не могло быть получено, сомнений не вызывает. Это конрабанда. Что же касается самого реликвария, то с ним произошло "отмывание" (как и отмывание грязных денег) путем включения через аукцион в легальный оборот антиквариата. Отныне данный предмет (если был куплен) имеет документацию аукциона. Добытая некогда преступным путем вещь приобретает новый статус на открытой, узаконенной распродаже солидного аукциона. Вольно или невольно, что не снимает с него ответственности, хотя бы моральной, "Кристи" содействовал процессу ограбления памятников археологии в России.

На той же странице каталога "Кристи" представлен лот 319 (рис 1), сопровождаемый аннотацией, составленной археологом уже иной специализации и так же со ссылками на научную литературу:

"Драконоголовая подвеска викингов.

Около 900 г. н.э.

Стилизованное чудовище с длинной, сужающейся к концу шеей Его пасть изображена открытой с вырывающимся между острыми зубами пламенем, с большим круглым глазом с рельефным зрачком, с прижатыми ушами, с высоким хохолком на макушке. Маленькая петля для подвешивания на шее. Поверхность декорирована штампованными циркульными окружностями.

Высота 1 13/16 дюйма (4.6 см).

Оценка: $ (*не публикую – В.Ф.*)

О подобных подвесках, найденных в районе Ладожского озера на Северо-Востоке России см.: с. 65 в Энциклопедии погибших цивилизаций: *Викинги: Мародеры с Севера.*

Мы видим, что аннотация составлена на должном научном уровне и со знанием аналогий и литературы, со ссылкой на территорию России. До тех пор пока грабительство не имело массового характера, оно не нуждалось в систематических экспертизах. С выходом на зарубежные рынки, участие эксперта как главного действующего лица на этапе подготовки вещи к продаже стало необходимым. Эксперты эти – российские, так как в США, как и других странах, не может быть специалистов по множеству археологических культур России. Столь же велики роль и ответственность археолога-эксперта и при продаже вещи непосредственно частным собирателям, особенно зарубежным клиентам. Так чем же должен руководствоваться археолог в своей профессиональной деятельности, особенно при попытках привлечь его к работе в любом качестве на грабителей, частных коллекционеров и в сферу торговли древностями? К сожалению, в России нет документов, регулирующих профессиональное поведение археолога. Поэтому воспользуемся документом, имеющим самое прямое отношение к этой профессии, тем более что значительная часть археологов работает в музеях. Это "Кодекс профессиональной этики" Международного совета музеев, принятый еще в 1986 г., но практически неизвестный боль-

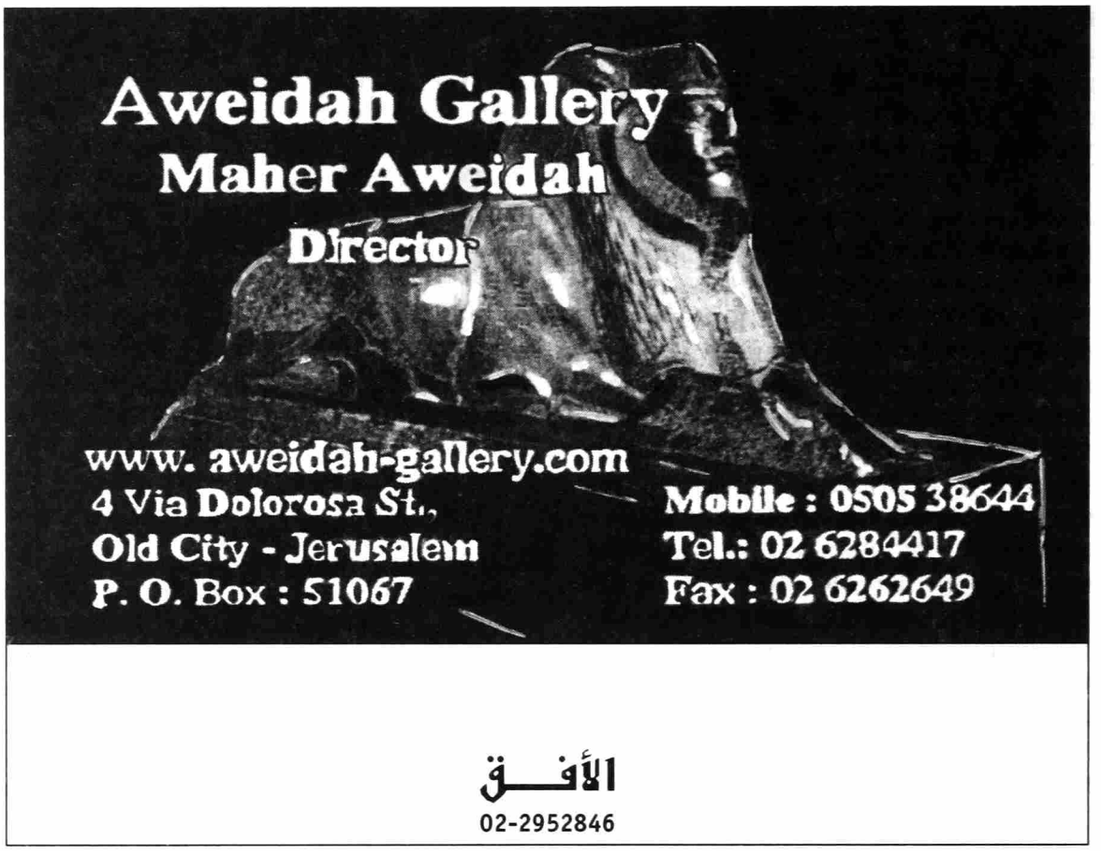


Рис. 2. Визитная карточка одного из магазинов археологических древностей в Старом городе Иерусалима.

шинству специалистов, которым он адресуется[5]. До сих пор я сознательно избегал слова "этика". Да, соучастие ученого в торговле древностями – это вопрос не только юридический, но и профессиональной этики.

Приведу небольшие извлечения из "Кодекса", прямо относящиеся к затронутым выше проблемам (прошу читателя, там где упоминается музей, добавлять "и другие научные учреждения и археологи").

"3.2. **Незаконное приобретение материалов.**

Незаконная торговля предметами, имеющими музейную ценность, ведет к разрушению исторических памятников, местных этнических культур, способствует воровству (*обратить внимание на термин – В.Ф.*) как на национальном, так и на международном уровнях. ... Музеи не должны закрывать глаза на связь между рынком и первоначальным – зачастую имеющим разрушительный характер – изъятием предмета на рынок сбыта и должны признавать в высшей степени неэтичной как прямую, так и косвенную, поддержку музеем этого незаконного рынка сбыта ... .

Если речь пойдет о материале, добытом из раскопок, то, ... музей не должен приобретать путем покупки предметы, в отношении которых ... имеются достаточные основания полагать, что их извлечение повлекло за собою недавнее ненаучное ... разрушение или повреждение памятников древности или мест археологических раскопок ... без ведома надлежащих юридических или правительственных органов.

3.3. **Полевые изучения и коллекционирование.**

... при приобретении образцов и данных все участники должны действовать со всей ответственностью и в соответствии с законами, никоим образом не поощряя неэтичной, незаконной и разрушительной практики.

5.1. **Этические обязанности музейных работников.**

Прием на работу в музей – свидетельство общественного доверия, налагающее большую ответственность. В любом виде деятельности ... требуется абсолютная честность, принципиальность и максимальная объективность. ... мало иметь профессиональные знания и интеллектуальные способности, надо еще вдохновляться высокими этическими принципами.

[5] Недавно по инициативе директора Азовского музея А.А. Горбенко документ был переопубликован (Кодекс..., 2001). Это пример действительно достоин подражания. Крайне желательно, чтобы ему последовали и другие музеи. Кроме того, в распространении нуждается "Европейская конвенция (пересмотренная) об охране археологического наследия". Оба документа можно найти в сети Интернет.

8.3. **О делячестве.**

Никто из сотрудников ... не должен заниматься делячеством, т.е. скупкой и продажей с целью извлечения выгоды предметов по профилю своего музея.

8.4. **Другие потенциальные столкновения интересов.**

Профессионалам музейного дела, благодаря их знаниям, опыту, контактам, часто предлагают различную частную работу – *консультирование* ... обращаются к ним с просьбой *сделать оценку тех или иных предметов* ... это может привести к столкновению интересов ... .

8.5. **Установление подлинности, оценка и незаконно приобретенные материалы.**

Музейные работники не должны атрибутировать или иным путем определять аутентичность предметов, в отношении которых может возникнуть подозрение, что они *нелегально или незаконно приобретены*, привезены, вывезены или ввезены из-за границы.

Признается в высшей степени неэтичным ... поддерживать прямо или косвенно *незаконную торговлю* природными и культурными ценностями; ...никоим образом не следует действовать так, чтобы это могло рассматриваться как прямая или косвенная поддержка такой незаконной торговли. Если имеются основания подозревать, что речь идет о нелегальном провозе, ввозе или вывозе, об этом надлежит поставить в известность компетентные органы власти.

8.6. ..никто из сотрудников ... не должен принимать подарки, пользоваться гостеприимством или любыми другими формами *вознаграждения от дельцов, аукционистов* (! – *В.Ф.*) или иных лиц, предлагаемыми за содействие в покупке или продаже музейных предметов.

Дабы не навлекать на себя подозрения в коррупции, ... сотрудник не должен рекомендовать кому-либо из публики того или иного *частного дельца, аукциониста* и т.п., а также не должен покупать для себя лично по льготной цене вещи у лица, с которым он сам или музей имеет профессиональные отношения" (*везде курсив мой – В.Ф.*).

Полагаю, все это не требует комментариев, поскольку сформулировано чрезвычайно ясно и конкретно. "Кодекс" предусмотрел все ситуации неэтичного и противоправного поведения археолога независимо от места его трудовой деятельности (работы по найму или трудовому соглашению) в государственных учреждениях. Вне их работа археолога в России не предусмотрена по своей сути, так как археологические памятники, движимые и недвижимые, являются достоянием государства. Подчеркну особенно, Кодекс предусмотрел все ситуации, затронутые в данной публикации, включая незаконную добычу древностей, воровство, консультирование за вознаграждение и оплату услуг от дельцов и аукционистов.

Что же касается самого оборота археологических древностей в России, оказавшихся по тем или иным причинам в частных руках, то надежды на появление такого документа более чем призрачны. Мало того, из Уголовного кодекса России удалена единственная бывшая в нем статья, предусматривавшая наказание в связи с сокрытием археологических древностей от государства. В настоящее время в Уголовном кодексе нет ни одной статьи, предполагающей наказание за разрушение памятников археологии, а тем более за должностные преступления, связанные с подпольным оборотом древностей. Как отметил В.В. Седов, "в России дело обеспечения сохранности и использования археологического наследия находится в самом плачевном состоянии" (Седов, 2000. С. 3). Это подтвердил и недавно состоявшийся по инициативе журнала "Российская археология" Круглый стол по проблемам ограбления памятников археологии (Незаконные раскопки..., 2002). Увы, роль в этом профессиональных археологов бывает весьма неприглядной. Что же касается самого Круглого стола, то он должен стать постоянно действующим.

Ситуация с ограблением древностей в России в обозримом будущем имеет явную тенденцию к ухудшению. Это надо признать. Сращение криминала с нарушившими профессиональную этику археологами неизбежно. Что же можно предпринять помимо констатации этого? На мой взгляд первым шагом может быть создание Всероссийской корпорации археологов, только членство в которой может открывать доступ к профессиональной деятельности. Прецеденты есть: это и средневековые цеха, действующие за рубежом корпорации врачей разных специальностей, отечественная Гильдия адвокатов. Основная цель Корпорации – следить за соблюдением ее членами профессиональной этики. В основу Устава Корпорации должны быть взяты упоминавшийся кодекс и другие международные документы по сохранению археологического наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. Самара, 1998.

Капошина С.И. Ценные находки археологов в районе Новочеркасска // ВАН. 1963. № 3.

Кодекс профессиональной этики. Международный совет музеев (ИКОМ) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг. Вып. 17. Азов, 2001.

Колесова О. Сарматское золото // Наука и жизнь. 1964. № 12.

Незаконные раскопки и археологическое наследие России // РА. 2002. № 4.

Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 1999.

Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И. Новые памятники III–IV вв. н.э. в юго-западном Крыму // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.

Седов В.В. Предисловие // АО–1998. 2000.

Флёрова В.Е. Граффити Хазарии. М., 1997.

Флёрова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим; М., 2001.

Флёров В.С., Флёрова В.Е. Роговой реликварий с территории Хазарского каганата // РА (в печати).

Found at "Christie" auction. The role of expert in antiquities market

V. S. Flerov

Summary

In 2001 at "Christie" auction among the other lots there was presented for sale a reliquary with unique images performed in graffito technique. The artefact originated from the looted burial in the territory of Khazar kaganate, it was supplied with the annotation obviously prepared by a specialist-archaeologist. Illicit excavations of archaeological sites in Russia are strongly increasing, which causes the necessity of expertise of the objects designed for sale in black market. The looters more and more often address professional archaeologists for help. The author considers any form of co-operation between the looters and professional archaeologists illegal and intolerable, and regards it as a complicity in underground illegal business. Purchasing finds from looted sites, whether by museums or private persons, should be considered intolerable. The possibility of introduction of legal trade in archaeological finds represents a real threat. The author stands against the co-operation of expert-archaeologists with the museums formed by commercial enterprises, as well as their participation in excavations designed for establishing private collections. Since now in Russia we do not have special law concerning archaeological activity, the archaeologists should be guided by the document "Codex of professional ethics" of the International Museum Council and "European convention concerning the protection of archaeological heritage" (revised version). The author puts forward the idea of establishment of All-Russian corporation of archaeologists regulated by a Charter based on the above documents.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 2, с. 123–135

ПУБЛИКАЦИИ

РАННИЕ КУБКОВИДНЫЕ СОСУДЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ПОВОЛЖЬЕ И НА УРАЛЕ

© 2004 г. О. Д. Мочалов

Самарский государственный педагогический университет

Кубковидные сосуды – редкая форма керамики бронзового века Волго-Уралья и прилегающих территорий. История кубковидной посуды традиционно рассматривается в регионе с заключительной стадии позднего бронзового века, когда появляется наиболее совершенная форма – кубки на ножке. Однако знакомство с керамикой средней – начала поздней бронзы позволяет выделить кубковидную посуду и в более ранних комплексах. Изучению кубковидной керамики эпохи бронзы было посвящено несколько публикаций (Кузьмина, 1974; Кияшко, 1997. С. 10, 11; Обыденнов, 1986. С. 29, 30). Цель настоящей статьи – дать характеристику самых ранних кубковидных сосудов Волго-Уралья и обозначить вопросы, связанные с их появлением и распространением в регионе.

При анализе керамики среднего и начала позднего бронзового века Волго-Уралья не принято выделять кубковидные сосуды. Кубки справедливо рассматриваются как специфический вид гончарной продукции или как парадная керамика финала бронзового века, связанная с распространением на запад андроновских традиций. (Колев, 1999. С. 254). В.И. Бесединым отмечались очень редкие кубковидные сосуды на поддоне известные на Урале и в Доно-Волжском междуречье в период абашевской культуры (Беседин, 1996. С. 12). О.В. Кузьмина считает, что на их основе формируются высокие синташтинские "кубки" (Кузьмина, 1999. С. 202). В.В. Ткачев выделяет кубкообразные сосуды среди синташтинских горшков степного Приуралья (Ткачев, 2003. С. 11). Информация о горшках на поддонах содержится в монографии М.Ф. Обыденнова и Г.Т. Обыденновой, посвященной срубной культуре (Обыденнов, Обыденнова, 1992. С. 112). Авторами было упомянуто о 16 сосудах, большинство которых происходит из памятников развитой срубной культуры. В Зауралье и Казахстане кубки и кубкообразные сосуды появляются в период сложения алакульской культуры.

Выделение кубков в отдельную группу керамики принято только при изучении тех культур, где в большом количестве имеются так называемые в бронзоведении классические кубки, например в донецкой катакомбной культуре, катакомбной культуре Нижнего Дона. На этой основе А.В. Кияшко были выделены кубковидные сосуды в памятниках среднего бронзового века Заволжья (Кияшко, 2002. Рис. 74, 90). Кубки многих культур выделяются априорно, на основе уже сложившегося у исследователя стереотипа. Например, фатьяновские кубки традиционно автоматически рассматриваются как продолжение традиций центрально-европейских шнуровых культур, где подобные формы называются кубками. С кубками степных культур, а также с кубками Передней и Средней Азии фатьяновские не имеют ничего общего.

Следовательно, под кубковидными нередко понимаются совершенно различные сосуды, объединенные одним общим признаком – открытое массивное устье. Выделяются целые культуры, где кубок является основным и самым диагностирующим признаком. Отсюда происходит аморфное определение кубка в европейской археологии – "высокие сосуды без ручек, предназначенные для питья, распространенные около II тысячелетия до Р.Х. от Испании до Польши" (Брей, Трамп, 1990. С. 126).

Среди керамики эпохи средней – начала поздней бронзы фиксируется ряд сосудов, которые по сочетанию морфологических признаков выделяются среди других горшков сложностью формы и близки кубкам. В более ранние периоды такая посуда не встречается. Все кубковидные формы средней – начала поздней бронзы автоматически включались в число других сосудов горшечных форм. Кроме того, появилось представление, что кубок – это горшок с трехчленным профилем, широко распространенный в позднем бронзовом веке, т.е. классическая срубная форма. Такое представление о кубке не отражает сущности этой формы.

С.А. Григорьев обратил внимание на группу кубкообразных банок среди синташтинской керамики, прототипы которой, по его мнению, происходят из северо-западной Сирии (Григорьев, 1999. С. 91. Рис. 19). Эти сосуды малочисленны и не имеют четких критериев, определяющих данную форму. Баночные сосуды с крупной закраиной на дне – элемент многих культур. В то же время многие сосуды типично кубковидных форм Синташтинского могильника были включены исследователем в тип 5, который обозначается как слабопрофилированные горшки с зауженным дном и

поддоном (Григорьев, 1999. С. 83). Автор справедливо выделяет орнаментальные особенности этого типа и упоминает о его немногочисленности. Признаки, свидетельствующие о принадлежности сосудов к кубковидным, не выделяются.

Кубковидные сосуды эпохи средней – начала поздней бронзы Поволжья и Урала имеют следующие характерные признаки: расширенное тулово, иногда с ребром или уступом, выделенная шея, раскрытое устье и четко выделенная придонная часть, оформленная в виде крупной закраины или поддона, имитирующая ножку сосуда. Обозначенные признаки позволяют четко идентифицировать эту посуду и считать ее ранними кубками или протокубками Волго-Уралья и прилегающих территорий.

Отмечу, что определение "ранние кубки", весьма условно. Критерии кубков, известные по этнографической и археологической литературе, не совпадают. Выше упоминалось, что даже в российской археологии нет четкого критерия для этих форм. Признаки, предложенные в данной статье, учитывают особенности морфологии не только верхней, но и нижней части сосуда (поддон-ножка), в то время как в основе типообразования степной керамики эпохи бронзы традиционно рассматривается только верхняя часть сосудов. Критерии кубков, известные в современной этнографии и по письменным источникам, еще более строги, однако, считаю что их прямое проецирование на древнюю лепную керамику так же не может быть целиком обосновано, как не могут быть сопоставлены "живые" и "ушедшие" культуры. Таким образом, предложенные мною критерии кубковидных сосудов или ранних кубков эпохи бронзы Волго-Уралья в целом следуют сложившимся традиционным подходам к этой проблеме[1], но в то же время корректируют набор признаков.

Кубковидные сосуды появляются в эпоху средней бронзы. В этот период они встречаются в погребениях, что свидетельствует об их ритуальной функции. Лишь один кубок зафиксирован на Мало-Кизильском селище. Кубковидные сосуды не являются обязательным атрибутом всех археологических памятников, и, как правило, составляют 1–4% керамики всей археологической культуры. В рассматриваемом регионе учтено около 40 экземпляров[2] целых кубковидных сосудов, происходящих из более чем 20 памятников (рис. 1; таблица).

Ранние кубки не представляют единого стандарта, так как относятся к разным культурам, территориям и хронологическим этапам. Единственный памятник, где зафиксирована концентрация кубков, – большой грунтовый Синташтинский могильник. Кубки, формы которых восстанавливаются, составляют здесь 9.7% сосудов. Реальный процент кубков, если учесть, что большинство фрагментарных сосудов кубками явно не являются, будет еще ниже. По ориентировочным подсчетам, он составит 7–9.1%. Имеется несколько фрагментов придонных частей сосудов в виде поддона, которые, возможно, были кубками. В этом случае доля кубков не превышает 9–9.5%.

Для характеристики кубков и определения их места в системе керамических комплексов рассмотрим особенности сосудов различных культур.

Кубковидные сосуды среднего бронзового века Нижнего Заволжья. Выявлено три экземпляра (рис. 2, *1*, *2*, *4*). Судя по их особенностям (поддон, ребро, зауженное горло, орнаментация горизонтальной елкой) они демонстрируют связь с западным и юго-западным регионом – ареалами Нижнедонской катакомбной культуры, Новотиторовской культуры. Так, сосуды из могильников Политотдельское и Кумыска II близки катакомбным кубкам типа V/1.2 по классификации А.В. Кияшко (1999. С. 122, 168). Однако сосуд из кургана у г. Энгельса также вполне сопоставим и с местными позднеполтавкинскими традициями. Два из трех кубков орнаментированы горизонтальной елкой – мотивом, характерным не столько для катакомбной, сколько для полтавкинской культуры и синкретических памятников бассейна Дона и Доно-Волжского междуречья, в последнее время именуемых как погребения с елочной керамикой (Смирнов, 1996. С. 87–99) или погребения волго-донской культуры (Кияшко, 2002. С. 135–137).

А.В. Кияшко выделяет значительно большее число кубковидных сосудов среднего бронзового века в Нижнем Поволжье (Кияшко, 2002. Рис. 74, 90). Однако не могу согласиться, что таковыми являются сосуды из могильников Бережновка II, Сухая Саратовка, Усть-Курдюм, Шумейка, Красносамарское I, Быково I и т.д.

Кубковидные сосуды абашевской культуры (рис. 2, *5*, *7*, *10*, *11*). Известно четыре экземпляра из Приуралья. Некоторые кубки происходят из впускных погребений (Береговский) и из грунтовых могильников (Никифоровский). Данная посуда не характерна для классической абашевской культуры и происходит из ее поздних памятников. Форма кубковидного горшка из Никифоровского лесничества близка кубковидным сосудам из могильника Герасимовка II, а стиль орнаментации имеет некоторое сходство с сосудом из могильника Ветлянка IV, кург. 9, погр. 12. – верхняя часть украшена треугольниками, центральная часть сосуда – меандрами. Форма кубка из Береговского могильника не чисто абашевская – остроребериая с внутренним ребром. Большинство исследователей

[1] Традиционно принято выделять такие формы, как "колоколовидные", "тюльпанообразные", "реповидные", и т.д., что далеко не всегда соответствует имеющимся этнографическим аналогиям, но эта терминология успешно используется, так как подчеркивает особенности культур.

[2] Отдельные неопубликованные сосуды и сосуды из раскопок последних лет не вошли в статью.

Рис. 1. Основные местонахождения кубковидных сосудов Заволжья и Уральского бассейна. *1* – Энгельс; *2* – Политотдельское; *3* – Герасимовка II; *4* – Покровск; *5* – Съезжее II; *6* – Нижнеозерецкий; *7* – Черноречье; *8* – Федоровка II; *9* – Санзяповский I; *10* – Синташта; *11* – Береговский; *12* – Никифоровское лесничество; *13* – Ветлянка, *14* – Ближние пески; *15* – Долгое песчаное озеро; *16* – У горы Березовой; *17* – Ибрагимово III; *18* – Каменный Амбар V; *19* – Бобровка I; *20* – пос. Мало-Кизильское; *21* – Елена; *22* – Кумыска II.

считают материалы данного могильника позднеабашевскими и даже сенкритическими (Пряхин, Халиков, 1987; Горбунов, 1986), тем более что данный сосуд происходит из впускного погребения. Кубковидный сосуд из Ибрагимовского III могильника близок кубку из Никифоровского могильника. Орнаментация кубковидных форм соответствует декору абашевской керамики.

Кубковидные сосуды синташтинского типа (рис. 3). Фиксируется стандарт, который, однако, не является общим для всех памятников. Некоторые комплексы имеют свой стандарт кубков.

Обращает на себя внимание серия кубковидных форм из большого Синташтинского могильника (10 экз.), которая явно свидетельствует о выработке стандарта (рис. 3). Только один сосуд не орнаментирован и имеет овальное тулово. Все остальные кубки имеют тулово, расширенное в верхней части профиля, резко отделенное от дна. Устье открыто, некоторые экземпляры имеют внешнее ребро. Дно узкое, оформлено в виде поддона. Стандартна орнаментация. Сосуды орнаментированы полностью, причем орнамент не характерен для синташтинской керамики. Все тулово орнаментировано вертикальным тройным или четверным зигзагом, который встречается на отдельных сосудах энеолита. Только у некоторых сосудов этот декор незначительно дополнен другими фигурами. Стереотип соблюдается как в форме, так и в орнаменте. Орнамент выполнен зубчатым штампом. Высота кубковидных горшков колеблется от 15 до 20 см, максимальный диаметр от 18 до 24.5 см, диаметр дна от 6–8 см. Поверхность сосудов обработана лощением или штриховкой. Сосуды из могильника Герасимовка II близки синташтинским, особенно кубку с уступом из погр. 3, но полностью отличаются от них по орнаменту (рис. 2, *6*, *9*). Их размеры более миниатюрные и приземистые. В то же время они почти идентичны друг другу. Миниатюрный кубок на поддоне известен среди серии сосудов из могильника Каменный Амбар V (рис. 1). В могильнике у горы Березовой известен кубковидный сосуд, у которого придонная часть выделена каннелюрами (рис. 1, *3*). Его орнаментация сближает его с сосудами из могильников Нижнего Поволжья Энгельс и Политотдельское (рис. 1, *1*, *2*). В кур. 25

Таблица. Перечень ранних кубковидных сосудов эпохи бронзы из Волго-Уралья и Зауралья

Памятник и регион	Номер кургана, погребения	Особенности формы	Основные параметры (по целым сосудам) (Н – высота, Д – максимальный диаметр, Дд – диаметр дна)	Другие выявленные особенности
		Синташтинские		
Герасимовка II (степное Приуралье)	К. 4, п. 4	Внутреннее ребро, каннелюры, тулово овальное	Н – 11.7 Д – 19.2 Дд – 6.7	Примесь раковины
	К. 4, п. 5	Внутреннее ребро, каннелюры, тулово овальное	Н – 13.7 Д – 15 Дд – 7.9	Примесь раковины
Синташта (СМ) (степное Зауралье)	П. 2	Расширенное тулово	Н – 19 Д – 23.4 Дд – 6.4	Лощение, примесь песка
	П. 2	Расширенное тулово	Н – 17 Д – 18 Дд – 8	
	П. 3	Овальное тулово	Н – 19 Д – 18.4 Дд – 7.2	Внутренняя штриховка, лощение, примесь талька
	П. 3	Расширенное тулово, внешнее ребро	Н – 18.5 Д – 21.2 Дд – 8	
	П. 8	Овальное тулово	Н – 19.2 Д – 22.5 Дд – 5.9	
	П. 13	Овальное тулово, неорнаментирован, каннелюры в верхней и придонной части	Н – 21 Д – 21.8 Дд – 10	Лощение
	П. 27	Расширенное тулово, внешнее ребро	Н – 20 Д – 24.5 Дд – 6.4	Штриховка внешней и внутренней поверхности, примесь талька и песка
	П. 27	Расширенное тулово, внешнее ребро, валики и каннелюры	Н – 17 Д – 22.6 Дд – 6.3	Штриховка внешней и внутренней поверхности, примесь песка
	П. 30	Расширенное тулово, намечено внешнее ребро	Н – 18 Д – 23 Дд – 8	Примесь талька, штриховка внешней поверхности, бронзовая скребка
	П. 32	Овальное тулово	Н – 15 Д – 18 Дд – 6	Примесь талька
Грунтовый могильник у горы Березовой (степное Приуралье)	Каменная ограда № 1, п. 3	Плавнопрофилированный, асимметричный	Н – 17.5 см Д – 21.1 см Дд – 12 см	
Каменный амбар V (степное Зауралье)	К. 2, п. 12	Миниатюрный, тулово расширено	Н – 7 Д – 8 Дд – 5	Примесь талька, песка, раковины
		Раннеалакульские		
Ветлянка IV (южный Урал, степь)	К. 6, п. 5	Внешнее ребро	Н – 23.8 Д – 23 Дд – 11.5	Лощение
	К 6, п. 8	Внешнее ребро	Н – 20. Д – 21 Дд – 9	Лощение
	К. 6, п. 3	Расширенное тулово, выделенная ножка	Н – 16 Д – 16.5 Дд – 6.9	
	К. 9, п. 12	Намечено внешнее ребро. Устье слабо расширенно	Н – 17.5 Д – 21 Дд – 12	Лощение

Таблица. Окончание

Памятник и регион	Номер кургана, погребения	Особенности формы	Основные параметры (по целым сосудам) (Н – высота, Д – максимальный диаметр, Дд – диаметр дна)	Другие выявленные особенности
Ближние пески (южный Урал)	П. 4	Внешнее ребро Широкий поддон Массивное устье	Н – 9.6 Д – 12.6 Дд – 6.1	Лощение
Жаман-Каргала II	К. 2, п. 1	Уступ	Н – 15 Д – 14.2 Дд – 6	
Долгое песчаное озеро (южный Урал)	П. 19	Внешнее ребро	Н – 18.6 Д – 20.7 Дд – 9.1	
		Абашевские		
Береговский (лесостепное Приуралье)	К. 1, п. 4	Внешнее и внутреннее ребро, каннелюры	Н – 13.5 Д – 16.5 Дд – 6.6	
Ибрагимово III (степное Приуралье)	К. 3, п. 2	Открытое устье	Н – 21 Д – 29.8 Дд – 14.2	
Мало-Кизильское пос. (южное Зауралье)		Клоколовидный	Н – 19.5 Д – 31 Дд – 9	
Никифоровское лесничество (лесостепное Приуралье)	П. 5	Овальное тулово	Н – 11 Д – 14 Дд – 7	Металлическая скобка
		Средней бронзы нижнего поволжья (полтавкинская культура)		
Политотдельское (степное Заволжье)	К. 2, п. 6	Внешнее ребро, устье сужено	Н – 14.1 Д – 15.9 Дд – 7.9	
Кумыска II (степное Заволжье)	К. 1, п. 5	Внешнее ребро, устье сужено	Н – 11 Д – 22.6 Дд – 8.2	
Энгельс (степное Заволжье)	К. 4, п. 14	Внешнее ребро, устье сужено	Н – 11.4 Д – 14.8 Дд – 6	Обильная примесь раковины
		Раннесрубные		
Елена (лесостепное Приуралье)		Овальное тулово, выраженная придонная часть	Н – 10.5 Д – 10.9 Дд – 5.5	
Санзяповский (лесостепное Приуралье)	К. 13	Расширенное тулово	Н – 15 Д – 20 Дд – 9.5	
Покровск (степное Заволжье)	К. 14, п. 1	Миниатюрный, внешнее и внутреннее ребро	Н – 8.2 Д – 10 Дд – 6	Отверстие для подвешивания, крышка
Съезжее (юг лесостепного Заволжья)	П. 11	Внешне ребро, устье стянуто	Н – 14 Д – 18.5 Дд – 10	
Нижнеозерецкий (лесостепное Заволжье)	К. 2, п. 2, с. 1	Расширенное тулово, внешнее ребро	Н – 15 Д – 23.5 Дд – 10	
	К. 4, п. 1	Внешнее ребро	Н – 13 Д – 15.2 Дд – 8	
Черноречье (лесостепное Заволжье)	К. 2, п. 1	Овальное тулово, без орнамента	Н – 16.6 Д – 17.1 Дд – 8	
Федоровский II (лесостепное Заволжье)	К. 2, п. 12	Подколоколовидный, внутреннее и внешнее ребро	Н – 11 Д – 12.5 Дд – 7	

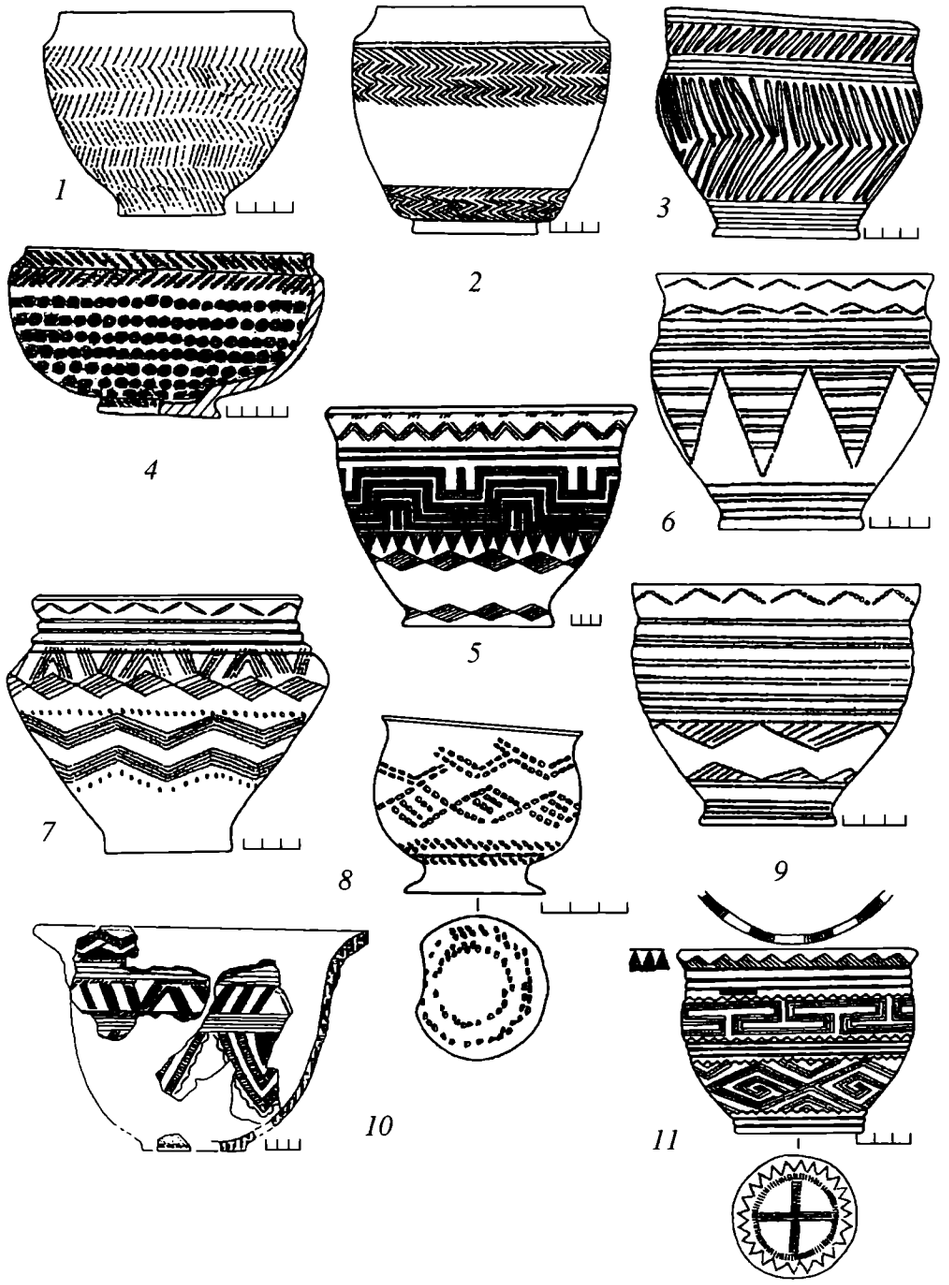


Рис. 2. Кубковидные сосуды развитого бронзового века Волго-Уралья и Зауралья. *1* – Энгельс, 4/14; *2* – Политотдельское, 2/6; *3* – У горы Березовой, кам. ограда № 1, п. 3; *4* – Кумыска II, 1/5; *5* – Ибрагимово III, 2/3; *6* – Герасимовка II, 4/4; *7* – Береговский, 1/4; *8* – Каменный Амбар V, 2/12, с. 9; *9* – Герасимовка II, 4/5; *10* – пос. Мало-Кизильское; *11* – Никифоровское лесничество, п. 5.

Новокумакского могильника известен фрагмент ножки кубка.

Таким образом, кубковидные сосуды синташтинских памятников могут быть разделены на три разновидности: крупные кубки с расширенным туловом (Синташтинский могильник), кубки средних размеров с овальным туловом и внутренним ребром (Герасимовка II), миниатюрный кубок с овальным туловом на поддоне (Каменный Амбар V). Различия кубков свидетельствуют об их разном происхождении. Причем различия, которые в первую очередь касаются орнаментации, могут быть обусловлены несколькими причинами: изначальной разнокультурностью, принадлежностью к погребенным разных социальных или половозрастных групп.

В синташтинских памятниках отмечены сосуды, которые не обладают всеми признаками кубковидных, а имеют один признак, сближающий их с кубками, – выраженный поддон. Эти сосуды не имеют стандартов и могут быть обозначены как кубкообразные горшки.

Кубковидные сосуды раннеалакульской культуры. (рис. 4). Известно семь экземпляров. Единый стандарт не фиксируется. Формы большинства кубков близки синташтинским, но все ветлянские экземпляры имеют уступ или внешнее ребро.

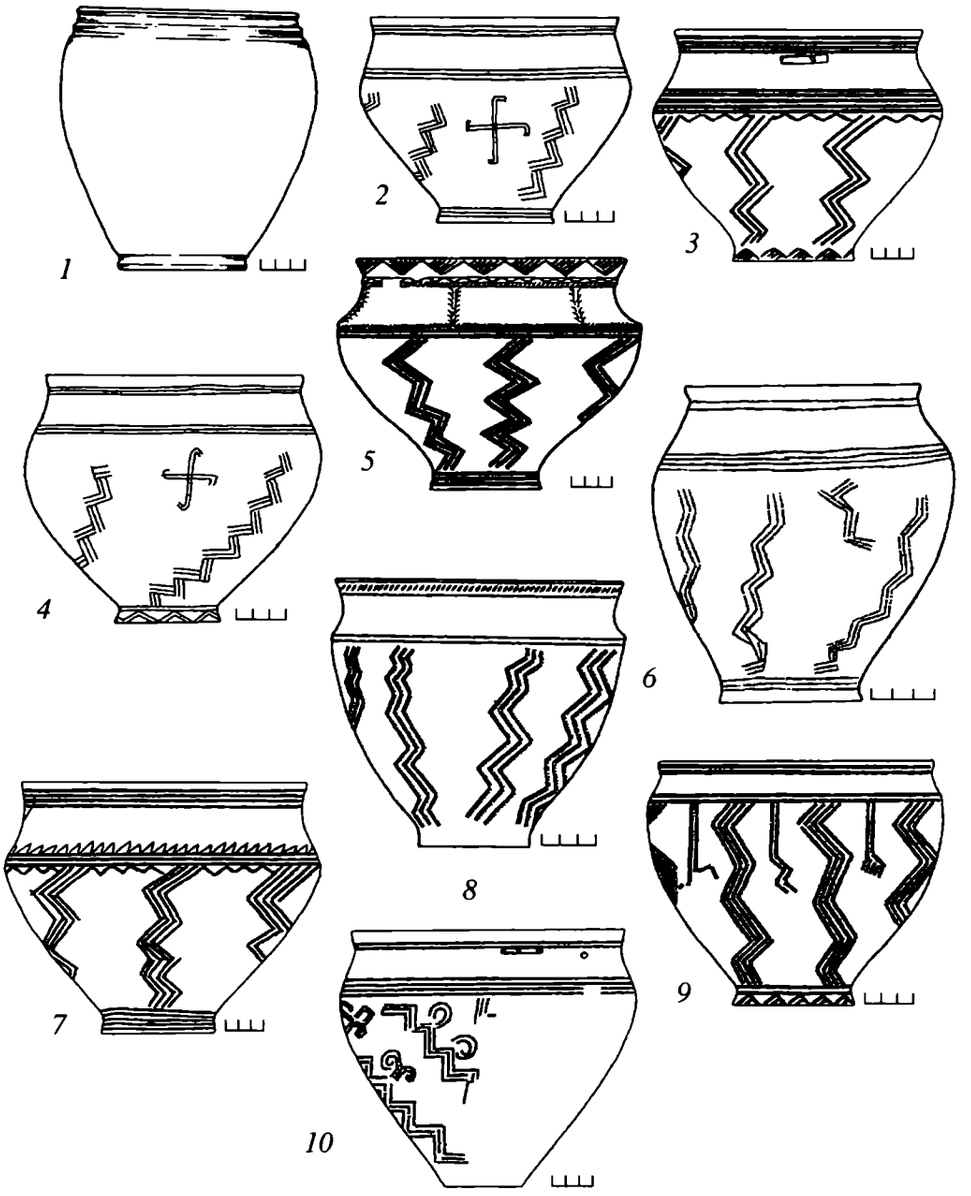


Рис. 3. Кубковидные сосуды синташтинского могильника: *1* – СМ, погр. 13; *2*, 4 – СМ, погр. 2; *3* – СМ, погр. 30; *5*.7 – СМ, погр. 27; *6*.8 – СМ, погр. 3; *9* – СМ, погр. 32; *10* – СМ, погр. 8.

Орнаментация различна. Декор нанесен мелкозубчатым штампом или прочерчиванием. Орнаментация большинства кубков почти не отличается от орнамента других сосудов с уступом. Исключение – оригинальный орнамент и подчеркнутая форма кубка из погр. 3, кург. 6 могильника Ветлянка IV. (рис. 4, 7).

Кубковидные сосуды раннесрубной культуры (рис. 4). Учтено семь экземпляров: один – из лесостепного Приуралья, шесть – из Заволжья. Единого стандарта не имеют. А.П. Семеновой некоторые из них были выделены в группу редких форм из могильников, не имеющих абашевских черт (Семенова, 2000. С. 197. Рис. 15). Встречаются как миниатюрные сосуды, так и экземпляры средних размеров. Из особенностей следует отметить наличие внешнего ребра и геометрическую орнаментацию верхней части сосуда с четким разделением на зоны, что сближает их с раннеалакульскими кубковидными формами. Сосуд из Санзяповского могильника имеет некоторое сходство с Синташтинскими (рис. 4, *4*). Отсутствие орнаментации также сближает кубок из Чернореченского могильника (Заволжье) с кубком из погр. 13 Синташтинского могильника.

Заволжские ранние кубки наиболее близки сосудам Доно-Волжского междуречья. Так, формы кубков из Нижнеозерецкого могильника близки керамике из курганов у с. Власовка и Радченское (рис. 4, *6*, *8*). Сходство этих групп посуды уже было замечено воронежскими археологами (Синюк, Козмирчук, 1995. С. 39). Орнаментация миниатюрного кубка из Покровского могильника (треугольник с бахромой) близка орнаменту керамики покровских памятников Нижнего Поволжья и абашевских и раннесрубных памятников Доно-

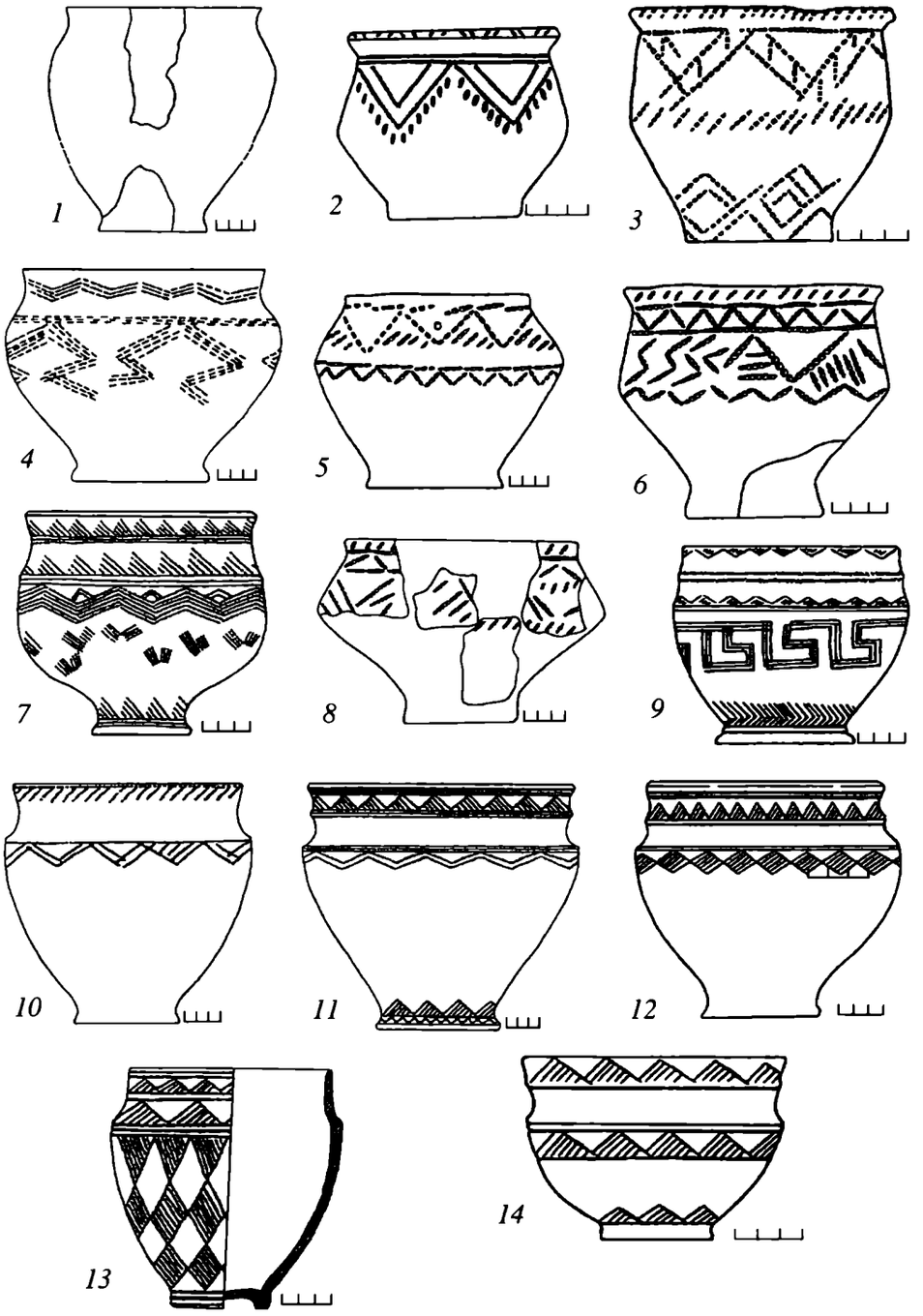


Рис. 4. Кубковидные сосуды раннего этапа срубной и алакульской культур. *1* – Черноречье, 2/1; *2* – Покровск, 14/1; *3* – Федоровка II, 2/12; *4* – Санзяповский, кург. 13; *5* – Съезжее II, погр. 11; *6* – Нижнеозерецкий, 4/14; *7* – Ветлянка IV, 6/3; *8* – Нижнеозерецкий, 2/2; *9* – Ветлянка IV, 9/12; *10* – Ветлянка IV, 6/8; *11* – Ветлянка IV, 6/7; *12* – Долгое песчаное озеро, погр. 19; *13* – Жаман-Каргала II, 2/1; *14* – Ближние пески, погр. 4.

Волжского междуречья, пропорции сосуда сближают его с абашевскими миниатюрными остроребериными сосудами (разновидность II, по: Беседин, 1997. С. 55). Кубковидные сосуды из могильников Филатовка, Власовка, Радченское исследователи справедливо сравнивают с керамикой восточных территорий: алакульской, федоровской, абашевской и срубной культур, а также с посудой могильника Ветлянка IV. Видимо, сходство столь редкой группы посуды действительно свидетельствует о генетической связи населения рубежа средней – начала поздней бронзы.

Единичные кубкообразные формы известны в степном Заволжье, например сосуд из могильника Бережновка II, 62/7. Орнаментация горизонтальной елкой близка кубковидной керамике эпохи средней бронзы этой территории.

Завершая характеристику ранних кубков, остановлюсь на вопросе об их происхождении и дальнейшем развитии.

В памятниках, предшествующих средней бронзе в Волго-Уралье, кубковые формы неизвестны. Яркие особенности ранних кубков рубежа

средней – начала поздней бронзы не позволяют выделить их прототипы в местных культурах. Кубки, встречающиеся в памятниках среднего бронзового века Нижнего Заволжья, можно рассматривать в контексте взаимосвязи с западными донецкими и юго-западными кавказскими традициями. Возможно, эти кубки – самые ранние в регионе. Их связь с другими кубками Волго-Уралья не установлена, но и выведение их только из традиций катакомбного мира не оправданно.

Основы кубковых форм, впоследствии широко распространившихся в памятниках финальной бронзы, скорее всего, были выработаны в результате культурогенетических процессов, происходивших на рубеже средней бронзы в Приуралье и Зауралье, что соответствует ареалу памятников Синташтинского круга и типа Ветлянка IV, где концентрация кубков наиболее ощутима.

Некоторые из рассмотренных в работе синташтинских кубковидных сосудов были интерпретированы С. А. Григорьевым как прототипы алакульской керамики и даже справедливо выделены в отдельную группу горшков. Происхождение этой посуды С. А. Григорьев связывает с восточным Закавказьем (Григорьев, 1999. С. 95, 96). Не претендуя на однозначное решение проблемы происхождения синташтинских кубков, отмечу, что юго-западное и южное направления поиска в целом представляются перспективными. Ранее я также обращал внимание на интересные параллели в оформлении некоторых сосудов, в том числе и отдельных кубков Закавказья (триалетская культура) и Синташтинских памятников, проявляющиеся в пропорциях и специфичном орнаменте на горловине (Мочалов, 1996. С. 74–86).

Происхождение кубковидных сосудов на Южном Урале представляется не как прямое заимствование или результат миграций носителей гончарных традиций Закавказья. Появление кубков – это результат процессов более сложного характера. Ранние кубки являлись нестандартной ритуальной посудой, использовавшейся в погребальном обряде. На поселениях этого периода и раннесрубного времени такие формы неизвестны.

О.В. Кузьмина выводит синташтинские кубки из уральских абашевских сосудов (Кузьмина, 1999, С. 202). Но для абашевской культуры посуда с выраженной придонной частью нехарактерна и, встречаясь в поздних памятниках, является исключением. Более вероятно влияние синташтинских традиций на абашевские формы, которые именно на Урале претерпевают значительные изменения. Ритуальные чаши на ножках известны в средневолжской абашевской культуре, производственная керамика на ножках – на Приуральских абашевских поселениях, но почти ничего общего с синташтинскими кубками они не имеют.

Интересно, что во многих случаях намечается определенная взаимосвязь погребального ритуала с кубковидной формой сосудов, хотя об абсолютных соответствиях говорить не приходится. Многие кубки обнаружены именно в детских и подростковых погребениях, локализованных в южной половине кладбищ или южной части курганов. Некоторые кубковидные сосуды находятся в социальнозначимых некрополях: Синташта (СМ), Никифоровское лесничество, Герасимовка II. Нетрудно заметить, что концентрация этих сосудов характерна именно для наиболее богатых комплексов. Интересно, что сосуд из Нижнеозерецкого могильника в Заволжье обнаружен в погребении с обрядом кремации. Для продолжения исследований в данном направлении, конечно, необходимо увеличение источников. Кубкообразные сосуды, не соответствующие указанным канонам формы, уже не соотносятся с определенными обрядами. Кроме того, как упоминалось выше, даже в рамках синташтинских традиций жесткого стандарта кубков не было.

Таким образом, кубковидные сосуды обслуживали погребальный обряд определенных частей общества, социальные и культурные традиции которых тоже не были одинаковыми. Это не исключает проникновения отдельных инокультурных носителей, составивших определенную группу местного населения, или подражания некоторым формам. Все же, учитывая многокомпонентность памятников рубежа средней бронзы и их элитарный характер, считаю, что кубки могли возникнуть как особая ритуальная посуда на местной основе при наличии южных и юго-западных импульсов.

Кубковидные сосуды раннесрубной культуры (Санзяповкий могильник) наиболее близки отдельным синташтинским и ветлянским экземплярам. Дестабилизация всей материальной культуры в раннесрубное время отразилась и в нечеткости признаков отдельных типов керамики, в том числе и кубков. Процент кубков уменьшается и составляет не более 0.6–0.7% от общего числа всей керамики. В целом, кубковидность керамики не характерна для раннесрубных памятников. Только в одном могильнике (Нижнеозерецкий) зафиксировано два кубковидных сосуда. Данная форма, видимо, постепенно утрачивает свое ритуальное значение, яркие признаки исчезают, распространяется кубкообразная посуда, не отчленяющаяся от горшков.

Кубковидные сосуды филатово-власовских (покровско-абашевских) памятников (рис. 5, *1*, *5*, *6*, *7*) отличает расширенное тулово, близкое синташтинским. Верхняя часть некоторых сосудов близка абашевским (рис. 5, *1*, *6*), хотя выделенный поддон – признак, не характерный для абашева. Некоторые из сосудов имеют типично срубную профилировку.

Кубковые формы раннесрубного этапа наиболее сопоставимы с керамикой восточных территорий (рис. 5, *4*, *9*). Формы отдельных неорнаментированных кубков близки катакомбным (рис. 5, *2*, *3*). Однако отсутствие декора сближает их со срубными и некоторыми синташтинскими. В.И. Бесединым редкие кубковидные сосуды на поддоне (Власовка, Филатовка, Тюнино, Скорняково, Радченское, Сергиевка, Губари) связывались с Уральскими традициями (Беседин, 1996. С. 12).

В период развитой срубной культуры Волго-Уралья в основном встречаются не кубки, а кубкообразные сосуды, утратившие четкие признаки, но сохранившие некоторые элементы формы. Они, как правило, обозначаются как срубно-алакульская керамика или керамика, отражающая влияние андроновской общности (Зудина, 1981. С. 88). Такая посуда встречается значительно чаще, чем на раннем этапе срубной культуры. Вырабатывается определенный стандарт форм. Типичные кубки андроновского облика в Волго-Уралье немногочислены и известны в отдельных могильниках – Лузановский, Ягодное и некоторых других. Однако их уже нельзя рассматривать в качестве ранних, так как демонстрируют развитие формы. Следует отметить явное сходство кубка из кург. 11, погр. 7 (с. 1) Лузановского могильника с кубком из п.1 Филатовского кургана на Среднем Дону (рис 5, *6*).

Если следовать данным украинских коллег, на Украине и в Поднепровье андроновские элементы в срубной культуре проявляются еще сильнее, так как количество андроноидных кубков на этих территориях не меньше, чем в Зауралье и Казахстане (Березанская, Гершкович, 1983. С. 105, 104. Рис. 2, 3). Можно предположить, что в данном регионе кубки формировались не только на основе восточных традиций. Похожие формы и отдельные орнаментальные мотивы в эпоху средней и поздней бронзы можно встретить на Кавказе, в Восточной и Центральной Европе, т.е. на расстоянии не более далеком, чем Казахстан, поэтому не исключено, что в происхождении кубков западных и юго-западных ареалов срубной общности, кроме андроновских, имели место кавказские, центрально-европейские импульсы, определенную роль сыграли и местные катакомбные группы. По региональной периодизации кубки появляются здесь на развитом этапе срубной культуры и отсутствуют в раннесрубных памятниках. Следует подчеркнуть, что предшествующие донецкие катакомбные кубки все же имеют мало общего со срубными. Не исключено, что данная форма – это результат в первую очередь эволюции срубного гончарства, оказавшегося в определенных региональных условиях. Орнамент многих кубков – типично срубный.

Говоря о влиянии андроновских и вообще восточных культур в срубной керамике, не стоит забывать, что их истоки – синташтинские, потаповские, филатово-власовские, позднеабашевские, уже в конце среднего бронзового века были известны не только на Урале, а в Волго-Уралье и на Дону. Они повлияли на формирование как андроновских, так и срубных керамических традиций. Поэтому эффект "восточного, зауральского" влияния почти в той же степени может являться эволюцией местных традиций, которая происходила на фоне взаимодействия западных и восточных групп, имеющих общее в происхождении.

Кубковидные горшки известны и в позднесрубных памятниках, выходящих за пределы срубной общности, расположенных в центральной Азии: в восточном Прикаспии и в нижнем течении Амударьи (P'yankova, 1994. P. 355–372). Очевидно, они относятся к финалу бронзового века. В эпоху бронзы Центральной Азии сосуды на ножках и поддонах известны в Намазга V–VI и в Маргиане и Бактрии, которые могли оказывать влияние на облик позднеандроновских кубков (P'yankova, 1994. P. 357, 364).

В эпоху финальной бронзы кубки Волго-Уралья, видимо, составляют единый комплекс с сусканской и андроновской керамикой (Колев, 1999. С. 254). Их находки зафиксированы в основном на поселениях в лесостепном (Колев, 1999. С. 254), степном Поволжье (Мыськов, 1992. С. 93–95.), и в Приуралье (Моргунова, Халяпин, 2000. С. 158–166), в то время как ранние кубки встречались почти исключительно в могильниках. Эволюция формы кубков и изменение их местонахождения связаны не только с развитием гончарства, но и с изменением хозяйства и идеологии племен. Кубки финального бронзового века приобретают наиболее изящную и стандартную форму: приподнятые плечи, открытое устье, поддон превращается в ножку. Появляется конический поддон. Стандартизируется декор. Таким образом, фиксируется постепенная эволюция кубковидных сосудов, ранних кубков собственно в типичные кубки. Поздние кубки наиболее близки черкаскульской и федоровской керамике Зауралья и некоторым кубкам Приазовья и Поднепровья. На рис. 6 представлены кубки финала бронзового века, наиболее близкие ранним кубкам.

Е.Е. Кузьминой было высказано предположение, что кубки позднего бронзового века Евразийских степей были заимствованы скотоводческими племенами у земледельцев Средней Азии как имитация кубков, сделанных на гончарном круге, и являлись отражением взаимовлияний в широкой зоне Евразии в конце бронзового века (Кузьмина, 1974. С. 20–24). Факты обнаружения сосудов на поддоне Среднеазиатского облика в памятнике петровской культуры Устье I Южного Зауралья при-

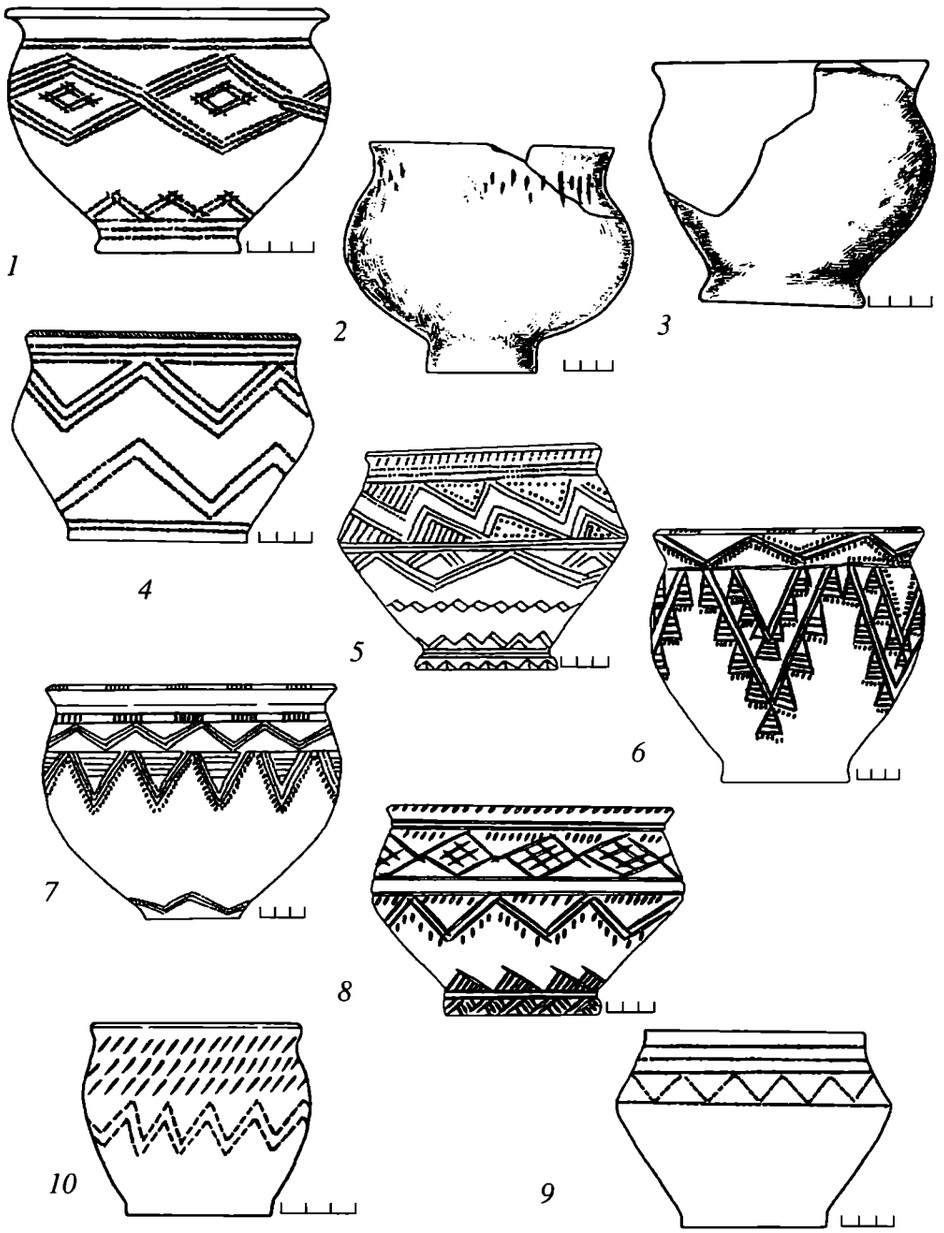


Рис. 5. Кубковидные сосуды Доно-Волжского междуречья конца среднего – начала позднего бронзового века (*1*, *5–7*-памятники типа Филатово-Власово; *2–4*, *8–10* – раннесрубная культура): *1* – Филатовка, п. 4; *2* – Кобяковский, 9/6; *3* – Мухин I, 3/3; *4* – Павловск, Новая Меловатка 2/7; *5* – Власовка, 16/3; *6* – Филатовка, погр. 1; *7* – Филатовка, погр. 1; *8* – Радченское, погр. 1; *9* – Павловск, 47/5; *10* – Подковский–Попов, 4/1.

водятся Н.Б. Виноградовым (1975. С. 71–74). Следует отметить, что остроребериые кубки появляются в Средней Азии еще в III тыс. до н.э. и известны в самых ранних слоях Намазга VI, датируемых концом III – нач. II тыс. до н.э. (Щетенко, 2000. С. 262, 263). Из этого следует предположение, что контакты скотоводов и земледельцев Средней Азии могли начаться еще в эпоху средней бронзы во время существования синташтинских и абашевских памятников, где встречаются наиболее ранние кубки. Неорнаментированный кубок из синташтинского могильника (рис 3, *1*) особенно напоминает среднеазиатские кубки, на которые ссылаются Е.Е. Кузьмина и А.Я. Щетенко. Возможно, эти контакты и явились одной из причин появления кубковидных сосудов на Южном Урале. В позднем бронзовом веке взаимовлияние культур усиливается, так как находки алакульской и федоровской культур известны в Южном Туркменистане во время позднего этапа Намазга VI (Щетенко, 2000. С. 262, 263).

Таким образом, появление и распространение ранних кубков в культурах эпохи бронзы Поволжья и Урала отражают сложные культуротрансформационные процессы рубежа средней – начала поздней бронзы. Поиск прототипов этой редкой группы керамики в очередной раз поднимает проблему происхождения и сущности синташтинских и близких им памятников и осложняется тем,

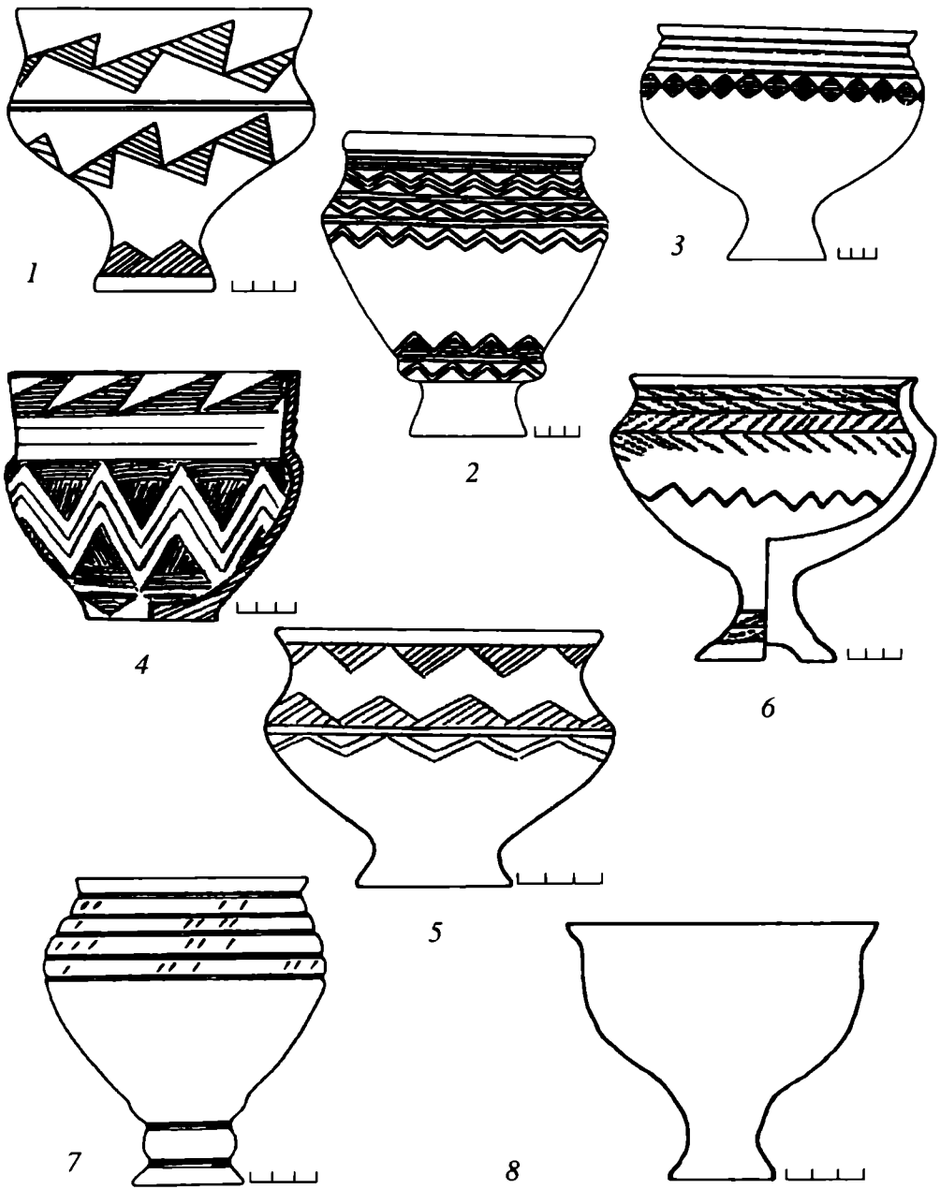


Рис. 6. Кубки финального бронзового века, имеющие общие черты с ранними кубками Волго-Уралья. *1* – Таутары; *2* – Ждановский музей; *3* – пос. Луговское; *4* – Петропавловка I, 4/1; *5* – Ельшибек; *6* – Прядовка, кург. гр. VII, 3/4; *7* – Тагискен; *8* – пос. Джангала.

что в огромном ареале кубков они единичны и не образуют устойчивых типов. Элитный, нестандартный характер большинства погребений, где встречаются ранние кубки, неизбежно подтверждает мысль о том, что элита абсорбирует и перерабатывает различные культурные влияния, выбирая самое лучшее. Следовательно, и появление кубков могло быть результатом влияния не определенной культуры, а передовых гончарных традиций как Средней Азии, так и Кавказа, Закавказья при интенсивном развитии собственных эстетических и идеологических представлений. О южных традициях свидетельствует выделенная придонная часть кубков, не характерная для лесных культур.

Основной ареал появления новой формы в конце средней бронзы ограничен территориями пограничья степи и лесостепи Южного Приуралья и Зауралья, что соответствует рамкам синташтинских и близких им памятников. Похожая посуда встречается на Среднем Дону. В начале позднего бронзового века кубковидные горшки фиксируются на юге лесостепного Заволжья. Во второй половине позднего бронзового века облик кубков изменяется, похожие сосуды распространяются от Центральной Азии до Днепра. На их облик оказывают влияние контакты населения различных и удаленных территорий. Если Волго-Уральские кубки этого периода в основном связаны с андроновскими и местными традициями, то в Приазовье и на Днепре возможно участие не только андроновских, но и местных восточно-европейских традиций. Кроме этой редкой формы на рубеже среднего бронзового века появляются и другие своеобраз-

ные разновидности керамики, которые отражают особенности культурогенеза юго-восточного пограничья Европы и Азии и требуют детального изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Березанская С.С., Гершкович Я.П. Андроновские элементы в срубной культуре на Украине // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.

Беседин В.И. Керамика Доно-Волжской абашевской культуры в системе древностей абашевской общности // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии. Тамбов, 1996.

Беседин В.И. Остроребериые сосуды абашевской культуры // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1997.

Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990.

Виноградов Н.Б. Южные мотивы в керамических комплексах эпохи бронзы в Южном Зауралье // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Матер. конф. Саратов, 1995.

Горбунов В.С. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа, 1986.

Григорьев С. А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. Челябинск, 1999.

Зудина В.Н. Андроновские элементы в срубной культуре куйбышевского Заволжья // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.

Кияшко А.В. Донецкие кубки: характеристика, происхождение и назначение // Чтения в Волгоградском областном обществе краеведов. Год 8. Волгоград, 1997.

Кияшко А.В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.

Кияшко А.В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.

Колев Ю.И. Керамические комплексы поселений позднего бронзового века в нижнем течении р. Сок // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара, 1999.

Кузьмина Е.Е. О кубкообразных сосудах Казахстана эпохи поздней бронзы// В глубь веков. Алма-Ата, 1974.

Кузьмина О.В. Керамика абашевской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара, 1999.

Моргунова Н.Л., Халяпин М.В. Погребения эпохи бронзы у с. Покровка // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2000.

Мочалов О.Д. О происхождении некоторых особенностей керамики эпохи средней бронзы Волго-Уралья и Зауралья (к постановке проблемы) // Историко-археологические изыскания. Вып. I. Самара, 1996.

Мыськов Е.П. Новые памятники позднего бронзового века в Волго-Донском междуречье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992.

Обыденнов М.Ф. Поздний бронзовый век Южного Урала. Уфа, 1986.

Пряхин А.Д., Халиков А.Х. Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Сер. Археология СССР. М., 1987.

Синюк А.Т., Козмирчук И.А. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1995.

Смирнов А.М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М., 1996.

Ткачев В.В. Степное Приуралье на рубеже эпох средней и поздней бронзы (по материалам погребальных памятников). Автореф. дис... канд. ист. наук. Воронеж, 2003.

Щетенко А.Я. Хронологический аспект контактов земледельцев Южного Туркменистана с племенами степной бронзы евразийских степей // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Матер. конф. Ижевск, 2000.

P'yankova L. Central Asia in the Bronze Age: sedentary and nomadic cultures // Antiquity. 1994. № 68.

The early beaker-shaped Bronze Age vessels in the Volga and the Urals region

O. D. Mochalov

Summary

The article is devoted the rare ceramic shapes of the Volga-Ural region dated to the Bronze Age. The history of the beakers in this region is traditionally started from the end of the Late Bronze Age, and the vessels are considered to be have been influenced by Andronovo cultural unity. The study of the Middle Bronze Age pottery has let to identify about 40 vessels, which may be attributed to beaker-shaped or early beakers. They have got isolated bottom, profiled body and open mouth. The earliest beakers were found at the Middle Bronze Age sites in the Lower Volga region. Some beakers are known from the sites of late stage of Abashevo culture in the South Ural. Beakers are most numerous at Sintashta sites, while they are few at early Alakul and early Timber-grave (Srubnaya) sites. The beaker-shaped vessels do not have the same standard (except Sintashta cemetery). Frequently beakers are found in infant graves located in southern part of cemeteries. Further distribution of beakers is connected with period of Final Bronze Age when Andronovo traditions reached as far as the Dnieper. The beakers had acquired developed shape and are met with at the settlements. The discussed vessels of the Azov Sea region and the Dnieper basin are evidently related not only with eastern but with western and local traditions as well. Thus, early beakers are spread in the Volga-Ural region during the transitional period from the Middle to the Late Bronze Age, they concentrated in the South Ural and adjacent territories. Their emergence there may be considered as the manifest of local cultural-genetic process under the influence (and in interaction) of southern cultures of Central Asia and the Caucasus where the beaker pottery shapes had originated. The links of early Volga-Ural beakers with western and northern cultures (Catacomb-grave, Fatyanovo, etc.) and Siberia have not been confirmed.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 2, с. 136–147

ПУБЛИКАЦИИ

ИЗ ИСТОРИИ ФИБУЛ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА
(Чечня и Дагестан)

© 2004 г. М. Х. Багаев

Чеченский госуниверситет, г. Грозный

Типичными находками при археологических раскопках древних памятников Чечни и Дагестана являются фибулы. Эти своеобразные металлические застежки для одежды, и в то же время ее украшения, имеют вид булавки или заколки со щитком, который иногда, особенно в раннесредневековый период, богато украшался драгоценными камнями, инкрустацией золотом, серебром и т.д.

Своим происхождением фибулы уходят в глубокую древность. На Кавказе они появляются в конце XII – начале XI в. до н.э. (Техов, 1973), а в Чечне где-то в конце XI в. до н.э. (Козенкова, 2001. С. 48. Рис. 86, *13*; Рис. 93). В этот период их изготовляли из бронзы, а с VII в. до н.э. стали делать и из железа. Причем, как отмечают Б.В.Техов и В.И. Козенкова, железные фибулы здесь получают широкое распространение в раннескифское время (Техов, 1985. Рис. 120, *2*; 135, *5*; 133, *3*; 136, *8*; Козенкова, 2001. С. 112), хотя в целом превалируют бронзовые (Козенкова, 1982. С. 59, 60. Табл. XXXVII, *1–9*).

Не менее 65 экземпляров фибул X–V вв. до н.э. найдены в памятниках Чечни (рис. 1, *1–11*). Все они бронзовые, дуговидные (Козенкова, 1982. С. 59. Табл. XXXVII, *1–11*). Самая ранняя происходит из слоя X–VII вв. до н.э. Сержень-юртовского поселения (Козенкова, 1982. С. 59. Табл. XXXVII, *1*; 2001. С. 188. Рис. 86, *13*). Подобные фибулы – пишет В.И. Козенкова – видимо являлись подражанием италийским арочным фибулам XIII–X вв. до н.э., хотя вопрос о путях проникновения их на Кавказ не решен, например Б.А. Куфтин относил это событие к рубежу II–I тыс. до н.э., а Б.В.Техов подчеркивал возможность их появления в конце XII в. до н.э. (Техов, 1973. С. 146–148). Датировку фибул Б.В. Теховым В.И. Козенкова приняла, но учитывая некоторый консерватизм в использовании ряда украшений на северо-восточной периферии кобанской культуры, подчеркнула, что фибула из Сержень-юртовского поселения может быть определена X – не позднее начала IX в. до н.э. (Козенкова, 1982. С. 59).

Пять ранних массивных фибул (рис. 1, *3*) с узким приемником со слегка утолщенной, пиявкообразной спинкой, украшенной чеканным "елочным" орнаментом (Козенкова, 1982. Табл. XXXVII, *3*), были найдены в погребениях у сел. Шарой (Козенкова, 1982. С. 59) в Шаро-аргунском ущелье. Похожая на них фибула обнаружена в разрушенной могиле Сержень-юртовского могильника (Козенкова, 1982. С. 59. Табл. XXXVII, *2*). Все они датируются X–VIII вв. до н.э. (Козенкова, 1982. С. 59). Почти к этому же времени (IX–VIII вв. до н.э.) относится и фибула с витой дужкой (рис. 1, *4*) из Ведено (Козенкова, 1982. С. 59. Табл. XXXVII, *4*).

Более поздняя серия фибул (рис. 1, *5–9*) восточного варианта кобанской культуры датируется VII–V вв. до н.э. Большинство их найдены в Луговом (нынешнее сел. Мужичи), Урус-Мартановском, Горагорском, Курен-Бенойском, Куларинском могильниках, на кладбище у сел. Исти-су, в отдельных комплексах, найденных близ бывшей крепости Воздвиженской (недалеко от сел. Старые Атаги), у г. Шали, у селений Ца-Ведено, Ведено, Центарой, Гардали (Гордали). От ранних их отличают большие размеры, широкие раскованные приемники, уплощенно-выпуклая дужка и чеканный или литой орнамент в виде поперечных насечек на ее лицевой стороне (Козенкова, 1982. С. 59. Табл. XXXVII, *7*). По характеру орнамента они разделены на пять групп:

1. Гладкие без орнамента фибулы (рис. 1, 5) из Лугового могильника и комплексов близ крепости Воздвиженской (Козенкова, 1982. Табл. XXXVII, *5*),

2. Фибулы со сплошной поперечной насечкой (рис. 1, *6*), имитирующей обмотку (Козенкова, 1982. Табл. XXXVII, *6*). Они происходят из могильников у сел. Луговое, Урус-Мартан, Курен-Беной, Гардали, Шали, Кулары (Козенкова, 1982. С. 59),

3. Фибулы, украшенные поперечными насечками (рис. 1, *7*), сгруппированными по 3–8 штук (рис. 1, *7*). Они типичны для погребений VI–V вв. до н.э. Лугового могильника. Кроме того, такие фибулы обнаружены при раскопках у селений Бойси-Ирзо, Исти-су, крепости Воздвиженской, сел. Мужичи, Алды, Ведено, Шали, г. Грозного (Козенкова, 1982. С. 59),

4. Фибулы (рис. 1, *9*) с орнаментом в виде групп насечек, чередующихся с крестами (Козенкова, 1982. Табл. XXXVII, *9*). Такие фибулы найдены у селений Луговое и Курен-Беной (Козенкова, 1982. С. 59),

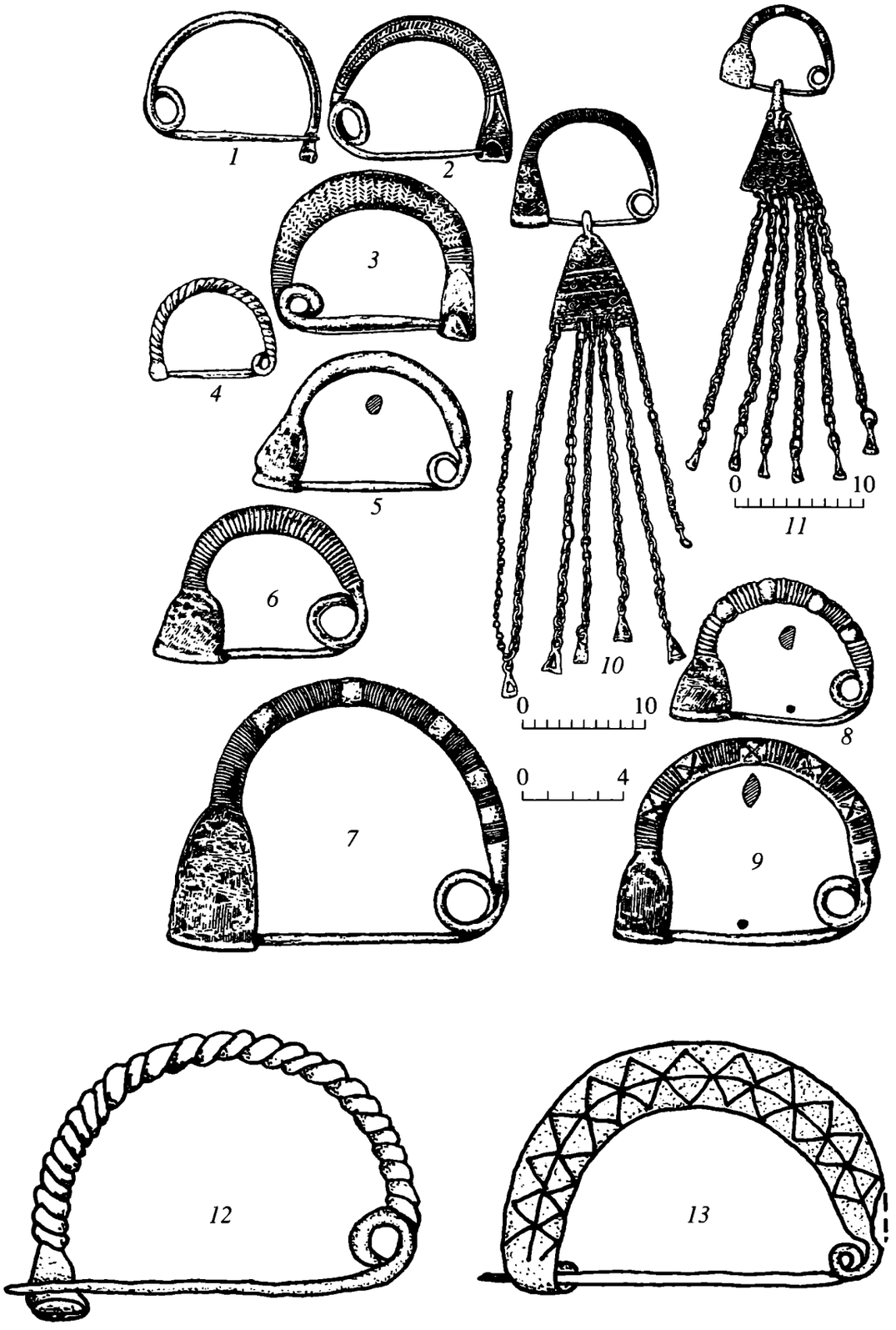


Рис. 1. Бронзовые дуговидные фибулы X–V вв. до н.э. из различных мест Чечни (1–11, по В.И. Козенковой) и Дагестана (12, 13, по М.М. Маммаеву).

5. Фибулы (рис. 1, *8*) с орнаментом, близким третьей группе, но более рельефным и выпуклым (Козенкова, 1982. Табл. XXXVII, *8*). Они обнаружены у селений Луговое, Ца-Ведено, Шали (Козенкова, 1982. С. 59).

Крупные (5 × 7 см) фибулы VII–V вв. до н.э. (рис. 1, *10*, *11*) использовались при сложных составных нагрудных украшениях (Козенкова, 1982. Табл. XXXVII, *10 11*), найденных на Луговом могильнике (Марковин, Мунчаев, 2003. С. 182.

Рис. 50, *4*). Форма таких гарнитуров уникальна и, видимо, относилась к парадным украшениям (Козенкова, 1982. С. 60).

Бронзовые дугообразные фибулы, характерные для кобанской культуры, найдены и в Дагестане, например, в памятниках середины I тыс. до н.э. – в Урцекинском, Каратинском, Хабадинском могильниках (Давудов, 1974. Табл. XVII, *11*; Маммаев, 1989. С. 24). Урцекинская фибула (рис. 1, *12*) имеет витую дужку с раскованным приемником (Маммаев, 1989. Рис. 11, *1*), а дужки фибул из сс. Карата и Хабады (рис. 1, *13*) – прокованные, украшенные резным зигзагообразным узором (Маммаев, 1989. Рис. 11, *2*). Как подчеркивает М.М. Маммаев, – фибулы последнего типа за пределами Дагестана не встречаются и представляют собой изделия местных мастеров, изготовленные по кобанским образцам (Маммаев, 1989. С. 24).

В конце I тыс. до н.э. дугообразные кобанские фибулы Северо-Восточного Кавказа сменяются фибулами сарматского круга (рис. 2–5). Последние не сразу были восприняты местным населением. Вероятно, поэтому раннесарматские украшения довольно редко встречаются в памятниках этого времени. Например, во всем Предкавказье к началу 90-х годов прошлого века раннесарматских фибул было найдено всего 15 экземпляров (Абрамова, 1993. С. 83–86). Все они М.П. Абрамовой разделены на две группы:

1 группа – это фибулы среднелатенской схемы (рис. 2, *4–5*, *8–14*). Из них две (рис. 2, *8*, *11*) найдены в Чечне на Ханкальском могильнике (Абрамова, 1993. Рис. 28, *8*, *11*). Не исключено, что они местного, северокавказского, производства (Амброз, 1966. С. 94), в подражание степным, с чем, надо думать, согласилась и М.П. Абрамова (1993. С. 83, 84).

2 группа – фибулы-броши (рис. 2, *1–3*, *6*, *7*). В том числе две обнаружены в Чечне – это золотая фибула-брошь (рис. 2, *2*) со сканным узором и гнездами для вставок из драгоценного камня, стекла или эмали (Абрамова, 1993. С. 86. Рис. 28, *2*). Украшение найдено в кургане у сел. Алды. Другая небольшая круглая фибула-брошь из позолоченной бронзы (рис. 2, *3*) происходит из Ханкальского могильника. Она украшена рядами округлых выпуклостей (Абрамова, 1993. С. 86).

К серии фибулы-броши М.П. Абрамова, вслед за Б.М. Керефовым (1985. С. 201), причислила и две бронзовые фибулы с насаженными на спинку большими плоскими овальными бусинами (рис. 2, *7*) из горного хрусталя и янтаря (Абрамова, 1993. С. 86. Рис. 28, 7).

В памятниках рубежа эр и I в. н.э. как на Северном Кавказе, так и в сопредельном Нижнем Поволжье фибулы еще редки. И большая их часть, как считает А.С. Скрипкин, – датируется I в. н.э. Коренным образом картина меняется в позднесарматское время, когда фибулы становятся особенностью материальной культуры этого этапа. Причем, А.С. Скрипкин считает, что увеличение количества фибул в Нижнем Поволжье связано с начавшимся интенсивным их производством в городах Северного Причерноморья. С этого же времени увеличивается число их находок на Нижнем Дону, Кубани и Северном Кавказе (Скрипкин, 1977. С. 100).

В Предкавказских археологических комплексах начала I тыс. н.э. также наблюдается рост количества фибул. Так, по подсчетам М. П. Абрамовой, их набралось здесь к 90-м годам 40 экземпляров. Они были разделены ею на четыре типа (Абрамова, 1993. С. 152):

Тип 1. Раннеримские шарнирные дуговидные фибулы (рис. 3, *1–5*), в том числе и типа "Авцисса" (рис. 3, *1–4*), а также фибула с прогнутой дужкой, пластинчатой ножкой (рис. 3, *5*).

Тип 2. Лучковые подвязные фибулы:

2.1. Фибулы с узкой дужкой (рис. 3, *6–11*). Датируются они I в. н.э., преимущественно первой его половиной (Амброз, 1996. С. 48; Скрипкин, 1977. С. 105; Михлин, 1980. С. 205; Абрамова, 1993. С. 152).

2.2. Фибулы с расширенной ножкой и покатой дужкой (рис. 3, *12–24*; Абрамова, 1993. Рис. 59, *12–24*). Датируются I в., возможно, второй его половиной, и началом II в. (Амброз, 1966. С. 49; Скрипкин, 1977. С. 106, 107; Абрамова, 1993. С. 152).

Тип 3. Лучковые фибулы с расширенной спинкой и узкой ножкой (рис. 3, *25*, *26*; Абрамова, 1993. Рис. 59, *25*, *26*). Датируются I в. н.э. (Абрамова, 1993. С. 152).

Тип 4. Пружинные фибулы с пластинчатой спинкой. Некоторые имеют кнопку на конце приемника (рис. 3, *27*, *28*); у других на конце приемника имеется S-видный завиток (рис. 3, *32*, *33*); у третьих спиральный завиток (рис. 3, *30*, *31*). Датируются эти находки I – началом II в. (Амброз, 1966. С. 45; Абрамова, 1993. С. 152. Рис. 59, *27*, *28*, *30*, *31*, *32*, *33*).

Наконец, к I–II вв. относятся и две фибулы-броши с шарнирами из двух стоек (рис. 3, *35*, *36*; Абрамова, 1993. Рис. 59, *35*, *36*). Датируются они второй пол. I – началом II в. (Амброз, 1966. С. 31; Скрипкин, 1977. С. 117; Абрамова, 1993. С. 152). Кстати, не противоречат этой дате и последние публикации А. С. Скрипкина (2003. С. 128–134), Ю.П. Зайцева и В.И. Мордвинцевой (2003. С. 135–154).

Фибулы II – первой пол. III в., найденные на обширной территории Северного Кавказа, также подробно изучены М.П. Абрамовой. По ее словам, этими фибулами представлены два прежних типа (2, 4) – рис. 3 и появляется новый (тип 5):

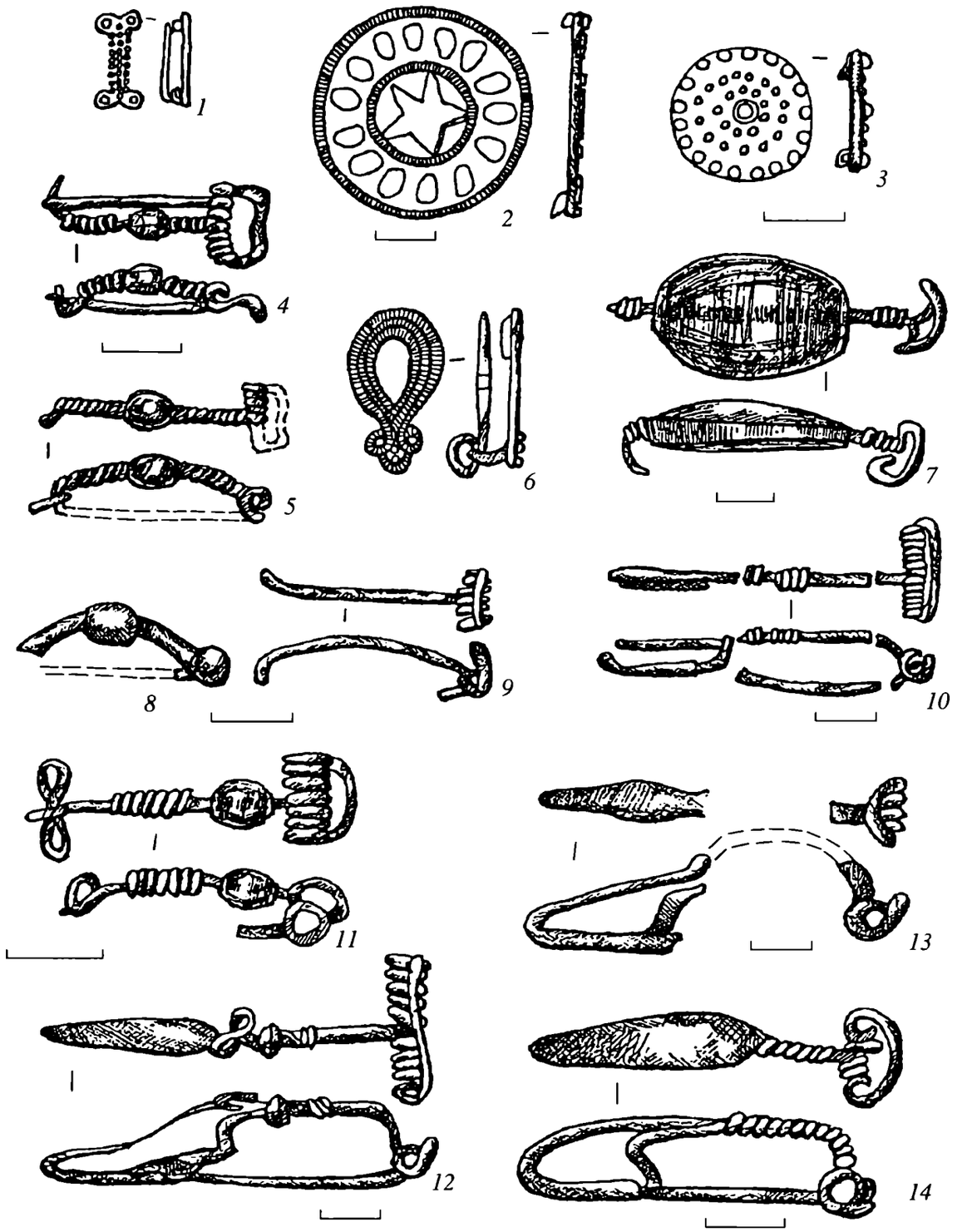


Рис. 2. Фибулы из погребений Центрального Предкавказья II–I вв. до н.э. (2, 3, 8, 11 – из Чечни, по М.П. Абрамовой).

Тип 2. Лучковые подвязные фибулы. В указанный период распространены одночленные фибулы с круглой в сечении спинкой, широкой подтреугольной ножкой (рис. 3, *1–4*, *6*, *7*). Не исключено, что к этому периоду относится и бронзовая двучленная лучковая подвязная фибула с расширенной ножкой (рис. 3, *5*) (Абрамова, 1993. С. 166. Рис. 67, *1–7*).

Тип 4. Фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника, все двучленные (рис. 3, *8–10*). М.П. Абрамова согласна с мнением А.К. Амброза, отметившего, что эти фибулы составляют северокавказскую локальную группу, формирование которой он относил к IV–V вв. (Амброз, 1966. С. 46, 47). Однако, на основе материалов Нижне-Джулатского могильника, М.П. Абрамова передвинула нижнюю дату этой группы на II–III вв. (Абрамова, 1993. С. 167).

Тип 5. Сильнопрофилированные фибулы с бусиной на головке (рис. 4, *11–22*; Абрамова, 1993.

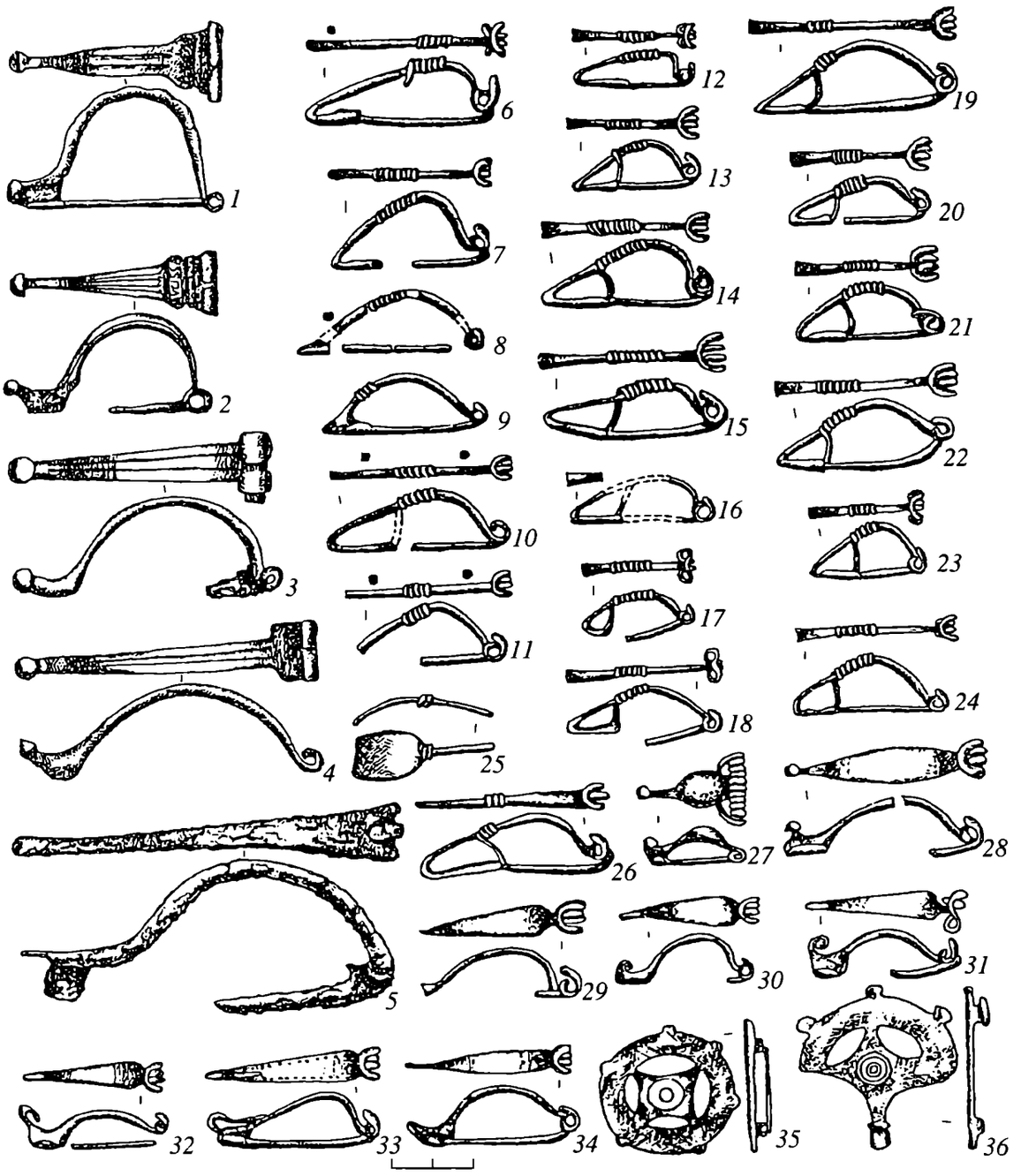


Рис. 3. Фибулы из погребений Центрального Предкавказья I – начала II в. н.э. (по М.П. Абрамовой).

Рис. 67, *11–22*). Фибулы с крючком для тетивы (рис. 4, *11–14*, *19–22*) датируются II – первой пол. III в. (Амброз, 1966. С. 40, 41; Абрамова, 1993. С. 167). Четыре бронзовые фибулы этого типа (рис. 4, *15–18*) не имеют крючка для тетивы и датируются III в. (Амброз, 1966. С. 42, 43; Абрамова, 1993. С. 167).

Почти такие же формы, что и в Предкавказье (рис. 2–4), имели фибулы Северо-Восточного Кавказа (Давудов, 1996. С. 401. Рис. 49) албано-сарматского времени (рис. 5, 1–28). По мнению О.М. Давудова, фибулы III в. до н. э. – IV в. н. э. Дагестана "в основном привнесенные" (Давудов, 1996. С. 150). Они дают возможность проследить контакты населения Дагестана с окружающим миром. Но кроме того, подчеркивает О.М. Давудов, их можно считать частью материальной культуры коренного населения Дагестана албанского времени (Давудов, 1996. С. 150).

По классификации А.К. Амброза наиболее многочисленны здесь так называемые раннеримские шарнирные дуговидные фибулы (Цархигоцинский, Карабудахкентский I и III, Урцекский, Сумбатлинский, Большой Буйнакский курган, Хунзахский могильники). Они представлены образцами типа "Авцисса" с треугольной и круглой спинками (рис. 5, *1–10*). Датируются украшения I–III вв. (Давудов, 1996. С. 150, 151). Найдены в Да-

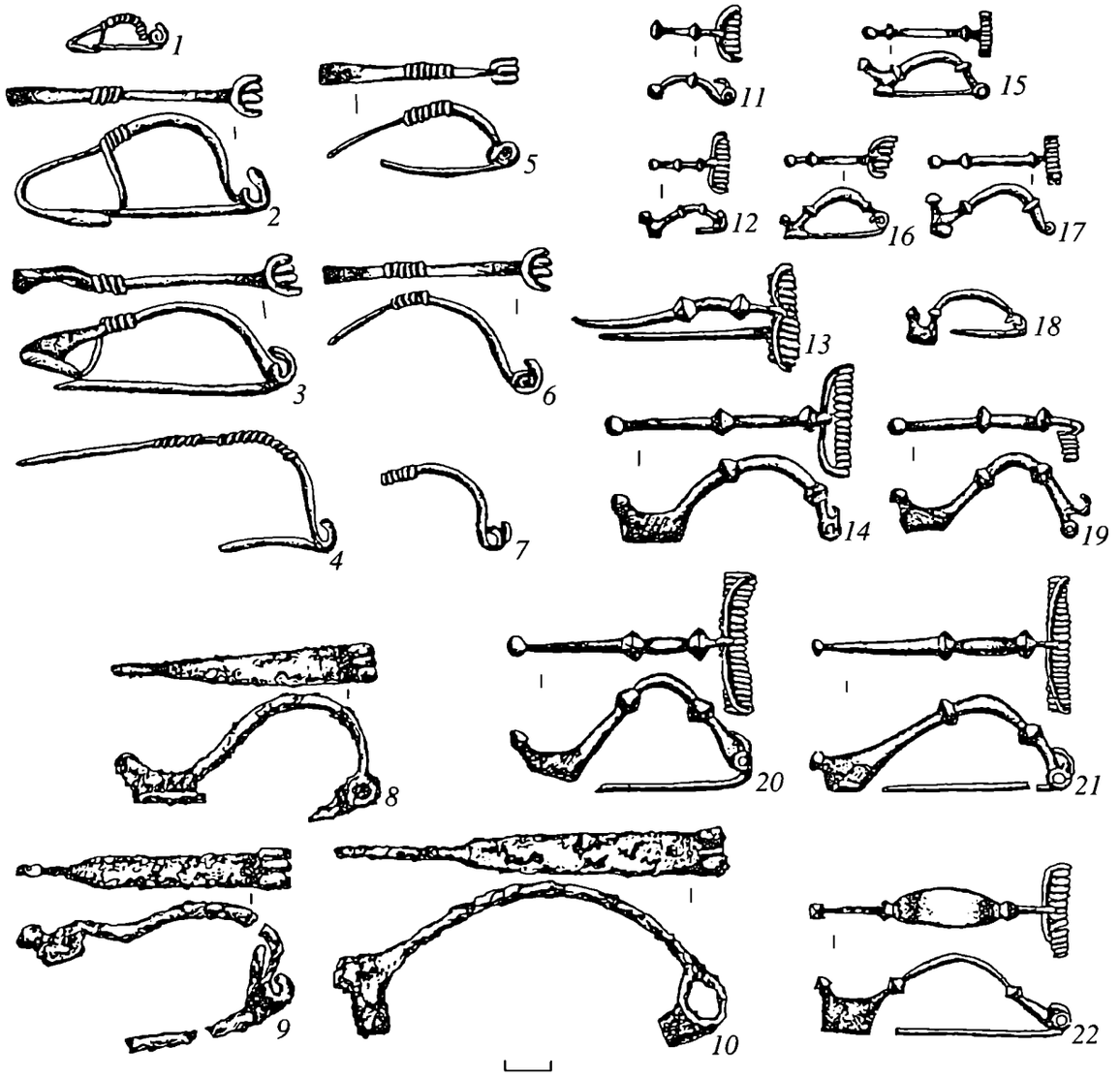


Рис. 4. Фибулы из погребений Центрального Предкавказья II – первой половины III в. н.э. (по М.П. Абрамовой).

гестане (Карабудахкентский III, Андрейаульский, Таркинский и другие могильники) и сильно профилированные фибулы с боковой бусиной на головке и крючком для тетивы (рис. 5, *11–16*). Датируются они II–III вв. (Давудов, 1996. С. 151). Для этого же периода характерны многочисленные в Дагестане и пружинные фибулы с гладким корпусом и с кнопкой на конце пластинчатого приемника (рис. 5, *17–24*). Их дата I–III вв. (Давудов, 1996. С. 151). Лучковые подвязные проволочные, одночленные фибулы (рис. 5, *25–28*) с круто спускающейся к пружине дужкой найдены на Таркинском, Карабудахкентском, Урцекинском, Паласа-сыртском могильниках, и также относятся к II–III вв. (Давудов, 1996. С. 151, 152), а некоторые доходят до IV в. (Гмыря, 1985. С. 153. Рис. 3Г, *12*, *15*; 7, *2*; Абакаров, Давудов, 1993. С. 69–74. Рис. 29, 49, 50, 57–59).

Аналогии всем этим фибулам известны в Азербайджане (Мингечаур), Северном Причерноморье и Северном Кавказе (Ингушетия, Осетия, Кабардино-Балкария, Кубань, Ставрополье, включая и Чечню (Амброз, 1966; Абрамова, 1993; Давудов, 1996; Виноградов, Петренко, 1974; Петренко, 1980).

В первые века новой эры на Северном Кавказе формы фибул почти не меняются (Абрамова, 1993. Рис. 59). Однако изредка отмечено появление так называемых раннеримских шарнирных дуговидных фибул (Абрамова, 1993. Рис. 59, *1–5*), подражание которым ярко проявляется в эпоху раннего средневековья. В этот период шарнирные фибулы (рис. 6–8) являются типичными.

В целом, от эпохи к эпохе формы фибул видоизменяются и совершенствуются. Мастера-ювелиры, словно соревнуясь меж собой, оттачивали свое мастерство, доводили эти изделия до классического совершенства (сравни рис. 1–8). Однако некоторые формы фибул сарматского времени (рис. 3, *5*, *30*, *31*) почти без изменений доживают

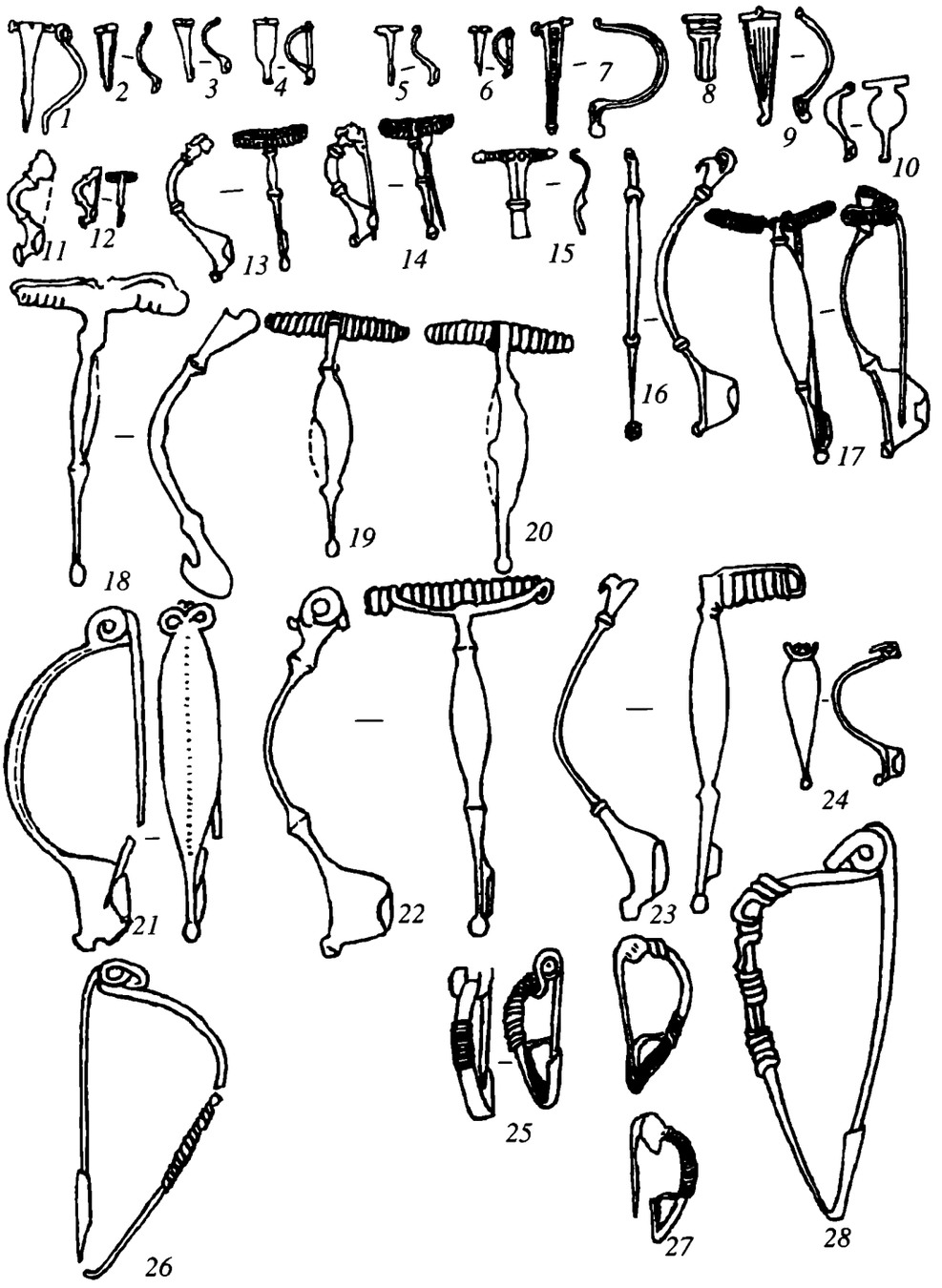


Рис. 5. Фибулы албанского времени из памятников Дагестана (по О.М. Давудову).

до IX в. н.э. (Ковалевская, 1981. С. 179. Рис. 62, 76, 77, 129, 165).

Наибольшее число раннесредневековых (V–X вв.) фибул (более 40 экз.) из Чечни найдены в Харачойском, Дайском и Чинухойском могильниках (Багаев, 1970). Единичные находки сделаны у селений Центарой (Марковин, 1966. С. 132. Рис. 5, 3) и Шарой. Все фибулы из названных пунктов делятся на 7 типов:

Тип 1. Пластинчатые фибулы с изогнутой спинкой и двумя прорезями на вершине ее изгиба (рис. 6, *1*). Такие фибулы имеют отдаленное сходство с фибулами I – начала II вв. н.э., например с фибулой из Подкумка (Абрамова, 1993. С. 151. Рис. 59, *1*).

Тип 2. Арбалетовидные бронзовые фибулы со слабо изогнутой спинкой и расплюснутой ножкой, которая иногда украшена орнаментом, например в виде знака "Х" (рис. 6, *2*). Приемник сделан путем подгиба ножки, имеют одну перекладину, которая оканчивается шариками (рис. 6, *2*, *5*) или кубами, со срезанными углами, придавая тем самым форму 14 гранника (рис. 6, *4*). Игла, как правило, железная, имела шарнирное соединение с перекладиной, обвитой бронзовой проволокой. Иногда наносились просто нарезки, имитирую-

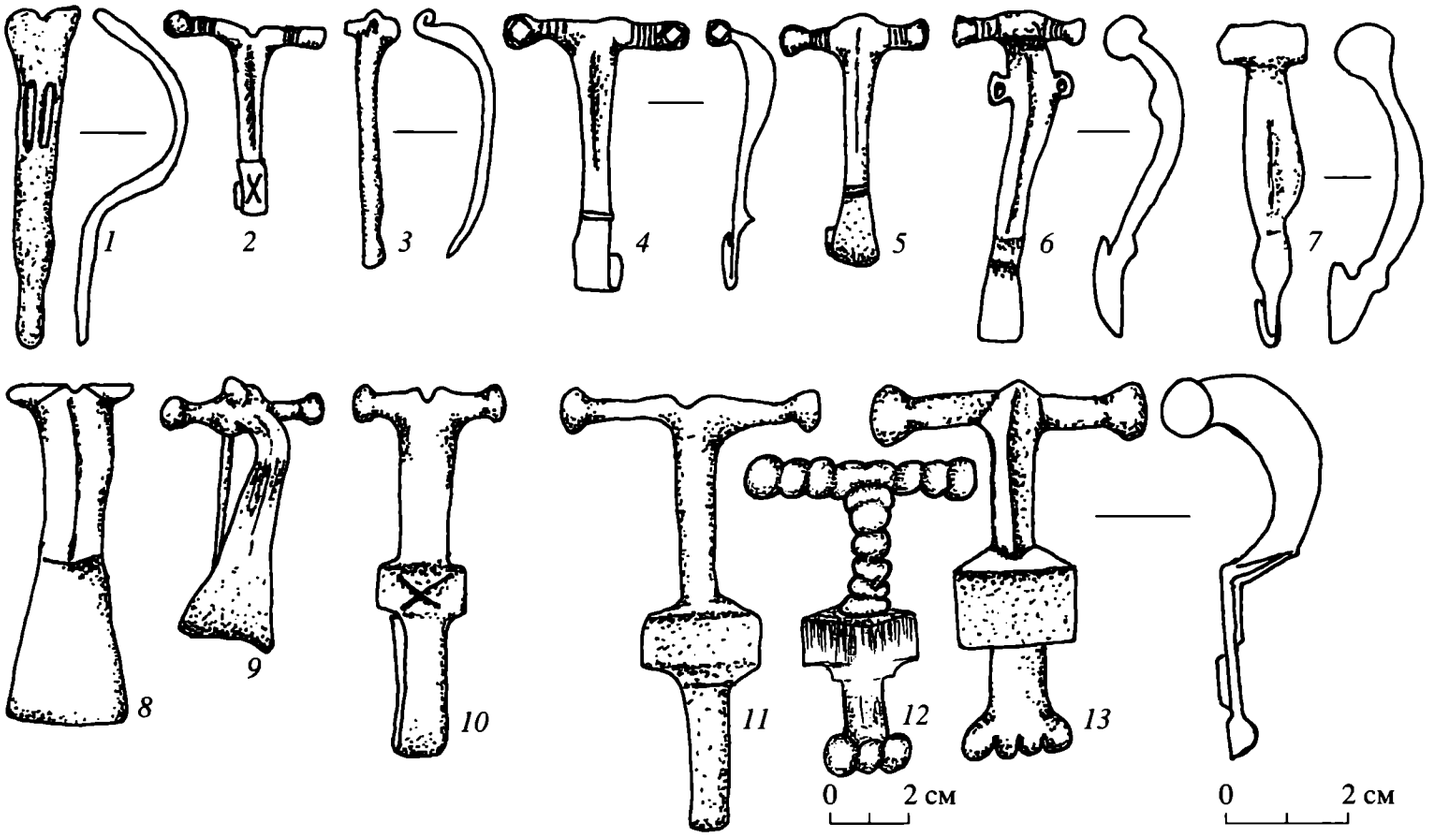


Рис. 6. Фибулы I–IX вв. из могильников Чечни.

щие проволочные витки (рис. 6, *4*, *5*). Подобные фибулы хорошо известны в Дагестане и датируются V–VII вв. (Атаев, 1963. С. 63, 64).

Тип 3. Фибулы с лопатовидной плоской ножкой. Спинка слегка изогнута, а по ее центру проходит выпуклая линия. Игла на шарнире. Приемник припаян к ножке. Перекладина или резко обрублена с обеих сторон (рис. 6, *8*) или оканчивается шариками (рис. 6, *9*). Изредка аналогичные фибулы находили в Дагестане (Атаев, 1963).

Тип 4. Литые арбалетовидные бронзовые фибулы со щитком на корпусе (рис. 6, *10–13*; рис. 7, *1–4*). Соединение игл шарнирное. Имеют по одной перекладине. Ножка либо подвернута (рис. 6, *10*; 7, *1*), либо оканчивалась полукруглыми выпуклинами (рис. 6, *12–13*). Интересна фибула (рис. 6, *12*) из разрушенного погребения Харачойского могильника. У нее перекладина, дужка и конец ножки оформлены в виде полукруглых выпуклин, напоминая собой перекладины и ножку фибулы из того же погребения (рис. 8, *2*), а также фибулы из Чинухоя (рис. 8, *4*, *5*). Некоторые фибулы этого типа орнаментированы продольными насечками на конце дужки (рис. 7, *1*), другие – золотой инкрустацией в виде поперечных полосок по всей дужке и ножке (рис. 7, *2*), причем конец ножки подогнут вниз и там припаян к дужке.

Фибулы 4-го типа, в частности с шаровидными выпуклинами на конце ножки, имеют аналогии в Осетии (Амброз, 1971) и особенно в дагестанских памятниках VIII-IX вв. (Смирнов, 1951. С. 17. Рис. 50, *2*, *3*; Амброз, 1971. С. 46. Табл. 6, *9*).

Тип 5. Ажурные литые арбалетовидные плоские фибулы. Одна из них (рис. 7, *3*) найдена в погребении № 21 Дайского могильника, а другая (рис. 7, *4*) на Харачойском могильнике в погребении № 43. Дайская фибула с двумя перекладинами, прямоугольно-ступенчатым щитком на слабо изогнутом корпусе. Ножка и спинка украшены сложным орнаментом в восточном стиле (рис. 7, *3*). Харачойская фибула орнаментирована двумя рядами углублений, имитирующих сквозные отверстия (рис. 7, *4*), а конец ножки оформлен, как у фибулы 4-го типа (рис. 6, *12*). Аналогии украшениям данного типа неизвестны.

Тип 6. Фибулы сложной конструкции, с треугольной пластинчатой изогнутой дужкой (рис. 7, *5–8*; рис. 8, *1–5*). Они имеют от 1 до 4 поперечных перекладин в виде железного стержня с нанизанными на него бронзовыми бусинами сферической (рис. 7, *7*), биконической (рис. 8, *1*) форм или конусовидные выступы (рис. 7, *8*). Перекладины одной из фибул оформлены по-другому. Их концы заканчиваются коническими шишечками, а на корпус нанесены нарезки, имитирующие накрученную спираль (рис. 8, *3*). Одна из этих фибул найдена в Харачойском раннесредневековом могильнике (рис. 8, *2*). Остальные находятся в коллекции Франца Ханча-

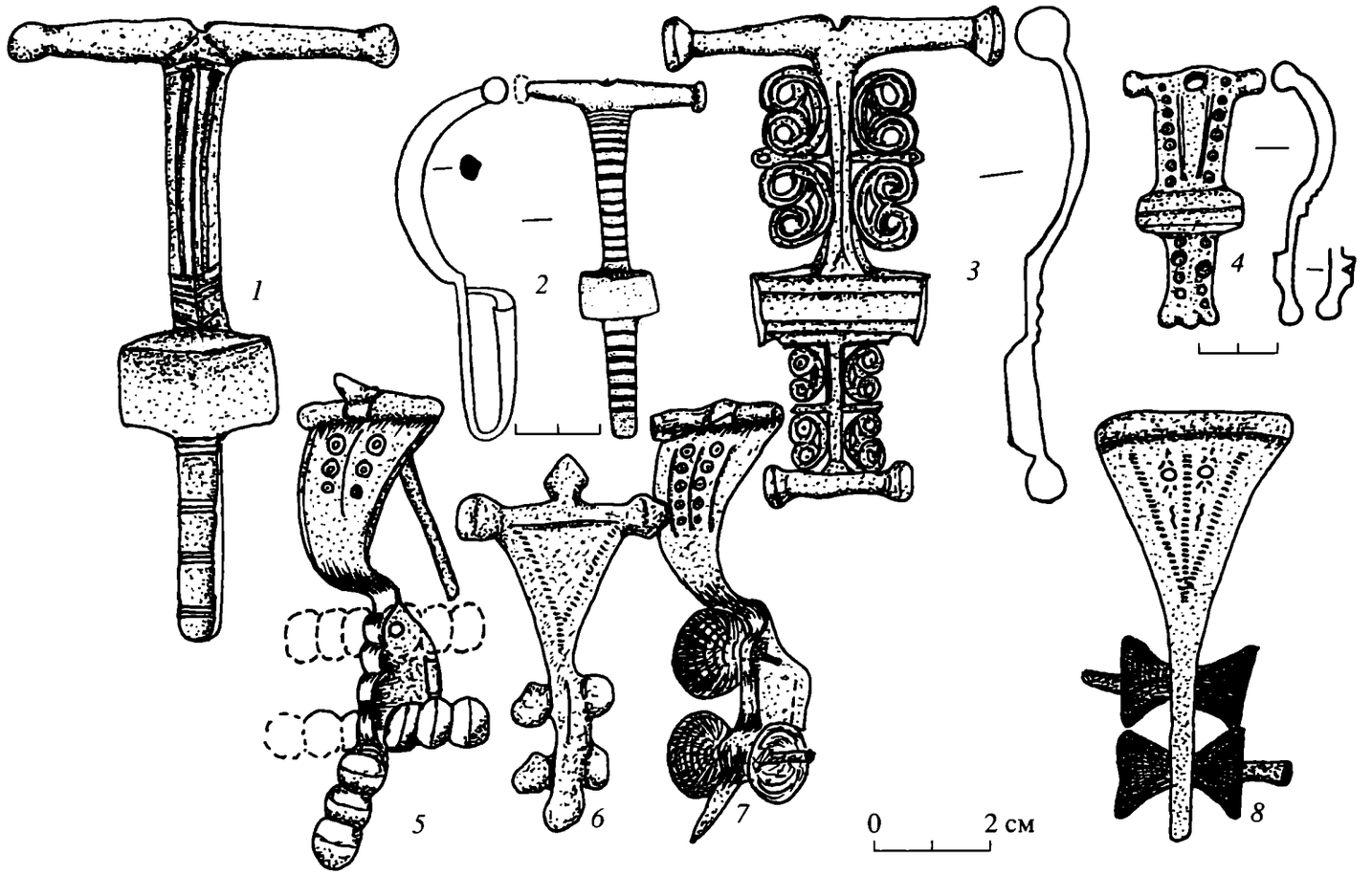


Рис. 7. Раннесредневековые фибулы из Чечни.

ра и приобретены в обществе Чинухой, в Аргунском ущелье (возможно, в окрестностях селений Ушкалой, Итум-кале, Верхний или Нижний Кокадой и т. д.). В настоящее время хранятся в Венском музее Австрии. В своей частичной публикации вещей из этой коллекции (Hančar, 1938. P. 139–152. Fig. 4–9) Ф. Ханчар относит фибулы к предметам местного производства, подражающим якобы провинциальным римским Т-образным фибулам. Он полагал, что такие фибулы связаны с ношением тяжелой одежды (Hančar, 1938. P. 152). Ф. Ханчар относил эти украшения к последней четверти I тыс. н. э. (Hančar, 1938. P. 152). Аналогии данным сложным украшениям известны в основном в Дагестане. Дагестанский археолог Д.М. Атаев считал чинухойские и аналогичные им бежтинские фибулы с несколькими перекладинами, последующей фазой развития фибул с шарнирносоединяющимися иглами и с бусинами на концах перекладин (Атаев, 1963. С. 134–136). Я разделяю мнение Фр. Ханчара и Д.М. Атаева, относивших эти украшения к изделиям местного производства. Ведь почти все вышеназванные раннесредневековые фибулы найдены в памятниках горной зоны Чечни и Дагестана вместе с массивными литыми бронзовыми браслетами с характерными утолщениями на концах и посредине спинки, а иногда и с височными привесками с 14-гранником. То есть, с вещами, очевидно, признанными как продукция местного производства (Атаев, 1963; Багаев, 2002а. С. 13). Их хронологии определяются последней четвертью I тыс. н. э. (Hančar, 1938. P. 152), что косвенно подтверждается и монетами 661–680 гг., найденными в Чинухойском могильнике (Hančar, 1938. P. 148, 149).

Тип 7. Фибула "цикада" (рис. 8, *6*). Это своеобразная брошь в виде стилизованной мухи, причем изображения насекомых, по словам А.К. Амброза, настолько схематизированы, что определить их вид невозможно (Амброз, 1966. С. 35). Игла и приемник припаивались на плоскую оборотную сторону. Фибула происходит из погребения № 47 Харачойского могильника. За пределами Чечни фибулы типа "цикада" широко известны, например в склеповом могильнике V–VII вв. Тырны-ауза, Кабардино-Балкарии (Кузнецов, 1962. Рис. 25, *3*), в Крыму (Якобсон, 1959. С. 272. Рис. 134, *6*; Айбабин, 1979. С. 27. Рис. 5, *9*; Засецкая, 1979. С. 7. Рис. 2, *49*; Амброз, 1966. С. 35. Табл. 15, 22, 24, 25). Подобная фибула-"цикада" отмечена в слое Ильичевского городища V–VI вв. (Николаева, 1982. С. 126). Такие же украшения найдены и в Центральной Европе, например в Австрии и Франции (Кузнецов, Пудовин, С. 85, 86. Рис. 2; 3, *2*). Скорее всего, в Чечню фибула-брошь попала в результа-

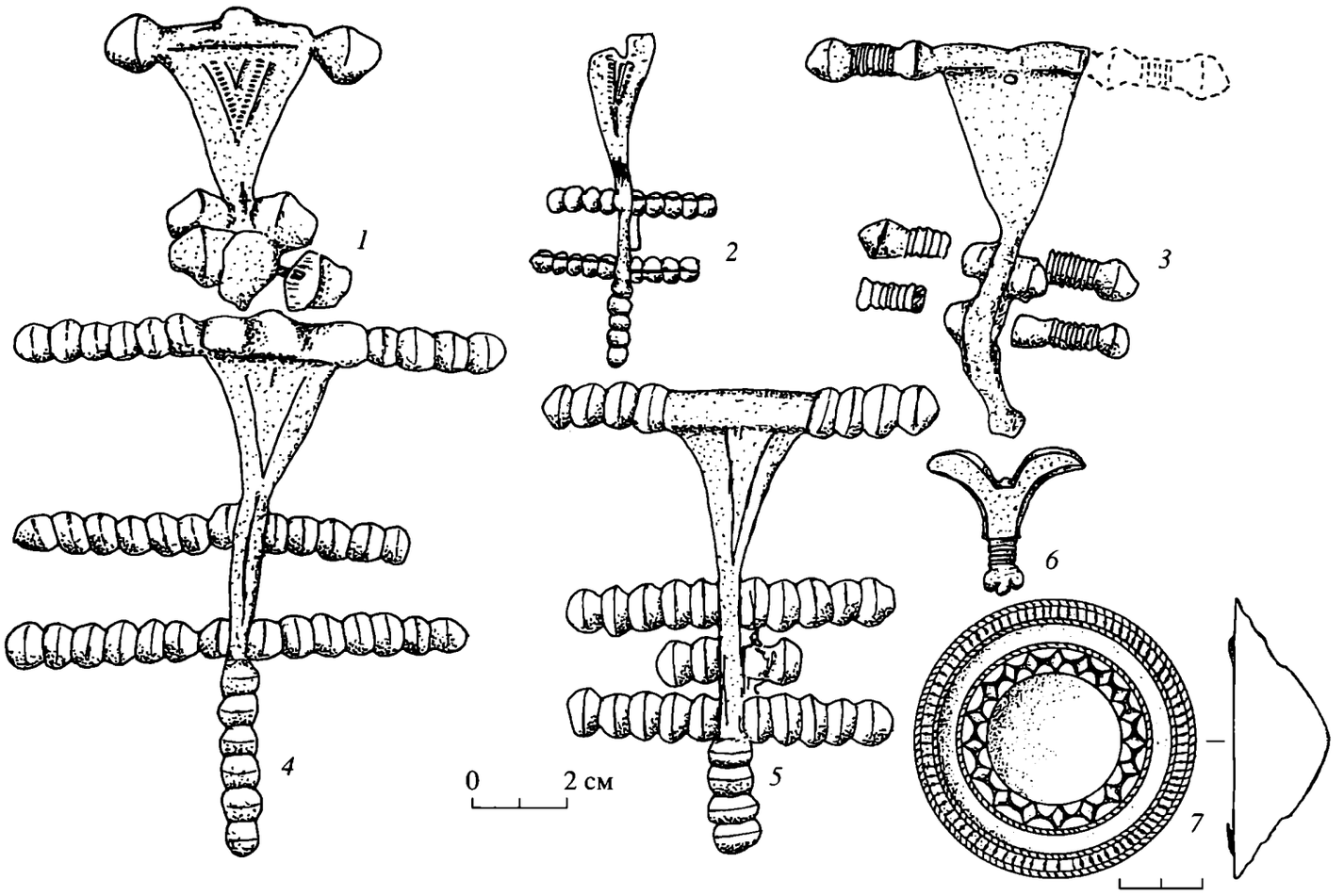


Рис. 8. Фибулы из раннесредневековых могильников Чечни.

те торговых связей, зафиксированных для данной территории в эпоху раннего средневековья и по другим вещам (Багаев, 2002б. С. 65–68). Не исключено, однако, что подобные украшения могли изготовляться местными мастерами по заказу со стороны. Сейчас много данных о том, что в эпоху раннего средневековья в высокогорной части Дагестана (Бежтинский и другие могильники) и Юго-Восточной Чечне (Харачойский, Дайский и другие могильники) развивалось самобытное и оригинальное искусство по производству металлических предметов декоративно-прикладного искусства, в том числе и фибул (Атаев, 1963. С. 63–65; Маммаев, 1989. С. 34). Сказанное косвенно может подтвердить факт обнаружения в погребении № 6 Дайского раннесредневекового могильника круглой бронзовой ажурной фибулы-броши (рис. 8, *7*). У нее и игла, и приемник шарнирно припаивались к краю оборотной стороны (рис. 8, *7*). Аналогии неизвестны. Правда, не фибулы, а похожие на них бляхи известны в Дагестане (Атаев, 1963. С. 128. Рис. 15а, *4*). Кроме того, схожие ажурные бляхи III–V вв. (Гаджиев, 2002. С. 135–137) найдены также в Дагестане (Гаджиев, 2002. С. 135. Рис. 50, *21*; 66, *14–16*; 67, *51–55*). А фибулы-броши, подобные дайской, обнаружены в Северном Причерноморье и в античных городах (Амброз, 1966. Табл. 14, *17–26*; табл. 15, *1–26*; 27, *3*).

Хорошо известно, что высокогорная Чечня и соседний Дагестан и в V–XII вв. не порывали проверенные временем свои традиционные связи с предгорной и равнинной (Терско-Сулакское междуречье) территориями, а через них горцы поддерживали связи с культурами степных народов, в частности с носителями салтово-маяцкой культуры. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы из Верхнечирюртовских могильников Дагестана (Маммаев, 1989. С. 31) и Дуба-юртовского (Багаев, 1970), Мартанчуйского и других (Маммаев, 1985) могильников Чечни, где найдены общеевропейские литые бронзовые арбалетовидные фибулы 1–5 типов (рис. 6, *1–13*; рис. 7, *2*), ареал которых был довольно широк, захватывая и Северный Кавказ (Амброз, 1966; Афанасьев, Рунич, 2001. С. 82. Рис. 27, *16*; С. 87. Рис. 32, *4*; С. 89. Рис. 34, *11*; С. 90. Рис. 35, *7*; С. 92. Рис. 37, *8*).

Таков ретроспективный обзор фибул, найденных на памятниках I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Чечни и Дагестана. След их постепенно теряется в XI в. н.э., а в памятниках позднего средневековья они уже вовсе не встречаются в пределах Северо-Восточ-

ного Кавказа. На смену им приходят богато украшенные декорированные бляхи, медальоны, пряжки, застежки и пуговицы.

Таким образом, в глубокой древности носители кобанской культуры, примерно в XII – начале XI в. до н.э. в результате опосредованных связей знакомились со средиземноморскими арочными фибулами, о чем свидетельствует ранняя фибула из Сержень-юртовского поселения (Козенкова, 1982. С. 59; 2001. С. 188). На восточной окраине кобанской культуры этот тип украшения, трансформируясь в местной среде, доживает до второй пол. I тыс. до н.э., а затем сменяется другими типами.

На протяжении более 2 тыс. лет, кавказские фибулы испытали на себе многочисленные модернизаторские веяния со стороны степных культур (Амброз, 1966; Абрамова, 1993. С. 83–86. Рис. 28; С. 166, 167. Рис. 67). И тем не менее они сохранили (за редким исключением в виде броши, "цикады") свою основную дугообразную форму. Кавказские мастера из века в век, придавая той форме более привлекательный и эстетический вид, особенно в период раннего средневековья, изобрели особо вычурные предметы (рис. 6–8) – (Маммаев, 1989. С. 43. Рис. 51).

Вероятно, начиная с III-IV вв. и до конца XI в. горная зона Северо-Восточного Кавказа становится ведущим центром производства бронзовых перекладчатых фибул (рис. 6–8) и фибул с треугольной пластинчатой изогнутой дужкой (рис. 7, *5–8*; рис. 8, *1–5*), а также целой серии разных модификаций фибул пятого типа (рис. 7, *3*, *4*), широко распространенных в Чечне и Дагестане (Атаев, 1963; Багаев, 1970; Маммаев, 1989).

Раннесредневековый период оказался финальным в развитии различных форм фибул не только в Чечне, но и на всей территории Северо-Восточного Кавказа, а возможно, и на всем Кавказе. Как представляется, пик их совершенства приходится на VII–IX вв., после чего наступает постепенный закат (XI–XII вв.) в производстве этих оригинальных застежек и украшений, как предметов декоративно-прикладного искусства.

К концу XII – началу XIII в. фибулы (и как застежки, и как украшения одежды) теряют свою значимость и постепенно утрачивают свое практическое применение, что связано с изменением кроя одежды. Главную роль играют пуговицы, как более надежные и практические приспособления в одежде. Речь идет главным образом о литых бронзовых пуговицах различных форм (дисковидные с плоскими овальными ушками; биконические с такими же ушками для нитки; подшаровидные и т. д.), находимых на раннесредневековых и позднесредневековых памятниках Чечни и других регионов Северного Кавказа (Мамаев, Чахкиев, 1987. С. 53, 54. Рис. 1, *4–7*).

Затем на смену металлическим пуговицам приходят застежки-пуговицы из крученных ниток (Абдулвахабова, 2002. С. 130)[1], а фибулам-брошам, которые играли роль только украшений (рис. 8, *7*), приходят на смену разнообразные узорчатые вышивки на одежде. По мнению этнографов, "по древним чеченским поверьям, вышивка была магическим оберегом от зла, болезней и располагалась в одежде там, где открывался доступ к телу" (Абдулвахабова, 2002. С. 130). Новые формы горской одежды – платье, рубаха, черкеска, суконная накидка, бурка, шуба, тулуп, халат, предполагали использование многих застежек. Например, на рубахе из могильника Цой-Педе на передце были нашиты горизонтальные застежки (58 парных штук), а на фрагменте рубахи такого же типа насчитывалось около 70 горизонтальных застежек. Причем, эти застежки были условными. Застегнутые пуговицы оказывались внутри, вдоль разреза, придавая изящный рельефный контур телу (Абдулвахабова, 2002. С. 130). Но это уже другая история.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 03-01-00067а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М., 1993.

Абдулвахабова Б.Б. Традиционная мужская одежда вайнахов в XVI – начале XIX в. // Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2002.

Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993.

Айбабин А.И. Погребения второй половины V – первой половины VI в. в Крыму // КСИА. 1979. Вып. 158.

Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. // САИ. 1966. Д1–30.

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2, 3.

Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии). Махачкала, 1963.

Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М., 2001.

Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1970.

Багаев М.Х. Височные привески с 14-гранником нагорного Дагестана и Чечни // XXII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа (тез. докл.). Есентуки; Кисловодск, 2002а.

Багаев М.Х. К вопросу о торговле и торговом инвентаре в древней Чечне // Историко-археологический альманах. Вып. 8. Армавир; Москва, 2002б.

[1] В чеченском языке сохранилось древнее название этой пуговицы – ВЕТА. Современная пуговица имеет иное название – НЮДА.

Виноградов В.Б., Петренко В.А. Могильник сарматской эпохи на горе Лехкч-корт (Юго-Восточная Чечня) // СА. 1974. № 1.

Гаджиев М.С. Древний город Дагестана. М., 2002.

Гмыря Л.Б. Паласа-сыртский могильник (по материалам раскопок 1981–1983 гг.) // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.

Давудов О.М. Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974.

Давудов О.М. Материальная культура Дагестана албанского времени (III до н.э. – IV в. н.э.). Махачкала, 1996.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеэллинистического периода // РА. 2003. № 2.

Засецкая И.П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. 1979. Вып. 158.

Керефов Б.М. Чегемский курган-кладбище // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. Нальчик, 1985.

Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. Сер. Археология СССР. М., 1981.

Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. 1982. Вып. В2–5.

Козенкова В.И. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М., 2001.

Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. 1962. № 106.

Кузнецов В.А., Пудовин В.К. Аланы в Западной Европе в эпоху "великого переселения народов" // СА. 1961. № 2.

Марковин В.И. Материалы по археологии горной части Восточной Чечни // АЭС. 1966. Вып. 1.

Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. М., 2003.

Мамаев Х.М. Население плоскостной зоны Среднего Притеречья в эпоху раннего средневековья (материальная культура по данным погребальных памятников): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1985.

Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю. Новые находки эпохи средневековья из окрестностей селения Майртуп // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987.

Маммаев М.М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Истоки и становление. Махачкала, 1989.

Михлин Б.Ю. Фибулы Беляусского могильника // СА. 1980. № 3.

Николаева Э.Я. Работы Ильичевского отряда // АО–1981. 1982.

Петренко В.А. Об одной из разновидностей сарматской культовой посуды на Среднем Тереке // СА. 1980. № 1.

Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2.

Скрипкин А.С. О новом варианте лучковых фибул из сарматских погребений в Волго-Донском междуречье // РА. 2003. № 2.

Смирнов К.Ф. Агачкалинский могильник – памятник хазарской культуры Дагестана // КСИИМК. 1951. Вып. 38.

Техов Б.В. О появлении и развитии кавказской дуговидной фибулы // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

Техов Б.В. Тлийский могильник. Каталог. Т. II. Тбилиси, 1981.

Техов Б.В. Тлийский могильник. Каталог. Т. III. Тбилиси, 1985.

Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63.

Hančar F. Wien. Kaukasiche Sprossenfibeln. Eurasia septentrionalis Antigua. T. XII. Helsinki, 1938.

On the history of brooches in North-Eastern Caucasus (Chechnya and Daghestan)

M. Kh. Bagaev

Summary

Brooches appeared in the Caucasus in the late 12th – the early 11th cc. BC, in Chechnya and Daghestan in the late 11th cc. BC. Various shapes and types are known (Figs. 1–8). During the period over two thousand years long the Caucasian brooches underwent influences of different cultures, mostly steppe ones. Still, the early arch-shaped type remained the basic one, exceptions being very rare (Figs. 1–8). Probably, in the 3rd – the 11th cc. the mountainous zone of North-Eastern Caucasus (Chechnya and Daghestan) was the centre of production of bronze fibulae with crosspiece (Figs. 6–8), and those with triangular-shaped plate arch (Figs. 7, 5–8; 8, 1–5), as well as the whole series of various modifications (Fig. 7, 3, 4). Evidently, the brooches of the North-Eastern Caucasus dated from the 7th – the 9th cc. were the most perfect masterpieces of the local craftsmanship, the period was followed by their decline in the 11th–12th cc. By the late 12th – the early 13th cc. the brooches had lost their significance both as fastenings and costume decorations. This was caused by the changes in clothes' cut. Fibulae-fastenings were replaced by buttons, while purely decorative brooches were replaced by embroidery.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 2, с. 148–156

ПУБЛИКАЦИИ

ПАРАДНОЕ КОНСКОЕ ОГОЛОВЬЕ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО КУРГАННОГО ПОГРЕБЕНИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

© 2004 г. Е. А. Армарчук*, А. В. Дмитриев**, Л. В. Конькова***

*Институт археологии РАН

**Новороссийский государственный исторический музей-заповедник

***Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН

Детали конских оголовий и другие декоративные элементы сбруи являются редкими находками в курганных могильниках Северо-Восточного Причерноморья XII–XIII вв. Большой интерес представляет в этой связи нарядный конский убор из погребения в кургане № 5 могильника на отроге г. Сапун под Новороссийском, раскопанного А.В.Дмитриевым в 1985 г. (Дмитриев, 1985. С. 8–10). Результаты комплексного исследования этого убора отражены в данной статье.

Курган содержал одно кремационное урновое погребение с сопровождающим конским захоронением, которое, судя по обряду и инвентарю, принадлежало воину-всаднику. Насыпь кургана диаметром 8 м, высотой 0.65 м из серого суглинка с щебнем была без повреждений, задернованной и местами заросла кустарником. В северной, южной и юго-западной ее частях до раскопок были видны чуть выступающие камни обкладки. Расчистка выявила подквадратную форму плитняковой обкладки размерами 6 на 5.75 м, ориентированной углами по сторонам света. В западном и южном углах находились две длинные каменные плиты прямоугольного сечения высотой до 1.4 м, вероятно, прежде стоявшие вертикально (рис. 1). В центре кургана в рыхлом скальном грунте была вырыта яма подпрямоугольной формы со скругленными углами размерами 2.3 на 1.05 м, ориентированная по линии северо-запад–юго-восток. Заполнение ямы составлял серый суглинок с углями и большим количеством золы. На дне ямы находился скелет лошади, уложенной на левый бок с поджатыми ногами, головой на юго-восток. За головой лошади, в восточном углу ямы стоял двуручный сосуд-урна, накрытый перевернутой нижней донной частью византийской реберчатой амфоры (рис. 2). В урне были жженые кости человека вперемешку с вещами: остатками костяных накладок, двумя глиняными пряслицами, калачевидным кресалом, бронзовыми кольцами разных размеров, полыми сферическими пуговками с проволочной петелькой, двумя бронзовыми грушевидными бубенцами и несколькими пастовыми и каменными бусинами.

Погребальный инвентарь не исчерпывается этими предметами и включает также оружие и упряжь. Оружие было положено компактной кучкой за холкой коня. Это – согнутая после пребывания в погребальном костре сабля, железные детали ее ножен и девять наконечников стрел. Здесь же находился ажурный шар от навершия начельника и две решмы в виде круглых бляшек с подвешенными бубенцами. Две другие такие же решмы лежали за черепом коня у стенки ямы, рядом с выпуклой пластиной начельника; пятая решма – у передней ноги и последняя бляшка без подвески - поверх ребер на правом боку коня. Стремена располагались у передних его копыт и за спиной, удила – между черепом и юго-восточной стенкой ямы. У левой задней ноги коня находилась маленькая железная пряжка, а возле стремени за спиной найдено бронзовое кольцо. В засыпке ямы встречены мелкие пуговки, аналогичные находившимся в урне. Хотя все вещи несут следы пребывания в огне погребального костра и положены в могильную яму в виде обгорелых остатков, их место в погребении строго определено: оружие рядом с прахом воина, а упряжь в основном на положенных ей местах. Интересна последняя деталь – деревянный столбик коновязи диаметром 10 см между мордой и передними ногами коня.

В убор оголовья первоначально входили начельник и шесть решм, но от шестой решмы сохранилась только верхняя круглая бляха[1]. В погребение его поместили в разрозненном виде, так как решмы лежали в разных местах, а навершие начельника отдельно от его основания. С одной стороны, это можно считать результатом преднамеренной обрядовой порчи вещи. С другой стороны, оголовье находилось в погребальном костре и не могло не пострадать. О воздействии огня на предметы свидетельствуют их внешний вид и некоторые хорошо видимые через микроскоп детали.

[1] Инвентарные № 53–59, коллекция НМ 6610 Новороссийского государственного исторического музея-заповедника. Авторы статьи выражают благодарность за помощь в работе музейным сотрудникам А.В. Шишлову, А.В. Колпаковой и Н. Федоренко.

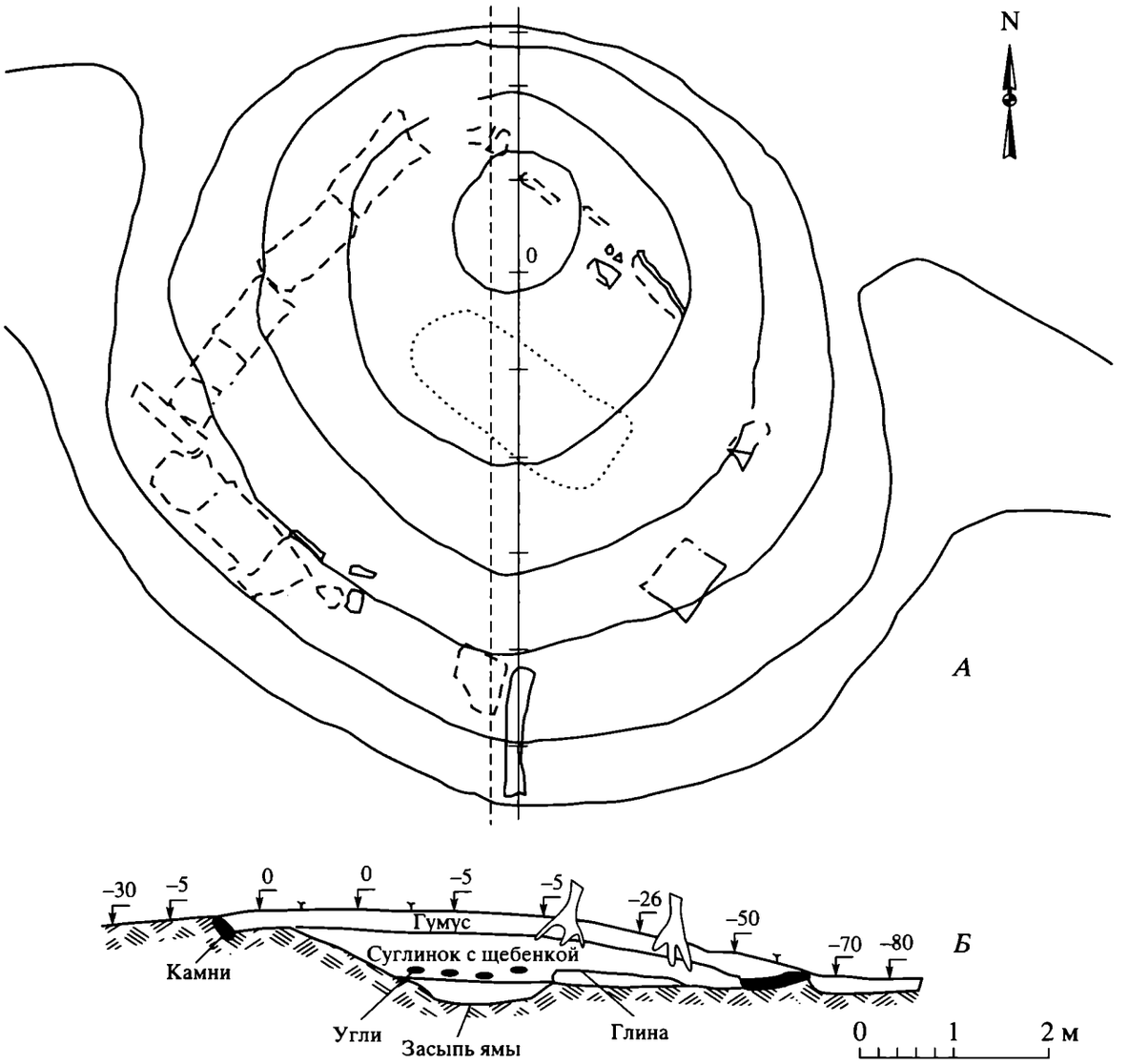


Рис. 1. План и разрез кургана № 5 могильника на г. Сапун. *А* – план насыпи, каменной обкладки и могильной ямы, *Б* – западный профиль бровки.

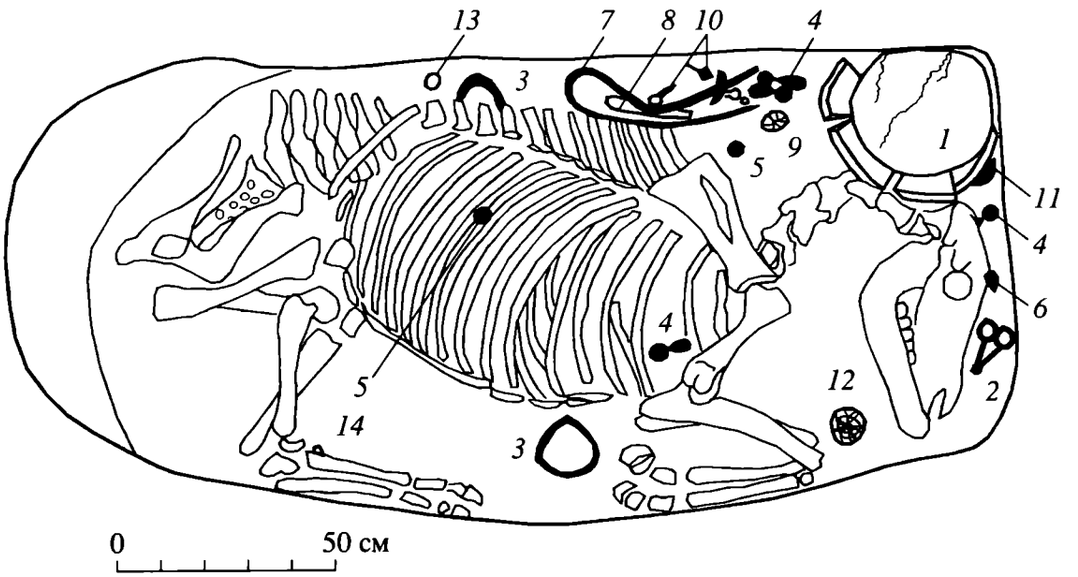


Рис. 2. План погребения в кургане № 5: *1* – амфора и урна, *2* – удила, *3* – стремена, *4* – бляшки с подвесками, *5* – бляшки, *6* – подвеска, *7* – сабля, *8* – детали ножен сабли, *9* – навершие начельника, *10* – наконечники стрел, *11* – основание начельника, *12* – деревянный столбик, *13* – кольцо, *14* – пряжка.

В цельном виде начельник состоял из круглой, сферически выпуклой пластины основания диаметром 100 мм с навершием в виде узкой цилиндрической трубки-втулки диаметром 11–12 мм с ажурным шаром посреди (рис. 3, *5–7*). Шар составлен из горизонтальных половин, образованных восемью смыкающимися петлями каждая. Общая высота навершия равна 60 мм, а всего начельника 84 мм. Основание начельника двучастное: к главной большой пластине сверху прикреплена маленькая вторая диаметром 33 мм. Их стык и внешний край большого диска украшены бордюром из двух проволочек скани, положенных "косичкой" (рис. 3; *5*). Все изделие было позолочено. Для крепежа к ремням оголовья или какой-то подоснове, тканевой или кожаной, в основании имеются 10 отверстий.

Все решмы одинаковы и относятся к типу двучастных шарнирных, с круглой верхней бляхой диаметром 29–30 мм и нижней привеской-бубенцом (рис. 3, *1–4*, *8*, *9*). Обе части имеют рельефный орнамент. У круглой бляхи это розетка с выпуклой, окруженной "перлами" гладкой серединкой и пятью лепестками, чередующимися с пятью лучами из таких же "перлов". На обороте всех блях есть четыре шпенька для крепежа, а внизу – две шарнирные петли, расположенные перпендикулярно плоскости блях. Привески-бубенцы грушевидной формы, полые, слегка уплощенные в профиле; изготовлены из вертикальных половинок и снабжены пластинчатой петлей для подвешивания. Один конец петли припаян вверху, другой либо убран внутрь бубенца, либо оставлен снаружи на тыльной стороне изделия (рис. 3, *1–4*). Бубенцы представлены двумя размерами – 26 на 38–39 и 22 на 36–37 мм.

Внешняя половина бубенцов орнаментирована в геометрическом стиле: два валика, продольный и поперечный, образуют прямой крест, в углах которого находится по одной выпуклине – "перлу". Пятая выпуклина расположена в точке пересечения валиков. В верхней части бубенца орнаментированная зона ограничена по бокам двумя прямыми бороздками. У некоторых экземпляров выпуклины либо стерты до дыр, либо нарочно пробиты, возможно, для улучшения звона бубенцов. Однако не исключено, что перед нами пример ритуальной порчи предметов погребального инвентаря. Имеются лакуны и в других местах привесок, особенно на тыльной их стороне (стертость от трения?).

Количество решм и их крепежные шпеньки позволяют, на наш взгляд, реконструировать оголовье следующим образом. Оно состояло из подчелюстного, двух продольных нащечных ремней и поперечных – наносного, налобного и затылочного. Еще один продольный отрезок соединял налобный и наносный ремни. В шести образовавшихся точках пересечения ремни скреплялись бляхами решм – двумя на висках лошади, двумя по бокам морды и двумя по ее средней линии. Убор завершал начельник, прикрепленный на макушке к поперечному налобному и затылочному ремням.

Как декоративная часть конского оголовья начельники в Юго-Восточной Европе и на Северном Кавказе бытуют главным образом в IX-XII вв. и характерны для салтово-маяцкой и аланской культур, дополняясь в уборе подвесными бляхами-решмами. В их число входят как простые изделия без декора, так и нерядовые, художественно выполненные образцы с растительной орнаментацией на пластинах, с фигурным навершием вместо трубки-втулки, с сюжетными гравировками на втулках. Первый обзор (но не исчерпывающий из-за отсутствия публикаций многих начельников) позволил наметить линию развития таких уборов (Армарчук, Новичихин, 2004). Благодаря археологическим находкам двух последних десятилетий ареал начельников охватил и Северо-Восточное Причерноморье. Здесь они с решмами в малом количестве, но стабильно присутствуют в конском уборе с IX по XII в.

Однако типологические аналогии начельнику из кургана на г. Сапун нами не найдены. По форме втулки он сближается только со сбруйным украшением неопубликованного погребального комплекса "Потомственного" под Геленджиком (экспозиция Геленджикского краеведческого музея). У последнего втулка тоже имеет шаровидное, но не ажурное расширение, а само изделие отличается плоским диском основания и могло украшать не макушку, а круп коня. По-видимому, усложненная форма втулки – это отличительная черта поздних начельников XII в., если учитывать, что соответствующими находками XIII–XIV вв. мы не располагаем. Названные М.Г. Крамаровским "начельниками" сбруйные украшения золотоордынского времени (Крамаровский, 2001. С. 27) являются наносниками и налобниками и именно так атрибутируются другими исследователями (Могильников, 1981. С. 197; Горелик, Ковпаненко, 2001. С. 159).

Кроме того, начельник из кургана на г. Сапун отличается от известных экземпляров стилем и видом декора - сканью. Это, наряду с указанным морфологическим признаком, тоже может свидетельствовать о более позднем времени его изготовления. В Северо-Восточном Причерноморье в эпоху развитого средневековья украшения со сканью сначала единично появляются в XI в. в виде височных колец с напускными бусинами и встречены в кремационных и ингумационных захоронениях XI – начала XIII в. (Крым..., 2003. Табл. 97, *19*; 100, *37*, *38*, *53*). В золотоордынское время число и виды украшений со сканью здесь увеличиваются. Мотив

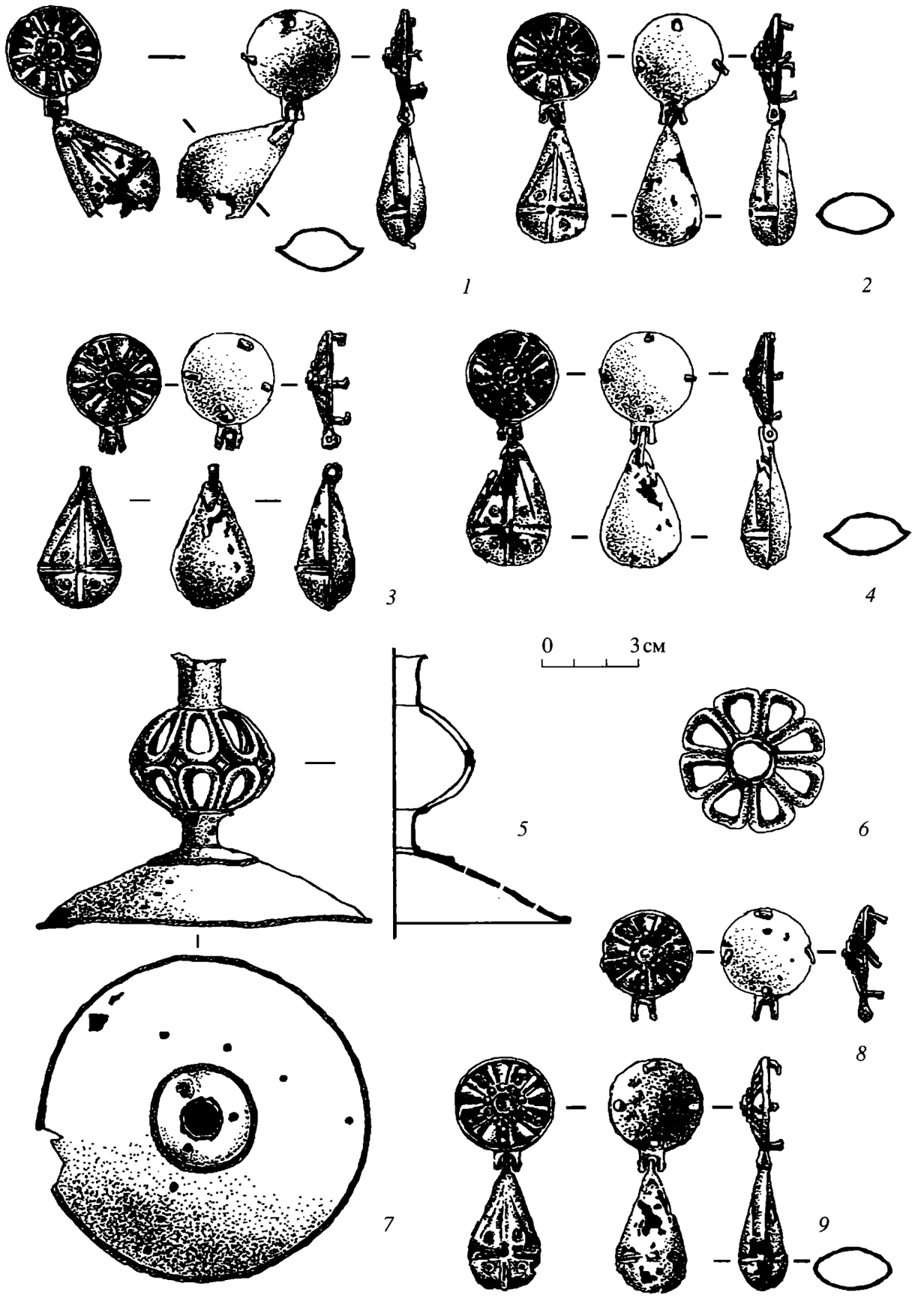


Рис. 3. Конское оголовье: *1–4*, *8*, *9* – решмы и их детали; *5* – начельник, общий вид; *6* – ажурное навершие начельника, вид сверху; *7* – основание начельника, вид сверху. Рисунок Ю.А. Тимошиной.

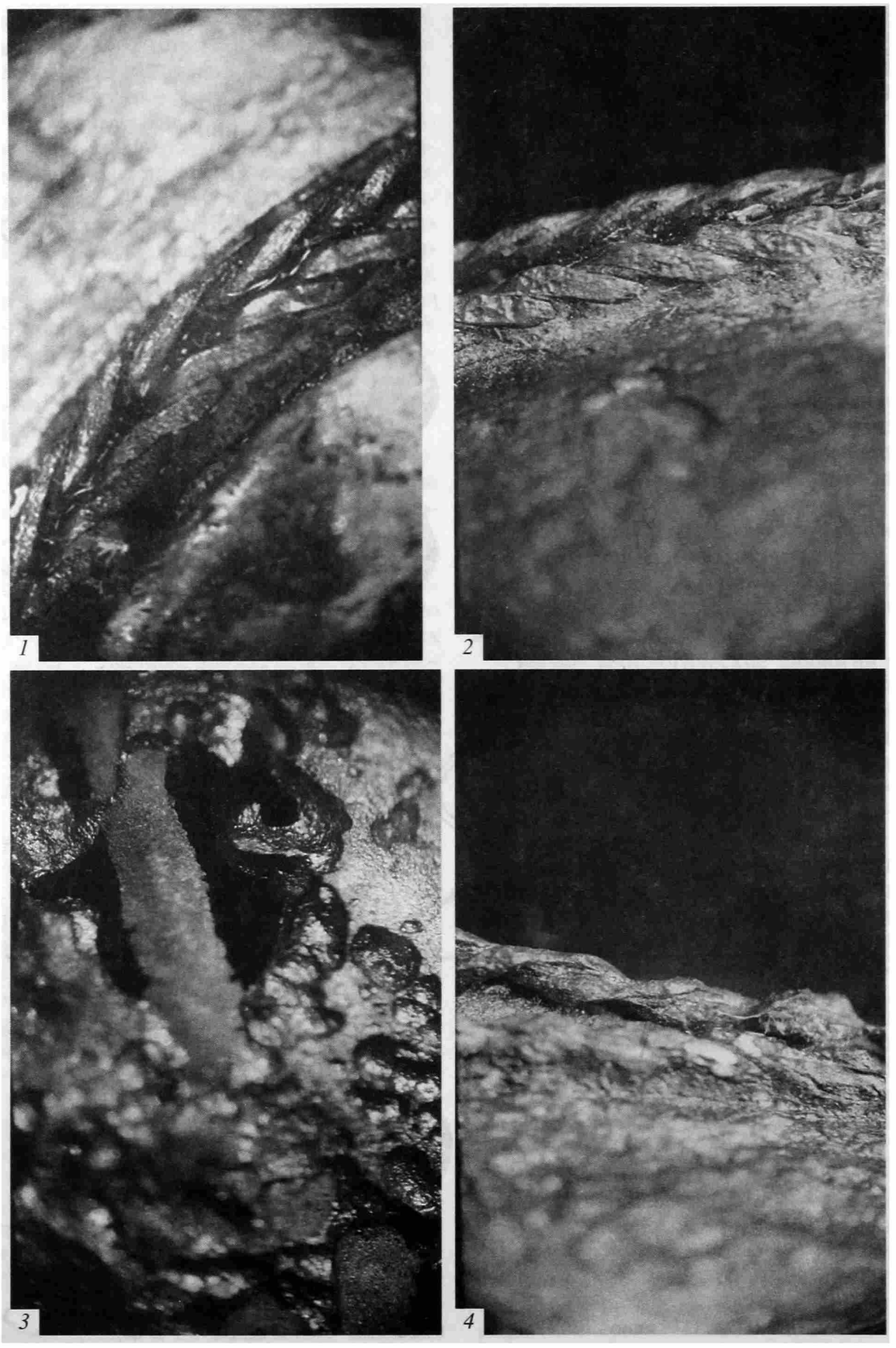


Рис. 4. Макросъемка: *1* – фрагмент сканого пояска на стыке двух частей основания начельника; *2* – фрагмент сканого бордюра по краю основания начельника; *3* – конец крепежной пластины внутри бубенца и его внешняя обгоревшая поверхность; *4* – результат пребывания в огне – разошедшиеся и отпаявшиеся от края диска начельника проволоки скани.

соединенных ажурных полусфер из петель (как правило, в сочетании со сканью) широко использовался с золотоордынского времени в ювелирном деле Крыма, Северного Кавказа и Причерноморья для мелких металлических изделий – пронизей, бусин, пуговиц и серег (Макарова, 2003. С. 72. Табл. 48, *23*; Симферопольский клад, б/г; Левашова, 1953. С. 193). К ним добавим височные кольца с ажурной напускной бусиной из Болгарского клада 1888 г., датирующегося золотоордынской эпохой (Полякова, 1996. С. 169, 170. Рис. 60, *5*). Перечисленные изделия встречаются в подкурганных ящичных погребениях XIV в. под Анапой и Новороссийском (Сизов, 1889. Табл. XIII, *16*; ОАК, 1896. Рис. 170; Дроздова, 1990. Рис. 24, *10*). Правда, ювелирами Востока этот мотив разрабатывался уже в домонгольское время, что доказывают, например, филигранные серьги из Гурганского клада в Иране, датированного по монетам концом XII – началом XIII в. (Ювелирные изделия..., 1984. Ил. *60*). К домонгольскому времени относятся также височные кольца с аналогично оформленными бусинами с территории Балкан (XII – начало XIII в.) и из волынских славянских курганов под Луцком (Марјановић-Вујовић, 1984. С. 49, 81, 82; Седов, 1982. С. 100. Табл. XXVI, *17*, *18*).

О решмах можно сказать следующее. По исследованиям Л.М. Гаврилиной, двучастные решмы с шарнирным креплением характерны для сбруйных украшений XI в. из восточноевропейских кочевнических комплексов и замыкают линию развития решм (Гаврилина, 1993. С. 77–85). Р.С. Орлов датирует пышные уздечные наборы с такими решмами из Новокаменки и Сарайлы-Кият второй пол. XI – началом XII в. (Орлов, 1984. С. 36). Северокавказские материалы показывают, что на черноморском побережье, в Закубанье и Центральном Предкавказье они используются не только в XI в., но и в XII – начале XIII в. Правда, здесь двучастные решмы имеют специфические формы блях и подвесок[2], а, в общем, для большей части региона в XI–XII вв. характерны трехчастные украшения упряжи (Армарчук, Новичихин, 2004).

Розетковидный орнамент использовался в декоре сбруйных и уздечных блях X–XI вв. из восточноевропейского, северопричерноморского и северокавказского ареалов, в том числе верхних блях составных решм из конских погребений кавказских могильников Змейский, Кольцо-Гора, Колосовка 1 (Орлов, 1984. Рис. 4, *50*; Гаврилина, 1987. С. 57–60, Рис. 2, *20*; Ловпаче, 1978. Рис. 3, *а*, *б*; Савенко, 1983. Рис. 1; 1986. Рис. 5, *1*). Среди этих находок нет прямых аналогий бляхам решм из кургана на

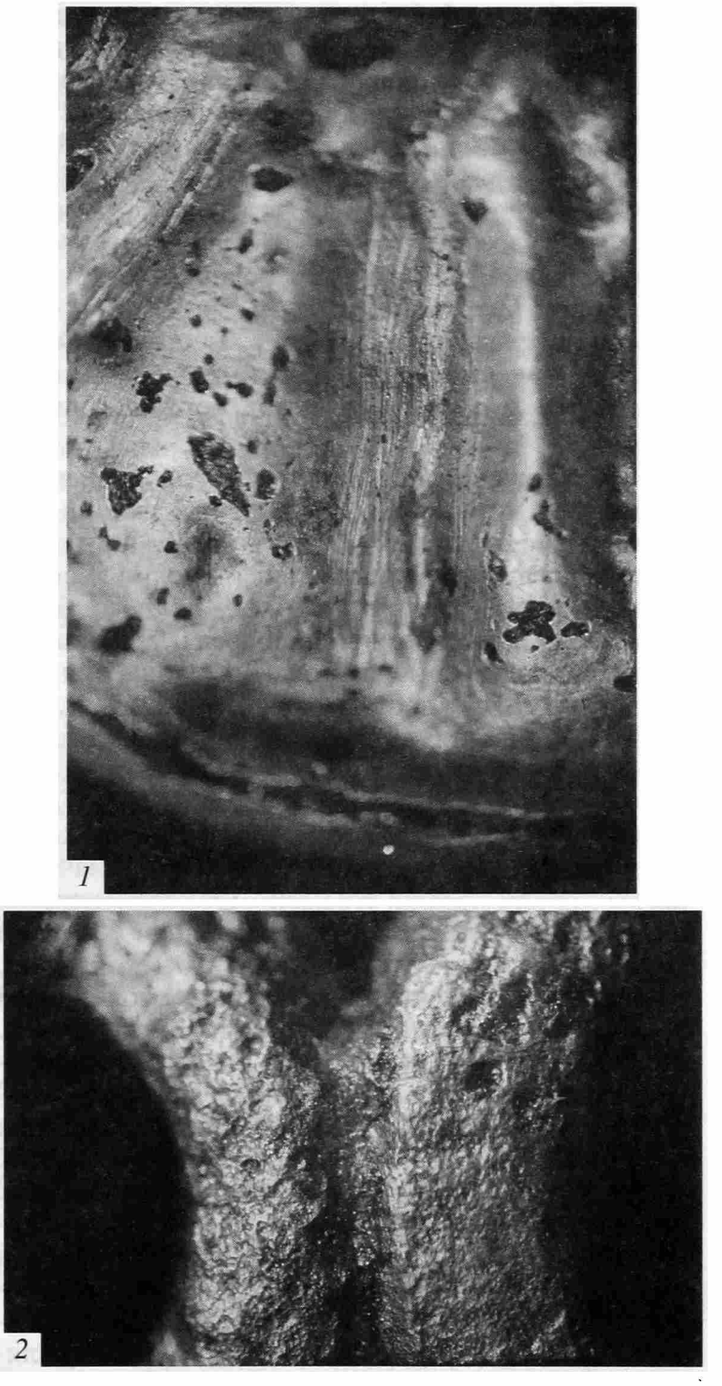


Рис. 5. Макросъемка: *1* – фрагмент верхней литой бляхи решмы с рельефом и следами заглаживания восковой модели; *2* – фрагмент ажурного шара втулки. Место соединения пайкой петель верхней и нижней его половин.

г. Сапун. По-нашему, наиболее близкими им являются тисненые латунные бляшки из могильника VIII-IX вв. Мощевая балка и рисунок орнаментальных медальонов на бронзовой игольнице из могильника Колосовка 1 X–XI вв. на Северо-Западном Кавказе (Иерусалимская, 1986. С. 101. Рис. 2, *9*, *10*. Ловпаче, 1980. Табл. V; Дитлер, 1985. Табл. V, *22*).

Также пока не удалось найти аналогии декору сапунских привесок-бубенцов. По форме они поч-

[2] Мы не имеем в виду находки XII в. – подражания гаевским решмам из могильника Абинский-4, которые считаются северопричерноморским импортом в Западное Закубанье (Пьянков, 1993. С. 135, 136).

ти одинаковы с бубенцами двучастных решм из конских погребений Змейского могильника (комплекс 184), Цемдолинского курганного могильника под Новороссийском и из комплекса у "Потомственного" под Геленджиком (Фидаров, 1994. С. 29. Рис. 16, *2*; Крым..., 2003. Табл. 98, *16*, *17*, *22*, *33*). В общем, все они входят в один типологический ряд: их объединяет грушевидная форма, близкий размер, одинаковая техника изготовления и простой выпуклый геометрический орнамент (за исключением гладких змейских). Отличия перечисленных решм с такими бубенцами заключаются в формах и типах верхних блях и мелких деталях.

Рассмотрим другие предметы упряжи из погребения в кургане № 5. Удила представлены двусоставными кольчатыми с четырехгранными неравными грызлами, во внешние одинарные петли которых вставлено по одному подвижному бронзовому кольцу для ремней поводьев и уздечки. По классификации Г.А. Федорова-Давыдова, они входят в тип Г-I (Федоров-Давыдов, 1966. С. 18, 20). По А.Н. Кирпичникову, это тип IV с малыми кольцами, который с XII в. почти полностью вытесняет другие типы (Кирпичников, 1973. С. 16, 17). Такие удила были хронологически и территориально широко распространены, и потому более значимы для датировки упряжи стремена. Оба стремени относятся к одному типу – подтреугольно-округлой формы, с пластинчатой дужкой и выгнутой узкой, линзовидной в плане подножкой с утолщением по центру. Петля для путлища пробита вверху. По пропорциям и дужке они близки кольцевидным стременам типа IX, а по форме стремени – типу VII типологии А.Н. Кирпичникова. Оба типа датированы им XII–XIII вв., но бытование типа IX преобладает во второй пол. XII – первой пол. XIII в. на Руси (Кирпичников, 1973. С. 52). Сапунские стремена не укладываются безоговорочно и в классификацию Г.А. Федорова-Давыдова: они соотносимы по форме с типом Д-II, а по расплющенности дужки входят в отдел Г. Те и другие появляются в кочевническом быту не ранее XII в. (Федоров-Давыдов, 1966. С. 12, 13, 16).

Датировка убора невозможна без учета остальных вещей в погребении. Подробное их рассмотрение и сопоставительный анализ не входят в наши задачи. Вещи из урны (пуговки, пряслица, универсальные бронзовые кольца и бусины) представлены широко известными типами. Исключением являются грушевидные бубенчики, характерные для здешнего региона в XI – начале XIII в. Сама урна относится к типу двуручных корчаг, распространенных здесь и в Западном Закубанье и используемых как вместилище праха в кремационных погребениях XI – начала XIII в. Дно амфоры, по-видимому, принадлежало амфоре триллийской группы, которую И.В. Волков датирует второй пол. XII в. Сабля и наконечники стрел также типичны для оружия из могильников указанных районов (типы наконечников см.: Армарчук, Дмитриев, 2003. Табл. 99, *4–7*, *28*). Важно, что весь комплекс укладывается в рамки XII – начала XIII в. и имеет аналогии среди вещей из других курганных могильников Северо-Восточного Причерноморья. В итоге, учитывая особенности формы и декора начельника и тип решм, вид стремян и облик погребального инвентаря, мы датируем парадный конский убор из погребения в кургане № 5 могильника на г. Сапун второй пол. XII – началом XIII в.

Технологическое исследование начельника и набора решм включало изучение, во-первых, состава металла и типа использованного сплава, а, во-вторых, техники изготовления самих изделий. Состав металла изучался с помощью спектрального эмиссионного анализа, проведенного А.Н. Егорьковым в Лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН (С.-Петербург). Техника изготовления изделий реконструирована с учетом состава металла и сплава на основе макротехнологического изучения поверхности изделий с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10 при увеличении от 4 до 16 раз. Показательные моменты фиксировались макросъемкой с помощью фотоаппарата Зенит-ТТЛ и специальной насадки при увеличении в 16 раз.

Визуальное и микроскопическое исследование показало, что все предметы находились в огне. Показательны следующие детали: вспузырившаяся поверхность бубенцов (рис. 4, *3*), местами разошедшийся и отпаявшийся от края пластины сканный бордюр (рис. 4, *4*) и сгоревшая позолота. Вследствие обжига решмы имеют разную степень сохранности. Одна из них сохранилась лучше, поэтому отбор проб на спектральный анализ проводился именно с этого образца (музейный № НМ 6610–55). Для определения закономерности использования сплавов было отобрано три пробы с различных частей решмы. Одна взята с круглой бляхи (лабораторный технологический анализ № 45, спектральный анализ № 746–19), а две другие пробы с внешней (технологический анализ № 44 и спектральный № 745–18) и внутренней (технологический анализ № 43 и спектральный № 746–17) половинок бубенчика, изготовленных по отдельности. Результаты спектрального анализа свидетельствуют, что металл, использованный для изготовления деталей решм, очень близок по своему составу. Это достаточно чистая медь, в которой содержание свинца и олова не выходит за пределы одного процента. Состав сплава верхней бляхи немного отличается и имеет 1% свинца и 0.5% олова.

Все решмы сделаны по одной технологической схеме, которая может быть восстановлена следующим образом. Верхняя массивная часть, то есть круглая бляха с рельефным орнаментом и четырь-

мя штифтами на обороте, была отлита. Вероятно, использовалась восковая модель, так как при увеличении в 16 раз под микроскопом видны следы заглаживания воска (рис. 5, *1*). Бубенчик был собран с помощью пайки из вертикальных половин, изготовленных тиснением. Пайка проводилась с помощью серебра. Лицевые поверхности решм были позолочены. Наличие серебра и золота зафиксировано данными спектрального анализа.

Изучение состава металла начельника (музейный № НМ 6610–59) показало, что он изготовлен из геохимически сходного материала, но полусферическая пластина основания (лабораторный технологический анализ № 46, спектральный анализ № 746–20) и детали сканого декора (лабораторный технологический анализ № 47, спектральный анализ № 746–21) – из практически чистой меди, а верхняя декоративная часть – из оловянной бронзы. В составе металла трубочки (лабораторный технологический анализ № 48, спектральный анализ № 746–22), на которой крепится ажурный шар, содержание олова равно 13%.

Техника изготовления начельника может быть реконструирована следующим образом. На первом этапе было подготовлено пять деталей с применением техники литья и ковки, на втором этапе они были соединены в единое целое с помощью пайки серебром, на третьем этапе изделие было декорировано с помощью скани и обработки поверхности позолотой. Ковкой из круглых заготовок были изготовлены главный и дополнительный диски основания. Следы ковки ювелирным молоточком отчетливо видны на оборотной их стороне. Малый диск был укреплен на верхней части большого диска с помощью пайки серебром. Трубочки и обе горизонтальные половины ажурного шара были отлиты, а затем соединены пайкой: из ажурных половин пайкой в центральной части по экватору был смонтирован шар (рис. 5, *2*), к нему сверху и снизу припаяны трубочки. Шов на месте соединения малого и большого дисков (рис. 4, *1*), а также край большого диска (рис. 4, *2*) декорированы двумя сканными полосками, изготовленными из тянутой проволоки. В завершение поверхность начельника была позолочена.

В целом, техника изготовления и состав металла, который соответствует технологическим задачам, свидетельствуют о сложившихся традициях ремесленного производства. Благодаря технико-технологическому изучению сбруйных украшений из могильника "Андреевская щель" под Анапой (Конькова, 2004) есть возможность сопоставить с ними набор оголовья из кургана № 5 могильника на г. Сапун. В сапунском начельнике вариации литых деталей более разнообразны и размеры их больше, тогда как в кованых начельниках из "Андреевской щели" литые элементы мелкие, одинаковые и играют второстепенную роль в структуре и декоре изделий. Есть разница в спектре основных и дополнительных приемов, при помощи которых изготовлены и украшены два конских парадных убора из начельников и решм из обоих могильников. Для сапунского набора их насчитывается шесть (литье, ковка, тиснение, пайка, скань и золочение), а для набора из погребения № 5 могильника "Андреевская щель" – восемь (литье, ковка, тиснение, пайка, чеканка, гравировка, стеклянные вставки и золочение). К тому же, уборы выполнены в разных художественных стилях и отличаются датировкой и общим контекстом погребений: погребение в Андреевской щели более богатое и относится к концу XI – первой пол. XII в., погребение в кургане № 5 гораздо скромнее и совершено, по нашему мнению, во второй пол. XII – начале XIII в.

Данное исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 02-06-80091.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. Курганные могильники // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV – XIII века. М., 2003.

Армарчук Е.А., Новичихин А.М. Украшения конской упряжи X–XII вв. из могильника "Андреевская щель" под Анапой // КСИА. 2004. Вып. 216.

Гаврилина Л.М. Сбруйные украшения у кочевников Восточной Европы X–XI вв. // Археологические исследования Калмыкии. Элиста, 1987.

Гаврилина Л.М. Бляхи-решмы в украшении узды у кочевников Восточной Европы X–XI вв. // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.

Горелик М.В., Ковпаненко Г.Т. Погребение знатного латника у западных границ Золотой Орды // Археология Поволжья. Пенза, 2001.

Дитлер П.А. Могильник Колосовка № 1 (Раскопки экспедиции АНИИ 1962 г.) // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985.

Дмитриев А.В. Отчет о доследовании средневековых памятников на трассе ЛЭП к заводу "Прибой" в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р–1. 1985. № 10760.

Дроздова А.В. Отчет о раскопках курганного могильника Лобанова щель (мыс Малый Утриш, Анапский р-н) за 1989 г. // Архив ИА РАН. 1990. Р–1. № 14377–78.

Иерусалимская А.А. Древняя латунь на торговых путях Кавказа (по материалам Мощевой Балки) // СА. 1986. № 4.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. 1973. Вып. Е1–36.

Конькова Л.В. Состав металла и технология изготовления украшений конской сбруи X–XII вв. из могильника "Андреевская щель" под Анапой // КСИА. 2004. Вып. 216.

Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.

Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М., 2003.

Левашова В.П. Белореченские курганы // Археологический сборник. Тр. ГИМ. Вып. XXII. М., 1953.

Ловпаче Н.Г. Художественная обработка металла у адыгов (X–XIII вв.) // Культура и быт адыгов (Этнографические исследования). Вып. II. Майкоп, 1978.

Ловпаче Н.Г. Изображение зверей в торевтике адыгов // Культура и быт адыгов (Этнографические исследования). Вып. III. Майкоп, 1980.

Макарова Т.И. Крым в X – первой половине XIII в. Боспор-Корчев // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М., 2003.

Марјановић-Вујовић Г. Трњане сриска некропола (крај XI – почетак XIII века). Београд, 1984.

Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII-XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Сер. Археология СССР. М., 1981.

ОАК за 1894 г. СПб., 1896.

Орлов Р.С. Північнопричорноморський центр художньої металообробки у X–XI ст.ст. // Археологія. Київ, 1984. Вип. 47.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.

Пьянков А.В. Средневековый могильник Абинский 4 // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар, 1993.

Савенко С.Н. Конские захоронения на могильнике X–XII вв. н.э. Кольцо-Гора // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983.

Савенко С.Н. Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI – первой половины XII в. могильника Кольцо-Гора // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986.

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. Сер. Археология СССР. М., 1982.

Сизов В.И. Восточное побережье Черного моря: Археологические экскурсии // МАК. 1889. Вып. II.

Симферопольский клад. Буклет ГИМ. М., б/г.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

Фидаров Р.Ф. Отчет о раскопках Змейского катакомбного могильника в Кировском районе РСО в 1993 г. // Архив ИА РАН. 1994. Р-1. № 17838–39.

Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековый периоды. М., 1984.

Ceremonial horse chamfrein from medieval kurgan burial in North-Eastern Pontic zone

E. A. Armarchuk, A. V. Dmitriev, L. V. Kon'kova

Summary

In the paper the results of complex typological and technological investigation of a horse-harness set are presented. This is a rare find of a horse chamfrein discovered in cremation burial of kurgan 5 in the cemetery located on the Mountain Sapun near Novorossijsk. The grave contained the remains of a warrior fighting on a horseback. The ceremonial set of horse harness included the chamfrein supplied with a socket for fixing plume and six two-partial plates. The analysis of their morphology and decoration gives grounds to attribute them to the wide circle of the North Caucasian antiquities, and horse equipment in particular, dated from the 11th – the early 13th cc. (the cemeteries Zmeisky, Koltso-Gora, Kolosovka I, Kuzhorsky). Some characteristic features of the set in question should be mentioned: the manner the socket was shaped, its filigree decoration, the type of the plates and their relief ornamentation. Taking into account these aspects and the typology of the rest of the grave goods, the authors suggest the chronology of the chamfrein – the second part of the 12th – the early 13th cc. The technological study of the objects has shown that the plates and the base of the chamfrein were made of geochemically similar material, that is, almost pure copper with lead and tin content not exceeding 1%, while the decorative upper part was shaped of tin bronze with tin content 13% (spectral emission analysis carried out by A.N. Yegor'kov). The plates and the decorative socket of the chamfrein were cast, the disks on its base were shaped by forging, and the plates constructed of two parts each, were stamped. The filigree decoration was made of drawn wire. The details were attached with silver soldering, and, finally, they had been gilt. In general technological aspect, the set of horse equipment reveals developed traditions of craftsmanship.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 2, с. 157–167

ПУБЛИКАЦИИ

ДВА ПРЕДМЕТА-УКРАШЕНИЯ КОНСКОГО УБОРА XI–XIII вв. ИЗ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
(особенности декора)

© 2004 г. Г. Г. Король

Институт археологии РАН, Москва

В число украшений конской упряжи из могильников Андреевская щель под Анапой (Армарчук, Новичихин, 2004), и Сапун под Новороссийском[1] входят два начельника (крупные металлические пластины с трубкой-втулкой для султана), выделяющиеся своим декором. Основные северокавказские аналогии – художественные изделия известны в могильниках Змейский (преимущественно XI–XII вв.) в Северной Осетии и Колосовка (X–XI вв.) в Закубанье (Адыгея).

Начельник из погр. 5 мог. Андреевская щель представляет собой наиболее распространенную и простую форму с круглым основанием и конической трубкой с отогнутым наружу венчиком (рис. 1). Основание украшено четырьмя круглыми декоративными накладками с ободком из мелкой ложной зерни, рядом с ними расположены четыре круглых гнезда со стеклянными вставками. Идентичные рельефные накладки и их модификации известны в материалах из могильников Колосовка и Змейский (АР, 1961. С. 116; Дитлер, 1961. Рис. 11. Табл. XI, 3, *4* и др.). Стеклянные вставки в гнезда разной формы широко использовались для украшения конского снаряжения (в том числе решм из этого же погребения) и (наряду с пастой и цветными камнями) других предметов: ножен, перстней. Такими вставками выполнены и глаза женской фигуры начельника из Змейской, и питье в чаше, которую она держит в руках (АР, 1961. Рис. 15. Табл. V, *2*; VI; Дитлер, 1961. Рис. 10, 11. Табл. XII, *5*; XIV, *2*, *4*; Кузнецов, 1971. Рис. 12, *2*; 15, *1*, *2*, *3* и др.).

Трубка начельника украшена гравировкой. В композицию включены фигурные антропоморфные изображения. Среди синхронных находок на Северном Кавказе известна только одна трубка начельника (из Кужорской – рис. 2, *1*) с гравированными фигурными зооморфными изображениями (Дитлер, 1961. С. 155; Ловпаче, 1980. Табл. III, *3*, *4*). Фон, на котором выгравирован орнамент и фигуры на обоих предметах, обработан чеканом и сплошь покрыт пуансонным орнаментом.

Развертка орнамента (выполнена А.М. Новичихиным, детали уточнены Г.Г. Король по оригиналу) представляет собой полосу шириной 3.8 см, обрамленную сверху и снизу растительными побегами с тремя парами расположенных симметрично друг над другом трехлепестковых пальметт с крупным остролистным центральным лепестком и мелкими, чуть отогнутыми книзу, лепестками околоцветника (чашечки). В пространство между пальметтами вписаны три овальных медальона. Они соединены между собой по горизонтальной оси ленточной плетенкой, образующей круглые петли, иногда небрежно проработанные, в которые с двух других сторон упираются острые концы центральных листьев пальметт. Петлями округлых очертаний соединены сверху и снизу медальоны и растительные побеги, соединяющие пальметты. Так создана композиция, не имеющая никаких разрывов орнаментальной ленты и обра-

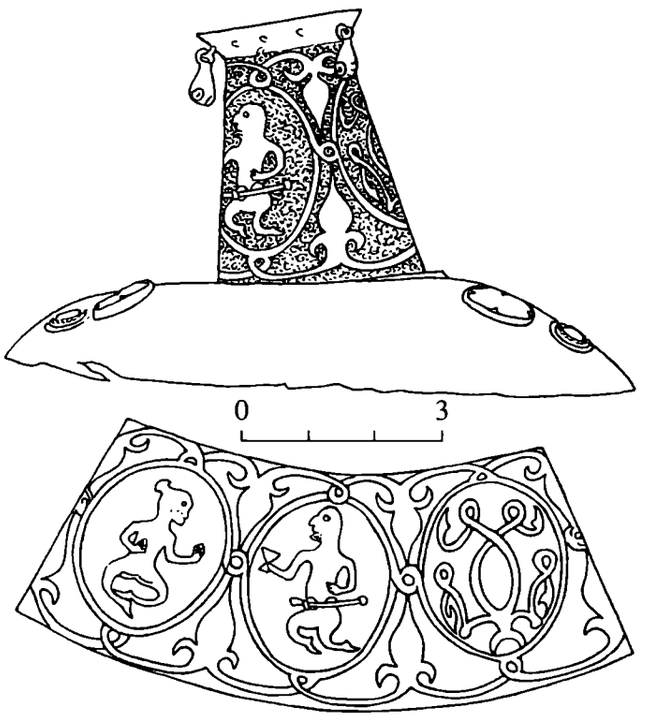


Рис. 1. Начельник из погр. 5 мог. Андреевская щель, конец XI – первая половина XII в., развертка увеличена.

[1] См. статью Армарчук и др. в этом номере.

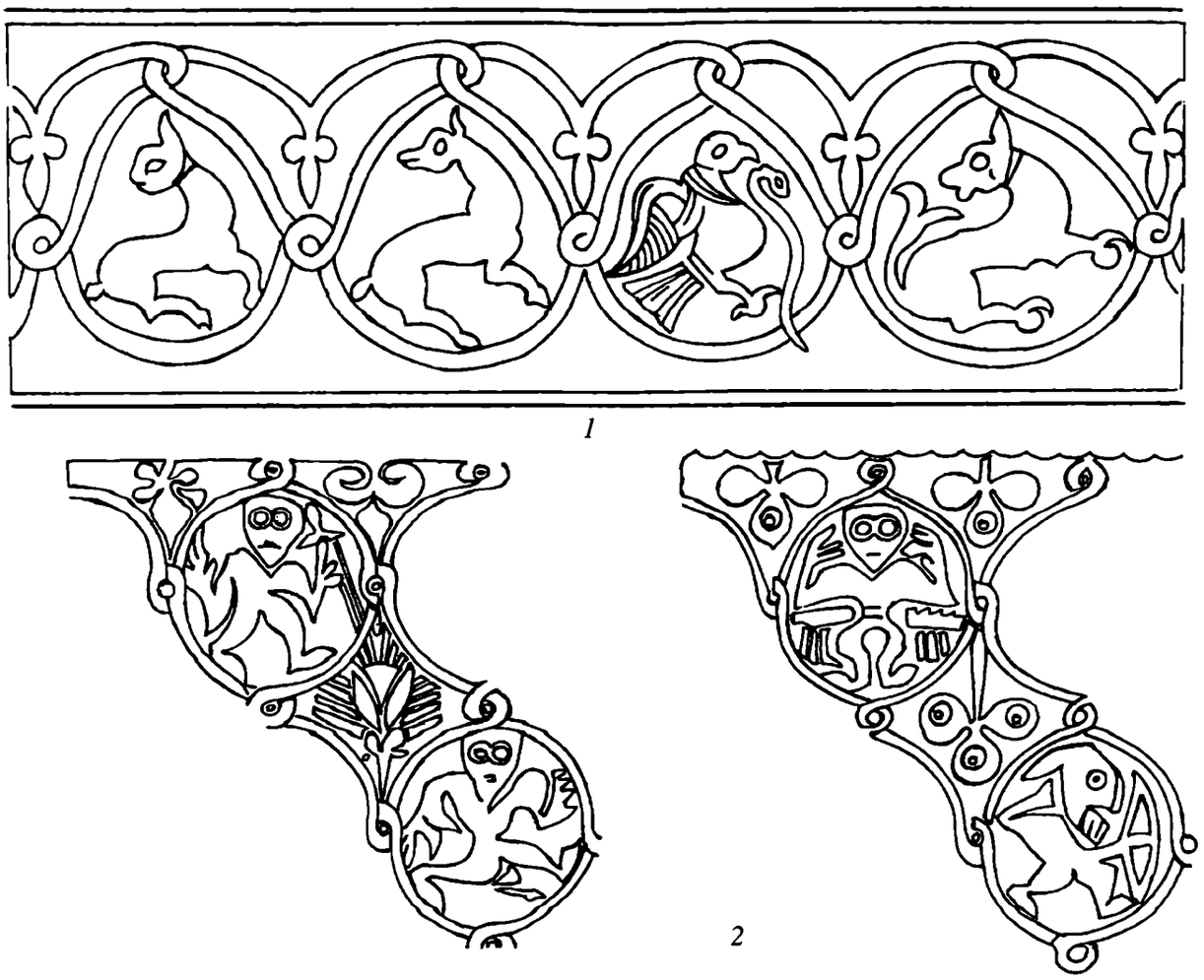


Рис. 2. Художественные предметы из Адыгеи (прориси декора): *1* – трубка начельника из Кужорской (по: Ловпаче, 1980); *2* – игольница из Колосовки, фрагменты (по: Ловпаче, 1978).

зующая замкнутое декорированное пространство. Этот прием подчеркивает единство композиции, пронизанной побегами-плетенкой, и в то же время акцентирует внимание на "содержании" медальонов, которое, по-видимому, тоже должно создавать единый "текст".

Вероятно, центральный (по смыслу) в композиции медальон (на развертке – справа) – тот, в котором такими же орнаментальными лентами создана симметричная фигура – бордюр с вертикальной осью переноса (a) плоскости симметрии (m), символ симметрии (a:m) – опирающаяся на полукруглую арку. Овал в центральной части фигуры образован двумя переплетенными (без петель) вверху лентами. Далее они образуют две петли, концы которых причудливо изогнуты и завершаются устремленными вверх крошечными полумальметками с заостренным вытянутым, чуть отогнутым книзу верхним листом и округлым или слегка заостренным нижним. От основания центрального овала симметрично отходят два отогнутых книзу "отростка" с утолщенными округлыми концами. От них кверху идут ленты, образующие петли со спускающимися вниз концами, завершающимися также полупальметками, но устремленными книзу. Центральный овал с отростками у основания напоминает схематизированный вариант пальметт, расположенных между медальонами. Петли похожи на соединительные петли вне медальонов, но здесь они ничего не соединяют, а лишь создают оригинальные изгибы лент.

Созданная художником фигура в целом мало похожа на растительный орнамент, хотя в основе ее лежат схематизированные растительные элементы, а вертикальное построение восходит к "древу жизни". Она представляет эпиграфический орнамент – подражание арабскому почерку процветший куфи, "псевдокуфическому узору", выполненное в индивидуальной художественной манере, гармонирующей с исполнением растительного мотива полупальметты и ленточной плетенки. Близка процветшему куфи такая деталь как *завершение линий остролистными изогнутыми полупальметками* (рис. 3, *1*). Аналогии им есть в декоративном искусстве мусульманского Востока, для стиля которого характерно соче-

тание орнамента, каллиграфии и фигурных изображений. На восточных изделиях можно увидеть и растительный элемент орнамента – полупальметты с подобным завершением концов, и аналогичное завершение линий в начертании букв как в составе арабески, так и в отдельных текстах и надписях – рис. 3, *2* (Migeon, 1922. T. 1. Fig. 10, № 26; 39, № 131; Даркевич, 1976. Табл. 27, *5* и др.). На многих исламских изделиях X–XIII вв. из металла, кости, ткани присутствуют и *медальоны* (как отдельные, так и соединенные друг с другом) в качестве широко распространенной формы обрамления орнамента и фигурных изображений. Это наследие сасанидского искусства хорошо известно на Северном Кавказе по согдийским тканям в памятниках VIII–IX вв. Медальоны часто соединены круговым плетением разных вариантов, в том числе образующим и круглые петли простой орнаментальной ленты, как в декоре рассматриваемого начельника.

Орнаментальная плетенка разной сложности широко распространена в это время и на мусульманском Востоке, и в Европе. В Византии общий колорит многих видов искусства (и как частность – сложные и простые ленточные и круговые плетения в декоре) возникли под влиянием восточных образцов (Полевой, 1973. С. 245, 250–255; Даркевич, 1975. С. 220, 232; 1991. С. 69–83). На Северном Кавказе в X–XIII вв. также хорошо известны такие приемы оформления декоративной поверхности как медальоны, ленточная плетенка на изделиях из металла, кости, дерева, ткани, кожи (Материалы..., 1900. Табл. XXX, *6*; АР, 1961. Табл. III, *1*; IV–VII и др.; Дитлер, 1961. Табл. XI, *1*; XIV; XVII, 8; Кузнецов, 1959. Рис. 15, *1*, *2*; 16; 1984. С. 236–238), а также в орнаменте фресковой росписи христианских храмов (Кузнецов, 1977. С. 126). Отметим, что наиболее близок по стилистике (сочетание переплетенных медальонов с растительным орнаментом, в том числе пальметтами) декор (рис. 2) на трубке начельника из Кужорской и на бронзовой игольнице из Колосовки (Ловпаче, 1978. Рис. 1; 1980. Табл. V).

Такой декоративный элемент как стилизованная полупальметка с заостренным вытянутым верхним листом также не был редкостью на Северном Кавказе и применялся для разных художественных целей (рис. 3, *3*) (АР, 1961. Рис. 17. Табл. XIV, *2*, *3*; Дитлер, 1961. Табл. XVI, *8*), в том числе для оформления концов металлических накладок (рис. 3, *4*). В сложном и насыщенном дагестанском орнаменте XII–XV вв. популярны и эпиграфический орнамент с переплетением линий и завершением концов стилизованной полупальметкой, и разнообразная плетенка, и нестилизованные трехлепестковая пальметта с крупным остролистным центральным лепестком, с хорошо закрученными нижними лепестками, и полупальметты (Дебиров, 2001. Рис. 98, *а–г*; 100; 102, 1*а*–3*а* и др.).

Рис. 3. Мотив остролистной полупальметки: *1* – в декоре начельника из Андреевской щели; *2* – в декоративном искусстве мусульманского Востока; *3* – в декоре предметов из Змейской и Колосовки; *4* – бронзовые накладки из раскопок Л.М. Носковой 1986 и 1988 гг. могильника Ленинохабль (Адыгея): погр. 34, находка 9 и погр. 29, находка 15, вторая половина XI в. (хранятся в ГМИНВ).

Далее рассмотрим два других медальона, соединенных между собой, располагающихся по обе стороны от центрального и также соединенных с ним (на развертке они расположены слева). В них даны *изображения людей, составляющие фигурную композицию*. Справа – мужчина с фронтальным расположением верхней части туловища с едва уловимым поворотом вправо и головой в профиль, с "орлиным" носом (крупным с горбинкой) и легким намеком (штрихами на выступающем подбородке) на бороду. *Поза мужчины* коленопреклоненная, скорее всего он стоит на коленях, хотя *иконография* этого изображения несколько *примитивна* (любопытно, что ступни ног с вытянутым носком переданы в упоминавшейся выше манере и напоминают схематизированную полупальметку). Но, возможно, это поза сидящего на задней поверхности голеней человека со смещенным в сторону центром тяжести. Для европейца такая поза кажется чрезвычайно неудобной, но в Средней Азии она широко бытует как поза сидящей женщины, а для мужчин возможна в домашних условиях за работой, кроме общественных

Рис. 4. Бронзовая бляшка из Верхнесалтовского могильника, середина IX – середина X в. (по: Аксенов, 2001. Рис. 1, *5*).

мест и коллективных сборов (см.: Сухарева, 1982. Рис. 2)[2].

Коленопреклоненные фигуры в изобразительном искусстве средневековья Центральной Азии, Среднего Востока распространены достаточно широко. Известно такое изображение и на юге Восточной Европы (рис. 4). Фигуры чаще всего изображены сидящими на пятках, иногда стоящими на коленях. Именно такая поза (сидя на пятках) характерна для изображения женщин, хотя нередко так сидят и мужчины, а женщины сидят и по-другому. Напомним, что, к примеру, в скифском искусстве сюжетные композиции – бытовые и культовые сцены – включают и коленопреклоненные персонажи (Раевский, 1977. Рис. 2 и др.).

Обе руки мужчины в медальоне согнуты в локтях, левая размещена на поясе (пальцы, возможно, подогнуты), в правой он держит (пальцы не изображены) сосуд конусовидной формы на поддоне (вероятно, кубок для питья) и легким движением протягивает его в сторону фигуры в другом медальоне. Стеклянные рюмки на поддоне, а также бокал усеченно-конусовидной формы, но без поддона известны в материалах из Змейской и Колосовки 1 (Кузнецов, 1959. Рис. 3, *2*, *3*; АР, 1961. Табл. II, *3*; Дитлер, 1985. Табл. IV, *35*).

На поясе слева изображена сабля со слабо изогнутым клинком, небольшим прямым перекрестием, коленчатой рукоятью, имеющей наклон в сторону лезвия. Она, по-видимому, в ножнах, так как конец оформлен бутеролью с округлым концом. Сабли со слабо изогнутым клинком характерны для памятников Северного Кавказа X–XIII вв., некоторые имеют рукоять с наклоном в сторону лезвия и наконечники ножен с округлым завершением (Кузнецов, 1959. Рис. 5, *3*; Дитлер, 1961. Табл. XIV, *1*; 1985. Табл. III, *1–3*, *6*, *7*). Ни пояс, ни портупейный ремень не изображены, но для крепления сабли есть две полукруглые дужки. Подвеска сабли горизонтальная, конец ее немного поднят кверху. Это не самая распространенная система изображения подвески длинного клинкового рубящего оружия для сидящей фигуры. Судя по материалам настенных росписей Центральной Азии, торевтике и другим изобразительным источникам, чаще всего такое оружие висело наклонно; горизонтально подвешенными изображались обычно кинжалы или ножи.

В росписях Пенджикента, одного из удельных владений Согда в V–VIII вв. (Центральный Таджикистан), и Калаи-Кахкаха I, Бунджиката, столицы Уструшаны в VII–IX вв. (Шахристан, Северный Таджикистан) есть два изображения горизонтально подвешенного к боевому поясу меча (палаша?) – на коленях сидящего человека (у самого пояса подвешен кинжал) (Живопись..., 1954. Табл. VII (справа); X[3]; Древности..., 1985. № 690). В третьем случае (Пенджикент, помещение XXI/1. Рассказ о царе обезьян) меч размещен почти горизонтально, с легким наклоном конца книзу (Древности..., 1985. № 575). На раннесредневековой торевтике тоже есть горизонтальное размещение меча у сидящих персонажей (Беленицкий, 1959. Рис. 8). Мы видим здесь размещение длинного оружия, вероятно, связанное с удобством для сидящего с подогнутыми ногами человека. В нашем случае сабля показана не лежащей, а именно подвешенной горизонтально у пояса, как в росписях кинжалы.

Никаких деталей одежды и прически на нашем изображении нет. Голова персонажа, по-видимому, бритая. У многих народов волосы имеют сакральное значение. Бритье головы иногда соотносится с духовным очищением и усилением трансцендентальной способности человека к общению с высшими силами, с освобождением души покойника. В вариантах нартского эпоса обозначена магическая роль бритья головы (Нарты..., 1991. С. 56. Прим. 8). Для мусульман это принципиальный момент осознания человека мусульманином. Любопытно свидетельство доминиканца Юлиана от 1235 г.: среди народа в г. Матрика (Тмутаракань) страны Сихия "все мужчины голову бреют совсем..., исключая знатных, которые в знак благородства оставляют немного волос над левым ухом, обрив всю голову" (Адыги..., 1974. С. 31, 32).

Другая фигура (в медальоне слева) также с фронтальным расположением туловища и легким намеком на поворот влево (левое плечо – дальнее от нас – значительно короче правого), головой в профиль – женская. Об этом можно судить по специфическим парным "лепесткам" между ног и прическе – тугому пучку на затылочно-теменной части головы (судя по форме пучка, он чем-то пе-

[2] Информация, основанная на полевых наблюдениях и фотоматериалах, любезно предоставлена этнографами Института этнологии и антропологии РАН.

[3] Помещение I/10, восточная стена.

Рис. 5. Изображения сидящих "по-восточному" персонажей с прорисовкой обеих неперекрещенных ступней:
1 – по: Ремпель, 1987. Рис. 51, 2; *2* – по: Ghalib Edhem, 1894. Pl. VIII. № 200; *3* – по: Беленицкий, 1973. Рис. 19, 20; *4* – по: Радлов, 1892. Табл. XV. Фиг. 2.

ретянут, но изображения ленты или ремешка нет). Прическа в виде пучка на затылочно-теменной части головы (но не настолько туго стянутого, как на нашем изображении) зафиксирована в Согде VIII в. – это прическа царицы в упомянутом выше сюжете "Рассказ о царе обезьян" из росписей Пенджикента. *Поза женщины* – она сидит с подогнутыми "кренделем" ногами. Правая нога заведена не дальше центральной вертикальной "оси" фигуры и чуть выдвинута вперед. Левая ступня заведена за правую и прижата к ней. Подобная детальная прорисовка такой позы не характерна для женских изображений в искусстве средневековья.

Как уже упоминалось, женские фигуры изображались не только сидящими на пятках, но и "по-восточному", с разведенными в стороны коленями (иногда одно колено приподнято) и подогнутыми ногами. Такие фигуры распространены в основном на торевтике и фаянсе Ирана и Персии XI–XIV вв. В такой же позе чаще всего изображены сидящие мужчины, что отражено и в раннесредневековых росписях из Центральной Азии, и в торевтике мусульманского Востока и других изобразительных источниках. Соединение ног может быть разным: 1) ступня одной ноги лежит поверх (на голени) другой ноги; 2) ступня одной ноги доведена до центральной вертикальной "оси" фигуры, как в нашем случае, или до середины голени или даже до колена другой ноги (последнее редко, и только мужские изображения), а вторая нога заведена за первую, ближе к туловищу (ноги иногда чуть выдвинуты вперед, образуя "крендель-калачик"; иногда вплотную подтянуты к туловищу – только мужские изображения). Во втором варианте в подавляющем большинстве случаев вторая ступня, заведенная за ногу, не прописана на изображениях, так как скрыта одеждами (штанами, халатами, накидками и пр.). Это относится и к женским, и к мужским изображениям.

Мне известно только одно определенно женское изображение, где показаны обе ступни ног, но они соединены пятками. Это изображение Умай на Кудыргинском валуне. И.Л. Кызласовым отмечены аналогичные позы ряда мужских персонажей пенджикентских фресок (Кызласов, 1998. С. 52. Прим. 40). Такие же позы есть в коропластике Согда (Мешкерис, 1977. Табл. XXVII, *32*) и на монетах конца XII – начала XIII в. тюркских местных правителей (династия Ортокидов) империи Сельджукидов (Ghalib Edhem, 1894. Pl. IV. № 101). Остальные изображения – мужские, и их выявлено всего четыре: 1) изображение на бронзовом штампе из Кувы (Ферганская долина, Узбекистан) VII–VIII вв. (колени развернуты, правая нога чуть выдвинута вперед, а левая не столько заведена за правую, сколько подтянута вплотную в корпусу – рис. 5, *1*); 2) изображение на монете местных правителей династии Аюбидов (Ближний Восток, Египет) середины XII – середины XIII в. империи Сельджукидов (правая нога заведена за левую, обе подтянуты к корпусу – рис. 5, *2*); 3) в росписях Пенджикента, как уже говорилось, есть изображения с такой посадкой, причем, ноги слегка выдвинуты вперед и не подтянуты вплотную к корпусу, как и на нашем изображении, но вторая ступня не прорисована[4]. Среди них есть одно изображение[5], где

[4] См., например: Живопись..., 1954. Табл. XXIV (помещение III/6, восточная стена, фигура справа); Древности..., 1985. № 573 (помещение VI/41. Отец и сыновья), № 576 (помещение XXI/1, южная стена. Басня о гусыне, которая несла золотые яйца. Фигура слева).

[5] Роспись юго-восточного угла помещения XVI/10. Пиршество. Фигура второго справа купца.

видна пятка левой ноги, заведенной за правую, носок закрыт правой ногой (рис. 5, *3*); 4) центральная фигура в композиции на плите из Асхете (Монголия), VII–IX вв. (рис. 5, *4*), правда, заведенная внутрь нога носком лежит на щиколотке другой ноги, т.е. это не доведенная до завершения поза с перекрещенными ногами.

Несколько слов о позе человека, сидящего "по-восточному" с перекрещенными ногами. Она широко распространена в средневековье и всегда легко определима, так как на изображениях прописаны обе ступни. Ноги могут быть перекрещены на уровне щиколоток, середины голени, образуя Х-образную форму, или могут лежать одна на другой, при этом мыски обуви всегда видны.

Таким образом, можно заключить, что точной аналогии именно *иконографического решения позы женщины* в медальоне найти не удалось. И это может свидетельствовать о *местном своеобразии*. Как уже говорилось, такая поза для сидящей женщины хорошо известна по материалам Ирана и Персии XI–XIV вв., но иконография там совершенно иная.

Продолжая анализ иконографии женской фигуры в медальоне на начельнике, отмечу, что руки у нее так же согнуты в локтях, как и у мужской фигуры. Правая прижата к груди, возможно, в ритуально-благодарственном жесте, *левая* (выделено мною – *Г.К.*) легким движением протянута в сторону мужчины (характерная деталь – *кисти рук* изображены крупно, с вытянутыми вверх и как бы чуть растопыренными пальцами). Оба человека смотрят друг на друга, глаза переданы кружком: у мужчины большим, у женщины меньшим. Есть еще один интересный вопрос – одеты они или нет? Если относительно мужской фигуры и можно предположить, что на ней плотно облегающая одежда и мягкие сапоги (хотя художнику при столь детальной проработке сабли в ножнах ничего не стоило сделать штрихи, дающие хотя бы намек на одежду), то в отношении женской фигуры это сделать сложнее. В мужской фигуре нет и специальных признаков пола, а в женской они есть, о чем говорилось выше, хотя грудь у нее никак не обозначена, в отличие от фигурного начельника из Змейской. Возможен и другой вариант интерпретации: для художника не были важны детали одежды. Он изобразил то, что было самым главным. Для мужчины – сабля, кубок. Сабля означает социальный статус персонажа, кубок – ритуальные действие или трапезу. Для женщины: поза, означающая, возможно, главенство персонажа; ритуальный или благодарственный жест, причем именно левой рукой показано движение в сторону другого персонажа; частичное обозначение признаков пола, возможно, связанное с ее особым (сакральным) статусом или предназначением.

Судя по взаимосвязи композиционного расположения фигур, сходству обозначения динамизма через направленные друг к другу жесты, а также статуса или предназначения персонажей через отдельные элементы, оба они, по-видимому, составляют некий повествовательный сюжет. Образ пары (божественных супругов, правителя и правительницы, госпожи и господина, богини или жрицы и героя перед ней) достаточно распространен в искусстве Евразии с древних времен. Наша композиция представляет мужчину справа от зрителя, женщину – слева. Среди уже привлекавшихся для рассмотрения иконографии фигур материалов выделим два варианта изображения подобных пар.

Первый – женщина справа от зрителя, мужчина слева. К нему можно отнести тюркские изображения Тенгри и Умай, сопоставимые по размещению с согдийской изобразительной схемой на примере росписей Пенджикента и Афрасиаба VII–VIII вв., где изображены три божественные пары и пара знатных согдийцев – по-видимому, почитаемых предков, и согдийских монет VI–VIII вв. (Кызласов, 1998. Рис. 3, 7. Прим. 31, 32); попарное изображение пирующих в росписях Балалык-тепе V–VI вв. (Альбаум, 1960. Рис. 96–109 и др.). Сюда же относятся изображения знатных супругов на расписной фаянсовой посуде XI–XII вв. из городов Кашан и Рей империи Сельджукидов (A Survey..., 1964–1965. V. 4. Fig. 521; V. 10. Pl. 651, 652).

Второй вариант – женщина слева от зрителя, мужчина справа, как на рассматриваемом изображении. Среди примеров такого расположения пар – среднеазиатская торевтика VI в.: чаша со "свадебной сценой", сценой трапезы (см.: Альбаум, 1960. Рис. 131). Как и на нашем рисунке, в правой руке мужчины кубок; женщина же в правой руке на уровне груди держит предмет (зеркало?), левая рука с двумя вытянутыми пальцами приподнята и слегка направлена в сторону мужчины. Сцена схожа деталями с изображением пирующих в росписях Балалык-тепе, но размещение фигур противоположное. Другой пример – известные ажурные бронзовые бляхи из Ак-Бешима VII–VIII вв.[6] Два сюжета с таким размещением пар есть в росписях Пенджикента. Один – упоминавшееся уже панно "Рассказ о царе обезьян", где изображена царственная пара. Другой – роспись помещения Ш/6, восточная стена (Живопись..., 1954. Табл. XXIV), но, скорее, здесь слева изображен юноша (фигура сохранилась не полностью). В иранском искусстве позднего средневековья (на примере миниатюр конца XIV в., иллюстриру-

[6] Повторюсь вслед за И.Л. Кызласовым (1998. Прим. 31), что в работах исследователей Пенджикента эти бляхи даются в перевернутом слева направо положении. Кроме приведенных работ добавлю еще одну: Ремпель, 1987. Рис. 70, *в*.

ющих "Историю потомков Чингис-хана") изображения хана и ханум даются в обоих вариантах (Ars Orientalis, 1954. Pl. 1, *1*; 11, *22*). Возможно, сакральность такого изображения, как это было в древности, уже потеряла свой смысл. Вспомним, что, например, в скифском искусстве в парных изображениях "богиня – предстоящий" женская фигура всегда размещена слева (см., например: Артамонов, 1961. Рис. 1, 6, 7).

Таким образом, наша пара размещена по второму варианту, менее распространенному в средневековом изобразительном искусстве, чем первый, но созвучному традиции скифского искусства.

Смысл понятий левый – правый, обрядового соотнесения мужчины справа, женщины слева, перемещение этого соотношения в мифах и ритуалах, благодаря чему левое – признак главенства, а леворукость – символ иного мира – прекрасно проанализированы В.В. Ивановым (1988. С. 43–44).

В памятниках X–XIII вв. Северного Кавказа есть и другие антропоморфные изображения или фигуры. Это прежде всего упоминавшаяся уникальная женская фигурка на начельнике из Змейского могильника. Она отличается тщательной проработкой некоторых деталей. Кроме того, как уже говорилось, она держит в обеих руках, чуть согнутых в локтях и протянутых вперед на уровне груди, чашу с питьем (Кузнецов, 1959. Рис. 12; АР, 1961. Рис. 15). С другой стороны, есть пример изделия из цветного металла (рис. 2, *2*), где в четырех из 18 переплетенных между собой медальонах изображены антропоморфные фигуры крайней степени стилизации, которые сродни знакам-символам. При этом руки согнуты в локтях; иногда направлены вверх, пальцы растопырены.

При рассмотрении фигурных антропоморфных изображений, исполненных мастерами по обработке цветного металла, возникает вопрос о соотношении общего стиля и манеры исполнения деталей с известными фигурными сюжетными изображениями в других видах изобразительного творчества на других материалах (учитывая их особенности). Это прежде всего каменные рельефы на погребальных памятниках: аланская гробница XI в. Кяфарского городища в верховьях р. Большой Зеленчук в Карачаево-Черкесии и более поздние Этокское изваяние недалеко от Пятигорска, а также каменные кресты Эльхотовский и Камбилеевский в Северной Осетии. Обратимся к деталям изображений синхронного нашему памятнику Кяфарского мавзолея.

Среди них есть фигуры, протягивающие бокал другому персонажу, в том числе с изображением второй руки у груди в ритуальном жесте, и "парные личности", держащие сосуд в сомкнутых руках. Ни коленопреклоненных, ни сидящих фигур нет. (Коленопреклоненные фигуры перед всадником с протянутым в руке бокалом есть на Эльхотовском кресте). Одни персонажи одеты в широкополые одежды (их связывают со священнослужителями), у других лишь намечены одежды, у третьих (высокие стройные фигуры с оружием) нет никаких деталей, обозначающих одежду. По мнению Н.А. Охонько, так изображены герои в плотно облегающей одежде (Аланская гробница..., 1994. С. 21). Для стилистики всех изображений людей характерно обозначение движения. Почти у всех руки согнуты в локтях и направлены в разные стороны. Кроме того, кисти рук в некоторых случаях даны крупными, с растопыренными пальцами. Эти последние два элемента имеют некоторое сходство со стилистикой изображений в медальонах нашего начельника. В обоих случаях согнутые и протянутые руки обозначают действие, какое-то развитие сюжета. Крупные кисти с растопыренными пальцами характерны, кроме упомянутых выше изображений, и для языческих амулетов с мужскими фигурками из Змейской и Колосовки (Материалы..., 1900. Табл. CXXX, *8*; Дитлер, 1961. Рис. 10), и для некоторых фигур на фресковых росписях храмов X–XI вв. на Северном Кавказе (Дьячков-Тарасов, 1899. Рис. 3, 12). Такой иконографический вариант распространен достаточно широко у разных народов и трактуется по-разному, в том числе в христианской иконографии как фигура молящегося человека. На фресковой живописи Сентинского храма недалеко от Карачаевска также можно увидеть любопытные для нас детали изображений: коленопреклоненная фигура (рис. 6) со специфическим изображением ног (направлены назад и одновременно в одну сторону – к зрителю); женская фигура с традиционным ритуальным жестом (правая рука у груди, левая согнута в локте и чуть протянута вперед). Росписи выполнены в простой и скупой на выразительные

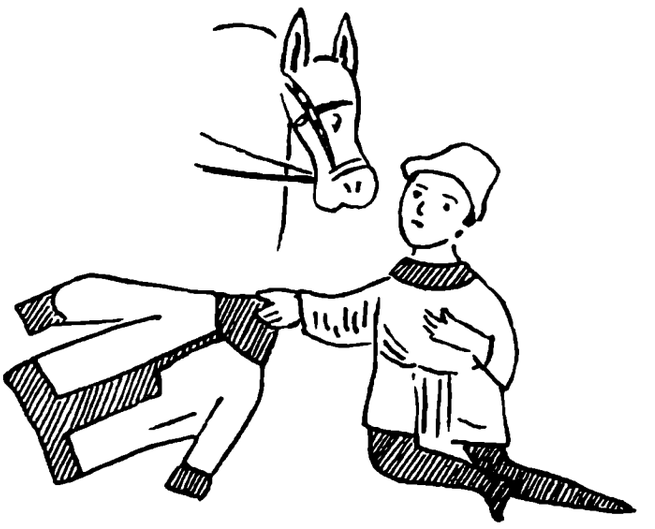


Рис. 6. Прорисовка изображения на фреске Сентинского храма X–XI вв. (по: Дьячков-Тарасов, 1899. Рис. 2).

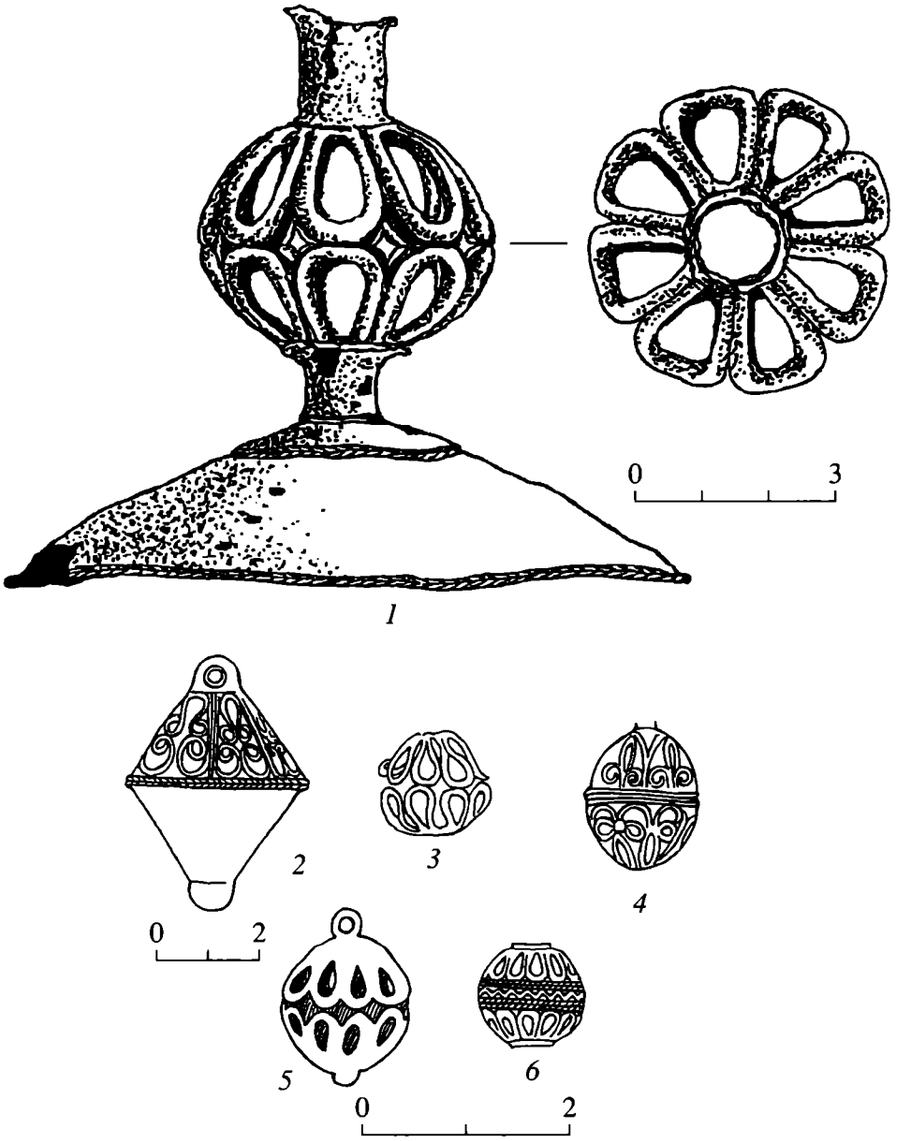


Рис. 7. Начельник из кург. 5 могильника Сапун и ажурная полусфера из петель в ювелирном искусстве: *1* – начельник, вторая половина XII – начало XIII в.; *2* – подвеска из Венгрии, середина IX – конец X в. (по: Müller, 1992. S. 292); *3* – бусина височного кольца из Западной Украины, XI–XII вв.[7] *4* – бусина серьги из Ирана, конец XII – начало XIII в.; *5* – подвеска из Крыма, XIII в.; *6* – бусина из Крыма, первая половина XIV в.

средства манере (Дьячков-Тарасов, 1899. С. 8, 9. Рис. 1, 2, 12).

Таким образом, для известных на Северном Кавказе в X–XIII вв. сюжетных антропоморфных изображений характерны: 1) смысловая содержательность сюжетов, 2) стремление через статичные фигуры с помощью деталей обозначить действие-повествование и 3) скупой, но вполне достаточный для достижения целей мастера набор выразительных средств. Все эти особенности характеризуют и рассматриваемые нами фигуры на трубке начельника из Андреевской щели. Кроме того, последние, отражая самобытные стилистические особенности, на наш взгляд, являют собой обобщенные образы с фиксацией только самых необходимых для их понимания атрибутов. Иконография этих фигур, по всей видимости, связана по смыслу не только с медальоном с эпиграфическим орнаментом, но и с растительным обрамлением. Разделяющие медальоны парные пальметты ассоциируются с "древом жизни" ("мировым древом"), горизонтальная структура которого обычно соотносится с ритуалом и его участниками (Топоров, 1988. С. 401).

Второй начельник (рис. 7, *1*) представляет собой совершенно другой стиль декора, что, по-видимому, отражает временные различия. Основание изделия, круглое в плане, украшено по краю двумя тонкими металлическими нитями (сканью), каждая из которых перевита. Они соединены вместе и создают впечатление одной "*елочки*". На центральную часть основания сверху напаяна небольшая, также круглая в плане, пластина с отверстием

[7] Литература к № 3–6, как и эти примеры, подробней приведены в статье Армарчук и др.

в центре. У внешнего края центральной пластины на расстоянии 1–2 мм от нее на поверхность основной пластины напаяна еще одна "елочка" из двух нитей, обрамляющая таким образом центральную часть. В плане такой декор выглядит как малый круг, вписанный в большой.

Искусство скани (филиграни) – один из традиционных видов декора в византийском искусстве (см.: Жилина, 2001. С. 59–64). Широко распространена в византийском искусстве и имитация скани при украшении "елочкой" изделий из серебра, кости и др. Такой прием используется в орнаментальном оформлении "архитектурных" мотивов (Даркевич, 1975. Рис. 96, 97, 364). Заметим, что подобная "елочка" в украшении литых бронзовых изделий распространена на Кавказе в предшествующие эпохи, а в VIII–X вв. хорошо известна в Дагестане. В позднеаланских памятниках Северной Осетии скань не использовалась для декорирования предметов. В Закубанье же (Колосовка 1) найдены браслеты, изготовленные из сплетенных тончайших серебряных нитей, образующих елочный узор. Так же сделаны шнуры из серебряных нитей, украшавшие бронзовые позолоченные пинцет и игольник (Дитлер, 1985. Табл. V, *22*, *26*, *28*). В нашем случае – это самое простое использование скани фактически для создания бордюра, оформляющего две части изделия.

Верхняя часть начельника представляет собой уникальное и самобытное произведение. Это навершие, в центральной части которого – литая полая ажурная "сфера", состоящая из соединенных полусфер, широкая в центральной горизонтальной плоскости и равномерно сужающаяся внизу и вверху. Она создана 16 соединенными (в центральной горизонтальной плоскости) попарно петлями-"лепестками". В плане навершие выглядит как строго геометрическая восьмилепестковая розетка с кругом в центре. По максимальной ширине оно больше центральной части основания, обрамленной сканью, и при виде сверху сканный бордюр можно видеть сквозь ажурные лепестки. Отметим утроенную (два круга и "сфера") солярную символику[8].

В средневековом ювелирном искусстве Европы и Среднего Востока (рис. 7, *2–6*) *ажурная полусфера из петель*, выполненных в основном из проволоки, иногда в сочетании со сканью, использовалась при изготовлении мелких украшений. В домонгольское время развитая сложная форма соединенных ажурных полусфер представлена в Иране, откуда происходит и бусина серьги рубежа эр в виде одной полусферы с простым ажурным декором из петель (Иванов и др., 1984. Ил. *35*). Возможно, на Северный Кавказ этот мотив проникает вместе с другими восточными элементами декора, но используется для создания оригинальной литой части хорошо известного в местной культуре украшения конского убора – начельника.

Рассмотренный декор двух начельников из разновременных могильников Северо-Восточного Причерноморья XI–XIII вв. свидетельствует о том, что они представляют собой в определенном смысле уникальные изделия и пополняют перечень таких же ярких находок, известных по материалам могильников Колосовка и Змейский, представляя северо-западный ареал предметов этого круга.

Близость находок в Колосовском могильнике, оставленном местным населением (Дитлер, 1961. С. 165, 166), находкам в Змейском рассматривается как свидетельство экономических связей между разными районами Северного Кавказа. Западноаланские производственные центры, локализуемые на крупнейших городищах, могли обслуживать и отдаленные регионы края (Кузнецов, 1962. С. 67, 68). В то же время исследователи закубанских памятников считают, что там существовал свой центр (возможно, в верховьях р. Фарс) высокоразвитого ремесла по художественной обработке металла (Дитлер, 1985. С. 132, 134; Ловпаче, 1978. С. 144, 146). Действительно, в Западном Закубанье и Северо-Восточном Причерноморье исследуется все больше памятников, на которых находят художественно декорированные изделия из цветных металлов, имеющие аналогии в Колосовке. Материалы Змейского могильника в Северной Осетии в значительной своей части также сопоставимы с этими произведениями художественного ремесла.

Возможно, и в Змейском могильнике, и в Колосовке (как памятниках с наиболее ярким и разнообразным набором художественно декорированных предметов) есть и привозные вещи. Высказано мнение, что сабля из Колосовки 1 сделана "чуть ли не в той же мастерской", что и "сабля Карла Великого" (Горелик, 2001. С. 176, 177). Вопрос центров производства всегда достаточно сложен и требует разностороннего подхода к его изучению.

В декоре двух рассмотренных разностилевых и разновременных предметов (начельников) выявляются одни потоки влияния (таблица): мусульманского Востока, Византии (возможно, через Абхазию, Грузию, Южную Русь), хотя мусульманскими восточными мотивами пропитано все светское декоративное искусство Византии, о чем уже шла речь выше. Но в нашем случае (первый начельник), по-видимому, можно говорить об элементах, характерных для искусства Малой Азии и Среднего Востока эпохи сельджукидов (XI–XII вв.), когда наряду с орнаментом, арабской вязью широко распространены (особенно в металле, керамике) сюжетные антропоморфные изображения, в которых преобладал иранский элемент. Следует по-

[8] Семантика декора обоих предметов выходит за рамки задач настоящей статьи и будет рассмотрена в отдельной работе.

Элементы декора начельников и выявление аналогии

Элементы декора	Северный Кавказ	Мусульманский Восток	Византия
Остролистая полупальметка	+	+	–
Медальоны	+	+	+
Плетенка	+	+	+
Фигурная композиция (изображение людей)	+	+	+
Поза мужчины	+	+	+
Иконография (примитивизм)	+	–	+ (провинции)
Поза женщины	–	+	–
Иконография (самобытность)	–	–	–
Кисти рук	+	+	+
"Елочка"	+	+	+
Ажурная полусфера из петель	–	+	? (с нач. XIII в. есть в Крыму)

мнить, что светское искусство Византии XII в. также характеризуют и сюжетные – эпические – мотивы, и дальнейшая ориентализация. Таким образом, трудно вычленить, откуда именно проникали те или иные художественные идеи. При этом важно, что рассмотренный нами декор – продукт творчества, вероятно, мастеров Северного Кавказа, работавших на производственных центрах Закубанья или Западной Алании. В нем, с одной стороны, использован определенный набор декоративно-орнаментальных элементов, который абсолютно соответствовал времени и стилю декоративного искусства крупных государств того времени, диктовавших "моду" ближайшим соседям. С другой стороны, рассмотренные образцы представляют самобытные произведения, что особенно ярко проявлено в иконографии персонажей на первом начельнике и пластическом решении навершия второго.

Еще раз отметим главную черту декора исследованных предметов: с одной стороны, ограниченность (скупость) выразительных средств, с другой – смысловая емкость, эстетическая и композиционная продуманность, художественная завершенность. В художественном отношении их можно отнести к северо-западному варианту круга позднеаланских древностей, связанному с местным населением и компонентом материальной культуры.

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 02-06-80091.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.

Аксенов В.С. Редкий тип бляшек-амулетов из Верхнесалтовского катакомбного могильника // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 2. Самара, 2001.

Аланская гробница XI века. Ставрополь, 1994.

Альбаум Л.И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960.

Армарчук Е.А., Новичихин А.М. Украшения конской упряжи X–XII вв. из могильника "Андреевская щель" // КСИА. 2004. Вып. 216.

Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // АГСЭ. 1961. Вып. 2.

АР: Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961.

Беленицкий А.М. Новые памятники искусства древнего Пянджикента. Опыт иконографического истолкования // Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959.

Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973.

Горелик М.В. Образ мужа-воина в Кабарии–Угрии–Руси // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 1. Самара, 2001.

Даркевич В.П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII века. М., 1975.

Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М., 1976.

Даркевич В.П. Византия и Восток // СА. 1991. № 3.

Дебиров П.М. История орнамента Дагестана. М., 2001.

Дитлер П.А. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II. Майкоп, 1961.

Дитлер П.А. Могильник Колосовка № 1 // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985.

Древности Таджикистана. Душанбе, 1985.

Дьячков-Тарасов А.Н. Сентинский храм и его фрески // Кубанский сборник. Т. V. Екатеринодар, 1899.

Живопись древнего Пянджикента. М., 1954.

Жилина Н.В. Русское и византийское искусство филиграни // КСИА. 2001. Вып. 211.

Иванов А.А., Луконин В.Г., Смесова Л.С. Ювелирные изделия Востока. М., 1984.

Иванов В.В. Левый и правый // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1988.

Кузнецов В.А. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа // СА. 1959. № 2.

Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. 1962. № 106.

Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971.

Кузнецов В.А. В верховьях Большого Зеленчука. М., 1977.

Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.

Кызласов И.Л. Изображение Тенгри и Умай на Сулекской писанице // ЭО. 1998. № 4.

Ловпаче Н.Г. Художественная обработка металла у адыгов (X–XIII вв.) // Культура и быт адыгов. Вып. II. Майкоп, 1978.

Ловпаче Н.Г. Изображение зверей в торевтике адыгов // Культура и быт адыгов. Вып. III. Майкоп, 1980.

Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII. СПб., 1900.

Мешкерис В.А. Коропластика Согда. Душанбе, 1977.

Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 3. М., 1991.

Полевой В.М. Искусство Греции. Средние века. М., 1973.

Радлов В.В. Атлас древностей Монголии. СПб., 1892.

Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.

Ремпель Л.И. Цепь времен. Ташкент, 1987.

Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-ая половина XIX – начало XX в.). М., 1982.

Топоров В.Н. Древо мировое // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1994.

Ars Orientalis. V. 1. Michigan, 1954.

Ghalib Edhem I. Catalogue des monnaies turcomanes. Constantinopole, 1894.

Migeon G. L'Orient Musulman. T. 1. Paris, 1922.

Müller R. Neue archäelogische Funde der Keszthely-kultur// Awarenforschungen. B. 1. Wien, 1992.

A Survey of Persian Art. V. 4, 10. Tokyo, 1964–1965.

Two objects from the North-Eastern Pontic zone – the details of horse harness dated to the 11th–13th cc. (specific features of decoration)

G. G. Korol'

Summary

The paper is devoted to the analysis of ornamentation, iconography, and relief decoration of two chamfreins – decorative details of horse harness from the North-Eastern Pontic zone, dated from the 11th – the 13th cc. Some characteristic features of their decoration have been revealed: on the one hand, the craftsman was limited in the means of expressiveness, on the other, the objects display wide repertoire of associations, strict patterns of aesthetic manner and composition, artistic homogeneity. The iconography of figurative images and plastic decoration are marked with originality. The author points to the influence of Muslim Orient and Byzantium singled out against the background of the broadly taken Caucasian cultural circle, typified by wide range of interrelated connections and influences.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 2, с. 168–172

ЗАМЕТКИ

МАМОНТ В МИФАХ, ЭТНОГРАФИИ И АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

© 2004 г. Ю. Б. Сериков, А. Ю. Серикова

Нижнетагильский государственный педагогический институт

Кости мамонта на территории Сибири местному, а затем и русскому населению были известны с давних пор. Кости и бивни мамонта своими размерами поражали воображение людей и являлись причиной фантастических представлений о птицах-великанах и животных-гигантах. В эпоху средневековья эти рогатые животные именовались "единорогами" и "инрогами", славяне представляли их под именами "индрик" или "инрог" (Иванов, 1949. С. 133).

О происхождении костей мамонта даже в историческое время существовало множество версий (их связывали со слонами Александра Македонского; со слонами, занесенными потопом в Сибирь с юга, и т. д.) (Татищев, 1979. С. 36–38). Еще в середине XIX в. "сибиряки-простолюдины" верили, что мамонты в Сибири до сих пор существуют. Местные жители были убеждены, что мамонты свободно расхаживают под землей, но если случайно подойдут к берегу реки или озера, высунут на поверхность голову и увидят дневной свет, то издыхают, будто рыба на воздухе (Тоб. губ. вед., 1859. С. 305).

Первая научная работа о мамонте была опубликована В. Н. Татищевым в виде письма его профессору Эрику Бенцелю в Швеции в 1725 г. Эта же статья еще дважды публиковалась в Швеции и один раз в Англии (Валк, 1979. С. 5, 6). На русском языке сведения о мамонтовых костях были опубликованы И.Г. Гмелиным в 1730 и 1732 гг., который в основу своей публикации положил присланную ему В.Н. Татищевым рукопись статьи о мамонтах (Валк, 1979. С. 6, 7). По ряду причин статья В.Н. Татищева "Сказание о звере мамонте" увидела свет только в 1979 г. (Татищев, 1979. С. 36–50). Необходимо также подчеркнуть, что первый полный скелет мамонта российская наука получила только в 1808 г. (Верещагин, Тихонов, 1990. С. 17).

В мифологических построениях сибирских народов мамонт занимал особое положение. В частности, он являлся участником сотворения мира. По представлениям эвенков, мамонт доставал бивнями землю с морского дна и бросал комьями на первичный клочок земли. Так, первоначально очень маленькая, земля стала большой и пригодной для человека. Для того чтобы выровнять неровную поверхность земли, мамонт призвал мифического змея (дябдар'а). Там, где ползал змей, появились реки, где ступал мамонт – образовались озера, а где остались набросанные со дна моря куски земли – возникли горы. В других мифах мамонт и дябдар вступают в борьбу с мифическим чудовищем. В результате этой борьбы и появился современный рельеф (Анисимов, 1951. С. 195, 196). Селькупы верили, что под землей живет громадное и сильное животное, которое они называли "кошар" (мамонт). Оно охраняло вход в подземный мир, где обитали покойники. Часто образ подземного мамонта сливался с образом медведя, который являлся главным духом подземного мира (Прокофьева, 1949. С. 159). Ненцы и манси называли мамонта "земляным быком". Они испытывали страх перед этим зверем и считали его священным животным. Там, где он ступал, образовались реки и озера, где рыл землю – поднялись сопки и горы. Якуты называли мамонта духом – хозяином воды. У манси, хантов и селькупов сложились представления о мамонте-щуке, который живет в "чертовых озерах" и является злым и вредным животным. Обычно его изображали с оленьими рогами. Обские угры представляли мамонта в образе гигантской птицы (Иванов, 1949. С. 135–140). Интересно отметить, что в сибирской мифологии мамонт мог соотноситься со всеми тремя мирами: верхним, средним и нижним.

Зарождение мифов о мамонте относится к глубокой древности. Изучение археологических материалов позволяет связать эти мифы с этнографической современностью.

Обычно использование костей и бивней мамонта в хозяйстве и его образ в искусстве соотносят с эпохой палеолита. Но имеются интересные археологические данные, которые свидетельствуют об использовании образа мамонта и изделий из его костей и бивня в эпоху голоцена. Кроме костей мамонта иногда использовались кости и других плейстоценовых животных.

В мезолитическом слое торфяниковой Кокшаровско-Юрьинской стоянки был найден обломок зуба шерстистого носорога. На III Береговой стоянке Горбуновского торфяника обнаружен наконечник стрелы неолитического облика, изготовленный путем оббивки из минерализованной кости мамонта (Сериков, 2001. С. 57). В одной из

полуземлянок турбинского поселения Боровое озеро II найден зуб мамонта (Бадер, 1954. С. 252).

Очень любопытны находки костей мамонта и изделий из них на памятниках культового характера – на святилищах и в погребениях. В Кумышанской пещере на р. Чусовая в коллективном погребении позднего неолита была найдена локтевая кость бизона. Она лежала в отдельной ямке, засыпанной охрой, вместе с каменным рыболовным грузилом. В самом погребении находился обломок лопатки носорога (Сериков, 2001а. С. 58). На жертвенном месте под Писаным Камнем на р. Вишера найден кинжал длиной 15.4 см, изготовленный из мамонтовой кости. О.Н. Бадер предположительно отнес его к эпохе энеолита (Бадер, 1954. С. 252). В пещерном святилище на камне Дыроватые Ребра на реке Чусовой в слое раннего железного века обнаружены зуб мамонтенка и позвонок бизона (Сериков, 2001б. С. 57). В средневековом слое Канинской пещеры найдено 155 обломков костей мамонта, в том числе фрагменты бивня со следами обработки (Гемуев, Сагалаев, 1986. С. 118; Верещагин, 1981. С. 93).

Подобные находки известны не только на территории Урала, но и в Сибири. Так, в 21-м погребении неолитического могильника Братский Камень (Прибайкалье) у большой берцовой кости погребенного лежала кость бизона (Окладников, 1976, С. 145), а в энеолитическом погребении № 5 Усть-Удинского могильника обнаружен зуб шерстистого носорога (Окладников, 1975. С. 157, 158). В неолитическом погребении № 10 Пономаревского могильника обнаружены фрагменты разрушенного изделия из бивня мамонта. Данное изделие длиной 60 см напоминает вкладышевый наконечник копья (Окладников, 1974. С. 85).

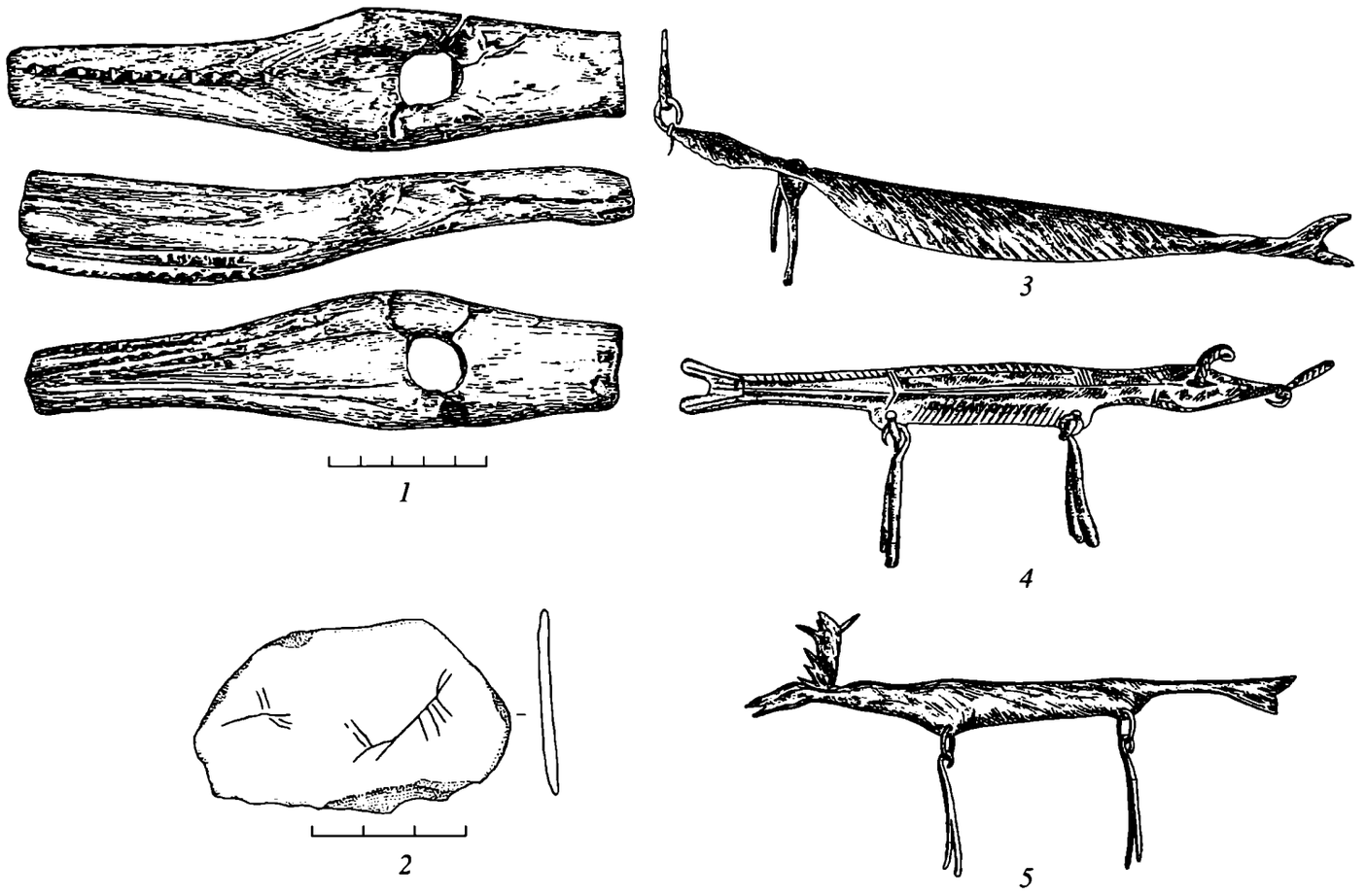
В энеолитических погребениях Сибири неоднократно находили и скульптуры из бивня мамонта. Это парные или одиночные антропоморфные изображения. Парные изображения людей найдены в Усть-Удинском могильнике (погр. № 4 и № 6), в Семеново (погр. № 4). По одной фигурке человека обнаружено в Новом Качуге и в погребении на Братском Камне (Окладников, 1955. С. 286–298). Нужно отметить, что все перечисленные погребения интерпретируются как шаманские (Окладников, 1955. С. 348–352; Сериков, 1999. С. 52–55). Все парные фигурки находились на груди погребенных и являлись украшениями шаманских передников. Длина их колеблется от 12.8 до 25.6 см. Одинарные фигуры украшали передник и головной убор шамана (Сериков, 2000. С. 212).

Такие антропоморфные изображения А.П. Окладников интерпретирует как духов – предков шаманов (Окладников, 1955. С. 304–306). Здесь интересно заметить, что у некоторых сибирских народов (хантов, селькупов) мамонт считался покровителем предков. Видимо, не случайно изображения предков были выполнены именно из бивня мамонта. В этом можно видеть определенную семантическую взаимосвязь.

Почитание мамонта сохранялось и в более поздние эпохи. Уникальная находка – антропоморфное изображение лица-маски – найдено в одной из погребений бронзового века могильника Шумилиха. Маска изготовлена из нижней части шейного позвонка шерстистого носорога (Горюнова, 2002. С. 9. Рис. 6, *1*). Любопытно отметить, что маска находилась в погребении, совершенном в скорченно-сидячем положении. А нестандартная поза погребения (в том числе и скорченно-сидячая) является одним из важнейших признаков высокого социального статуса умершего (Серикова, 2002. С. 135–138). Очень часто подобные погребения интерпретируются как шаманские (Окладников, 1955. С. 316; Сериков, 1998. С. 32). Необычно большая тазовая кость шерстистого носорога была найдена в погребении № 1 с коллективным захоронением в могильнике Хоорлуг-Оймак (на юге Тувы). Она находилась на дне могильной ямы под дощатым полом сруба. Погребение датируется ранним железным веком (Худяков, 2000. С. 43). Известна находка женской статуэтки из бивня мамонта на святилище XVII в. Халято I (полуостров Ямал). Она стояла в центре холма, а вокруг нее находились воткнутые в землю наконечники стрел и разбросанные кости и рога северного оленя (Косинцев, 1993. С. 141). Число подобных примеров можно и приумножить, хотя следует подчеркнуть, что далеко не всегда такие редкие находки становятся предметом исследования, а тем более публикации.

Нахождение костей вымерших животных и изделий из кости и бивня мамонта на памятниках голоценовой эпохи, по всей видимости, не является случайным. Еще О.Н. Бадер, описывая находку кинжала на Писаном Камне и зуба мамонта на Боровом озере II, высказывал предположение, что ископаемые кости мамонта могли играть определенную роль при отправлении культа (Бадер, 1954. С. 252). Подобную точку зрения разделяет и Ю.С. Худяков, описывая находку тазовой кости шерстистого носорога в могильнике Хоорлуг-Оймак. Ее местоположение на дне могильной ямы в углу, в котором помещалась заупокойная пища, по мнению Ю.С. Худякова, свидетельствует о том, что она служила жертвенным подношением. Согласно имеющимся представлениям, такая кость могла привлекать людей тем, что была найдена в земле. Это указывало на ее отношение к нижнему, подземному миру. Ее ценность для заупокойных обрядов заключалась в том, что она уже побывала "на том свете" (Худяков, 2000. С. 43).

Учитывая, что подобные находки в большинстве своем обнаружены в культовых комплексах, можно говорить о существовании в древности



Изображение мамонтов в археологии и этнографии: *1* – фигурный молот с Шигирского торфяника; *2* – плитка камня с гравированными изображениями с Лайского мыса; *3–5* – изображения мамонтов на подвесках шаманского костюма эвенков (по С.В. Иванову)

культа мамонта. Это вполне вероятно, так как мамонту в мифологических представлениях народов Сибири отводилась очень важная роль (см. выше). Необходимо подчеркнуть, что миф о мамонте связан исключительно с шаманской космогонией, а изображения мамонтов встречены только среди шаманских предметов (Василевич, 1949. С. 155). Этнографами описаны распространенные у народов Сибири изображения мамонтов на подвесках шаманского костюма (Рисунок 1, 3–5). Например, у юкагирского шамана была дощечка с изображением мамонта, с помощью которой он призывал духов. Среди духов-помощников шамана мамонт считался самым сильным. Огромное чудовищное животное стало одним из подземных духов, которое находилось в распоряжении шаманов. К его помощи шаман прибегал во время путешествий по подземному миру или когда вступал в борьбу с другими шаманами (Иванов, 1949. С. 140–146). В селькупской мифологии мамонт считался пращуром всего дикого в природе. Он являлся духом праосновы всего и был символом неумирающей вечности. Возможно, именно поэтому старые шаманы требовали от своих духов, чтобы те за свое служение им превратили их на определенное число лет в мамонта ("кволи-козар") (Головнев, 1995. С. 508).

Другим объяснением появления костей вымерших животных, прежде всего на культовых памятниках, возможно, являлась вера древнего населения в сверхъестественную силу старинных предметов. Этнография угров дает многочисленные примеры, когда местное население по тем или иным соображениям относило археологические находки как предметы необычные к миру сверхъестественных сил. Известны случаи, когда археологические артефакты входили в число фетишей шамана, умножавших его силу (Гемуев, Сагалаев, 1986. С. 109, 175). Также существует предположение, что одной из причин ограбления могил в древности было стремление завладеть предметами, уже побывавшими в мире мертвых (Худяков, 2000. С. 43).

Нужно отметить, что изображения мамонтов очень трудно отыскать среди изображений других животных. Можно с уверенностью сказать, что не все такие изображения опознаны. Если вновь обратиться к материалам этнографии, можно найти этому подтверждения. С.В. Иванов, изучая скульптуру народов Сибири, говорил о том, что люди не-

редко находят кости и бивни мамонта и считают их останками гигантского животного, которое живет под землей или под водой. В представлении жителей Сибири и Дальнего Востока мамонт существовал как некое гибридное существо. Чаще всего его наделяли чертами известных людям животных. Например, эвенки изображали мамонта в виде рыбы с лосиными рогами (Рисунок. 1, *5*). А ханты считали, что мамонт – это подземное перевоплощение лося, щуки и медведя. Достигая глубокой старости, эти животные не умирают естественной смертью, а уходят под землю и превращаются в мамонта – "мув-хора". У селькупов существовал мамонт-зверь ("сурп-козар") и мамонт-рыба ("кволи-козар"). Таким образом, изображение мамонта может быть очень трудно узнаваемым.

В качестве примера можно привести фигурный молот из рога лося, найденный на Шигирском торфянике. На удлиненной части молота два слабо намеченных бугорка передают глаза, пасть почти во всю длину морды полураскрыта, зарубки по краю ротового отверстия намечают зубы (Рисунок. 1, *1*). Считается, что это изображение какого-то фантастического животного. По мнению Д.Н. Эдинга, данный молот является показателем бытования на Урале изображений фантастических животных (Эдинг, 1940. С. 61). В свете указанных выше фактов можно предположить, что фигурный молот может быть изображением мамонта-щуки.

Другим подобным примером может служить находка, видимо, раннего железного века, обнаруженная на жертвенном месте, расположенном на Лайском мысу (Сериков, 2002. С. 144). Это плитка серицитового сланца размерами 6 × 3.5 см, на которой техникой гравировки изображены две фигуры. Одна из них напоминает птицу в полете, другая – более загадочна. Она, бесспорно, изображает какое-то животное: процарапанными прямыми линиями показаны туловище, четыре ноги, голова с рогами и раздвоенный хвост (Рисунок. 1, *2*). Данная фигура очень походит на мамонта, как их изображало сибирское население по этнографическим данным (Рисунок. 1, *5*).

Любопытный аспект использования образа мамонта в культовой практике древнего населения предлагает С. Е. Чаиркин. Он считает, что очертания входа Лаксейской пещеры имеют форму мамонта. Именно это, по С.Е. Чаиркину, явилось дополнительным фактором использования пещеры в качестве святилища (Косинцев, Чаиркин, 2000. С. 168). С этим предположением вряд ли можно согласиться, поскольку внешний вид мамонта жителям Урала и Западной Сибири в эпоху голоцена известен не был. Достаточно вспомнить, что первая научная работа о мамонте была опубликована В.Н. Татищевым в 1725 г., а первый полный скелет мамонта был получен только в 1808 г. Споры же о внешнем виде мамонта продолжаются с 1831 г., когда была опубликована его первая реконструкция, и до настоящего времени.

Здесь уместно заметить, что С. В. Иванов все этнографические изображения мамонта разделяет на два типа: восточный и западный. Изображения восточного типа относительно реалистичны, потому что местному населению были известны находки сохранившихся туш мамонта. А для западной территории, куда относится и Лаксейская пещера, о которой говорит С.Е. Чаиркин, характерно изображение мамонта в виде чисто фантастического образа.

Таким образом, данные археологии свидетельствуют о довольно редком, но повсеместном использовании древним населением Урала и Сибири костей вымерших животных (прежде всего мамонта) в разнообразных культовых целях. С большой долей уверенности можно говорить о существовании культа мамонта в различные голоценовые эпохи. Во многих случаях образ мамонта связан с шаманской космогонией (Серикова, 2001. С. 26, 27). Со временем, возможно, появятся новые факты, которые позволят считать кости мамонта в погребениях индикатором шаманских захоронений. Возможно, дальнейшая работа в этом направлении позволит интерпретировать изображения фантастических животных как образы мамонтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анисимов А.Ф. Шаманские духи по воззрениям эвенков и тотемические истоки идеологии шаманства // Сб. МАЭ. 1951. Т. XIII.

Бадер О.Н. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере // СА. 1954. Т. XXI.

Валк С.Н. О составе издания // Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979.

Василевич Г.М. Языковые данные по термину "хэл-кэл" // Дополнения к статье Иванова С.В. "Мамонт в искусстве народов Сибири" // Сб. МАЭ. 1949. Т. XI.

Верещагин Н.К. Записки палеонтолога. Л., 1981.

Верещагин Н.К., Тихонов А.Н. Экстерьер мамонта. Якутск, 1990.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси (культовые места X – начала XX в.). Новосибирск, 1986.

Головнев А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.

Горюнова О.И. Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век). Иркутск, 2002.

Иванов С.В. Мамонт в искусстве народов Сибири // Сб. МАЭ. 1949. Т. XI.

Косинцев П.А. Жертвенные животные из святилища Халято I // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Матер. к конф. Ч. II. Археология и изучение культурных процессов и явлений. СПб. 1993.

Косинцев П.А., Чаиркин С.Е. Культовые пещеры Урала // Святилища: археология ритуала и вопросы се-

мантики. Матер. тематической научн. конф. СПб. 2000.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. 1955. № 43. Ч. III.

Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. Новосибирск, 1974.

Окладников А.П. Неолитические памятники Средней Ангары. Новосибирск, 1975.

Окладников А.П. Неолитические памятники Нижней Ангары. Новосибирск, 1976.

Понятия сибиряков-простолюдинов о мамонтах // Тобольские губернские ведомости. Тобольск, 1859.

Прокофьева Е.Д. Мамонт по представлениям селькупов // Дополнения к статье Иванова С.В. "Мамонт в искусстве народов Сибири" // Сб. МАЭ. 1949. Т. XI.

Сериков Ю.Б. Шаманские погребения Зауралья // ВАУ. 1998. Вып. 23.

Сериков Ю.Б. Шаманские погребения каменного века // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Тез. докл. юбилейной конф., посв. 60-летию кафедры археологии ист. ф-та Московского гос. у-та им. М.В. Ломоносова. М., 1999.

Сериков Ю.Б. Атрибуты шаманского культа // Междунар. конф. по первобытному искусству. Тр. Т. 2. Кемерово, 2000.

Сериков Ю.Б. Новые данные о пещерном святилище на реке Чусовой // XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. междунар. науч. конф. Оренбург, 2001а.

Сериков Ю.Б. Вторичное использование изделий предшествующих эпох // XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. междунар. науч. конф. Оренбург, 2001б.

Сериков Ю.Б. Произведения первобытного искусства с восточного склона Урала // ВАУ. 2002. Вып. 24.

Серикова А.Ю. Мамонт в культовой практике древнего населения Урала и Сибири // Матер. XXXIII Урало-Поволжской археол. студенческой конф. Ижевск, 2001.

Серикова А.Ю. Поза погребенного как один из показателей его социальной значимости // Уч. записки Нижнетагильского гос. пед. ин-та. Сер. Общественные науки. Т. 2. Ч. 2. Нижний Тагил, 2002.

Татищев В.Н. Сказание о звере мамонте // Избранные произведения. Л., 1979.

Худяков Ю.С. Использование костей плейстоценовых животных населением Саяно-Алтая в древности и средневековье и задачи охраны памятников палеонтологии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI. Барнаул, 2000.

Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала // Тр. ГИМ. Вып. X. М., 1940.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 2, с. 173–180

ИСТОРИЯ НАУКИ

РОЛЬ Н.Н. ВОРОНИНА В ЗАЩИТЕ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

© 2004 г. А. А. Формозов

Институт археологии РАН, Москва

13 октября 2004 г. исполнится сто лет со дня рождения Николая Николаевича Воронина – выдающегося отечественного археолога, историка искусства и культуры Древней Руси.

Специалистам хорошо известны раскопки, проведенные им для исследования исчезнувших с лица земли памятников зодчества во Владимире, Боголюбове, Гродно, Смоленске, Москве, его многочисленные (более 300) публикации о древнерусской архитектуре и, конечно, монументальный двухтомный труд "Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XIV веков".

Известно и о заслугах Воронина в охране памятников русской культуры. Но эта сторона его деятельности в полной мере не оценена. В недавнем обзоре Л.А. Беляева и А.В. Чернецова "Русские церковные древности" лидером в этой области назван Б.А. Рыбаков, Воронин же упомянут мельком (Беляев Л.А., Чернецов А.В., 1996. С. 34, 35).

Как свидетель тех лет, могу утверждать, что Рыбаков в 1940–1970-х годах никогда публично не ратовал за памятники старины, говоря побуждавшим его к этому: "Все равно нам ответят: "Мертвые хватают живых". Воронин же был очень активным и смелым защитником памятников и сумел многого достичь. Об этом я и хочу напомнить.

Николай Николаевич родился во Владимире на Клязьме. С детских лет он рос в окружении замечательных творений русских зодчих. Он рано узнал и полюбил их. Отец будущего ученого был земским техником, принадлежал к разночинческой среде, обычно равнодушной к религии и искусству. Не был верующим и Николай Николаевич, но искусство чувствовал тонко и глубоко.

Учился Воронин в родном городе, сперва в гимназии, а после революции в единой трудовой школе. Окончив ее в 1922 г., он поехал в Петроград и поступил на Факультет общественных наук университета. По окончании ЛГУ в 1926 г. был принят в аспирантуру Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК).

В послереволюционные годы Воронин видел разгром владимирских храмов, изъятие церковных ценностей. Но изучение древнерусского искусства в 1920-х годах еще продолжалось.

В XIX в. оно не пользовалось признанием у офранцуженного дворянства, воспитанного на догмах классицизма. Консервативные и клерикальные установки Александра III привлекли внимание к памятникам церковного зодчества, но расценивались они односторонне – как национальные реликвии – святыни. Подлинное признание пришло к ним лишь в начале XX столетия. Художники Серебряного века И.Э. Грабарь, И.Я. Билибин, А.В. Шусев и др. много сделали для выявления и пропаганды памятников русской архитектуры именно как произведений искусства.

После революции некоторые из деятелей этого круга не покинули родину и приняли участие в развитии музейного дела и охраны памятников в нашей стране. Из разгромленных дворянских усадеб, из закрытых церквей и монастырей вывозили художественные сокровища, создавали музеи, нередко в тех же усадебных и церковных зданиях.

На этом фоне интерес Воронина к древнерусской архитектуре в 1920-х годах мог найти понимание и поддержку.

В ГАИМК существовал Разряд русского зодчества во главе с бывшим сотрудником Императорской археологической комиссии Константином Константиновичем Романовым (1882–1941), имевшим большой опыт реставрации памятников архитектуры. Разряд русского искусства возглавлял крупный искусствовед Николай Петрович Сычев (1883–1964). Вместе с ним работали такие знатоки искусства, как П.И. Нерадовский, С.П. Яремич, Л.А. Дурново. У них то и учился Николай Николаевич.

В 1929 г. в аспирантском сборнике ГАИМК увидела свет первая статья Воронина. Она посвящена проведенному в 1928 г. обследованию усыпальницы боярского рода Нагих в с. Благовещенском Александровского р-на Владимирской обл. Это памятник московской архитектуры, и не ранний – 1631 г., но отголоски владимирской школы в нем еще заметны. (Не даю ссылок при упоминании публикаций Воронина. См.: Список работ Н.Н. Воронина, 1966. С. 13–20; Работы Н.Н. Воронина ..., 1976. С. 8–10).

Аспирантура была закончена в 1931 г. Аспирантским сочинением (тогда не применяли "старорежимный" термин "диссертация") стала книга "Очерки по истории русского зодчества XVI–XVII веков". Опубликована она была не сразу и не в первоначальном виде только в 1934 г.

После ликвидации НЭПа, "Великого перелома" изменилась ситуация в идеологической сфере. Темы, связанные с русской архитектурой, оказались не просто неактуальными, но даже опасными. В них усматривали "проповедь поповщины и великодержавного шовинизма". А Сталин на XVI съезде ВКПб в 1930 г. назвал великодержавный шовинизм главной опасностью. Этим и объясняется как задержка с публикацией работы, так и ее характер.

Основное внимание уделено не архитектуре, тем более не лежащим в ее основе элементам христианского учения, а строительным материалам, организации рабочей силы, роли мастеров-строителей, возникновению архитектурных чертежей. В предисловии автор говорит, что ГАИМК вступила в стадию перестройки, и главным теперь должна быть история производства. Ценным в работе было привлечение большого числа архивных документов. Сформулирована здесь и мысль, ставшая основной в воронинской концепции развития русской архитектуры: московское зодчество сформировалось на базе владимиро-суздальского.

Книга полезна, но мы пока не слышим в ней того голоса Николая Николаевича, какой привыкли слышать в его выступлениях зрелых лет.

Шли трудные тридцатые годы. По приказу властей всюду разрушали церковные здания. Не делалось исключения и для шедевров искусства вроде Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве с его фресками и мозаиками XII в. Пострадали и древности родного для Николая Николаевича Владимира.

В этих условиях в ГАИМК решили свернуть работу по изучению древнерусского искусства, а тех, кто им занимался, направить в группы, созданные для исследования генезиса и развития феодализма. И в 1931 г. окончивший аспирантуру Воронин очутился в группе возникновения феодализма, возглавляемой спущенным свыше в ГАИМК "красным профессором" М.М. Цвибаком (Свердлов, 1996. С. 193, 194).

Человек очень трудолюбивый, Воронин и здесь старался активно работать. Итогом занятий в новом для него направлении стала его вторая книга "К истории сельского поселения феодальной России" 1935 г., целиком построенная на материалах письменных источников и связанная с археологией лишь косвенно. Подзаголовок книги – "Погост, слобода, село, деревня". Автор стремился понять, чем отличаются друг от друга эти типы поселений и какому из них соответствуют интересующие археологов городища. Напомню, что как раз в эти годы археологи перешли от раскопок курганов к изучению древних поселений, и А.Н. Лявданский предложил первую классификацию городищ. Но о любимой архитектуре в этой книге Воронина совсем не говорится. Когда во второй половине 1930-х годов историческая наука в СССР начала избавляться от навязанного ей социологизаторства в стиле М.Н. Покровского, работы предшествовавших лет, написанные в таком духе, подверглись суровой критике. Не обошла она и Николая Николаевича. Ученые с классической дореволюционной подготовкой С.В. Бахрушин (1936. С. 191–194) и Б.А. Романов (1960. С. 328–418) в своих рецензиях на книгу Воронина отмечали, что источники он использовал не всегда корректно. Рассказы московских повестей XVI–XVII вв. некритически перенес на ситуацию XV в. Воронин принял антиисторический термин М.Н. Покровского "Владимирская революция", рассматривал Владимир как чисто торговый город и т.д.

Неслучайно в 1937 г., когда ГАИМК был преобразован в Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР (ИИМК), назначенный директором института И.А. Орбели в число тех, от кого надо избавиться, включил и Воронина. Должно быть, он видел в нем лишь сторонника школы Покровского и соратника развенчанного, а затем и расстрелянного Цвибака.

Не берусь судить, насколько искренне принял разработки Покровского и Цвибака Николай Николаевич. В дальнейшем вульгарным социологизмом он отнюдь не грешил.

Работа с письменными источниками была для него все же небесполезной, помогла ему потом рассматривать памятники архитектуры на широком историко-культурном фоне. Но душа его лежала к совсем иным темам – к произведениям искусства.

Вернуться к любимому делу удалось во второй половине 1930-х годов. Тогда, после осуждения в 1936 г. спектакля "Богатыри" на слова Демьяна Бедного в Камерном театре, руководство страны начало декларировать свое уважение к наследию русской культуры. Разрушения памятников, если не прекратились, то во всяком случае не афишировались. Стало возможным вернуться к изучению архитектуры Древней Руси.

Сменивший в 1938 г. Орбели на посту директора ИИМК товарищ Воронина по аспирантуре М.И. Артамонов вернул Николая Николаевича на работу в ИИМК. Дал он ему и возможность провести первую его экспедицию по исследованию памятников зодчества путем раскопок. В духе времени объектами раскопок были выбраны памятники не церковного, а гражданского зодчества – дворцы владимирских князей. В 1938 г. во Владимире безуспешно искали следы дворца кня-

зя Всеволода. Зато в Боголюбове фундаменты дворца Андрея Боголюбского были выявлены. К дворцу примыкал собор, а к нему был пристроен киворий, остатки которого были расчищены и изучены.

Эти работы положили начало длинной череде экспедиций Воронина в поисках разрушенных памятников русского зодчества, длившейся до 1960-х годов.

Еще важнее было другое начинание ИИМК – подготовка "Истории культуры Древней Руси". Первоначально редакторами ее были М.И. Артамонов, Н.Н. Воронин и М.А. Тиханова. Война задержала завершение работы. Два тома "Истории" увидели свет уже в 1948 и 1951 гг. под редакцией одного Воронина.

В 1940 г. в связи с подготовкой этого издания в "Кратких сообщениях ИИМК" напечатана программная статья Воронина "Основные проблемы истории культуры Древней Руси XII-XIII веков". Недавно в сокращенном виде она переиздана в "Антологии советской археологии" (1995. Т. II). Сегодняшний читатель прочтет ее не без удивления.

Текст перенасыщен цитатами из "классиков марксизма" и только что вышедшего сталинского "Краткого курса истории ВКПб". Основная задача статьи – доказать, что изучение культуры Древней Руси вполне допустимо в СССР, если оно ведется с позиций марксизма.

Для того, чтобы понять тональность статьи, надо помнить о том, что происходило незадолго до ее выхода. Были не только разрушены многие шедевры русского зодчества, но и репрессированы десятки ученых, ими занимавшихся. А.И. Анисимова и Н.М. Щекотихина расстреляли, Н.П. Сычев и П.И. Нерадовский провели к концлагерях более десяти лет. Шельмованию подверглись и владимирские краеведы, писавшие о памятниках старины в родном городе (Экземплярский, 1933).

Этим и объясняется характер воронинской статьи, равно как и содержание его первой книги о русском зодчестве XVI–XVII вв.

Для составления "Истории культуры Древней Руси" М.И. Артамонов и Н.Н. Воронин собрали сильный коллектив археологов, искусствоведов, историков и филологов. Главы, написанные А.В. Арциховским, Н.Н. Ворониным, М.К. Каргером, Д.С. Лихачевым, Б.А. Рыбаковым, П.Н. Третьяковым и др., дали такую широкую картину развития определенных сторон русской культуры, какой мы не найдем в более ранних изданиях. Достаточно напомнить о том, что из отдельных разделов двухтомника выросли две выдающиеся монографии: "Люди и нравы древней Руси" Б.А. Романова (Л., 1947) и "Ремесло Древней Руси" Б.А. Рыбакова (М., 1948).

К началу 1940-х годов Воронин получил, наконец, возможность целиком посвятить себя любимому делу и как полевой работник, и как кабинетный исследователь. Но тут началась война.

Николай Николаевич пошел добровольцем на фронт. Вскоре в районе Стрельни он подорвался на мине, был ранен в ногу и демобилизован.

В госпитале он лежал в Москве и, как только смог выходить, естественно, отправился в Московское отделение ИИМК, постарался войти в круг интересов своих столичных коллег. К этому времени первый брак Воронина с Гали Федоровной Корзухиной распался. Возрождавшийся к жизни молодой ученый увлекся сотрудницей МОИИМК Екатериной Ивановной Горюновой. Она стала его второй женой, а сам он перебрался из Ленинграда в Москву и был зачислен в штат МОИИМК.

Война принесла русской культуре страшные потери. Превратились в руины новгородские церкви и пригородные дворцы Петербурга, погибли коллекции сотен музеев. Еще с Первой Мировой войны, когда при обстреле Реймса немецкой артиллерией пострадал собор XII–XIII вв., обвинения противника в вандализме стало составной частью пропаганды. Советское руководство это учло и уже зимой 1941–1942 гг., после битвы под Москвой, объявило на весь мир о разрушении немецкими оккупантами Ново-Иерусалимского и Иосифо-Волоколамского монастырей. Была создана правительственная комиссия по определению ущерба.

В этих условиях Воронин и начал свою деятельность в области охраны памятников. Уже в дни войны вышла его брошюра "Памятники архитектуры и их охрана" в издании Академии архитектуры (М., 1944) и программная статья "О восстановлении древнерусских городов" в "Историческом журнале" (1945, № 3).

Николай Николаевич небезосновательно опасался того, что при восстановлении городов, попавших в зону военных действий, наши архитекторы и строители не сохранят древние здания, особенно церковные.

Опасения вскоре подтвердились. В конце войны А.В. Шусев разработал генеральный план реконструкции Новгорода Великого, где каждый древний храм находил свое место среди современной застройки. Но в 1951 г. Новгородский облисполком принял решение разобрать поврежденный в войну знаменитый храм Спаса на Нередице с фрагментами фресок XII в., церкви Николы на Липне, Успения на Волотовом поле, Спаса на Ковалеве, Иоанна на Опоках, постройки Сковородского и Хутынского монастырей и десяток других новгородских достопримечательностей (Монгайт, 1951).

Очень важно, что в статьях 1940-х годов Воронин говорил не только о разрушении памятников русской архитектуры оккупантами, но и о том, что делалось в 1920–1930-х годах нами самими. Упомянув о гибели таких выдающихся памятни-

ков зодчества, как церкви Гребневской Божией матери и Успения на Покровке в Москве, Воронин расценивал это тоже как акты вандализма, а вовсе не как оправданную нуждами строительства расчистку столичных улиц. То, что первым сумел сказать это в печати именно Н.Н. Воронин, подчеркивал в своих воспоминаниях о нем Д.С. Лихачев (2000. С. 57).

На состоявшемся в Москве весной 1945 г. Всесоюзном археологическом совещании был поднят вопрос о плохом состоянии памятников культуры в СССР. Доклад об охране памятников сделал И.Э. Грабарь. Но более важной стала публикация в "Материалах к Всесоюзному археологическому совещанию" статьи Воронина "К вопросу об организации и юридическом обосновании дела охраны и исследования археологических памятников в СССР". Там констатировалось, что после ликвидации в 1938 г. ведавшего охраной Комитета при Президиуме ВЦИК "археологические памятники остаются до сих пор без надзора" (С. 188). Законы, каравшие за ущерб, причиненный остаткам старины, отменены. Повсеместные акты вандализма не пресекаются и на наказываются.

На волне патриотизма и интереса к сокровищам национальной культуры, проявившихся в дни войны, к 220-летнему юбилею Академии Наук СССР в 1945 г. издательство Академии выпустило две книги Воронина: "Древнерусские города" и "Памятники Владимирско-суздальского зодчества".

Когда центр ИИМК был перенесен в Москву, Н.Н. Воронин возглавил сектор славяно-русской археологии. Он целеустремленно трудился над подготовкой к печати двух томов "Истории культуры Древней Руси" и главной своей книги о владимирской архитектуре. Первый вариант этой работы он защитил как докторскую диссертацию в 1944 г.

Победа в Отечественной войне вызвала у людей большой творческий подъем. С нигилистическим отношением к наследию русской культуры, казалось, было покончено. Воронин и его сверстники могли посвятить себя его изучению. Это даже приветствовалось.

В первые послереволюционные годы в этой области работали в основном так называемые "бывшие", порою даже титулованные люди из тех, кто и раньше собирал художественные коллекции и был знатоком старины. Таков князь Эспер Эсперович Ухтомский (1861–1921), расстрелянный вместе с Н.С. Гумилевым по "Таганцевскому делу" за информацию иностранцев о состоянии русских музеев после революции. Таков граф Юрий Александрович Олсуфьев (1869–1938) – сотрудник Третьяковской галереи, расстрелянный в годы ежовщины. Можно назвать и Софью Васильевну Разумовскую – сотрудницу Музея изящных искусств, опубликовавшую в 1928–1930 гг. ряд статей по античности, а потом потерявшую возможность работать. Директором Оружейной палаты в 1922–1929 гг. был Дмитрий Дмитриевич Иванов (1870–1930) – к 1917 г. директор департамента Министерства юстиции знаток старой мебели и фарфора. Он противился распродаже сокровищ Оружейной палаты, направляя протесты в верха, был за это снят с поста директора, стал рядовым хранителем, но, не выдержав продолжавшееся разграбление коллекций, покончил с собой. Костромской дворянин Леонид Николаевич Казаринов (1871–1941) дослужился в Петербурге до генерального чина действительного статского советника. После революции не эмигрировал, уехал в родную Чехлому. Создал там музей, успешно занимался археологией. В 1930 г. был арестован и сослан на Север. Вернулся в Чухлому инвалидом, умер в полной нищете.

Этих "бывших людей" коммунистическая власть стремилась заменить новыми кадрами, воспитанными в советскую эпоху. Для судеб русской культуры было крайне важно, найдутся ли среди нового поколения достойные преемники дореволюционных ученых, любящие, знающие и умеющие исследовать памятники культуры. Такие люди нашлись, и в этой новой плеяде Николай Николаевич был звездой первой величины.

Конец сталинской эпохи – с кампаниями идеологических проработок, обвинениями деятелей культуры во всевозможных грехах – не был легким ни для кого, и для Воронина в частности.

Во время войны он написал очерк об Андрее Боголюбском и в конце 1940-х годов попытался издать книгу об этом выдающемся деятеле русской истории. Издательство АН СССР направило рукопись на внутренний отзыв В.Т. Пашуто, а тот заявил, что Андрея Боголюбского никак нельзя причислить к сонму "великих предков", о которых говорил Сталин, и книгу печатать нельзя. Увидела свет она через 60 лет после написания и почти 30 – после смерти автора.

Вслед за сессией Сельхозакадемии 1948 г. с разгромом классической генетики во всех институтах АН СССР происходили заседания, на которых было приказано выявить и заклеймить чуждых советской науке ученых. И на заседании в ИИМК специалист по истории русской архитектуры из Ленинграда М.К. Каргер выступил с обвинениями Н.Н. Воронина в проповеди поповщины в его книге "Древнерусские города".

В 1951 г. Воронин был перемещен с поста заведующего сектором славяно-русской археологии ИИМК на пост заведующего архивом института, как выражался сам Николай Николаевич "сдан в архив". Сектором стал заведовать Б.А. Рыбаков.

Работать было трудно. В "Истории культуры Древней Руси" раздел о денежном обращении написал Н.П. Бауер. В 1942 г. в блокадном Ленин-

граде он был арестован и расстрелян. Заказать новый текст было некому. Решили издать очерк Бауера за подписью Б.А. Романова. Раздел о прикладном искусстве написал Л.А. Динцес, в чем-то исходивший из положений Н.Я. Марра. После статей Сталина о языкознании 1950 г. уже печатавшийся том "Истории культуры Древней Руси" вернули из типографии в ИИМК на переработку. Динцеса уже не было в живых. Николаю Николаевичу пришлось подгонять его текст к новым установкам.

Неблагополучно обстояли дела и с охраной памятников. В 1947 и 1948 гг. появились постановления Совета министров РСФСР и Совета министров СССР "о мерах по улучшению охраны памятников культуры". Но на местах, да и в столице эти постановления совсем не соблюдались. Старые здания повсеместно разрушали, даже если это были выдающиеся произведения архитектуры.

Дееспособный орган по охране при правительстве так и не был создан. Взамен его в 1942 г. возник консультативный научно-методический совет по охране памятников, сперва при Комитете по делам искусств, а затем при Президиуме АН СССР. Воронин вошел в состав Совета, но был неудовлетворен его деятельностью.

Возглавлял Совет Игорь Эммануилович Грабарь (1871–1960). Талантливый живописец Серебряного века он еще до революции зарекомендовал себя и как искусствовед. Под его редакцией вышло несколько томов "Истории русского искусства" – богато иллюстрированного издания, не завершенного из-за разгрома типографии Кнебель в начале Первой мировой войны. После революции Грабарь активно участвовал в строительстве музейной сети в СССР, но в период распродажи культурных ценностей играл весьма двусмысленную роль. В 1940-х годах Грабарь был уже немолод, имел много разных нагрузок, не оставлял и живопись, а главное – не хотел конфликтовать с сильными мира сего. Ученым секретарем Совета был С.П. Григоров – инвалид, ходивший на костылях.

Николай Николаевич остро переживал беспомощность Совета и соглашательство Грабаря, называл Методсовет "Не тот совет" и говорил, что он, подобно своему ученому секретарю, еле тащится на костылях.

Надежды на перемены породили начавшаяся после смерти Сталина либерализация культурной жизни, XX съезд КПСС, "Хрущевская оттепель". В вину умершему диктатору можно было поставить не только репрессии, но и разрушение памятников культуры.

30 марта 1956 г. в центральной газете "Правда" увидела свет статья Воронина "Об охране памятников культуры". 23 августа 1956 г. в "Литературной газете" появилось более развернутое выступление "В защиту памятников прошлого". Текст составил Воронин, а подписали И.Э. Грабарь, М.Н. Тихомиров, Л.М. Леонов, И.Г. Эренбург, П.Д. Корин и др.

В дальнейшем последовал еще ряд публицистических статей Воронина в защиту нашего культурного наследия: в "Архитектуре СССР" (1956. № 6), в "Правде" (20 мая 1958 г. "Об изучении древнерусского искусства"), в "Советской России" (27 июня 1957 г.).

Последняя статья написана совместно с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым (1906–1999). Николай Николаевич близко знал нашего выдающегося филолога. Как известно, жизнь его сложилась нелегко. Едва окончив университет, он попал в Соловецкий концлагерь, а освободившись, не сразу смог вернуться к научной работе, служил корректором в академическом издательстве. Лихачев никогда не забывал, что помог ему восстановить свое положение именно Воронин, пригласив писать раздел о литературе в "Истории культуры Древней Руси".

Итогом размышлений о спасении старой архитектуры стала книга Н.Р. Воронина "Любите и охраняйте памятники древнерусского искусства". Она была подготовлена в середине 1950-х годов, но напечатана в издательстве "Искусство" лишь в 1960 г.

Пытаясь привить широкому кругу читателей любовь и интерес к памятникам архитектуры, оспорить насаждавшиеся ранее оценки их как "уродливых нагромождений дикого средневековья", "рассадника религиозного дурмана" и т.п., автор аппелировал к двум моментам. Во-первых, он старался показать красоту, одухотворенность созданий русских зодчих. Во-вторых, говорил о "ленинском этапе в отношении к памятникам культуры", когда они, якобы, заботливо оберегались в отличие от сталинского периода разрушения церквей и монастырей.

Воронин шел за Грабарем, выдвигавшим на первый план эстетическую ценность произведений древнерусской архитектуры, в противоположность более раннему восприятию их как реликвий – "достопамятностей" или "православных святынь". В остальном же он создавал миф. Факты не подтверждают утверждений Воронина.

В ноябре 1917 г. при обстреле Московского кремля большевиками были повреждены Успенский собор, Чудов монастырь, фрески Благовещенского Собора, колокольня Ивана Великого. А.В. Луначарский решился протестовать и сложил с себя обязанности наркома просвещения. Ленин был возмущен: "Как Вы можете придавать такое значение тому или другому старому зданию, как бы хорошо оно ни было, когда речь идет об открытии дверей перед таким общественным строем, который способен создать красоту, безмерно

превосходящую все, о чем могли мечтать в прошлом" (Луначарский, 1934. С. 39).

Закрытие монастырей с разграблением их ризниц произошло еще при жизни Ленина. Изъятие, переплавка и распродажа церковных ценностей, т.е. выдающихся произведений русского прикладного искусства – начались по его прямому указанию (Ленин и Горький..., 1984. С. 114, 115; Ленин, 1965. С. 153, 154).

Знал ли об этом Воронин? Думаю, знал, но подобно другим "шестидесятникам" пытался убедить себя и других в истинности легенды о "хорошем Ленине" и его прекрасных начинаниях, загубленных "плохим Сталиным". Взывал к авторитету Ленина Воронин и потому, что обращался не только к рядовым читателям, но и к представителям власти, к тем, от кого зависела судьба памятников – сохранятся они или погибнут.

Увы, времена хрущевской оттепели имели как положительные, так и отрицательные стороны. Воспитанный в 1920-х годах в духе ненависти к религии и всем "остаткам проклятого прошлого" Хрущев был ярым противником охраны памятников.

5 ноября 1935 г. на пленуме парторганизации Кировского района Москвы он говорил: "Кто три месяца не был на Садовом кольце, советую посмотреть, – не узнаете... Мы сняли Триумфальную арку. Без арки улица стала замечательной. Мы сломали Сухареву башню, Китайгородскую стену, хотя архитекторы говорили: "историческая ценность". На будущий год мы тоже топоры точим и нашу работу продолжим" (Волкогонов, 1997. С. 341). В 1937 г. на пленуме ЦК ВКП(б) он заявлял: "перестраивая Москву, мы не должны бояться снести дерево, церквушку или какой-нибудь храм" (Волкогонов, 1989. С. 134).

Эти установки 30-х годов Хрущев полностью перенес в 50-е и 60-е. В разделе речи от 17 января 1961 г., озаглавленном "Воспитывать людей в духе коммунистической сознательности", он дал свою оценку самогоноварения, работы музеев и заповедников и охраны памятников. Все это отрицательные явления в нашей жизни, пустая трата народных денег, "безобразие" (Хрущев, 1963. С. 298).

Последствия этих речей для культурного наследия России были самые печальные. В Московском кремле возвели Дворец съездов, сломав для этого ряд ценных памятников архитектуры. По всей стране закрыли свыше 10 тыс. церквей. Старые храмы, как-то поддерживавшиеся общинами верующих, попали в руки нерадивых хозяев, способствовавших разрушению зданий. В 1962 г. в Витебске взорвали храм Благовещения XII в. На пленуме ЦК КПСС в июне 1963 г. Хрущев одобрил это и побуждал секретарей обкомов и горкомов к уничтожению старой архитектуры, на что они охотно откликнулись.

Вот в каких условиях приходилось Н.Н. Воронину и его соратникам бороться за спасение культурного наследия России. Д.С. Лихачев вспоминал: "Наши статьи в защиту памятников то отказывались печатать, то сокращали в самых важных местах, то печатали с опозданием, когда памятник оказывался уже взорванным" (Лихачев, 2000. С. 570).

На этом фоне понятны и призывы "вернуться к ленинским нормам" и многое другое. Статью "Памятники культуры всенародное достояние" Лихачев вынужден был начинать с согласия со словами Хрущева о том, что иные реставрации совершенно не нужны (Лихачев, 1964. С. 3).

Помимо статей, с трудом пробивавшихся в печать, Воронин составлял множество писем в верха в защиту намеченных к уничтожению конкретных памятников. Обзор этих писем опубликован (Ковалев, 1990. С. 261–267). Среди них письма на имя И.В. Сталина (1951), в Отдел культуры ЦК КПСС и К.Е. Ворошилову (середина 1950-х годов), П.К. Пономаренко, Н.С. Хрущеву и Н.А. Булганину (1955), К.Т. Мазурову (1961) и т.д.

Иногда обратившихся с письмом в те или иные инстанции вызывали в ЦК КПСС на собеседование. А.В. Арциховский, подписавший одно из обращений Воронина в верха и приглашенный в связи с этим к всесильному тогда члену Политбюро ЦК КПСС Д.С. Полянскому, с удивлением говорил мне о том, как независимо и смело спорил с партийным боссом мягкий и деликатный в повседневной жизни Николай Николаевич.

Кое-чего удалось добиться. 29 июня 1957 г. вышло постановление Совета министров РСФСР "Об улучшении дела охраны и реставрации памятников культуры РСФСР". С 1959 г. началось преобразование ряда музеев в древнерусских городах в специализированные музеи-заповедники. Первые появились в Новгороде Великом, Владимире, Ярославле, Костроме и Нижнем Новгороде. 30 августа 1960 г. было принято постановление Совета министров РСФСР "О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР". Воронин принимал участие в выработке текстов этих постановлений. Зато выдвигавшееся с 1950-х годов предложение создать добровольные общества охраны памятников истории и культуры Хрущев неизменно отвергал.

В целом сил и нервов было истрачено много, а достижений оказывалось меньше, чем потерь.

Все эти годы Воронин напряженно работал и как археолог. В 1949 г. провел раскопки в Гродно. Напечатал книгу "Древнее Гродно", где опубликовал и материалы польских раскопок 1930-х годов. Возглавлял экспедицию, наблюдавшую в Московском кремле за выемкой земли и разбо-

ром древних памятников при строительстве Дворца съездов. В 1962–1967 гг. вместе со своим учеником П.А. Раппопортом развернул исследование памятников архитектуры в Смоленске.

Помимо этих экспедиций, давших особенно важные результаты, были более краткие выезды в другие древнерусские города для изучения тех или иных памятников искусства: во Владимир (1945, 1953–1955), Муром (1946), Коломну (1947), Старицу (1949), Ростов Ярославский (1954–1956), Суздаль (1958), Нижний Новгород (1960).

Выходили новые книги: "Древнее Подмосковье" (1947, совместно с М.А. Ильиным), прекрасный путеводитель "Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев Польский" (1958), выдержавший пять изданий и переведенный на иностранные языки. В 1961–1962 гг. вышла, наконец, главная книга Н.Н. Воронина "Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков". Том I посвящен XII в., том II – XIII–XV вв.

Падение Хрущева, сулившее некоторые надежды защитникам старины, Воронин встретил незадолго до своего шестидесятилетия уже тяжело больным человеком. Надежды оправдались лишь частично. Общества охраны памятников создать разрешили, и Николай Николаевич отдал их становлению много времени и сил. Но во главе общества поставили не историка, не искусствоведа, не архитектора, а типичного советского чинушу В.И. Кочемасова – заместителя председателя Совета министров РСФСР (я с ним встречался и отвечаю за свои слова). Воронин стал его заместителем.

Дела в обществе пошли так, что подлинные энтузиасты охраны памятников были глубоко разочарованы. Действовало оно крайне вяло. Члены его не знали, куда идут их взносы – на оплату аппарата общества – людей, отправленных туда за ненадобностью из каких-либо административных органов, на ремонт ничем не примечательного дома, где как-то выпил стакан чая Я.М. Свердлов, или на нечто более важное и нужное. Главным признавалась забота о реликвиях революции. Сборники ВООПИК "Памятники Отечества" в продажу не поступали. Власти боялись упустить эту область из под своего контроля. На движение общественности в защиту культурного наследия они смотрели с подозрением. В докладной записке КГБ в Политбюро КПСС от 17 октября 1973 г. говорилось: "Клеветники поднимают вопрос об охране памятников и в этой связи о разрушении Москвы. Надо осветить это в печати" (Кремлевский самосуд..., 1994. С. 335). Разрушения памятников продолжались. Протесты пробивались в печать с великим трудом.

В 1960-х годах Суздаль посетил один из Ротшильдов. Увидев почти нетронутый средневековый город, он бросил слова: "Вы по золоту ходите". Это дошло до начальства, и оно сообразило, что архитектурные заповедники могут привлечь иностранных туристов, а это даст казне приток валюты. Был разработан маршрут "Золотое кольцо", Николай Николаевич подсказывал, какие памятники надо в него включить и отреставрировать. И тут все шло не так, как хотелось. Реставрации проводились порой без должной опоры на научные исследования. "Я не могу больше ездить в Псков, – говорил мне Воронин. – Его превратили в какой-то сплошной "Ярославский вокзал". Для "уравновешивания" произведений церковного зодчества в "Золотое кольцо" включили молодой город Иваново, где экскурсантам демонстрировали место сбора первой ячейки РСДРП.

Все вместе взятое приводило Николая Николаевича в состояние подавленности и депрессии. В институте его дела тоже складывались не блестяще. Б.А. Рыбаков способствовал награждению Воронина Ленинской премией в 1965 г. Добиться этого за "книгу о церквах", вышедшую в 1961–1962 гг., при Хрущеве было невозможно. Но в те же годы директор института отправил на пенсию жену Воронина Е.И. Горюнову, незадолго до того выпустившую серьезную монографию "Этническая история Волго-Окского междуречья" и защитившую ее как докторскую диссертацию.

Николай Николаевич решил расстаться с институтом и, несмотря на уговоры окружающих, в 1973 г. вышел на пенсию. С тех пор он появлялся в институте крайне редко. Дома у него бывали немногие, в том числе, к сожалению, весьма сомнительные личности из ультранационалистических кругов.

Воронин продолжал работать до конца дней. Готовил вместе с П.А. Раппопортом монографию о древнем зодчестве Смоленска (вышла в 1975 г.), писал статьи о древнерусской литературе. Скончался он 4 апреля 1976 г.

Как же оценить деятельность Воронина с позиций нашего времени? Объем проделанной им работы огромен. Николаем Николаевичем выявлены и изучены замечательные памятники древнерусского зодчества, разработана методика их исследования с помощью раскопок. Им создана цельная концепция развития русской архитектуры от Киевской эпохи через искусство Владимиро-Суздальской Руси до строительства великокняжеской и царской Москвы. Воронин сделал очень много и для спасения, реставрации и пропаганды памятников нашей культуры.

В то же время в деятельности ученого были черты конформизма, огорчавшие при его жизни тех, кто его искренне любил и уважал, и особенно бросающиеся в глаза сегодня. Это и принятие социологического направления М.Н. Покровского в начале 1930-х годов, и отказ от привлечения христианской догматики для понимания идей, по-

ложенных в основу того или иного произведения архитектуры, и создание мифа о ленинском этапе в охране памятников.

В 1949 г. на заседании ученого совета ИИМК, посвященном "борьбе с космополитизмом", меня неприятно поразило выступление Воронина. Он обвинял в космополитизме в очередной раз репрессированного А.И. Некрасова, писавшего о белорусском влиянии на русское зодчество XVII в. Такое влияние действительно было, но Воронин усматривал в тезисе Некрасова "протаскивание вредной идеи о западноевропейском влиянии на русское искусство".

Помню разговор с Николаем Николаевичем, готовившим некролог архитектора Б.А. Огнева. "Представляете: он был верующим. Как это возможно для интеллигентного человека?" – с недоумением говорил Воронин. Я возражал, но он не слушал. Впрочем, к его чести он всячески поддерживал вернувшегося из заключения Г.К. Вагнера – человека, глубоко верующего, и продвигал в печать его работы, написаны в ином духе, чем его собственные.

В 1963 г. я попросил Николая Николаевича прочесть мою рукопись "Русское общество и охрана памятников культуры". Он очень меня хвалил и обещал содействие в напечатании. Но едва книга была сдана в издательство "Наука", а Воронин назначен редактором, он потребовал от меня добавить главу о величии ленинских идей и полностью убрать рассказ о разрушениях 1930-х годов. Я на это не пошел, Воронин отказался быть редактором, и рукопись мне вернули. В 1990 г. удалось напечатать только главы о дореволюционной эпохе. Главы о советском периоде остались неопубликованными. С тех пор отношения с Николаем Николаевичем у меня охладились. Жалею об этом, но не чувствую своей вины.

Как все это понимать? Надо помнить, что Н.Н. Воронин был нервнобольной человек. В периоды маниакально-депрессивного состояния ему приходилось ложиться в больницу. Человеку нервному нелегко было находить достойную линию поведения в выпавшую на его долю эпоху, когда на его глазах гибли друзья, коллеги и столь дорогие для него произведения искусства.

Но был и более глубоко скрытый подтекст в позиции Воронина и ряда его современников. В 1925 г., отвечая на письмо старого товарища по конституционно-демократической партии И.И. Петрункевича, великий русский ученый В.И. Вернадский не соглашался с его упреками С.Ф. Ольденбургу и А.Е. Ферсману, пошедшим на сотрудничество с большевиками. "Дело не в отдельных уступках нажиму верхов", – разъяснял Вернадский. Задача, стоящая перед интеллигенцией – спасти русскую культуру. Вернадский вспоминал о рассказе Абюля Ремюза про китайского сановника, ставшего советником Чингисхана. "Благодаря ему, а не его моральным противникам Китай не постигла судьба Средней Азии, где все было уничтожено. И этот мандарин был морально прав", – заключал Вернадский (1989. С. 217).

Эту установку: не брезгливо отстраняться от невежественных властителей, а вести с ними диалог, попытаться их в чем-то убедить, о чем-то договориться и принял Н.Н. Воронин. На этой основе он добился определенных успехов в спасении нашего культурного наследия, чего не могло бы дать открытое противостояние. Сейчас я понимаю это лучше, чем в 1940–60-х годах.

Так видится мне роль Воронина в охране памятников русской культуры через сто лет после его рождения и более, чем четверть века после его смерти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахрушин С.В. Рец.: Воронин Н.Н. К истории сельского поселения феодальной России // Историк-марксист. 1936. Кн. 6.

Беляев Л.А., Чернецов А.В. Русские церковные древности. М., 1996.

Вернадский В.И. "Я верю в силу свободной мысли". Письма И.И. Петрункевичу // Новый мир. 1989. № 12.

Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет Сталина. Кн. I. Ч. 2. М., 1989.

Волкогонов Д.А. Семь вождей. Кн. I. М., 1997.

Ковалев И.Ф. Вопросы охраны памятников в эпистолярном наследии Н.Н. Воронина // Археографический ежегодник за 1988 год. М., 1990.

Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о А. Солженицыне. М., 1994.

Ленин В.И. Письмо к С.Е. Цуцканову // Полн. собр. соч. Т. 51. М., 1965.

Ленин и Горький. Письма. Воспоминания. Документы. М., 1981.

Лихачев Д.С. Памятники культуры – всенародное достояние // История СССР. 1964. № 4.

Лихачев Д.С. Воспоминания. СПб., 2000.

Луначарский А.В. Ленин и литературоведение. М., 1934.

Монгайт А.Л. Охранять памятники культуры // Литературная газета. 30 июня 1951 г. № 77 (2705).

Работы Н.Н. Воронина, опубликованные в 1965–1976 гг. // Средневековая Русь. М., 1976.

Романов Б.А. Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма. По поводу работ Н.Н. Воронина и С.Б. Веселовского // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII вв. М.; Л., 1960.

Свердлов М.Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX веков. СПб., 1996.

Список работ Н.Н. Воронина // Культура Древней Руси. М., 1966.

Хрущев Н.С. Строительство коммунизма и развитие сельского хозяйства. Т. 4. М., 1963.

Экземплярский П.И. Увязка истории с современностью по-владимирски // Против вредительства в краеведческой литературе. Иваново-Вознесенск, 1933.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 2, с. 181–182

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А.Ф. Горелик. "Памятники Рогаликско-Передельского района. Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины." Киев–Луганск, 2001. 366 с.

Монография посвящена публикации важнейших памятников последней стадии верхнего палеолита и культурным различиям, которые могут быть установлены на основании богатейших материалов из окрестностей Луганска. Определение "богатейшие" не есть выражение традиционной вежливости по отношению к добытому материалу. Богатство описанных автором памятников заключается в том, что весь почти материал происходит из культурного слоя и не собран на поверхности. Вспомним, сколько трудностей принесло археологам, занимающимся весьма близким по времени мезолитом, происхождение материала из разрушенных культурных слоев. Вместе с каменными орудиями были найдены и кости животных, что обогащает наше знание о природном окружении палеолитических памятников. Уникальность каменного материала заключается прежде всего в присутствии крупных трапеций в бесспорно палеолитических памятниках. Эти традиционно мезолитические формы позволяют выделить особую группу памятников среди других весьма многочисленных памятников конца верхнего палеолита на Украине.

Прежде всего следует разобраться с изобилием названий нескольких памятников в Рогаликско-Передельском районе. Речь идет о нескольких пунктах в окрестностях хутора Рогалик, открытых еще Локтюшевым, в балке Якимовская. Автор насчитывает 22 памятника здесь, в окрестностях поселка Петровка и села Передельского. Помимо памятников бассейна Северского Донца он присоединяет к своей группе памятники Приазовья, исследованные А.А. Кротовой. Самое важное для памятников конца палеолита – типа Рогалика – это сохранность культурного слоя, присутствие костей животных в слое, поскольку в других памятниках этого времени, в бассейне Десны например, нет ни стратиграфии, ни костей животных, что осложняет определение их хронологии. Автор-археолог, доверяя Н.П. Герасименко-геологу, говорит о аллереде, беллинге и дриасах. Правда, неясно, когда дается пыльцевая характеристика любому дриасу, имеется в виду территория Украины или это Германия. Особенно изумляешься достижениям современной науки, когда читаешь, что отложения на стоянке Рогалик II А (он же субстрат аллередской почвы) содержали (по данным пыльцевого анализа) отложения среднего дриаса, беллинга и аллереда (С. 37). Интересно бы узнать, как это делается? Автор собственно отвечает за характеристику культурного слоя. Он уверяет нас, что культурный слой был переотложен, но удивительным образом: из него вымыло золу и угли, хотя кости, как и каменные изделия, остались на месте. Доказательств переотложения он не приводит. Причиной тому, я думаю, является отсутствие таковых. Но всего интереснее, конечно, каменные орудия стоянки. Это типичное сочетание скребков определенного вида с трапециями, точнее с крупными трапециями, что их отличает от мелких трапеций мезолитического времени. Значительная их часть имеет мелкую ретушь по продольному краю. На втором месте по значению стоят скребки. А.Ф. Горелик взял для их классификации схему А. Бомерса, хотя Бомерс предлагал систему количественного учета классов орудий, а не типологию. Лучшая классификация скребков – у польских авторов, начиная с С. Круковского. Скребки разделены на короткие и укороченные, потому что укороченные – особая разновидность, приуроченная к финалу палеолита. Короткие же и длинные скребки встречаются на всем протяжении верхнего палеолита. Система описания Круковского наиболее приспособлена для материалов именно памятников финального палеолита, о которых и пишет А.Ф. Горелик. Наиболее показательны для культуроразличения укороченные скребки, которые не всегда отделяются от коротких. Для тарновской группы скребков характерно множество признаков, а двух (и количественных) явно недостаточно. Далее А.Ф. Горелик к типологическим определениям присоединяет еще и функциональные, уж очень сомнительные. Оказывается, ни в одном случае предполагаемая (В.И. Килейниковым) функция не совпадает с формой орудия. Два резца, как уверяют нас, служили ножами – и даже точно – мясным и кожевенным. Сомнительно, чтобы такое деление было. Да и представить себе резец в качестве кожевенного ножа для меня сложно: какой же край орудия (резца) был в таком случае рабочим? Еще два пункта (автор называет их стоянками, не вдаваясь в детали) дали примерно такой же набор орудий, довольно сходными были и условия их нахождения. Достижением исследователя являются подборки в кремневом материале. При этом Горелик ссылается везде на далеко не самые удачные разработки немецкого исследователя. Подборки осуществляются, начиная с довоенного времени на стоянках Десны (например, Леонова Н.Б., 1977, где использованы разработки М.Д. Гвоздовер). Подборки широко используются для разных целей исследователями мезолита (Леонова Е.В., 2000). Они подходят для доказательства одновременности накопленного в разных пунктах материала, однослойности этих пунктов. Пункт Рогалик XXIII во всем подобен другим пунктам, но здесь короткие и укороченные скребки, скребки тарновской группы более выражены, чем в других пунктах. Но автор, видимо, не знаком с их типологией, и предлагает свои термины там, где существуют устоявшиеся термины. Они могли бы повести автора в ином направлении.

В пункте Рогалик XI проводились только сборы, слой отсутствовал. Среди находок палеолитического возраста здесь обнаружена галька-ретушер с рисунком, изображающим женщину в профиль. Правда, при печати получилась явная путаница: отсылка к орудиям – на таблицу 26, под которой подпись гласит: Рогалик XIII. В тексте (С. 156) нет стоянки под № XII, хотя орудия на рис. 26 интересны. Оказывается, Рогалик XIII есть, но помещается на С. 68 и далее.

В высшей степени интересен набор орудий Рогалика VII: здесь отсутствует основной культуроопределяющий элемент – трапеции осокоровского типа. Зато есть пластинки с притупленным краем – которых, в свою очередь, нет во всех пунктах Рогалика. Набор скребков тот же самый, что и во всех пунктах Рогалика. К сожалению, это обстоятельство

прошло мимо внимания автора столь интересного исследования.

Другая глава книги называется: памятники Приазовья. Глядя на материал этих памятников (Янисоль и Фёдоровка), никак не пойму, зачем тут они?! И трапеции, и скребки тарновской группы здесь отсутствуют. Почему же А Ф. Горелик определяет Рогалик VII эталонным, если там нет трапеций? Для того ли только, чтобы сопоставить с Янисолем и Фёдоровкой на основании пластинок с притупленным краем, которые отсутствуют в других Рогаликах? Да и изделия с притупленным краем уж очень разные в приазовских памятниках и в Рогалике. Точно также и стоянка Висла Балка не имеет в составе своих находок трапеций и скребков тарновской группы, и поэтому к стоянкам типа Рогалика не относится. По непонятным причинам соображения об Осокоровке в книге отсутствуют, хотя она имеет непосредственное отношение к Рогалику, к тому здесь сохранилась стратиграфия. Видимо, приазовская группа появляется потому, что, по Зализняку, ромбические острия типа Янисоль есть в Рогалике. Но ведь это только по Зализняку!

Особый раздел посвящен предметам искусства. К ним отнесена плоская поделка с орнаментом со стоянки, она не имеет отношение к статуэткам (она плоская), и к женским изображениям. Ни форма, ни орнамент не напоминают статуэтки Мезина. Единственное бесспорное и весьма интересное женское изображение найдено на поверхности пункта Рогалик XI. Оно в самом деле не имеет аналогий в других памятниках. Это профильное изображение, заполненное внутри штрихами – продольными линиями, голова и груди даны поперечными штрихами. Изображение условное, упрощенное.

В начале весьма обширной книги А. Ф. Горелика, как положено, обсуждается вопрос, к чему, к какой группе памятников относятся памятники из Рогалика (С. 7–16).Читая этот раздел, выполненный с большим тщанием, представляешь себе, насколько сложна система понятий конца XX века. Тут и археологическая культура, и культурное единство, и технокомплекс, и восточный граветт, и эпиграветт и многое другое. Соотношения между этими понятиями не выяснены, да и мало, кого интересуют. В частности, трудно понять, какое из понятий А.Ф. Горелик предпочитает, поскольку его обзор есть лишь перечисление точек зрения, но в нем нет критического отношения к своим коллегам, к их предположениям. Знание иностранной литературы, несомненное у А.Ф. Горелика, скорее вредит ему в части типологии. У него в описании материала много иностранных терминов (гравет, цоновен, цинкен, кресвел, ноай, корбиак), но в инвентаре Рогалика эти типы отсутствуют.

Работа выглядит современной, там есть и охотничья стратегия, и среднего уровня стратегия, и адаптация, но за всем этим стоит так мало мысли. Это все наскоро, без критики, заимствовано у американских по преимуществу авторов. Американцы же все это, не будучи в основной своей массе археологами, заимствовали из этнографических наблюдений. Нельзя не улыбнуться, читая рассуждения американских авторов, куда кидали кости палеолитические охотники и как они сидели вокруг костра в своём жилище. Раскопки, как правило, открывают и гораздо более сложную картину.

Основная ценность книги заключена в публикации материала рогаликских стоянок. Необходим последующий анализ этих материалов. Предстоит выяснить, почему среди памятников с однородным материалом есть один пункт без трапеций? Разделение поразительно однородной группы Рогалика на две подгруппы искусственно и не убеждает. Можно ли говорить о культуре, соединив Осокоровку с Рогаликом? Оставив в стороне вопрос, был ли аллеред на Украине, следует признать, что в палеолите Восточной Европы есть группа палеолитических памятников с трапециями, и это не мезолит, поскольку палеолитические черты Рогалика вне всяких сомнений. Мы должны быть благодарны А.Ф. Горелику за тщательную публикацию замечательного материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Леонова Н.Б. Закономерности распределения инвентаря на верхнепалеолитических стоянках. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1977.

Леонова Е.В. Некоторые результаты планиграфического анализа волго-окских мезолитических стоянок на песке // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Том. I. Тверь, 2000.

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Г.П. Григорьев

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 2, с. 183–192

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "СТЕПИ ЕВРАЗИИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ"

© 2004 г. Н. А. Боковенко, М. Н. Пшеницына
ИИМК РАН, Санкт-Петербург

В Санкт-Петербурге с 11.03 по 16.03.2002 г. прошла Международная конференция "Степи Евразии в древности и средневековье", посвященная 100-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Сибири, Михаила Петровича Грязнова – доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки РСФСР, лауреата Государственной премии СССР, члена-корреспондента Германского археологического института. Конференция была организована Институтом истории материальной культуры РАН и Государственным Эрмитажем при финансовой поддержке РГНФ. В ней приняли участие 232 ученых из многих городов России (Санкт-Петербург, Москва, Самара, Воронеж, Ростов-на-Дону, Майкоп, Казань, Челябинск, Екатеринбург, Омск, Тюмень, Новосибирск, Кемерово, Барнаул, Абакан и др.), научных центров стран СНГ (Украина, Кыргызстан, Казахстан, Таджикистан) и зарубежных стран (Молдова, Эстония, Германия, Франция, США, Монголия, Япония). Были представлены 33 научных учреждения, прочитано 79 научных докладов.

Многие ученые из различных городов России и стран СНГ, которые не смогли приехать из-за финансовых трудностей, прислали свои доклады. Эти доклады также были впоследствии включены в опубликованные материалы конференции.

С вступительным словом к участникам этого международного форума обратились директор Государственного Эрмитажа, чл.-корр. *М.Б. Пиотровский* и директор ИИМК РАН, чл.-корр. *Е.Н. Носов*. Они отметили важное значение для науки деятельность М.П. Грязнова и необходимость подобных конференций, способствующих интеграции ученых многих стран в решении фундаментальных проблем развития человеческого общества и культуры.

Конференция работала по нескольким направлениям. Серия докладов была посвящена жизненному и творческому пути Михаила Петровича Грязнова. Сподвижники, ученики и исследователи его научной деятельности всесторонне показали сложную судьбу ученого начиная с 20-х годов XX столетия и до его последних дней. Михаил Петрович Грязнов – выдающийся российский ученый, один из тех, чьи труды составляют "золотой фонд" науки. Многогранность научных интересов – характерная черта ученых, прокладывающих трудные пути в науке, – в полной мере присуща и Михаилу Петровичу. Он занимался исследованием памятников эпохи бронзы и раннего железа в различных областях Сибири, Казахстана и Алтая. Ученый-энциклопедист, в своих работах он выступал не только как археолог и историк, но и как этнограф, социолог, искусствовед, криминалист-трассолог, антрополог, палеозоолог, почвовед. Его научное наследие насчитывает свыше 140 печатных работ. Для них характерны изумительная тонкость и точность наблюдений, большое внимание к вопросам технологии и использования, древних вещей, внимательное отношение к мелочам, что позволяло исследователю подмечать многие явления, ускользающие от внимания других археологов. Скрупулезный анализ, широкая эрудиция в области этнографии позволяли М.П. Грязнову извлекать максимальную информацию из каждого артефакта, полученного в результате раскопок. Эти качества давали ему возможность восстанавливать образ жизни древних племен в различных экологических нишах в совершенно новых аспектах и с такими подробностями, которые, казалось бы, не были доступны археологам. С особым вниманием и компетентностью ученый разрабатывал различные вопросы жизни древних обществ, их социального и идеологического устройства.

В докладе *М.Н. Пшеницыной* и *Н.А. Боковенко* (Санкт-Петербург) "Основные этапы жизни и творчества М.П. Грязнова" подробно освещен сложный жизненный путь ученого, показаны основные моменты его созидательной деятельности, блестящие археологические открытия и кропотливый труд по уточнению хронологии, тонкая наблюдательность при анализе отдельных аспектов развития древних культур.

Большой научный интерес в этой серии выступлений вызвал доклад *Я.А. Шера* (Кемерово) "М.П. Грязнов и некоторые вопросы археологии ранних кочевников", где были приведены материалы, свидетельствующие о том, что истоки скифо-сибирского звериного стиля уходят не в культуры эпохи бронзы Восточной Европы и не на Ближний Восток, а в культуры эпохи бронзы и даже энеолита Центральной Азии. Он наглядно и весьма аргументированно показал несостоятельность позиций некоторых археологов, которые омолаживают курган Аржан до VII в. до н.э. Также им было уделено внимание терминологической ситуации, которая сложилась в скифской археологии. По мнению Я.А. Шера, к таким понятиям, как "скифо-сибирский мир", "цивилизация ранних кочевников Евразии" и другие, необходимо относиться осторожно, поскольку они требуют детального анализа и уточнения.

Деятельность М.П. Грязнова как антрополога и этнографа в своем докладе отразил *А.М. Решетов* (Санкт-Петербург), показав его тонкую наблюдательность при выявлении этнографических деталей. А.Д. Столяр (Санкт-Петербург) достаточно эмоционально отметил не только выдающиеся достижения этого исследователя, но большую роль его как учителя, университетского преподавателя, его человечность, честность и скромность. *А.Я. Щетенко* (Санкт-Петербург) в докладе "М.П. Грязнов и проблема периодизации эпохи поздней бронзы Южного Туркменистана" в предварительном плане предложил периодизацию, состоящую из семи этапов, основы которой были заложены юбиляром еще в 20–30-х годах.

Проблема поиска индо-европейской прародины была подробно освещена в докладе академика *Н.Н. Негматова* (Душанбе) «Арийская "золотая подкова" Евразии (попытка культурно-хронологического подхода)». Одной из наиболее важных инноваций на данном этапе науки, по его мнению,

является гипотеза о локализации страны ариев на среднеазиатской земле: "Думается, что такая попытка культурно-антропологического подхода к арийской проблеме самая реальная, объективная, разумная, и ее следует смело принять и обосновывать". Н.Н. Негматов акцентировал внимание слушателей на том, что многие ученые своими открытиями и исследованиями показали, что первичной родиной арийцев – Арианы и "Авесты" являлась Средняя Азия с историко-культурным ядром Маргиана – Согдиана – Бактриана.

И.И. Гохман (Санкт-Петербург) проанализировал некоторые проблемы антропологии древнего населения Сибири, обратив внимание на важность антропологических исследований при реконструкции этнической ситуации в том или ином регионе, особенно когда это касается известных исторических миграций.

А.Д. Пряхин (Воронеж) в докладе "М.П. Грязнов и изучение пастушеско-скотоводческого пояса евразийской степи и лесостепи эпохи бронзы" отметил важность разработок М.П. Грязнова по выявлению социальных структур у пастушеских и кочевых племен, которые явились этапом в понимание тенденций развития степных обществ Евразии. *В.А. Кольченко* (Бишкек) в докладе "Археологические исследования в Кыргызстане в 1928–30 гг. (Грязнов, Воеводский, Тереножкин)" осветил малоизвестные этапы формирования археологической науки в Кыргызстане, большие заслуги высокопрофессиональных специалистов из Москвы и Ленинграда, которые внесли весомый вклад в организацию исследовательских работ в этом регионе. *Е.А. Кошелева* (Вятка) в сообщении "М.П. Грязнов в Вятском краеведческом музее" открыла новые страницы плодотворной деятельности М.П. Грязнова в вятской ссылке, его неутомимый исследовательский поиск по различным направлениям деятельности музея.

По результатам докладов было проведено обсуждение, в ходе которого выступил ряд ученых. В.А. Лившиц отметил необходимость более осторожного подхода к интерпретации топонимики, которую практически все сводят к арийской, поэтому им предложен более осторожный подход к этнической атрибуции культур. Также надо отличать различные направления зороастризма, которые формировались по-разному и имеют свою специфику. Н.Н. Негматов, в свою очередь, также советовал не увлекаться слабо аргументированными точками зрения. К корректному использованию трудов предшественников призвал Л.Т. Яблонский. Б.П. Шишло предложил осторожнее подходить к этнической атрибуции культур и применительно к скифо-сибирским культурам. По его мнению, следует употреблять термин "скифское культурное пространство". И.И. Гохман подчеркнул, что, согласно антропологическому материалу, в скифскую эпоху не прослеживаются крупные миграции в Центральной Азии, но значительные подвижки населения в этот период, по его мнению, были.

Дальнейшая работа конференции была организована по тематическим секциям.

12 и 13 марта состоялись четыре заседания секции "Археология эпохи камня и бронзы". Был заслушан 21 доклад и проведено их обсуждение. Тематика докладов как в хронологическом, так и в территориальном отношении оказалась очень широкой. В докладах рассматривались различные вопросы и проблемы археологии эпох мезолита, неолита, энеолита и эпохи бронзы. Привлекались материалы из различных регионов Северной Евразии: от территории Монголии до Средней Европы. В ряде сообщений излагались данные о новых археологических памятниках, открытых в последние годы на Северном Кавказе, в Центральной Азии, в Поволжье и т.д.

Анализу уникального комплекса Офнет позднемезолитического времени был посвящен доклад *В.А. Алекшина* (Санкт-Петербург) "О хронологической принадлежности и семантической интерпретации черепов Офнета (Южная Германия)", в котором он показал ритуальный его характер, сопоставимый с обрядовой практикой Древнего Востока. *А.В. Варенов* (Новосибирск) в докладе "О возможных неолитических корнях оленных камней монголо-забайкальского стиля и их семантическая интерпретация" выдвинул гипотезу о древнем происхождении "оленных" камней в Центральной Азии. Новые материалы по анализу древнего текстиля эпохи бронзы Северного Кавказа продемонстрированы в докладе *Н.И. Шишлиной, В.П. Голикова, О.В. Орфинской* (Москва) "Текстиль эпохи бронзы Северного Кавказа: проблема происхождения". В.Я. Кияшко (Ростов) в докладе «Еще раз о проблеме "утюжков" в мезолите–неолите» рассмотрел многочисленные версии интерпретации функционального назначения "утюжков" и предложил гипотезу их ритуально-практического назначения при изготовлении сакральных фетишей для некой Великой женской богини. Разнообразие форм бронзовых ножей катакомбной культуры продемонстрировал *Е.И. Гак* (Москва) в докладе "Металлические ножи восточных регионов катакомбной культурно-исторической области (к вопросу о локальных особенностях производства)". Им выделены локальные варианты ножей, маркирующие, по его мнению, самостоятельные очаги металлообработки этого периода. *С.Н. Кореневский, В.Л. Ростунов* (Москва) в докладе "Большие Майкопские курганы у с. Заманкул в Республике Северная Осетия-Алания" продемонстрировали материал по трем большим курганам и наглядно показали сложность погребальных сооружений этих памятников, за которой стоит продуманность архитектурных решений строителей. *Н.Ф. Соловьева* (Санкт-Петербург) в докладе "Каменные статуи Ингынлыдепе" подробно проанализировала контекст нахождения энеолитических статуй и пришла к выводу о ритуальном их назначении, связанном с женскими культами хранительниц/хозяек жилищ. *В.В. Потапов* (Ростов-на-Дону) проанализировал некоторые погребения Саратовского Поволжья эпохи поздней бронзы в докладе". Об одной группе погребений из Саратовского Поволжья". Он показал процесс инфильтрации части северного населения (приказанской культуры) в этот район. *П.Ф. Кузнецов, О.Д. Мочалов* (Самара) в своем докладе "Долина реки Самары в бронзовом веке" обрисовали процессы развития различных культур эпохи бронзы в этом регионе и этнокультурные связи с древними обществами Урала, Кавказа и Донского бассейна. *Р.А. Литвиненко* (Донецк) подробно рассмотрел в докладе "Катакомбное наследие в бабинской культуре" все культурные компоненты, отражающие этот сложный процесс, отметив локальные особенности и различные "механизмы" культурогенеза Днепро-Донецкого и Днепро-Бугского регионов. *А.В. Епимахов* (Челябинск) в своем докладе "Мало-кизильское селище и его место в системе культур бронзового века Урала" привел весомые аргументы в пользу отнесения этого селища к абашевской культуре и, анализируя весь блок культур, пришел к выводу, что наличие абашевско-синташтинских черт, с одной стороны, объясняется распространением эпохальных стереотипов (в первую очередь, форм металлических изделий), связанных с катакомбным наследием, а с другой – является результирующей длительных контактов населения, проживавшего на сопредельных территориях, но занимавшего разные экологические ниши. *В.А. Дергачев* (Кишинев) проанализировал в своем докладе зооморфные скипетры

энеолита южных регионов Восточной Европы и пришел к выводу, что они относятся к хвалынской культуре и являются социальными символами. По его мнению, существует единая тенденция эволюции скипетров для обеих выделенных подгрупп (схематических и реалистических) – это постепенное увеличение размеров при одновременном наращивании новых дополнительных морфологических признаков. *О.В. Кузьмина* (Самара) в докладе "К вопросу о происхождении височных подвесок абашевской культуры" привела классификацию височных подвесок, Их происхождение, по ее мнению, "...опосредованно через фатьяновские образцы можно предположительно связать с украшениями унетицкого типа". Волго-уральским типам сосудов в памятниках срубной культуры посвящен доклад *Э.С. Шарафутдиновой* (Санкт-Петербург), в котором она наглядно продемонстрировала проникновение с востока керамики федоровско-черкаскульских типов на предсабатиновском этапе. Д. Эрденбаатор (Улан-Батор, Монголия) в докладе "Об итогах исследования херексуров в Монголии" показал все известные раскопанные подобного типа памятники и на основе стратиграфических наблюдений и данных радиоуглеродного анализа пришел к выводу, что херексуры, по-видимому, существовали в конце II – начале I тыс. до н.э.

При обсуждении докладов Э.С. Шарафутдинова отметила, что доклад Р.А. Литвиненко действительно продемонстрировал материалы трансформации одной культуры в другую, но ядро бабинской культуры, по ее мнению, сложилось на Северском Донце и следы многоваликовой культуры на Волге не прослеживаются. Г.Б. Зданович по докладу А.В. Епимахова высказал удовлетворение проделанным анализом: он показал новые возможности и критерии при выделении синташтинской культуры Приуралья.

На секции "Искусство эпохи камня и бронзы" *Н.В. Ивочкина* (Санкт-Петербург) в докладе "Женские и мужские монеты" показала генезис развития монетного дела в Древнем Китае, начиная с эпохи Чжоу, важную роль при этом отводила делению монет на "мужские" и "женские", которое было связано с определенной ментальностью древнего населения. *С.В. Студзицкая* (Москва) в своем докладе "Стилистические особенности антропоморфной мелкой пластики лесной полосы Евразии в эпоху неолита и бронзы" проанализировала антропоморфные и зооморфные изображения древнего населения лесов Евразии и показала специфику изображений в каждом из регионов. Несмотря на известную фрагментарность материала, по ее мнению, можно получить достаточно полное представление об отражении темы человека в искусстве малых форм. Наибольшее развитие эта тема получила в памятниках середины III – середины II тыс. до н.э. *Э.О. Эрнитс* (Тарту, Эстония) предложил типологию томских петроглифов на основе статистического анализа сюжетов и образов, что является новым этапом в изучении сибирских петроглифов. *С.П. Грушин, Ю.Ф. Кирюшин* (Барнаул) в докладе "Искусство населения юга Западной Сибири в эпоху ранней бронзы" привели замечательные памятники искусства ранней бронзы, в некоторых случаях сходное с окуневским, но имеющее специфические черты локального своеобразия. *О.С. Советова* (Кемерово) в докладе "Кони с оригинальными хвостами на скалах Енисея" привела обширный археологический материал как наскальных изображений, так и конкретных захоронений коней из памятников пазырыкской культуры, где хвосты коней оформлены разными способами. По ее мнению, столь сложное оформление хвостов и грив коней связано с погребально-поминальными обрядовыми действиями, которые доживают вплоть до этнографического времени у многих народов Саяно-Алтая. *Е.А. Миклашевич* (Кемерово) в докладе "Обломки плит – фрагменты мифа или о точности копирования и возможностях интерпретации окуневского искусства" обратила внимание на необходимость улучшения методики копирования, так как некачественные копии могут приводить к искаженной интерпретации сюжетов. На конкретных памятниках окуневского искусства ею показана возможность проследить отголоски древних индоевропейских мифов.

На секции "Эпоха бронзы: культурогенез" *М.М. Герасимова* (Москва) в своем докладе "Краниологическое разнообразие населения южно-русских степей в эпоху ранней и средней бронзы" отметила, что, несмотря на принадлежность населения в этот период одному типу, получившему у специалистов название "проевропеоидного", в настоящее время можно с уверенностью говорить о культурном и региональном своеобразии антропологических серий, свойственных отдельным группам населения, которые обусловлены скорее всего не географической средой, а "социальными запретами, контролирующими характер и интенсивность брачных контактов с соседними популяциями". Периодизацию классического этапа карасукской культуры предложил *А.В. Поляков* (Санкт-Петербург). Она состоит из трех хронологических групп памятников, которым свойственны, по его мнению, культурно-локальные особенности формирования. *К. Джонс-Блей* (Лос-Анжелес, США) в своем докладе "Развитие орнаментации на керамике культур степной бронзы" наглядно показала различие в орнаментальных мотивах различных культурных групп этого периода от Приуралья до Карпат. *Г.Б. Зданович* обрисовал процесс развития культур эпохи бронзы в Южном Зауралье, подробнее остановившись в своем докладе на анализе материалов из пяти исследуемых укрепленных городищ, который свидетельствует о периодических разрушениях и перестройках на них, хорошо зафиксированных стратиграфическими наблюдениями. *Е. Савва* (Кишинев) в докладе "Генезис, периодизация и абсолютная хронология культуры Ноуа (по материалам погребального обряда)" показал, что, хотя основным и, вероятно, первоначальным ареалом культуры Ноуа были северо-западная Бессарабия и Молдавское плато на территории Румынии, исключать нельзя и "восточные" импульсы. С учетом новых радиоуглеродных дат, по его мнению, абсолютную хронологию культуры Ноуа сейчас можно определить между XVI–XIII до н.э.

В обсуждении докладов, выступавшие С.В. Хаврин, И.П. Лазаретов, В.А. Завьялов отметили новые методические принципы исследования археологического материала, позволяющие получить новые данные по развитию культур, но рекомендовали более внимательно относиться к первоисточникам.

На секции "Эпоха ранних кочевников" обсуждались актуальные проблемы различных культур ранних кочевников: проблемы культурогенеза, хронологии и развития искусства. *Д.Г. Савинов* в докладе "Система хронологии сибирских древностей в трудах М.П. Грязнова" прежде всего отметил разработку при анализе археологических источников важных методических принципов, которым М.П. Грязнов уделял большое внимание (исследование археологических микрорайонов, датировка блока взаимосвязанных памятников или культуры в целом и др.), что позволяло создавать наиболее объективные периодизации различных регионов (например, первые периодизации Верхней Оби и Алтая, а по материалам работ Красноярской была видоизменена периодизация тагарской культуры). Он также подчеркнул, что наряду с накоплением материалов изменилась и сама парадигма научного исследования: теперь, особенно с развитием точных методов датирования, главное внимание уделяется выделению культурно-территориальных комплексов (групп памятников, археологических культур и их локальных вариантов). В хронологии памятников эпохи ранних кочевников пред-

ставлены две противоположные тенденции: одна – это удревнение существующей периодизации; другая – ее "омоложение", поэтому необходимо направить все усилия на устранения этих противоречий. *Д.В. Папин* (Барнаул) в докладе "Творческое наследие М.П. Грязнова и проблема трансформации культур поздней бронзы на юге Западной Сибири в переходное время от эпохи бронзы к раннему железу", проанализировав большое количество памятников, пришел к выводу, что, несмотря на проникновение отдельных раннескифских элементов, на территории южной части Верхнего Приобья продолжает существовать позднебронзовая линия развития вплоть до VI века до н.э., когда местные племена окончательно были втянуты в орбиту скифского мира. *К. Линдуфф* (Питтсбург, США) в докладе "Почему сибирские артефакты были найдены внутри границ древнекитайских династий" наглядно показала различные механизмы проникновения "северных" вещей в пределы Древнего Китая: распространение идей, торгово-технологические связи, брачные отношения и военное присутствие на основе соглашения. Северное присутствие некитайцев и северные вещи, однако не приводили, по ее мнению, к значительным трансформациям в культуре династий Шань и Чжоу в конце II – начале I тыс. до н.э. *Я.В. Васильков* (Санкт-Петербург) в докладе "Древнейшие индийские зеркала из скифо-сарматских курганов России" убедительно доказал на примере анализа сюжетов на металлических зеркалах из скифо-сарматских курганов существование связей с Индией уже в I тыс. до н.э. *А.А. Тишкин, П.К. Дашковский* (Барнаул) в докладе "О возможностях выделения локальных вариантов пазырыкской культуры" предложили выделить один из вариантов пазырыкской культуры, дав ему название по наиболее хорошо изученному курганному могильнику Тыткескень-VI. Дальнейшие исследования в этом направлении, по их мнению, позволят на качественно ином уровне решать вопросы этнокультурного и культурно-хронологического развития кочевников Горного Алтая скифской эпохи. *А.А. Тишкин* (Барнаул) в докладе "О соотношениях бийкенской и майэмирской археологических культур Алтая раннескифского времени" предложил разграничить эти культуры: в западной части Алтая существовала, по его мнению, майэмирская культура, для которой характерен погребальный обряд с вытянутыми погребенными; в восточной части – бийкенская культура со "скорченниками". *Л.С. Марсадолов* (Санкт-Петербург) в докладе "Еще раз о последовательности сооружения Пазырыкских и Бертекских курганов" настаивает на традиционных датировках пазырыкских курганов и приводит весомые аргументы для этого, хотя новые радиоуглеродные датировки и дендрохронологические исследования И.Ю. Слюсаренко омолаживают эти памятники. По мнению докладчика, при использовании образцов И.Ю. Слюсаренко вкрались ошибки, которые привели к подобным результатам. *Е.М. Данченко* (Омск) в докладе "К проблеме разработки культурно-генетических схем в археологии Обь-Иртышья" отметил сложность развития древних культур в этом регионе, так как эволюционный ход культурного развития культур, по его мнению, требует новых методических принципов анализа. *М.П. Матвеева, Н.С. Ларина, О.А. Колиух* (Тюмень) в докладе "О рационе питания саргатского населения Западной Сибири" познакомили с методикой определения различий в рационе питания населения раннего железного века западносибирской лесостепи, что позволяет использовать результаты при реконструкции среды обитания и соционормативных аспектов культуры по содержанию некоторых макро- и микроэлементов в скелетном материале захоронений. Наиболее выразительны различия костного материала, по их исследованиям, из погребений людей раннего железного века по таким показателям, как содержание свинца, железа, марганца, кальция, кадмия, стронция. "Низкие показатели железа у женщин и детей свидетельствуют о распространенности железодефицитных анемий, вероятно, из-за недостаточности питания, а высокие доли его у мужчин – в пользу предпочтительно мясного характера мужского рациона." В целом полученные ими результаты коррелируют с преимущественно скотоводческой направленностью хозяйства саргатского населения и мясомолочной ориентацией животноводства. *И.Н. Цыганков* (Санкт-Петербург) в докладе "Сравнительный анализ керамических комплексов сарагашенского этапа тагарской культуры из Новоселовского и Бейского районов Хакасии" проследил сходство и различие посуды, обусловленное локальной спецификой развития тагарской культуры. *Н.В. Полосьмак* (Новосибирск) в информативном докладе "Мультидисциплинарный подход к археологическим источникам – на примере памятников плоскогорья Укок" продемонстрировала прекрасный материал из "мерзлых" курганов и возможности комплексного исследования (медико-биологических, спектральных, химических и др.), что позволяет на новом качественном уровне проследить многие аспекты развития пазырыкской культуры. *Л.Т. Яблонский* (Москва) в докладе "Эпоха поздней бронзы – раннего железа в Приаралье и проблема происхождения культур сакского типа" достаточно убедительно показал, что рассмотрение материалов на узкорегиональном уровне не дает оснований говорить о постепенности культурно-трансформационных процессов при формировании культур сакского типа. Скорее речь может идти не о плавной трансформации, а о кризисе степных культур эпохи поздней бронзы, о скачкообразности перехода степняков к новому типу хозяйствования, о появлении на территории Средней Азии и Казахстана гетерогенных объединений всадников-мигрантов, не имевших здесь собственных этногенетических корней и привнесших сюда элементы собственной этнической культуры и новый геном, фенотипически включающий комплекс монголоидных краниологических признаков. Используя археологический материал из Приаралья эпохи поздней бронзы – раннего железного века, он обосновал начальную дату памятников раннесакского типа этого региона не ранее конца VIII в. до н.э.

Б.П. Шишло (Париж) в докладе "Малочисленные народы" и духи Севера, у Аристея и Геродота" призвал критичнее относиться к письменным источникам, при анализе которых выявляется мифологичность многих ситуаций (миф об аримаспах и др.). Также он обратил внимание на стремление многих археологов обязательно дать этническое определение многим культурам, что не всегда оправдано. *В.А. Кисель* (Санкт-Петербург) в докладе "Ритуальные сосуды и напитки скифов" рассмотрел ритуально-обрядовые сосуды. Автор обозначил гипотетический круг скифских ритуальных жидкостей и напитков. В него входили человеческая кровь, вино, смесь вина с кровью, вероятно, молоко и молочные производные, пиво, брага, хмельной мед. По мнению автора, нельзя исключить и настойки растительного и животного характера. В докладе *А.Ю. Скакова* (Москва) "Хронология могильников Колхиды раннежелезного века" подробно рассмотрены опорные комплексы Колхиды и предложена их уточненная хронология.

На заседаниях секции "Искусство эпохи ранних кочевников" были проанализированы антропоморфные и зооморфные изображения древнего населения лесов Евразии, показана специфика изображений в каждом из регионов и отражена тема человека в искусстве малых форм. Особое внимание обращалось на необходимость улучшения методи-

ки копирования петроглифов, так как некачественные копии могут приводить к искаженной интерпретации сюжетов.

Э. Якобсон (Орегон, США) в докладе "Бронзовый век в петроглифах Монгольского Алтая" продемонстрировала новые большие петроглифические комплексы с различными сюжетами из Западной Монголии. Эти изображения и случаи полимсеста, приведенные докладчиком, позволяют говорить о сложение отдельных сюжетов скифо-сибирского искусства еще в эпоху поздней бронзы. *Л.Л. Баркова* (Санкт-Петербург) в докладе "Предметы звериного стиля из коллекции П.К. Фролова" рассказала об истории формирования коллекции и продемонстрировала большую серию прекрасно выполненных образцов звериного стиля, хранящиеся в Эрмитаже. Ею также даны важные комментарии по каждому образцу. *К. Рубинсон* (Нью-Йорк, США) в докладе «Искусство "звериного стиля" и образы коня и всадника» рассмотрела серию элитных комплексов и отметила важность некоторых изображений всадников и звериных образов, которые подчеркивали определенный статус погребенного. Эта мировоззренческая система возникает, по ее мнению, именно в кочевой среде Евразии. *Т. Хатакеяма* (Токио, Япония) в докладе «Курганы и "оленные камни" у Шибаркуль в Синьзяне, Китай» продемонстрировала новые археологические памятники и сложные погребальные комплексы-херексуры и показала их связь с "оленными" камнями. *М.А. Дэвлет, Е.Г. Дэвлет* (Москва) в докладе "Шаманские сюжеты в наскальном искусстве Северной и Центральной Азии" убедительно показали на ряде петроглифических комплексах Енисея сложные сцены эпохи бронзы и скифского времени, связанные, по их мнению, с важными обрядовыми действиями. Этнографические примеры позволяют авторам интерпретировать эти сюжеты как шаманские мистерии. Некоторым сюжетам пазырыкского искусства посвящен доклад *И.В. Тришиной* (Москва). "Многофигурные композиции искусства пазырыкской культуры".

На секции "Эпоха раннего средневековья" рассматривались проблемы культурогенеза, миграций и культурных отношений в I–II тыс. н.э. Так, *И.Л. Кызласов* (Москва) в докладе "Раннесредневековые личные тамги и надписи на скалах Саяно-Алтая" проанализировал многочисленные тамги раннего средневековья и пришел к выводу о существовании нескольких типов тамг, некоторые из них можно отнести к категории личных. *Л.Р. Кызласов* (Москва) в докладе "Манихейское мировоззрение и раннесредневековые археологические памятники" приводит данные о существовании 12 манихейских храмовых комплексов на территории Среднего Енисея в VIII–XIII веках н.э., что свидетельствует о проникновении этой идеологии в регион. Большой интерес вызвал доклад *М. Эрди* (Нью-Йорк, США) "Три линии связей между археологией сюнну и гуннами", где приводятся новые данные о миграции хунну на запад, в Восточную и Центральную Европу. Остальные доклады были посвящены отдельным аспектам развития культур средневековых кочевников. Так, *Ф.К. Джигунова* (Майкоп) в докладе "К вопросу об этнической принадлежности раннесредневековых погребений с сожжениями в Западном Предкавказье" пришла к выводу о проникновении в этот регион групп кочевого тюркского либо смешанного угро-тюркского населения. В своем докладе *Е.Л. Козаков* (Казань), на основе тщательного анализа археологических источников рассмотрел типологию и хронологию турбаслинско-именьковских и кушнаренковских древностей Урало-Поволжьских VI–IX в.н.э. *А.И. Торгоев* (Бишкек) в докладе "О хронологии наременных украшений Семиречья" наметил несколько этапов формирования поясной гарнитуры и выявил их локальные варианты. *Э.Б. Вадецкая, Л.С. Гавриленко* (Санкт-Петербург) в докладе "Технология масок из таштыкских склепов под горой Тепсей" продемонстрировали возможности более тщательного изучения технологии создания масок, позволяющие выявлять сложные аспекты их моделирования. *В.В. Горбунов, А.А. Тишкин* (Барнаул) в докладе "Археологические культуры Алтая эпохи средневековья" продемонстрировали единую схему поэтапного развития археологических культур указанного периода истории. *В. Клейн* (Бонн, Германия) в докладе "Значение ислама в Караханидской Империи" показал возможности различных источников, в том числе и картографических, для более объективного понимания средневековой истории в различных регионах. *Б.Б. Овчинникова* (Екатеринбург) на основе анализа костяных изделий Центральной Азии показала многообразие сюжетов и техники исполнения, тувинских образцов древних тюрков. *Л.Н. Ермоленко* (Кемерово) в докладе "Могли ли раскрашиваться древнетюркские изваяния?" убедительно доказала, что эти памятники монументальной скульптуры раскрашивались и различными красками дополнялись недостающие детали.

На секции "Мультидисциплинарные исследования и антропология" поднимались проблемы хронологии отдельных памятников и целых этапов на основе применения методов естественных наук (радиоуглеродного и дендрохронологического методов, спектральный анализ и т.п.), а также новейших антропологических исследований. В своем докладе "К проблеме хронологии раннетагарских памятников Енисея" *Н.А. Боковенко, Г.И. Зайцева, Б. Ван Гил, Л.Л. Лебедева, А.А. Семенцов* (Санкт-Петербург; Амстердам, Нидерланды) привели новые радиоуглеродные даты из раннетагарских курганов, которые сопоставлялись ими с материалом и датами "царского" кургана Аржан в Туве, что в совокупности позволяет удревнить начало формирования тагарской культуры до конца X – начала IX вв. до н.э. Также авторами обозначен особый период IX–VIII вв. до н.э., в который происходили существенные климатические изменения, видимо, обусловившие культурно-хозяйственные трансформации. Уточнению хронологии памятников Центральной Азии посвящен доклад *С.С. Васильева, И.Ю. Слюсаренко, К.В. Чугунова* (Санкт-Петербург, Новосибирск) "Актуальные вопросы хронологии скифского времени Саяно-Алтая", в котором приведены новые абсолютные даты для ряда памятников Тувы и Алтая, полученные методом перекрестного датирования с использованием математической статистики, которые позволяют, по их мнению, по-новому рассмотреть культурно-исторические процессы в регионе во второй пол. I тыс. до н.э. *С.В. Хаврин* (Санкт-Петербург) в своем докладе привел результаты анализа металла кургана Аржан и скифских памятников Тувы, которые позволяют проследить локальные закономерности металлообработки Саяно-Алтая. Так, например, если для изделий из лугавских, раннетагарских, Аржана и саглынских памятников характерны предметы из меди, то для алды-бельских и сарагашенских – изделия из оловянистой бронзы, что позволяет по-новому рассмотреть направление культурных связей и культурных взаимодействий. Новейшим антропологическим исследованиям посвящены доклады *Н.И. Лазаретовой* (Санкт-Петербург) "Население подгорновского этапа тагарской культуры по данным остеометрии" и *А.В. Громова* (Санкт-Петербург) "К вопросу об антропологическом составе и происхождении тесинского населения юга Хакасии", которые позволяют более полно и объективно осмыслить этнические процессы в эти эпохи. Так, по данным Н.И. Лазаретовой, внутри подгорновских групп наблюдается тенденция к изменению длинотных размеров посткраниального скелета в направлении с юга на север. Люди из северных памятников оказались наиболее низкорослыми, а мужчины из южных памятников –

самыми высокими. А.В. Громов по данным краниологического анализа определил, что тесинцы все же являются европеоидным населением в общей массе и погребенные из грунтовых могил близки населению из более ранних тагарских могильников и, видимо, генетически с ними связаны.

В дискуссии обсуждались в основном проблемы хронологии, связанные с применением новых методов датирования. Я.А. Шер указал на необходимость еще раз проверить старые даты и выработать единую методику датирования. Этой же точки зрения придерживается Г.И. Зайцева, отметившая большие достижения в этой области в мире, она подтвердила, что радиоуглеродная лаборатория ИИМК РАН работает по самым современным методикам и в содружестве с археологами. И.П. Лазаретов, наоборот, усомнился в достоверности некоторых радиоуглеродных дат для памятников начала I тыс. до н.э., так как они противоречат, по его мнению, китайской хронологии. К комплексному подходу анализа археологического материала призвали также Л.Т. Яблонский, В.А. Завьялов, Н.П. Матвеева и Н.А. Боковенко.

Большое внимание привлекла работа секции культурогенеза. В докладе *Д.А. Мачинского* (Санкт-Петербург) «Новое о древнем сакральном пути Евразии и о взаимосвязи афанасьевской культуры и стел с "трехглазыми ликами"» развивалась оригинальная гипотеза о энеолитическом происхождении некоторых "окуневских" изображений и сложной семантической сущности этих сюжетов, наиболее близких, по его мнению, ведическим канонам Индии. Остальные доклады посвящены этническим процессам кочевников в различные периоды. *И.П. Засецкая, И.Р. Ахмедов, М. Казанский* (Санкт-Петербург, Москва, Париж) в докладе "Степи Восточной Европы в постгунское время" обрисовали картину формирования культур в этом регионе в этот сложный период. *Л.Н. Корякова* (Екатеринбург) в докладе "Культуры на северной периферии кочевого мира" привела динамику развития культур Приуралья, наглядно показав направление этнокультурных связей в I тыс. до н.э. *В.А. Семенов* (Санкт-Петербург) в докладе "Генезис аборигенов-оленеводов Северо-Востока Саяно-Алтайского нагорья" привел данные по ряду культур этого региона и пришел к выводу, что начало этносам Нового Света дали далекие предки тувинцев и бурят, некогда заселявшие территорию Южной и Восточной Сибири. Доклад *К.В. Чугунова* (Санкт-Петербург) "Раскопки кургана Аржан-II" был посвящен новейшим открытиям непотревоженного "царского" комплекса в Туве, в котором обнаружены уникальные ювелирные украшения, оружие и другие предметы, свидетельствующие о высоком статусе погребенных.

В завершении конференции состоялся Круглый стол, на котором обсуждались актуальные проблемы археологии Евразии. Основной проблемой, привлекшей повышенный интерес участников, стала проблема радиоуглеродного датирования и соответствие полученных данных традиционным представлениям. Были выслушаны выступления Д.Г. Савинова, Н.А. Боковенко, Б.А. Шишло, Н.П. Матвеевой, Л.С. Марсодолова, Г.И. Зайцевой, Л.Р. Кызласова, А.Ю. Алексеева, которые призвали к осторожному использованию археологических источников для различных интерпретаций и отметили необходимость выработки комплексных методик для их анализа с учетом новейших достижений мировой археологии.

Материалы конференции опубликованы в двухтомном издании "Степи Евразии в древности и средневековье". К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 2002.

Институт истории материальной
культуры РАН, Санкт-Петербург

Н.А. Боковенко,
М.Н. Пшеницына

ПЯТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС "Archaeological Prospection" (Краков, 2003)

В последние годы неуклонно возрастает интерес к применению новых технологий в полевой археологической работе. Использование аэрофотосъемки, космоснимков, геофизическое обследование памятников в сочетании с новейшими компьютерными программами позволяет интенсивнее изучать археологические древности, не прибегая к широкомасштабным раскопкам, что сейчас весьма актуально при современном полевом исследовании.

Объединению усилий археологов и геофизиков в данной области был посвящен Пятый Международный конгресс "Archaeological Prospection", состоявшийся в Кракове 11–14 сентября 2003 г. В нем приняли участие около сотни специалистов из Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Италии, Канады, Китая, Мексики, Нидерландов, Норвегии, Польши, России, Словакии, США, Турции, Франции, Чехии, Швейцарии, Японии. Конгресс был организован Институтом археологии и этнологии Польской академии наук. Оргкомитет возглавлялся Т. Хербичем и К. Минсиевичем при участии Р. Жуковского и П. Гана. В Международный совет Оргкомитета входили Й. Фассбиндер (Германия) и А. Шмидт (Великобритания).

Работа конгресса проходила в здании Польской академии искусств и наук. Она была открыта утром 11 сентября в актовом зале этого старейшего научного учреждения Польши с выступления его президента – академика ПАИН А. Биаласа. Он подчеркнул важность применения в археологии современных достижений физики, позволяющих достичь новых результатов в работе археологов. Далее с приветственным словом к участникам конгресса обратился директор Института археологии и этнологии ПАН Р. Шильд, который рассказал о прогрессе, произошедшем в применении геофизических методов в археологии за последние 20 лет.

Пленарный доклад "Археологические изыскания: мечты и реальность" был сделан *А. Хессом* (Франция). Докладчик рассказал об истории использования достижений геофизики в полевой археологической практике, насчитывающей уже более 50 лет. Особый интерес доклада заключался в личных воспоминаниях его автора о многих исследователях, стоявших у истоков применения геофизических методов в Европе. В заключение своего выступления автор призвал слушателей рассматривать геофизические методы в археологии как один из важных инструментов при анализе древностей, который, однако, не в состоянии заменить собственно археологические методы работы.

Всего за время работы конгресса было сделано 45 устных докладов, которые относились к нескольким секциям.

Каждая секция сопровождалась серией стендовых докладов (постеров), общее число которых было около двадцати пяти.

Первый день работы конгресса был целиком посвящен секции "Археологические изыскания в странах Ближнего Востока", начало которой проходило под председательством В. Нейербауэра (Австрия). Были заслушаны доклады *Б. Вахалы* и *Я. Прохазки* (Чехия) "Исследования в Египте", Т. Хербича (Польша) "Археологическая геофизика в Египте – новые результаты", *Р. Криванека* и *М. Барты* (Чехия) "Геофизические изыскания в Южном Абусире, Египет, 2002 г." и *С. Парсак* (Великобритания) "Новые методы для выявления археологических памятников в Египте с использованием данных дистанционного зондирования: на примере Синая и Дельты". Первый доклад освещал деятельность Чешской археологической миссии в Египте, вторые два доклада были посвящены применению магнитной разведки для выявления археологических объектов и уточнения планиграфии памятников без широкомасштабных раскопок. Исследование С. Парсак базировалось на методах автоматической классификации при обработке космоснимков для выделения археологических объектов на Синайском полуострове и в дельте Нила.

Работу второй части секции вел Б. Вахала (Чехия). В ней был заслушан доклад *К. Пеетерса* (Бельгия) совместно с *Т. Хербичем* (Польша) "Результаты магнитного обследования в Дейр Ал-Барше, Средний Египет", демонстрирующий высокую точность магниторазведки при исследовании шахтовых гробниц эпохи Среднего Царства. Весьма интересным был доклад *К. Лёкера* (Австрия), подготовленный вместе с *А. Эдер-Хинтерлейтнером*, *В. Нейербауэром* и *С. Сереном* "Геофизическое обследование Верхнего города в Эфесе". Авторы применили комплексный подход в изучении древнего Эфеса, при котором сочетались возможности аэрофотосъемки, ГИС, магнитной и георадарной разведки, а также последующего компьютерного моделирования. В результате проведенной работы с высокой долей вероятности восстановлена планиграфия Верхнего города, подтвержденная тестовыми раскопками.

Далее прозвучал доклад *К. Хамильтона* и *А. Шмидта* (Великобритания) «Комплексный археолого-геофизический прогноз городского поселения "коричневых полей" Бенгази в Ливии». *М. Шнурр* (США) представил совместный доклад с *Я. Кьюитом* и *У. Финлайсоном* «Геомагнитное исследование поселения докерамического неолита "А" Дхра в Иордании», а *М. Драхор* (Турция) – доклад с *Г. Гёктюклером* "Широкомасштабная магнитная и электроразведка на археологическом памятнике Бургаз в Турции". Докладчиками были продемонстрированы преимущества сочетания магнитного обследования с электроразведкой при изучении разных по типу памятников Ближнего Востока.

Заключительное заседание секции проходило под председательством Й. Фассбиндера (Германия). Четыре доклада, прозвучавшие на секции, были посвящены археологическим изысканиям в Сирии. *К. Майер* (Германия) сделал совместный доклад с *Б. Ульрихом* "Изучение теллей: опыт работ в Северной Сирии". Авторы применяли комплексные методы (ГИС, магнитную и георадарную разведку, компьютерную визуализацию) при изучении разных по времени и структуре теллей. *К. Бенеш* (Франция) в докладе "Изучение планиграфии античного города геофизическими методами на примере Дура-Эвропос в Сирии" представил результаты магнитного обследования участка города с последующей реконструкцией его плана целиком, показав бóльшую интенсивность геофизических методов перед раскопками. Преимущества магнитной разведки показаны в следующих двух докладах: "Исследование с помощью магнитометра раннеисламского города Хараб Сайяр в Северной Сирии в 2002 г.", сделанный *М. Поссе* (Франция), и "Геомагнитные изыскания раннебронзового города Туттул–Телль Бийя в Сирии", который представил *Т. Голдман* (Германия) совместно с *К. Кольмаейром*, *М. Марианoвым* и *Б. Кутшаном*.

12 сентября, на второй день работы конгресса, утреннее заседание началось с секции "Интерпретация и представление данных" под председательством А. Дэвида (Великобритания). Было заслушано пять докладов. Первым прозвучало выступление *М. Донеуса* (Австрия) "Аэро-археологические изыскания на поселении эпохи викингов в Хайтабу", в котором автор продемонстрировал высокий потенциал изучения вертикальной аэрофотосъемки, сравнив полученную информацию о памятнике с данными его геофизического обследования. Доклад *Й. Фассбиндера* (Германия), подготовленный совместно с немецкими (*В. Эбнер* и *Й. Лихтенауэр*) и китайскими (*Кин Жаоминь*, *Янг Баолян*, *Лянь Цяокинь*, *Янь Тианмин*, *Жао Кянь* и *Ки Янь*) коллегами, под названием «Магнитометрия в Жаолуни, в "Азиатском Центральном Банке" династии Хан, провинция Шааньхи, Китай», был посвящен широкомасштабной магниторазведке, позволившей получить план императорского монетного двора династии Хан, который был проверен с помощью тестовых раскопок.

В докладе *Д. Монна* (Италия) совместно с *Р. Габриелли*, *Т. Юлияно*, *П. Маурьело* и *Д. Пелозо* "Вклад в археологические изыскания. Примеры электроразведки в Средиземноморском регионе" речь шла о геофизическом обследовании в Остии, Кумах и Пиргосе, позволившем получить данные по планиграфии этих памятников. Комплексный подход в изучении концентрических рвов эпохи неолита был продемонстрирован в докладе *И. Кузьмы* (Словакия) "Три новые концентрические ограды из Словакии", подготовленном совместно с *Я. Трипаком*. Авторы очень удачно сочетают применение аэрофотосъемки, магнитометрии, ГИС и компьютерной визуализации в изучении этих интереснейших памятников Центральной Европы. Последний доклад в этой секции "Комплексное использование цезиевого магнитометра и градиометра для увеличения полученной информации и археологической интерпретации: примеры полевого обследования в Соединенном Королевстве" был подготовлен *П. Линфордом* (Великобритания). Он был посвящен сравнению результатов магнитных разведок, проведенных на нескольких памятниках с помощью разных моделей приборов. Подробно рассматривались возможности дешифровки геофизических данных для ее дальнейшей интерпретации.

Следующую секцию "Комплексный подход в изысканиях" под председательством К. Гаффни (Великобритания) открыл доклад *А. Белинского* и *С. Меркулова* (Россия) «Использование современных технологий в археологических изысканиях: опыт ГУП "Наследие"». Авторами был подготовлен фильм, демонстрирующий все этапы современных охранных работ, практикующихся в Ставропольском крае и включающих в себя обработку аэрофото- и космоснимков, ГИС, георадарное обследование и компьютерную трехмерную визуализацию полученных в результате раскопок данных. *П. Читхэм* (Великобритания) представил совместный доклад с *Т. Дарвиллом*, *Р. Дунаном* и *Б. Рассел* "Показательные ландшафты острова Мэн", в котором продемонстрировал результаты широкомасштабных археологических изысканий Бормутского университета на острове. *С. Пиро* (Италия) представил результаты работ, полученные совместно с коллегами из Великобритании (В. Гаффни), Италии (Х. Паттерсон) и Японии (Д. Гудман и Й. Нишимура). В их докладе "Многомерный подход в изучении и характеристике поселения Форум Новум (Весковью, Италия)" речь шла об изучении планиграфии этого памятника римского и раннесредневекового времени с помощью георадарной, магнитной и электроразведки, давших хорошие результаты.

Доклад *Дж. Гэйла, П. Читхэма* и *С. Барроу* (Великобритания) "Проект по изучению ритуальных ландшафтов с помощью геофизического обследования на памятниках эпохи неолита и раннего бронзового века в Ноултоне" был посвящен выявлению и изучению древних святилищ – хэнджей и их окружения в долине Аллен в Дорсете, которые проводились с использованием аэрофотосъемки и геофизических изысканий. *Ж.М. Майо* (Канада) представил совместный доклад с *Д.Л. Чиоботару* (Румыния) и *И. Моравецом* (Канада) "Исследования магнитного и электрического сигналов, отраженных от археологических структур ранненеолитического поселения Мовила луи Дечьов в Банате в Румынии", посвященный сравнению результатов электромагнитной, магнитомерной и электрической разведки при выявлении границ и исследовании стратиграфии памятника культуры Старчево-Кёреш-Криш. Завершил работу секции доклад *Дж. Пекерта* (США) "Радиолокация в Голливуде", который рассказал об опыте применения георадара при недеструктивном изучении ритуального комплекса Голливуд на северо-западе штата Миссисипи.

На заседании секции "Обработка и представление результатов изысканий" под председательством Й. Лекебуша (Швейцария) первым выступил *Т. Ако* (Япония). Он представил совместный доклад с *Х. Камей, Й. Йоцуя* и *М. Окита* «Применение эффекта "трехмерной миграции" при георадарном обследовании памятника Тенпаку в провинции Мие в Японии», который был посвящен специальным процедурам коррекции данных георадарного обследования с целью получения автоматической классификации выявленных объектов. *Б. Цикграф* сделал доклад "Магнитометрическое исследование кельтских соляных разработок в долине реки Сейль (Мозель, Франция) и применение трехмерного представления магнитных аномалий", подготовленный совместно с *Н. Бутманном* (Германия) и *Б. Виртцем* (Франция). Впечатляющих результатов удалось добиться авторам данного проекта, применившим магнитометрическую разведку сначала на макроуровне – с помощью самолета – для выявления залежей солесодержащих пород, а затем на микроуровне – при обследовании участка древних соляных выработок, на которых располагались в большом количестве специальные глиняные печи для выпаривания соли, относящиеся к эпохе раннего железного века.

С. Пиро и *М. Капанна* (Италия) выступили с докладом "Обнаружение и характеристика магнитных тел, найденных при археологических изысканиях, с помощью двумерной кросс-корреляции", в котором основное внимание уделялось созданию специальной базы данных по магнитным свойствам разнообразных объектов, найденных при раскопках, для корректировки последующих магнитометрических исследований на памятниках археологии. Последний доклад в этой секции был сделан *Д. Гудманом* (Япония) совместно с *Й. Нишимура* и *Х. Хонго*: "Горизонтальный срез в археологических изысканиях". Авторы показали работу своей компьютерной программы обработки данных георадарной разведки, ее результаты в виде двумерных и трехмерных планов, максимально приближенных к исходному рельефу местности, благодаря использованию процедуры топографической коррекции.

Заседание конгресса 13 сентября началось с секции "ГИС и изыскания" под председательством Д. Монна (Италия). Первым был заслушан доклад *Д. Коробова* (Россия) "Изучение земледельческих террас на Юге России", в котором автор представил результаты компьютерного картографирования и изучения с помощью пространственного анализа ГИС остатков террасного земледелия в Кисловодской котловине. *К. Лёкер* (Австрия) показал результаты проекта по изучению сооружений раннего неолита, проделанного с помощью аэрофотосъемки, магнитометрии и ГИС, в докладе "Ранненеолитическое монументальное ограждение Вейнштайг-Гроссруссбах" (подготовлен совместно с *В. Нейербауэром, М. Донеусом и А. Эдер-Хинтерлейтнером*). Интересные результаты интерпретации данных магниторазведки с помощью пространственного анализа методами ГИС показал *В. Нейербауэр* (Австрия) в совместном докладе с А. *Эдер-Хинтерлейтнером* и *С. Сереном* (Австрия), а также *Х. Бекером* и *Й. Фассбиндером* (Германия) "Магнитная разведка поселения эпохи викингов Хайтабу в Германии". Последним в секции был сделан доклад *А. Табба* (Франция) в соавторстве с *Ж. Тьессоном* и *Э. Марме* "Первый сравнительный тест картографирования магнитной вязкости и магнитной восприимчивости". Авторы показали сравнительные материалы с планами археологических памятников, сделанными с помощью разных методов магнитометрии.

Далее были заслушаны сообщения в рамках секции "Интерпретация и представление данных" (председатель А. Табба (Франция), открытой докладом *К. Минсиевича* (Польша) и *К. Маковски* (Перу) "Геофизическое обследование могильника Таблада де Лурин в Перу". В докладе представлены результаты электроразведки, позволившей обследовать большие участки могильника и выявить без археологических раскопок разнообразные новые сооружения, а также определить состояние уже известных. *А. Пореба* (Польша) совместно с *Б. Жогала, К. Климеком, М. Ланьчот* и *И. Ногай-Чачай* показал результаты электромагнитного обследования курганных памятников в Польше в докладе "Применение электромагнитного профилирования в археологии на примере курганного могильника Цешачин Велки в Польше". *Н. Шлейфер* (Австрия) и *А. Веллер* (Германия) подготовили доклад "Использование индуцированной поляризации для картографирования деревянных мостовых". Авторы проделали интересную работу по сравнению сопротивления у разных пород дерева, найденного при археологических раскопках, что позволило им с высокой вероятностью определять деревянные конструкции (мостовые) с помощью электроразведки.

А. Шмидт (Великобритания) сделал доклад "Потерянная деревня Тидовер – исследование магнитной восприимчивости как часть стратегии последовательного изыскания". В нем он показал сочетание магнитной разведки с последующей обработкой данных с помощью процедуры построения полигонов Вороного для представления результатов. *К. Швейцер* (Германия) в докладе "Вклад в археологические изыскания в Нижней Саксонии в Германии, иллюстрированный некоторыми новыми геофизическими обследованиями" сообщил о первых результатах геофизического обследования памятников археологии в сочетании с имеющимися данными по полевому обследованию и аэрофотосъемки этого региона Германии. *С. Винтерботтом* (Великобритания) совместно с *Т. Доусоном* сделала доклад "Использование многоспектральных данных дистанционного аэрозондирования для обнаружения археологических памятников в песках Внутренних Гибридских островов Шотландии". Авторы показали широкие возможности изучения аэрофотосъемки, сделанной в разных спектральных зонах, для мониторинга археологических объектов.

Секция "Обработка и представление результатов изысканий" (председатель Д. Гудман, Япония) началась с доклада *П. Хемтави* (Япония), подготовленного совместно с *Х. Ватанабе* и *Х. Камей*, "Топографическая коррекция при компенсации изменений в представлении земной поверхности в георадарном изображении при применении F-k-"миграций". Специфические математические процедуры, применяемые

авторами доклада, позволяют добиться бóльшей точности при представлении результатов георадарного обследования памятников в виде трехмерных и плоскостных моделей. *Й. Лекебуш* (Швейцария) в докладе "Использование антенных шкал при георадарном обследовании в археологии" привел примеры одновременного использования разных антенн для ускорения процесса георадарной разведки. Доклад *Н. Линфорда* (Великобритания) "От гипокауста к гиперболе: георадарные исследования основных римских памятников в Соединенном Королевстве" был посвящен изучению влияния воды на римские мозаики в Бигноре, а также выявлению остатков амфитеатра в замке Ричборою. *К. Кармиччияно* (Италия) совместно с *Ф. Чаратори Тонтини*, *М. Чиминале*, *О. Фациони* и *С. Монти* подготовил выступление "Морская геомагнетическая высокоточная метрология: возможности археологического применения", в котором продемонстрировал результаты геофизического обследования морских акваторий, проводимого с судна в кинематическом режиме, при котором были обнаружены остатки затонувших судов у восточного побережья Лигурийского моря.

"Отдача от археологии" – так называлась следующая секция конгресса, проводившаяся под председательством А. Шмидта (Великобритания). Доклады, сделанные на секции, были посвящены в основном использованию специальных технологий при охранных археологических мероприятиях. *М. Поссельт* и *Н. Шлейфер* (Австрия) совместно с *Н. Фролихом* (Германия) в докладе «Раскопки в "слепой" манере. Магнитометрическое исследование, раскопки и измерения магнитной восприимчивости многослойного памятника Бад Хомбург в Германии» рассказали о результатах, полученных при геофизическом исследовании сложного памятника, при котором на основании уже имеющихся данных можно реконструировать его планиграфию, относящуюся к разным эпохам, не прибегая к археологическим раскопкам. *К. Гаффни* (Великобритания) представил доклад, подготовленный совместно с *Дж. Гайтером* – "Зачем сканировать, когда можно сделать детальное обследование?", в котором речь шла об организации разведки с использованием геофизики на участке строящегося нефтепровода. *Я. Нишимура* (Япония) сделал доклад "Георадарное исследование по выявлению свайных жилищ: два примера разведки по идентификации низкоконтрастных почвенных структур", в котором автор показал высокий потенциал георадарных исследований при проведении широкомасштабных охранных раскопок. Последним выступавшим стал *Р.В. Вернон* (Великобритания), представивший доклад "Геофизическая оценка железообрабатывающего комплекса Маерс Вуд возле Хаддерсфилда в Англии: фикция или факт?", подготовленный совместно с *Дж. Макдоннелом*, *А. Шмидтом*, *А. Пауэлл*, *Э. Годфри* и *Б. Спенсем*. В нем шла речь о методах обнаружения железоплавильных печей с помощью градиометра.

Завершило работу конгресса общее собрание участников, на котором было образовано Международное общество археологических изысканий (International Society for Archaeological Prospection – ISAP). С предложением об уставе общества, его организаторах, членских взносах, порядке работы выступил А. Шмидт (Великобритания). Он обозначил основные цели создаваемой организации: объединение усилий специалистов, работающих в этом направлении, организация и проведение совместных конференций и симпозиумов, усиление контактов как профессиональных археологов и геофизиков, так и студентов и аспирантов, организация обмена информацией и печатной продукцией. Подавляющим большинством участников собрания были приняты устав и список оргкомитета. В него вошли Й. Фассбиндер (Германия) – председатель, К. Гаффни (Великобритания) – заместитель председателя, А. Шмидт (Великобритания) – почетный секретарь, С. Пиро (Италия) – секретарь по организации следующей конференции; Т. Хербич (Польша) – заместитель конференц-секретаря; А. Роузвеар (Великобритания) – редактор; Р. Вернон (Великобритания) – аудитор. В общество вступили большинство принимавших участие в конгрессе. Следующий конгресс решено провести в Сиене (Италия) в 2005 г.

В последний день работы конгресса ее организаторами были устроены экскурсия в соляные копи в городе Величка, а также посещение раскопанных гончарных мастерских пшеворской культуры в Зофиполе, которые были обнаружены в результате геомагнитной разведки, проведенной в 1996–1997 гг. Т. Хербичем.

Завершилась работа конференции в филиале Института археологии и этнологии ПАН в Иголомье, где были осмотрены помещения усадьбы XIX в., ныне используемой в качестве археологических лабораторий и хранилища коллекций. Хочется выразить искреннюю благодарность всем организаторам конгресса за прекрасно проведенное мероприятие и хорошо изданные тезисы докладов, вышедшие в качестве отдельного номера англоязычного журнала "Польская археология" (Archaeological Prospection // Archaeologia Polona / Ed. T. Herbich. 2003. V. 41).

Институт археологии РАН,
Москва

Д.С. Коробов

7-е ЕВРОПЕЙСКОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКЕ (Лиссабон, 2003)

Идея проведения специальных совещаний по проблемам изучения древней керамики была впервые высказана профессором Римского университета Одино Грубесси. По его инициативе в 1991 г. в Риме была организована рабочая группа и проведено первое такое совещание. По мысли организаторов, основной целью этих встреч должно было стать объединение усилий археологов и специалистов по археометрии в деле изучения древней керамики. На этой встрече следующее совещание было решено провести в Барселоне (Испания) в 1993 г. и именно там эти совещания получили название EMAC (European Meeting on Ancient Ceramics). С тех пор Европейские совещания по проблемам изучения древней керамики проводятся поочередно в разных странах Европы один раз в два года. Третье совещание было проведено в 1995 г. в Риччионе (Италия), четвертое – в 1997 г. в Андорре (Андорра), пятое – в 1999 г. в Афинах (Греция), шестое – в 2001 г. во Фрибурге (Швейцария) и, наконец, седьмое – в Лиссабоне (Португалия) с 27 по 31 октября 2003 г.[1]

[1] Выражаю глубокую признательность профессору Марио Вендреллу (Барселона) за любезно предоставленную информацию о первых совещаниях EMAC.

Организатором этого последнего совещания выступил Институт ядерных исследований в Лиссабоне при самом активном участии и поддержке Фонда и Музея Галусты Гулбенкяна, Института археологии Португалии и целого ряда других организаций. Огромная работа по подготовке и проведению Совещания была выполнена членами его Организационного комитета – сотрудниками Института ядерной технологии – П.М. Изабель, Д.М. Изабель и У.Дж. Карлосом. В Научный комитет Европейского совещания входили 11 исследователей из 8 стран: Л. Апполониа (Италия), Р. Чапули (Франция), Р.М. Дай (Великобритания), М. Маджжетти (Швейцария), Я. Маниатис (Греция), Дж. Перец-Арунтегу (Испания), Ф. Роша (Португалия), Г. Шнайдер (Германия), М.А. Секуейра-Брага (Португалия), М.С. Тайт (Великобритания) и М. Вендрелл (Испания).

Темой 7-го Европейского совещания было "Изучение человеческого общества через призму его керамики". Научным комитетом были предложены пять основных направлений, по которым и группировались темы представленных докладов:

1. Характеристика материальной культуры, технологии и организации гончарного производства, его развитие в пространстве и во времени, изучение стратегии использования исходного сырья;

2. Датирование керамики;

3. Роль керамических материалов в металлургии;

4. Антропологические подходы к изучению социальной роли древних гончаров;

5. Роль этноархеологии в изучении древней керамики.

В общей сложности на конференции было представлено 92 доклада, в том числе 50 – стендовых и 42 – устных. В совещании принимали непосредственное участие около 100 исследователей из 20 стран, причем, только 14 из них – европейских. Наиболее широко были представлены исследователи из Португалии (23), Италии (16), Испании (11), Франции (10), Германии (7), Англии (6) и Греции (5). Австрию, Швейцарию и Иран представляли по 3, Венгрию, Польшу, США по 2, а Финляндию, Россию, Румынию, Турцию, Иорданию, Канаду и Австралию – по одному исследователю.

Распределение докладов по направлениям было крайне неравномерным. Наиболее широко оказалось представлено первое направление (84 доклада), связанное с непосредственным изучением вещественных остатков гончарного производства и их пространственно-временных особенностей. Второе и третье направления включали по три доклада, четвертое направление исследований вообще не было представлено и, наконец, к пятому направлению было отнесено два доклада. Хронологически доклады охватывали период от неолита до позднего средневековья.

Рассмотрим более подробно проблематику исследований в области изучения древней керамики в рамках каждого из направлений.

Среди докладов, отнесенных к первому направлению, наиболее широко было представлено изучение двух взаимосвязанных тем, каждой из которых в той или иной степени было посвящено около 30 докладов. Это, во-первых, изучение так называемых "керамических провинций" и более узко – мест производства того или иного вида керамических изделий и, во-вторых, изу- ие химического и минералогического состава керамического теста (формовочной массы) и использовавшихся древними мастерами природных глин и их особенностей. Несколько меньшее внимание было уделено изучению состава глазурей (около 13 докладов), функционального назначения сосудов (около 8 докладов), а также исследованию температуры и режимов обжига (2 доклада). Отдельные доклады касались истории гончарных печей, горнов, мастерских, использования гончарного круга и целого ряда других вопросов.

При исследовании этих вопросов европейские исследователи широко используют методы естественных наук как традиционные (петрографический), так и более современные, связанные с применением рентгеновского эмиссионного и флюоресцентного анализов, плазменной масс-спектроскопии и т.п.

Важно отметить, однако, что, судя по тематике докладов, среди западных специалистов по истории древней керамики распространено несколько зауженное понимание содержания понятий "гончарное производство" и "гончарная технология". Хотя эти слова обычно выносятся в название доклада, речь идет в нем в большинстве случаев именно об изучении состава формовочной массы и глины, а также температуры и некоторых особенностей режимов обжига. Крайне редко рассматриваются вопросы об отделении естественных примесей от примесей, специально введенных в глину мастером, и еще реже предметом внимания становятся приемы непосредственного конструирования глиняной посуды.

Второму направлению (методам датирования древней керамики) было посвящено всего три доклада, где рассматривались современные возможности археомагнитного и термолюминисцентного (TL) методов, а также усовершенствованного оптического стимулированного люминисцентного (OSL) метода.

Использованию керамических материалов в древней металлургии (третье направление) также было посвящено три доклада. В них рассматривались отдельные вопросы использования технической керамики в металлургии эпохи раннего железного века в Иордании и эпохи Реннесанса в Европе, и, кроме того, керамики из огнеупорной глины в меднолитейном производстве на Кипре (copper smelting technology).

Четвертое направление (изучение социальной роли древних гончаров) вообще не было представлено на конференции, а пятому направлению (роли этноархеологии гончарства) было посвящено только два доклада. В одном – рассматривалось современное гончарство одной из групп населения Мексики, а в другом – автор анализировал возможности использования этнографических данных о гончарстве для более глубокого понимания древней гончарной технологии Южной и Юго-восточной Европы.

Вполне очевидно, что охарактеризованное выше соотношение представленных на Совещании докладов в большой мере отражает современное распределение интересов западноевропейских исследователей в изучении древней керамики и гончарного производства в целом. Разрабатываемые за рубежом подходы значительно отличаются от тех, которые используют в своей работе российские исследователи. Это связано не только со значительно более скромными техническими возможностями отечественных исследователей, но и с принципиально иными методологическими подходами к самим изучаемым проблемам. Именно эти обстоятельства обусловливают необходимость тесного и плодотворного сотрудничества между российскими специалистами по древней керамике и их европейскими коллегами.

Следующее, 8-е Европейское Совещание по проблемам изучения древней керамики планируется провести в Лионе (Франция) в 2005 г.

Институт археологии РАН,
Москва

Ю.Б. Цетлин